

Дружба народов

8/2025

**«Дружба народов» —
пути и горизонты**

В номере:

Достоинство обязывающего имени

В минувшем году «Дружба народов» отметила 85-летие. Мы обратились к авторам из России, соседних и далёких стран с предложением обсудить место и роль журнала в современной культуре и в их личной творческой судьбе, вместе подумать о перспективных направлениях его развития.

«Дружба народов» давно уже больше, чем литературный ежемесячник: это тот самый «островок дружелюбия в океане вражды», о котором напоминает писатель из Казахстана Николай Верёвочкин. С 1939 года мы не просто печатаем тексты — мы защищаем возможность и право разных голосов живого многоязычного пространства звучать на общем русском языке.

В эпоху «бесконтрольной интернетной литературы», — отмечает поэт Ефим Бершин, — без громких заявлений, полагаясь на профессиональный отбор и редакторскую школу, журнал связывает берега культурного пространства русского мира.

«Дружба народов» — заметный участник текущего литпроцесса, проза, стихи, литературная критика, опубликованные на её страницах, отмечены престижными премиями. Мы гордимся и обратной связью с читателями. Приятно, когда номера в библиотеках читают в очередь. Когда сельская библиотека в Республике Коми просит подписку, потому что «бабушки зачитали старые номера до дыр» (а теперь, благодаря нашему автору, писателю Анатолию Валеvскому, эта библиотека получает «Дружбу...»). Мы понимаем: бумажная тяжесть журнала всё ещё весомее виртуальных лайков.

На страницах «Дружбы народов» встречаются доверие авторов и интерес читателей. Нас объединяет убеждённость, что «все камни давно разбросаны, наступает время их собирать» — собирать вместе таланты, людей, как говорили раньше, «доброй воли», без деления на своих и чужих, столицы и провинцию, «патриотов» и «либералов». Пока сердца пишущих и читающих бьются в унисон, журнал будет жить, расти и делать своё главное дело — давать литературам разных народов общую крышу и общее небо.

«От света остаётся боль»

В гражданской лирике Ивана ВОЛОСЮКА много тёплых строк о Екатеринбурге и о доме на родном Донбассе, о колыбельной матери, отправляющей сына «на Отечественую, Германскую, / на слияние двух миров» и о земляках («только в плане небесной механики / местным жителям повезло»). Стихи Станислава МИНАКОВА «Сашкин лес» — исполненная смирения и любви молитва родителей о погибшем сыне: «постичь не значит превозмочь / над твёрдью остаётся твердь / у жизни остаётся дочь / у сына остаётся смерть».

В рубрике «Другая оптика» — первая часть поэмы поэта из Бурятии, пишущего на русском языке, Амарсаны УЛЗЫТУЕВА «В Индию духа купить билет». Продолжение этой масштабной фантазмагии выйдет одновременно в августовском номере журнала «Урал»: любопытный и едва ли не исключительный опыт совместной публикации поэтического текста в двух журналах.

Трифонов 100+

«... Тридцать первого декабря, когда все сидели утром за завтраком в столовой, в бабушкиной комнате раздался внезапно оглушительный грохот. ...Никто не мог понять, каким образом и почему старинное толстое зеркало выпало из двери платяного шкафа, запертого к тому же на ключ. ...Домашняя работница Мария Ивановна сказала, что это к войне. Отец Горика сказал, что война с Гитлером и Муссолини, разумеется, будет, но не скоро. А Горик подумал о том — и это поразило его, — что в мире происходят вещи, которые не может объяснить никто...» В «Золотых страницах «ДН» — главы из романа Юрия ТРИФОНОВА «Исчезновение» и размышления Леонида БАХНОВА о творчестве писателя.

Дружба народов

**Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Основан
в марте 1939 года**

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

**E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>**

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.06.2025.
Подписано в печать 23.07.2025.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отг. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

СОДЕРЖАНИЕ

«Дружба народов» — пути и горизонты. <i>Заочный круглый стол</i>	3
--	---

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Иван ВОЛОСЮК. Не ради сцепления речи. <i>Стихи</i>	73
Владимир ЛИМ. Последнее кочевье. <i>История вымышленная, но правдивая.</i> <i>Окончание</i>	77
Станислав МИНАКОВ. Сашкин лес. <i>Стихи для псалтериона</i>	144
Игорь МАЛЫШЕВ. Три рассказа	147
Евгений ТОПЧИЕВ. Зло блуждает где-то рядом. <i>Рассказы</i>	162
Сергей ПОПОВ. Илья. <i>Скелет из семейного шкафа</i>	177
Александр МАХНЁВ. Иронические рассказы	187
Наталья КАРАЕВА. Всё сложилось. <i>Рассказ</i>	198
Амаяк ТЕР-АБРАМЯНЦ. Два рассказа	205
Лидия ГРИГОРЬЕВА. Охотничья луна. <i>Стихи</i>	212

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Ибрагим ШАОВ. Общий котёл. <i>Рассказ</i>	215
---	-----

ДРУГАЯ ОПТИКА

Амарсана УЛЗЫТУЕВ. В Индию духа купить билет. <i>Поэма</i>	218
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий КАГРАМАНОВ. Другая дорога	226
--------------------------------------	-----

НАЦИЯ И МИР

Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ. Душанбинские записки	235
--	-----

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

Юрий ТРИФОНОВ. Исчезновение. <i>Главы из романа</i>	245
---	-----

ТРИФОНОВ 100+

Леонид БАХНОВ. В отблесках костра. <i>«Московские» повести Юрия Трифонова</i>	255
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Возвращение «частника»	264
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Реинкарнация Шарикова	268
---	-----

SUMMARY	272
---------------	-----

«Дружба народов» — пути и горизонты

В заочном круглом столе принимают участие:

*Алексей Алёхин, Максим Амелин, Мария Ануфриева,
Сухбат Афлатуни, Ольга Балла, Евгения Джен Баранова,
Ефим Бершин, Мирослава Бессонова, Ирина Богатырёва,
Игорь Булкаты, Евгений Бунимович, Александр Бушковский,
Валерий Былинский, Анатолий Валецкий, Николай Верёвочкин,
Герман Власов, Иван Волосюк, Лилия Газизова, Дмитрий Гасин,
Лидия Григорьева, Максим Гуреев, Денис Гуцко, Женя Декина,
Александр Джумаев, Сергей Дмитренко, Елена Долгопят,
Варвара Заборцева, Вера Зубарева, Денис Драгунский,
Шамиль Идиатуллин, Геннадий Калашников, Алёна Каримова,
Алексей Колесников, Денис Колчин, Константин Комаров,
Владимир Коркунов, Андрей Коровин, Анатолий Королёв,
Илья Кочергин, Марина Кудимова, Игорь Кузнецов,
Михаил Кураев, Борис Кутенков, Елена Лепишева,
Владимир Лидский, Владимир Лим, Игорь Мальшев,
Анна Маркина, Александр Марков, Александр Мелихов,
Вадим Месяц, Борис Минаев, Марина Москвина,
Ирина Муравьёва, Вадим Муратханов, Фарид Нагим,
Даур Начкебия, Олеся Николаева, Саша Николаенко,
Владимир Нуров, Илья Одегов, Александр Орлов,
Сергей Пагын, Сергей Прудников, Валерия Пустовая,
Олег Рябов, Владимир Салимон, Диана Светличная,
Роман Сенчин, Евгений Сидоров, Олег Сидоров,
Евгений Степанов, Тамерлан Тадтаев, Алексей Торк,
Амарсана Улзытуев, Алексей Устименко, Илья Фаликов,
Мадина Хакуашева, Анатолий Цирульников, Александр Чанцев,
Евгений Чижев, Константин Шакарян, Дмитрий Шеваров,
Леонид Юзефович*

«Дружба народов» — единственный в России литературно-художественный и общественно-политический журнал, системно поддерживающий постсоветское культурное пространство на основе русского языка, — в прошлом году отметил 85-летие.

В 1939-м появился не просто новый ежемесячник — была учреждена институция, предназначенная для знакомства с творчеством народов СССР, публикации произведений авторов из союзных республик в переводах на русский язык и тем самым — для формирования общего культурного пространства многонационального государства. Мы и теперь не просто печатаем тексты — мы утверждаем право разных голосов звучать на общем русском языке.

За время существования «ДН» наработан огромный опыт.

На страницах журнала публиковались Константин Симонов, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Василь Быков, Олесь Гончар, Юрий Трифонов, Нодар Думбадзе, Кайсын Кулиев, Анатолий Рыбаков, Грант Матевосян, Юрий Рытхэу, Мустай Карим, Яан Кросс, Даниил Гранин, Чабуа Амирэджиби, Абдижамил Нурпеисов, Лев Аннинский, Левон Хечоян, Валентин Курбатов, Олжас Сулейменов, Леонид Юзефович, Анатолий Ким, Александр Мелихов, Анар, Евгений Чижев, Михаил Кураев, Евгений Попов, Сухбат Афлатуни, Павел Крусанов, Сергей Пагын, Анатолий Королёв, Марина Кудимова, Роман Сенчин, Захар Прилепин, Шамиль Идиатуллин и другие замечательные писатели, всех не перечислить.

Традиционно в центре внимания журнала — межнациональные, межконфессиональные и межкультурные отношения.

Этим проблемам посвящаются тематические и национальные спецвыпуски («Дружба народов — дружба конфессий», «Современная литература народов России», «Дружба на вырост», «Провинция. Точки роста», «Саха (Якутия) на страницах “ДН” и другие). В том числе представляющие современное состояние литературы Армении, Грузии, Казахстана, республик Поволжья и Северного Кавказа.

Практически в каждом номере в рубриках «Страна Россия», «Нация и мир», «Моя малая родина», «Культурный слой», «Дружба на вырост», «Жизнь в литературе» публикуются статьи, эссе и очерки авторов из регионов России.

За последние годы напечатаны переводы поэзии и прозы с аварского, азербайджанского, армянского, белорусского, бурятского, калмыцкого, коми, осетинского, табасаранского, татарского, тувинского, узбекского, украинского, шорского, якутского и других языков.

Среди приоритетных тем журнала — поддержка русских и русскоязычных писателей, утверждение традиционных ценностей, проблемы детского чтения, работа с молодыми литераторами (тут и публикации, и семинары, и мастер-классы).

Проведённые журналом круглые столы «Русская и русскоязычная культура на постсоветском пространстве», «Война и мир в XXI веке», «Уроки чтения: классический сюжет», «Только детские книги читать...», «Места силы и гении тамошних мест» стали важной трибуной для писателей, публицистов и критиков из стран СНГ и республик и областей России.

«Дружба народов» остаётся флагманом в продвижении русского языка через литературу.

Особая миссия журнала очевидна.

Мы обратились к нашим авторам из России, стран СНГ и дальнего зарубежья с вопросами:

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Михаил КУРАЕВ, прозаик, сценарист, лауреат Государственной премии России (Санкт-Петербург)

История последних десятилетий журнала «Дружба народов», входящего в короткий перечень самых авторитетных литературных изданий, сама по себе художественна и даже образна.

Пожалуйста. До 1990 года — орган СП СССР, а с 1991 года — частное издание. Частным делом стала дружба народов!

Как не отдать должное принявшим исключительно на себя труд единения писателей на пространстве бывшего СССР, писателей, живущих принципами гуманизма, патриотизма и интернационализма.

По-своему наглядна и по-своему образна «география» перемещения редакции журнала «Дружба народов» по отношению к главной резиденции российских писателей, к Дому Ростовых.

Помнится, журнал занимал правое, если от входа, крыло полуциркульного флигеля, примыкающего к Дому Ростовых. Как только «дружба народов» со сменой ценностных ориентиров оказалась не в приоритете, редакцию попросили освободить место под ресторан. Столы, рукописи и стулья перенесли через двор в крохотные комнатухи в левом флигеле. Но по-прежнему, приехав в Москву, можно было зайти поздороваться с мудрым и неторопливым Александром Эбаноидзе, узнать о литературных жемчужинах, отрытых Леонидом Бахновым, поговорить с магнетически притягивающей таланты Натальей Игруновой...

Бывало, принесёшь вам роман никому не ведомой Анны Тугаревой «Иншалла. Чеченский дневник», глядишь, и дебютантка с вашей лёгкой руки в шорт-лист престижной премии попала.

Сама редакция журнала «Дружба народов» была вершиной, с которой можно было обозреть литературное пространство нашего отечества. Надо ли говорить, что журнал был высоким подиумом для писательского братства, не разделённого новыми границами. Все же понимают (или не все?), что подлинное искусство, музыка, живопись, литература интернациональны по своей природе.

Не помню, разве что любители детективов припомнят, как «Дружбу народов» снова попросили убраться, но теперь уже вовсе за пределы Садового кольца. Свято место пусто не бывает. И снова ресторан! Не знаю, был ли Дед Хасан хозяином нового ресторана, или нет, но убили его там, где была «Дружба народов».

Полуциркульные флигели Дома писателей когда-то были заселены литературными обителями, а теперь они, как клешнями, обнимают ресторанами сквер с памятником Льву Николаевичу Толстому, писателю...

В новом месте обитания «Дружбы народов» в непроглядных московских далях так и не случилось побывать, а в ресторане, в том что подешевле, был.

Тридцать пять лет сотрудники журнала «Дружба народов», предоставленные сами себе, не дают изданию сгнить, выживают в новых реалиях.

Что за реалии?

Нет денег для оплаты труда переводчиков, сколько сами без зарплаты сживали, беда, но журнал отыскивает, призывает авторов из национальных республик и зарубежных стран, пишущих на русском языке. Дело настолько важное, государственное, что неслучайно и наш Президент говорил о значимости русского языка, о необходимости его всемерной поддержки и распространении в современном мире. Большое государственное дело взял на себя сегодня журнал «Дружба народов».

Хочется отдать должное тем, кто сохранил «Дружбу народов», удержал на высоте художественной и публицистической мысли, уберёг в пору расцвета всевозможных

спекуляций от подмены ценностей, сохранил достоинство своего обязывающего имени.

Но — кто задолжал?

Кто отдаст должное?

Евгений СИДОРОВ, литературный критик, литературовед, эссеист, Первый секретарь Союза писателей Москвы, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО (Москва)

Понятно, что надо собирать осколки старых дружб и создавать новые культурные связи. Но это возможно только отказавшись раз и навсегда от имперских амбиций.

Нынешняя «Дружба народов» — это дружба конкретных людей по обе стороны границы. Это не абстракция, а образ действия и мышления. И вот моё предложение: почему бы для начала не организовать и не провести с деятельным участием журнала международную встречу писателей и переводчиков стран СНГ в Ташкенте или в Алматы? Почему не обсудить по сердцу и по уму, куда ж нам плыть.

Владимир НУРОВ, народный поэт Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры Калмыкии и Российской Федерации (Элиста, Республика Калмыкия)

1. Журнал «Дружба народов» — всегда был центром притяжения культуры и литературы народов великой России, тем очагом, который собирал и сближал народы в этом уютном доме, где мы всегда находим внимание, понимание и поддержку.

Я с благодарностью вспоминаю свою первую публикацию в вашем журнале. Это было в 1972 году, в пятом номере. Моя подборка стихов на русском языке была опубликована в переводе знаменитого переводчика, Народного поэта Калмыкии Семёна Липкина.

Это незабываемо!.. Это могло быть только в «Дружбе народов», чтобы молодому, неизвестному поэту из глубинки уделили такое внимание и отеческую заботу.

Это невероятно... но это случилось через полвека, опять же в «Дружбе народов»! Был опубликован отрывок из моего романа «Белобородый старец» в 10 номере 2024 года в переводе Геннадия Калашникова.

Спасибо редакции журнала за такое постоянное продвижение литературы народов России и стран СНГ. Это свидетельствует о том, что «Дружба народов» — настоящий флагман современной литературы.

2. Ценность работы журнала заключается в сближении литератур народов России и стран СНГ. По вашим ярким публикациям мы имеем представление о состоянии и уровне литератур разных народов. Постоянно чувствуем пульс и дыхание жизни. Расширяем свой кругозор. В этом достоинство и ценность опыта и мастерства.

3. Больше внимания литературе малых народов России. Оказывать практическую помощь в пропаганде их достижений, в переводе их на русский язык. Очень трудно найти контакты переводчиков прозы. Я готов сотрудничать и дальше с любимым и незаменимым журналом «Дружба народов».

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений Абдуллаев), прозаик, поэт, критик, философ, педагог, дважды лауреат Русской премии, главный редактор журнала «Восток Свыше» Ташкентской епархии РПЦ (Ташкент, Республика Узбекистан)

1. Есть журналы как судьба. В 2001 году я оказался в небольшом флигеле на Поварской (меня привёл Санджар Янышев, который уже публиковался в «Дружбе народов»). Под мышкой была папка с распечаткой дебютного «Ташкентского романа». Пустые узкие коридоры... Первая незапертая дверь, просторная комната; женщина средних лет. «Вам кого?» — «Нам бы... отдел прозы...» — «Я — проза», — ответила женщина. Это была замечательная Юлия Владимировна Ильина-Король, которая стала моим первым «дружбинским» редактором. Не сразу, но роман был принят, и в 2005 году вышел; в том же году была опубликована в «ДН» и моя первая рецензия.

Поэтому вопрос, почему я выбираю для своих публикаций «Дружбу народов», для меня не стоит. Это не я выбираю, это журнал меня выбрал, за что я ему благодарен. За прошедшие почти четверть века, конечно, многое изменилось. И состав редакции, и состав авторов. (В октябрьском номере «ДН», где вышел «Ташкентский роман», рядом стояли тексты Льва Аннинского, Георгия Кубатьяна, Владимира Шпакова...) Иных уж нет, а те далече. Но дух журнала, его главные смыслы и цели остались прежними.

2. «Дружба народов» — это один из важнейших механизмов культурной интеграции на постсоветском пространстве. Это журнал делал в 90-е, когда на глазах распадались, растекались и крошились прежние литературные связи. Это журнал делал в 2000—2010-е, когда прежние контакты стали восстанавливаться и даже начали возникать новые российско-белорусские, российско-грузинские, российско-казахстанские и прочие совместные проекты. Это журнал продолжает делать сегодня, несмотря на новое обострение локальных национализмов на постсоветском пространстве и попытки культурной изоляции России (как извне, так, увы, порой и изнутри).

Что касается вопроса о наиболее ярких публикациях последних лет, то, на мой взгляд, все публикации достаточно яркие: блёклых не припомню. Это в советские годы, когда журналы должны были выделять энное количество журнальных полос под нечто «идеологически правильное» (и, как правило, непреодолимо скучное), всё более-менее живое на этом фоне выглядело событием. Сейчас яркое и интересное в каждом номере почти всё. Это видно и по внешней оценке — например, по спискам финалистов крупнейших российских премий. Как недавно пошутил в своём «книжном» подкасте Константин Мильчин, у «Дружбы народов» есть своя «квота» в премиальных списках «Большой книги». Никакой квоты, конечно, нет. Просто серьёзное отношение к качеству отбираемого и печатаемого.

3. Я бы выделил два. Первое: более современный, более регулярно обновляемый сайт. С выкладыванием, желательно, всех материалов. Когда нормально функционировал «Журнальный зал», о последнем можно было не заботиться, но сейчас это всё более актуально.

Второе, но это касается всех главных «толстых» журналов. Необходимо, чтобы на «Дружбу народов» (равно как и «Новый мир», «Знамя»...) была обязательная подписка во всех центральных библиотеках 89 субъектов РФ. Кроме того, и это уже касается только «ДН», номера журнала должны поступать в русские культурные центры во всех постсоветских государствах. Это очень важное решение, и его нужно лоббировать.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Роман СЕНЧИН, прозаик, редактор, литературный критик, лауреат премий Правительства РФ, «Большая книга», «Ясная Поляна» (Санкт-Петербург)

В «Дружбе народов» я публикуюсь с 2001 года. Раньше чаще, в последние годы, к сожалению, реже. Да и вообще пишется меньше. Многих, замечая, обстоятельства не располагают к вдохновенной, самозабвенной работе.

Кроме повестей и рассказов, романа «Елтышевы», рецензий и статей журнал напечатал мой очерк «Сидя на московской кухне» о моей малой родине — Туве. (В третьем номере за 2025 год, кстати сказать, прочитал подборки тувинских поэтов Алексея Бегзин-оола и Николая Куулара в переводах Михаила Липкина и Юрия Татаренко.)

Каждый «толстый» журнал для меня особенный, имеет свою физиономию, свою походку в движении литературы. «Дружба народов» выделяется сильнее других. Она сохранила то, ради чего была когда-то создана, — помогает не порваться тем нитям, что связывают культуры народов. Народов и России, и ближнего, и дальнего зарубежья. А в последние годы это особенно важно.

Причём делает это «Дружба народов» ненавязчиво, не давя на читателя.

До сих пор в некоторых изданиях существует, на мой взгляд, ужасная практика тематических номеров. Никто такие тематические номера не читает, они собираются и выходят для галочки. «ДН» поступает умнее и интеллигентнее — из номера в номер даёт место и тем, и другим, и третьим. В каждом номере, по-моему, любому читателю есть что найти по душе и вкусу.

Из тех публикаций последних лет, что мне запомнились: романы Андрея Волоса «Персей» и особенно «Мешалда» — о Душанбе, где автор родился и вырос; рассказы писателя из Казахстана Николая Верёвочкина, проза Ирины Богатырёвой, Саши Николаенко, Андрея Белозёрова, очерк дальневосточника Василия Авченко о его первой поездке в Крым, критические работы Евгения Абдуллаева, Александра Чанцева, Ольги Балла, стихи Олеси Николаевой, Константина Комарова, Инги Кузнецовой... Очень много появляется новых, интересных, оригинальных голосов.

Как и большинство других «толстых» журналов, «ДН» — это настоящий дневник современной литературы.

Какие аспекты и направления?... Я представляю, как сложно «толстым» журналам сегодня. Коллективы редакций крошечные, бюджеты копеечные. Служить в журнале — это без всякого преувеличения подвиг. Я на такое не способен, поэтому и давать советы не вправе.

Знаю, что на «Дружбу народов» пошла атака, возможен рейдерский захват. Но что хотят захватить? Нечего у журнала захватывать, кроме символа, этих двух слов названия. Захватят и умертвят, как умертвили до этого не одно полезное дело.

Надеюсь, с «Дружбой народов» у них не получится.

Марина КУДИМОВА, поэт, прозаик, публицист, переводчик, лауреат Бунинской премии, премии «Венец» и многих других (Москва)

1. Я вообще имею обыкновение печататься только там, откуда зовут. Зовут — значит ждут. В идеале — любят. «Дружба народов» с определённых пор зовёт регулярно — даже тогда, когда я по разным причинам (но не потому, что не слышу

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и не ценю зов!) не откликаюсь. Я благодарна «ДН» за позывные. Даст Бог, они не умолкнут, а я не оглохну.

2. Для меня ценность в системности, концептуальности и хорошем вкусе без оглядки на моду. При всех новациях нынешняя редакция «ДН» исповедует именно эту триаду. Вот уже 85 лет — с тех времён, когда журнал ещё пребывал в статусе альманаха «Творчество народов СССР», и когда стал журналом «Дружба народов», и в период пребывания органом СП СССР, и в трудном свободном плавании издание было — и остаётся — открытым для всех народов как России, так и бывшего СССР. Разумеется, и всех, кто хочет предстать перед русским читателем на русском языке. Как трудно формируется сегодня портфель переводов, можно себе представить. Но недавний — и, надеюсь, имеющий шансы продолжаться на страницах журнала — проект «Современная литература народов России» показывает, что мастерство и энтузиазм переводчиков не иссякли. Я читала публикации в рамках проекта и хочу отметить подборку кабардинки Зарины Кануковой в переводах Ирины Ермаковой и поэта из Горной Шории Геннадия Косточакова в переводах Максима Амелина. Очень мне нравится рубрика «Моя малая родина». Видимо, сказывается глубоко провинциальное моё происхождение. Отмечу Варвару Заборцеву («О реке Пинеге») и Гузель Агишеву («Бапэс и картатай»).

Не всегда есть время читать большую прозу, но не могла пройти мимо публикации романа Марии Бушуевой «Томский телеграфист». Любопытная повесть загадочной персоны Илая Илимара «Колдун».

Разумеется, по основному роду занятий много читаю стихов. Отдел поэзии «ДН» — выше всяких похвал по отношению как к мэтрам, так и к молодым! Сергей Попов, Алексей Дьячков, Анна Павловская, Юрий Казарин, Сергей Пагын, Сергей Золотарёв, Елизавета Евстигнеева, Дмитрий Трибушный, Ефросиния Капустина, — перечень отличных публикаций последних лет далеко не полный.

3. Я помню слишком много хорошего, чтобы опираться на актуальное. Помню зашкаливающие за миллион тиражи конца 80-х. Помню 200-тысячное издание «Дата Туташиа» и другие важнейшие книги своего времени в «Библиотеке “ДН”». Помню новые публикации Фазиля Искандера и Чингиза Айтматова, Виктора Астафьева и Алёся Адамовича. Кстати, очень перспективной мне кажется рубрика «Золотые страницы». С волнением читала Льва Аннинского! Очень сильные материалы, посвящённые 100-летию Василя Быкова. Весьма полезен Журнальный клуб «ДН».

И всё же актуальность журнала по-прежнему в руках переводчиков. Это направление надо развивать и всемерно поддерживать, сколь это ни тяжело в новые времена! Нам всем придётся отложить собственные экзерсисы и вернуться к подстрочникам и оригиналам. Как писал печатавший в «ДН», кажется, с 83-го года свои стихи, но и переводы, которым отдавал немалую часть души, Владимир Леонович:

Переводчик, сломай карандаш:
перескажешь — размажешь — предашь.
Этот подлинник неуследим.
Подвиг — подвигом переводим.

Новых подвигов на поле словесной битвы желаю дорогому журналу!

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр МЕЛИХОВ, прозаик, публицист, литературный критик, лауреат Международной премии им. Фазиля Искандера, премии «Неистовый Виссарион» за вклад в развитие критической мысли и многих других, главный редактор журнала «Нева» (Санкт-Петербург)

1. Национальный вопрос — одна из важнейших тем моей публицистики и прозы, и потому я прежде всего вспоминаю редакцию, для которой это тоже одна из важнейших тем. Разрабатываемая в течение нескольких десятилетий с редкой широтой взглядов и компетентностью. С тревогой думаю о том, что этот подвижнический коллектив заменить некому. По крайней мере, на моём горизонте достойной замены не вижу. Остаётся просить судьбу, чтобы она продлила до ста двадцати лет его активность и энтузиазм. Впрочем, когда одному римскому папе пожелали жить до ста двадцати, он ответил: не будем ограничивать милость Господню.

2. Ценность опыта «Дружбы народов», прежде всего, в его продолжительности и в том, что в советское время называли широтой охвата. Если хочешь что-то узнать о том, что происходит в культурном пространстве многонациональной России, читай «Дружбу народов», лучшего источника я не знаю. А неярких публикаций в журнале просто нет.

3. Мне кажется, самое актуальное сегодня — хранить верность вечному. Тому, что Достоевский называл *всемирной отзывчивостью русской культуры*. То есть продолжать делать то, что редакция делала всегда и, не сомневаюсь, будет делать независимо от моих пожеланий.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ, прозаик, лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер» (Москва)

Журнал «Дружба народов» — это не просто ежемесячник, но институция, возникшая в 1939 году для публикации произведений писателей республик СССР в русских переводах. Теперь СССР нет, отношения между его бывшими частями часто оставляют желать лучшего, но в истории государств и народов культурные связи всегда бывают прочнее политических. Тем не менее теперь редакционная политика «Дружбы народов» направлена главным образом на поддержание таких связей между народами не всего бывшего СССР, а России. Русский интеллектуальный роман, чукотский миф и татарская сага на равных существуют на его страницах. «Дружба народов» превращает «их» в «нас» — без пафоса, без приукрашивания.

Сегодня, когда мир тонет в море «идентичностей», журнал напоминает: культура — не сувенирный ковёр с узорами для туристов. Это язык, на котором народ говорит с самим собой, — и, если дать ему быть услышанным, окажется, что все мы говорим об одном. Главная заслуга журнала в том, что он показывает: мы уже связаны единой на протяжении сотен лет историей, вместе пережитой болью, общими надеждами.

Сегодня журнал стоит перед вызовом: как остаться мостом между культурами в эпоху, когда одни тонут в глобализации, а другие замыкаются в локальных идентичностях? На мой взгляд, главная задача «Дружбы народов» — показать, что «многоголосие» не советский реликт, а инструмент для жизни в будущем.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Иван ВОЛОСЮК, поэт, переводчик, журналист (Москва)

Я печатаюсь в «Дружбе народов» с 2015 года. Другим журналам, которые предлагают мне опубликоваться на том основании, что я из Донбасса, потому что вдруг всем стала интересной — в основном по команде сверху — «донецкая литература», я отвечаю избитой фразочкой: «Где вы были десять лет?»

Пусть это у меня посттравматическое, но я прекрасно помню место, обозначенное в голове как «уличные столы для настольного тенниса возле зелёного дома», где я получил письмо от Галины Климовой с первой составленной ею подборкой и словами, что в ней всё — и жизнь, и война, и Бог.

Это был июль 2015-го. Дружковка. Ненавижу слово «беженец», но я был человеком, уехавшим без вещей из круглосуточно обстреливаемого Донецка: документы и смартфон, брюки и летняя футболка с надписью Italy. Видимо, это было «пророчество», потому что пару лет спустя мои тексты перевели на итальянский...

Там, в Дружковке, меня нашли и ответили на мои письма «Юность», «Волга», «Новый берег» и многие другие российские и мировые журналы, но «Дружба народов» — и когда я вернулся в Донецк, и когда переехал на ПМЖ в Россию, — всегда была главным моим публикатором: поэзия, переводы с украинского и белорусского языков.

Я не совсем понимаю, что значит «публикации не способствуют росту патриотизма», — в этом обвинили журнал, призвав к его «национализации». С обиженнописательского это переводится как «напечатали не меня, а другого, давайте передадим журнал Союзу писателей, где я состою, — они и печатнут по квоте что-то». Но прямо же так не скажешь — тогда в ход идёт «патриотизм».

Давайте возьмём для примера поэтессу и военкора Анну Долгареву. Она своей поддержки СВО не скрывает. Зададим вопрос: какой из главных, не местных, вроде «Огней Кузбасса» или «Алтая», а именно «толстяков», её печатает? Правильно, «Дружба народов».

Какой из журналов несколько лет посылает свежие номера в Донецкую республиканскую библиотеку им. Крупской?

Кто вытащил из самотёка и первым всерьёз представил в России поэзию священника из Донецка Дмитрия Трибушного? В отличие от поэзии Трибушного, «проза.doc» опубликованного в «ДН» «точно» (№6/2020) прозаика Анатолия Николина и роман о событиях на Донбассе Сергея Самсонова «Держаться за землю», напечатанный в трёх номерах за 2018 год и получивший премию «Ясная Поляна», не «разлетались» по социальным сетям столь стремительно. Но это важная форма литературной репрезентации региона, в случае с Николиным, погибшим в Мариуполе в 2022-м году в возрасте 76 лет, — абсолютно бесценная.

Кто напечатал моего земляка Александра Курапцева?

Кто просил с завидной настойчивостью: «Ваня, порекомендуй нам авторов из Донбасса, пусть пришлют стихи, мы всё прочитаем и ухватимся за соломинку Божьей искры, если она там будет!»

«Дружба народов» уже пережила отрывание от корней, когда в 2012 году журнал лишили помещения в Доме Ростовых на Поварской. Судьбу тех, кто тогда выгнал редакцию, я не могу назвать счастливой. И важно то, что торжество справедливости в случае с МСПС стало возможным благодаря вмешательству государства. Теперь же руками государства пытаются совершить вопиющую несправедливость.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Евгений БУНИМОВИЧ, поэт, журналист, правозащитник и общественный деятель, Заслуженный учитель России (Москва)

1. Для меня важно, что журнал «Дружба народов» выбирает не только литературно-художественные темы и материалы для публикаций, но, следуя своему обязывающему названию и — соответственно — миссии, сохраняет и развивает общественную, социальную линию на своих страницах, регулярно поднимает актуальные общественно-значимые темы, публикуя соответствующие обсуждения, статьи, эссеистику... Поэтому именно в «Дружбу народов» в последние годы я предлагал свои размышления о нашем молодом поколении, о нынешних школьниках, а также полемические заметки об образовании, хронику работы детского омбудсмена и другие материалы, затем появившиеся на страницах журнала. Причём некоторые из этих актуальных тем были предложены мне редакцией в рамках готовящихся специальных публикаций.

2. Думаю, основная особенность журнала — регулярное знакомство читателей с поэтами, прозаиками, критиками, публицистами из разных областей, краёв и республик России, а также стран ближнего зарубежья, пишущих как на русском, так и на многих других языках, — в хороших, качественных переводах.

Можно перечислить целый ряд публикаций, имевших заслуженный серьёзный резонанс, но для меня лично особенно важно, что именно в этом журнале состоялись последние прижизненные публикации недавно ушедшего от нас моего давнего и близкого друга, прекрасного поэта и прозаика и, наверное, самого знаменитого и титулованного российского сценариста Юрия Арабова. Он выбрал «Дружбу народов». И, конечно, неслучайно, что его посмертная публикация состоялась так же в этом журнале.

3. Тут, полагаю, вся суть, смысл, цели — всё заложено в самом обязывающем названии, которое, не скрою, в определённый период казалось уже застывшим привычным клише, золотым фонтаном на ВДНХ с колосьями и подсолнухами, но сегодня снова стало одним из самых острых, болезненных, а зачастую и трагических вопросов, вставших перед человечеством.

Николай ВЕРЁВОЧКИН, прозаик, журналист, лауреат Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. Своими литературными крёстными отцами считаю трёх русских писателей: Чингиза Торекуловича Айтматова, Александра Луарсабовича Эбаноидзе, Леонида Арамовича Теракопьяна. Храм, в котором я был крещён лет двадцать тому назад, ютился в нескольких крохотных комнатках, заваленных рукописями. Кабинет настоятеля храма, кроме него самого, мог с трудом вместить одного не очень упитанного посетителя. С риском спровоцировать лавину из папок. Храм назывался «Дружба народов». В названии предельно лаконично и точно был сформулирован смысл существования журнала.

Те времена вспоминаются запахом дыма горящих на помойках книг, выброшенных уезжающими на «исторические родины» земляками. Сам ты, никуда не уезжая, стал для своих друзей иностранцем. Из тёмных подворотен обывательского сознания скалила зубы отвратительная спесь, предтеча ненависти и фашизма. Знакомая журналистка, вернувшись из командировки в Сибирь, трагическим шёпотом

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

рассказывала об известном писателе, зарабатывающем на жизнь кладкой печей. Писатель вызывал уважение. В этом было достоинство: в тяжёлые времена он разделит участь своих читателей.

Впрочем, читатели в самой читающей стране мира внезапно исчезли. Толстые журналы, на которые можно было подписаться лишь за особые заслуги перед человечеством, выходили тиражами, сравнимыми с заводскими многотиражками. Настоящей литературе была уготована судьба бомжа.

Если литература не нужна в такие тяжёлые времена, нужна ли она вообще? Есть вопросы, от которых хочется застрелиться.

И вдруг звонок из «Дружбы народов»: «Мы хотели бы опубликовать вашего “Человека без имени”».

Засветился огонёк в непроглядной ночи.

И вот вопрос: почему я печатаюсь в «Дружбе народов»? Потому что мне нравится название журнала. Потому что верю: наступит время, когда оно будет соответствовать действительности. Потому что в этом храме я был крещён.

2. Ценность опыта «Дружбы народов» именно в том, что во времена, которые Л.А.Теракопьян назвал тектоническим разломом, во времена раскола и раздора, розни и лжи журнал оставался верен своему названию. Он оставался одним из немногих островов дружелюбия в океане вражды.

Журналу советовали сменить название. Не сменили. Не изменили своему предназначению. Журнал с таким названием особенно необходим в смутные времена, когда народы не особенно дружат.

Кто-то под телекамеры бил общую антикварную посуду. «ДН» в тишине и печали склеивал осколки. Восстанавливал утерянные связи. Искал на некогда общем пространстве авторов. Противостоял всеобщей отчуждённости. Этот тихий подвиг благородства ещё ждёт своего исследователя.

Что касается ярких публикаций, я не критик. Очень много известных и неизвестных мне авторов, которыми я восхищаюсь. Особое уважение вызывает то, что публиковались они не ради гонорара. Думаю, что им тоже нравится название журнала.

3. Развитие журнала именно в его предназначении: в поисках и открытиях новых авторов не только в России, но и в ближнем, и в дальнем зарубежье. Не делить русскоязычных людей на «наших» и «не наших» по месту проживания. Находить среди тех и других таланты, противостоящие общему отчуждению.

Для этого «Дружба народов» должна быть независимой. Это очевидно.

Представьте: журнал стал органом какой-то группы писателей. Из этого автоматически следует потеря его предназначения. Какая дружба народов? Ты, пацан, не с нашего двора. Кто не с нами, тот против нас.

Если какой-то группе литераторов нужен свой журнал, можно обойтись без рейдерского захвата, без битвы за логотип. Создайте свой — и никаких проблем. Придумайте своё название получше. Если сможете. Только не надо покушаться на дружбу народов. Уже покушались. И весьма успешно.

Ефим БЕРШИН, поэт, прозаик, журналист (Москва)

1. Нынешний период русской литературы называют по-разному, но я уже давно для себя определил его суть: это «сектантский период» нашей литературы. Расслоение литературных изданий и самих литераторов началось ещё в годы советской власти, но сегодня приобрело гротескные формы. У нас фактически две литературы, представители

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

которых друг о друге часто даже не слышали. Секты «литературных патриотов» и «литературных либералов» политизированы настолько, что почти не сходятся не только в политическом, но и едином литературном пространстве. Но есть и группа неприсоединившихся. Она невелика, но у неё есть свой проверенный временем печатный орган — журнал «Дружба народов». Из старых «толстых» журналов «ДН» чуть ли не единственный, на чьих страницах сходятся поэты и прозаики самых разных политических взглядов. Журнал отбирает лучшее с точки зрения непосредственно литературы. И, к примеру, мне, «неприсоединившемуся», зачастую просто некуда идти со своими стихами и прозой, кроме как в «Дружбу народов». Поэтому я этот журнал и выбираю.

2. А ценность работы журнала именно в том и заключается, что в период всеобщего разобщения и распада он пытается, что называется, соединять берега. Он словно бы сам по себе является тем цементом, тем строительным материалом, скрепляющим здание русского и не только русского культурного пространства — всего того, что можно прочесть на русском языке. Даже удивительно, как при фактическом отсутствии государственной поддержки журнал умудряется печатать большое количество переводов стихов и прозы с десятков других языков. И ещё одна важная ценность. Во времена нашествия бесконтрольной интернетной так называемой литературы (не могу подобрать для неё достойного слова) высокопрофессиональные редакторы журнала осуществляют отбор рукописей исключительно по их качеству. Чтобы читатель всё-таки сохранил способность отличать талантливые произведения от экспансии графомании.

3. Если же говорить об актуальном направлении развития, то его особо-то и менять не надо. Надо продолжать делать то, что редакторы «Дружбы народов» делают и сейчас: сохранять русское культурное пространство при помощи русского языка и с помощью авторов, проживающих в разных странах, но говорящих, думающих и пишущих по-русски. И если даже сегодня народы не очень хотят дружить, то нужно буквально заставлять их делать это на страницах журнала.

Все камни равно разбросаны. Наступает время их собирать.

Амарсана УЛЗЫТУЕВ, поэт, переводчик, лауреат Государственной премии по литературе Республики Бурятия (Улан-Удэ, Республика Бурятия)

«Дружба народов» — особенный журнал. Во-первых, он выжил. А многие другие — нет. Например, из столичных — «Октябрь», «Арион» и др. «Арион», возможно, и до сих пор выходил бы, но, как я понял со слов главного редактора (может быть, я неправильно понял), — на 101-м выпуске журнал выполнил свою миссию.

У «Дружбы народов» миссия в таком ключе — невыполнима, в смысле — со всеми, например, взять и раздружиться, и закончить на этом. Потому что дружить можно и нужно — нескончаемо, бесконечно. Тем более народами. Не воевать же! Вот такая миссия выполнима, и на том стоит журнал, и сие — востребовано читателем, раз до сих пор журнал прилично себя чувствует.

Итак, что же это за миссия такая: подружить народы?

Но сначала — что есть дружба? Казалось бы, простая и понятная вещь, но не всё так просто. В своей работе «Философский камень, или Место во Вселенной» я однажды написал:

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

75. У Контакта или Дружбы всегда есть место для Правды.

76. У Правды всегда есть место для Веры.

77. У Веры всегда есть место для Чуда или Трансцендентного.

78. У Чуда или Трансцендентного всегда есть место для Бога.

79. У Всемогущего Бога нет места для Тлена или Энтропии, но есть место для Надежды.

80. У Надежды всегда есть место для Спасения... и т.д.

Я глубоко убеждён, что миссия журнала — спасти, в том числе и литературный мир, и пишущее человечество. Однажды, как обычно (а журнал я читаю частенько) листая его, я обнаружил там подборку стихов Александра Кабанова. Украинского русскоязычного поэта. Журнал как бы сказал мне: на, дивись, друже! И я действительно удивился. Был уже далеко за 14-й горячий год, а Саша Кабанов продолжал печататься в «Дружбе». Именно в «Дружбе», не в «Новом мире» или «Знамени» — лицевых журналах столицы, что, вообще-то логично для знаменитого лауреата «Русской премии» и всех других премий (чем Саша очень гордился), и, действительно, хорошего поэта. И журнал его печатал, ибо миссия у него такая: дружить литературами, поэтами и писателями и тем самым спасать нас от войны и уничтожения. К сожалению, война всё-таки случилась. Но это уже не вина журнала. Журнал сделал всё, что смог. И за это ему большое человеческое спасибо.

Вадим МЕСЯЦ, поэт, прозаик, издатель (Москва)

1. Мне нравится взвешенная позиция редакции журнала: никаких политических крайностей, выбор авторов по таланту, а не по партийному признаку. Я помню «войны журналов» времён перестройки, но представить себе «Дружбу народов» в подобной роли не могу. Другой подход, иные принципы. Причём высокомерия, «парящего над схваткой», за этим нет. Есть более внимательное отношение к непреходящим вещам, нежели к переменчивой повестке дня. Это не только профессиональная экспертная, но и патриотическая позиция, усиленная интернационализмом, на котором я, как минимум, воспитан. Журнал, на мой взгляд, охватывает весь спектр поэзии и прозы, пишущиеся на просторах России. В любом случае есть определенное количество авторов, с которыми можно познакомиться только на страницах «Дружбы народов» и нигде более. Я общался с несколькими главредами журнала и отмечу широту их взглядов на литературную действительность и творческую преемственность поколений. Возможно, это идёт от самой идеи, предложенной Максимом Горьким, инициировавшим создание этого журнала. Коллектив «Дружбы народов» владеет навыками психологической совместимости и умеет работать в команде. Сама эта команда интернациональна. Это вполне обеспечивает контакт с творчеством народов России. «Дружба народов» — издание частное, но при этом продолжает работу на благо нашей многонациональной литературы. Многие авторы, открытые этим журналом, обрели известность и авторитет в литературном мире, благодаря подвижнической деятельности «Дружбы народов» Низкий поклон редакции за это.

2. С разрушением СССР охват национальных литератур по понятным причинам уменьшился. Но это не помешало журналу опубликовать прозу Ованеса Азнавуряна и Ваграма Мартиросяна из Армении, стихи Виктории Чембарцевой и Сергея Пагына из Молдовы, Александра Кабанова из Украины, Вячеслава Шаповалова из Киргизии,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Амарсаны Улзытуева из Бурятии, Сергея Морейно из Латвии, Феликса Чечика из Израиля и т.д. Я издавал в «Русском Гулливере» многих живущих за рубежом и пишущих по-русски, мне радостно, что наша работа с «Дружбой народов» часто пересекалась: у нас общие авторы и друзья. Из публикаций «ДН» отмечу стихотворные подборки Сергея Попова, Айгерим Тажи, Германа Власова, Константина Комарова, Веры Калмыковой, Яна Бруштейна. Многие из перечисленных — авторы моего издательства, что говорит об общности вкусов и о некоторой объективности в независимой оценке произведений. Айгерим Тажи я когда-то включил в шорт-лист премии «Дебют». Замечательно, что она продолжает развиваться и стала известной далеко за пределами Казахстана. Что касается прозы, то назову Владимира Гандельсмана с фрагментами из романа «От фонаря» и роман Владимира Лима «Цунами» про Камчатку. «Проскинитарий» Дмитрия Исакжанова тоже понравился. «Дружба народов», похоже, единственный в стране журнал, который печатает романы с продолжением.

3. Я, с присущим мне авантюризмом, сделал бы эксперимент. Собрал бы молодёжную команду «ДН» из писателей и филологов до 25 лет из разных республик и поручил бы им подготовить специальный выпуск. Шанс, что получится что-то толковое, есть. Главное направление развития — не только объединение народов, но и совместное творчество поколений, отцов и детей. Мне кажется, мы можем найти общий язык.

Даур НАЧКЕБИА, прозаик, лауреат Государственной премии Республики Абхазия им.Д.И.Гулиа и Международной литературной премии им. Ф.Искандера (Сухум, Республика Абхазия)

1. Мы, пишущие как на родном, так и на русском, кому русский язык достался по наследству после развала советской империи, для кого он стал частью национального культурного кода, не можем не ощущать своей «провинциальной заброшенности», не имея выхода к русскоязычному читателю в России и других странах. Таким выходом, отдушиной, если хотите, всегда был и остаётся до сих пор журнал «Дружба народов», ибо другие «толстяки» с большой неохотой или вовсе не берутся печатать переводную прозу и поэзию.

2. Дружба народов — это не так плохо, как ныне принято считать. Если в приснопамятную эпоху этот термин был больше лицемерием и прикрывал умолчание (за что на него сегодня смотрят с иронией «реалисты») существовавших между народами серьёзных проблем, что впоследствии принесло много бед (я говорю как абхаз, чья память и душа изломаны грузино-абхазской войной), то как идеал, к чему на этой планете должны стремиться все народы, он, термин этот — даже идеологема, — был прекрасен. А журнал «Дружба народов» и сегодня с достоинством несёт знамя этого высокого идеала, сделав культурное сближение и взаимопонимание народов через литературу сутью и целью своей подвижнической работы. (Например, публикация прозы Андрея Волоса.)

3. Публикация произведений писателей малочисленных народов бывшего Советского Союза, языки которых находятся под угрозой исчезновения. Такие публикации, с выходом на гораздо более широкую аудиторию, будут косвенным признанием непреходящей ценности языков этих народов, которым великий и могучий русский язык подставил своё дружеское плечо. Что, думается, воодушевит молодых писателей на дальнейшее творчество на родном языке.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Алексей АЛЁХИН, поэт, критик и эссеист, редактор (Москва)

С трудом выжившие «толстые» журналы стали теперь почти последними заповедниками литературы как литературы. Они мало похожи на «толстяков» советского времени и не являются ничьими «органами» (читателям помоложе замечу, что это не то, что они подумали, но тоже к литературе не имеет отношения). Больше схожи, пожалуй, с предшественниками XIX — начала XX века. Это детища бескорыстных усилий кучки единомышленников, заинтересованных в существовании и развитии словесности, спасающих её в половодье безъязыкого масскульта. Таких журналов, серьёзных по уровню, осталось меньше десятка. Из них мне лично по духу, по отношению к культуре близки два-три, вот я в них и печатаюсь. Уже лет тридцать — в «Дружбе народов».

Поэтическая часть журнала издавна была сильной стороной «ДН», и особенно сейчас. Он даёт представительный, под своим углом выбранный (а в журнале, как вообще в искусстве, ценность имеет лишь субъективный взгляд) срез современной русской поэзии. Все поколения, от самого старшего до только входящего в литературу. Почти все лучшие современные стихотворцы здесь печатаются. Не назову имён: терпеть не могу списков, а по отдельности те из них, кому надо, моё мнение знают.

О прозе пусть другие пишут. Я её больше просматриваю, чем читаю, да и не секрет, что тут нынче не так интересно, как в поэзии. Назову один роман, меня захвативший: «Персей» Андрея Волоса (2024, № 7). Это настоящая литература.

Литературная критика почти погибла заодно с гонорами, и за это её трудно винить: тяжёлая и неблагодарная работа, требующая помимо любви изрядной усидчивости. Тем удивительней, что в «Дружбе народов» она жива, по крайней мере поэтическая. И тут не могу не выделить самоотверженного Евгения Абдуллаева, живущего в Ташкенте, — на мой взгляд, едва ли не самого глубокого и пристального поэтического критика нашей словесности в последние десятилетия. Он регулярно печатается в «ДН», там я его главным образом и читаю.

Что до горьковского завета про «поэзию и прозу всех народов СССР», то сегодня, мне кажется, акцент смещается. С переводами в безгонорарную эпоху вообще слёзы, а поэтический перевод изначально штука загадочная, удаётся разве чудом — почти как и сами стихи. Впрочем, изрядная часть этой словесности теперь, как я понимаю, скорей по ведомству «Иностранной литературы». Зато открылось новое обширное поле: русская зарубежная литература. За пределами страны оказались миллионы говорящих и думающих по-русски, а живой язык всегда приводит к литературе — чем и подтверждает свою жизнь. Эти-то вестники русского мира и должны быть в центре поля зрения. Мы находим их на страницах «Дружбы народов», прежде всего поэтов: Феликса Чечика (Израиль), Сухбата Афлатуни (это тот же Евгений Абдуллаев, но в художественной ипостаси), недавно ушедшего Вячеслава Шаповалова (Киргизия), Наталью Белоедову (Узбекистан)... Одно из ярких открытий последних лет — Сергей Пагын (Молдова), в прошлом году он получил Русскую премию. И там — и в «ближнем» зарубежье, и подальше — есть и ещё имена, в том числе молодые. Горькому и не снилось.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Олеся НИКОЛАЕВА, поэт, прозаик, лауреат Национальной премии «Поэт» (Москва)

1. К журналу «Дружба народов» у меня особое, глубоко личное отношение: в 70-е годы там работал мой отец — поэт Александр Николаев, он был заместителем главного редактора. И я хорошо помню, с каким воодушевлением и заботой он относился к подбору авторов, к распространению журнала по всей территории нашей страны. В те годы там печатались Андрей Битов с «Уроками Армении», Булат Окуджава, Юрий Левитанский, Отар Чиладзе, Грант Матевосян.

2. В наше время журнал продолжает эти традиции профессионального отбора текстов, руководствуясь художественными критериями, внимательного отношения к авторам, высококвалифицированной редакторской работой. За последние годы там печатались замечательные произведения Владимира Лидского, Андрея Волоса, Алексея Иванова, Игоря Клеха, Николая Кононова, Александра Мелихова, Давида Маркиша, Александра Вергелеса, Олега Павлова; публиковались стихи Тимура Зильфикарова, Алексея Алёхина, Сергея Пагына, Владимира Салимона, Сергея А. Калашникова, Ефима Бершина и других прекрасных авторов; а также проводились актуальные и содержательные круглые столы, посвящённые русской литературе, культуре, нравственным и эстетическим проблемам.

Да и я имела честь стать постоянным автором этого журнала, который публиковал у себя не только подборки моих стихов, но и главы из книги мемуарных новелл «Тайник и ключики на шее», а ещё и отрывок из романа «Дело Гапона», написанного мною в соавторстве с моим мужем — Владимиром Вигилянским.

3. Основное в журнальной политике «Дружбы народов» то, что она исходит из оснований русской литературы, главным предметом которой является человек. Человек метафизический, человек личностный, человек социальный. Именно это делает журнал явлением важным, интересным, жизненным и живым.

Владимир САЛИМОН, поэт, издатель, лауреат Новой Пушкинской премии, премии «Венец», премии Римской Академии и др. (Москва)

Выбираю «ДН» потому, что, сотрудничая в течение многих лет, уверен в её надёжности, в поддержке. Никогда не было у меня повода усомниться в порядочности её редакции. В отличие от неведомого мне писателя Зиганшина, считаю «ДН» крайне важным и нужным журналом, особенно учитывая нынешнюю ситуацию с дружбой между народами. Если мы хотим, чтобы вышеупомянутая дружба существовала не только формально, мы должны этому как-то помогать, а не разрушать до основания, в чём, конечно, мы большие мастера. Чуть что, находится «голос из народа», готовый подвергнуть сомнению многолетний опыт работы честных и преданных своему делу людей. Мне отвратительно было наблюдать сцену доноительства. За годы, а мне, простите, 73, я привык ничему не удивляться, но не привык потакать клевете и видеть, как порочат ближних моих — друзей и коллег. А «ДН» — это мои друзья и коллеги.

Хотел бы, чтобы от «ДН» попросту ОТСТАЛИ! Дали жить и дышать! И продолжать своё честное дело.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Владимир ЛИДСКИЙ, прозаик, поэт, драматург, сценарист, лауреат Международной премии им. Фазиля Искандера, дважды лауреат Русской премии (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Публикация в «Дружбе народов» для меня лично всегда была почётным делом. И не только потому, что в редакции тепло относятся к авторам, но и потому, что именно «ДН», как никакой другой журнал, погружён в вопросы сотрудничества и единения стран постсоветского пространства. Я рад быть среди авторов «ДН», рядом с выдающимися литераторами из России и бывших советских республик. К тому же мне близка общественно-политическая позиция журнала, его патриотизм, актуальность, внимание к современным вызовам, смелость в обсуждении болевых точек, адекватный и взвешенный взгляд без перекосов в ту или иную сторону. Всегда приятно работать вместе и рядом с единомышленниками.

Некоторые современные периодические издания пропагандируют сегодня изоляционную политику, способствуют разобщению народов, особенно тех, которые входили когда-то в единую страну. «ДН», напротив, объединяет литераторов, публикуя авторов из самых разных регионов, как российских, так и национальных постсоветских. Особую ценность имеют рубрики «Нация и мир», «Страна Россия», «Моя малая родина». Мне приятно, что одно из моих эссе тоже было когда-то опубликовано под рубрикой «Моя малая родина».

Не менее ценны и цветные вкладышки журнала, где публикуются заметки о художниках бывших советских республик и репродукции их картин.

В каждом номере «Дружбы народов» можно найти замечательные материалы в самых разных разделах. Я, к примеру, люблю непростые тексты Александра Чанцева, постоянные рубрики Бориса Минаева и Евгения Абдуллаева, а если говорить о художественной литературе, то из недавних публикаций с удовольствием прочёл «Проскинитарий» Дмитрия Исажханова и «Кукольную» Анны Маркиной.

Если же говорить о направлениях развития журнала и о грядущих возможностях, то пространство освоения новых тем, новых территорий, находящихся за горизонтом современной российской и постсоветской литературы в странах СНГ, на мой взгляд, безгранично. В ближайшее время обществу будут необходимы попытки профессионального художественного и публицистического осмысления современных событий, поиск новых форм в описании изменившихся реалий, иные рефлексии и эмоции в адрес идейных оппонентов. Такие попытки уже делаются, но, к сожалению, уровень их пока оставляет желать лучшего. Некоторые литераторы думают, что достаточно оседлать повестку, чтобы суметь сказать что-то новое, создать нечто новаторское, но в спешке получается только поверхностное скольжение по актуальным вопросам. К тому же заметно, что сильно торопящиеся авторы имеют своей целью не столько продвижение литературы и создание значимых текстов, сколько возможности, открывающиеся благодаря паразитированию на модных или остро востребованных темах.

А вот один из старейших российских журналов — «ДН» — давно доказал свою дееспособность. Думаю, что именно «Дружба народов» может стоять в авангарде новой литературы в нашей стране, ведь у журнала есть для этого всё: высокопрофессиональный коллектив, корпус отличных авторов, а главное — любовь и внимание читателей.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Илья КОЧЕРГИН, прозаик, лауреат премии Правительства Москвы в области литературы и искусства (д. Кривель Рязанской области)

Больше двадцати лет журнал «Дружба народов» является «моим» журналом, поскольку я читаю его, в нём публикуются написанные мной тексты, и в нём работают люди, которые мне нравятся, которым я доверяю.

Я убеждён, что это прекрасный журнал. У него есть подписчики и поклонники, он открывает новых молодых авторов. И в наше «визуальное» время, когда количество читающей публики неуклонно падает, лучшее, что можно делать для журнала, — это читать его, возможно, помогать ему, но никак не реорганизовывать или передавать другим собственникам.

Если кому-то не хватает своего журнала — ему стоит учредить собственный.

Если кому-то не нравятся напечатанные в журнале литературные тексты — ему стоит выступить на страницах какого-либо литературного издания со статьёй и предложить дискуссию.

Доносы — это стезя неудачников. Не стоит принимать никаких решений, основываясь на жалобах неудачников.

Не надо трогать «Дружбу народов»!

Шамиль ИДИАТУЛЛИН, прозаик, журналист, дважды лауреат премии «Большая книга» (Москва)

1. Моя проза не очень пригодна для публикации в периодике. Пишу я преимущественно романы, которые трудно впихнуть даже в несколько номеров — и смысл такого впихивания неочевиден, учитывая, как быстро выпускаются сегодня книжные издания. Но в «Дружбе народов» я публиковался несколько раз — потому что редакция просила. Дважды в журнале вышли фрагменты из моих неопубликованных романов, и несколько раз я участвовал в круглых столах, обсуждавших значимые для читателей и писателей вопросы. Отказать я не мог — не только потому, что вопросы представлялись мне действительно значимыми, нетривиальными и трогающими лично меня за сердце, а интерес редакции к моим текстам был искренним и живым. Но и потому, что понятие «Дружба народов» для меня родное с младенчества. И само по себе, и как, прости Господи, бренд, украшавший серию книг, в которой я читал и перечитывал повести Василя Быкова, Нодара Думбадзе и Мориса Симашко — а зелёный том Виктора Конецкого был исчитан до полусмерти, при этом жив и лелеем до сих пор. «Детей Арбата» и «Чевенгур», кстати, я, как многие, читал даже не в самом журнале, достать который было невозможно, а в ксерокопиях с него.

Работу на это понятие и на эту традицию я считаю своим долгом.

2. Уже того, что один из знаковых островов советского журнального архипелага существует до сих пор, было бы достаточно для почтительного внимания. Но «Дружба народов» не просто существует, жизнь её полнокровна, активна и всеохватна. Журнал выступает, прости Господи ещё раз, скрепой, обеспечивающей неразрывность времени и пространства: по соседству с «Золотыми страницами ДН» Паустовского публикуются юные выпускницы литературных мастерских, замечательные подборки к юбилеям Окуджавы и Бродского соседствуют с воспоминаниями татарской девочки, екатеринбургские строки перетекают в ереванские, а бакинские — в кубанские,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и глубокое погружение в практики детского чтения логично находит дно в дискуссиях о поворотах истории.

3. «Дружба народов» осталась одним из немногих, если не единственным изданием, вопреки густеющей безальтернативности делающим ставку на многообразие и богатство культуры, на сочетание множеств, на сокровища многонационального русского народа, а также его родственников и соседей. В этом — в многоукладности, в отказе от единой колодки, от строевого шага и, говоря словами Тютчева, от общего аршина, — на мой взгляд, сила журнала, его уникальность и его — а значит, наше — будущее.

Сергей ПАГЫН, поэт, лауреат Русской премии (г.Единцы, Республика Молдова)

1. «Дружбу народов» я выбрал давно. Ещё в студенческие времена зачитывался этим замечательным журналом. И неслучайно первый знаменитый и солидный литературный журнал, в котором была опубликована подборка моих стихов, — это именно «Дружба народов». Было это лет 20 тому назад. Меня — начинающего, никому не известного автора, живущего в Молдавии, опубликовал столь легендарный журнал! Это была незабываемая радость и мощная мотивация творить и дальше.

С тех пор и зародилась наша дружба с журналом. И каждая публикация для меня — гордость, честь и признание! Потому что «Дружба народов» — это всегда высокий уровень литературы и поэзии, в частности, это возможность открыть для себя авторов, чьи произведения и вдохновляют, и направляют тебя. Это журнал, который объединяет нас, русскоязычных авторов, живущих в самых разных уголках некогда огромного и единого пространства, и даёт уникальную возможность почувствовать себя частицей великой русской литературы.

2. Что касается публикаций последних лет, то яркое впечатление произвели на меня стихи Ефима Бершина, Владимира Салимона, Наты Сучковой, прозаические произведения Петра Воротынцева, Сергея Золотарёва, Александра Кирова. С огромным интересом прочитал статью Евгения Абдуллаева о современном русском верлибре и заметки о поэзии и поэтах Алексея Алёхина под названием «Проклятое ремесло». Глубоки и очень интересны критические обзоры литературных новинок Ольги Баллы.

3. Я не издатель, и мне трудно об этом судить. Хотя представляется очень перспективным и актуальным критический аспект, потому что профессиональной критики сегодня очень мало. А без критики литература не может полноценно жить и развиваться. Мне кажется, всегда актуальны круглые столы о тенденциях в современной русской литературе, обзоры книжных новинок, итогов всевозможных литературных конкурсов и премий. И радует, что на страницах «Дружбы народов» со всем этим можно ознакомиться.

Желаю журналу успехов, новых талантливых авторов, читателей и открытий!

Денис ГУЦКО, прозаик, лауреат премии «Русский Букер» (Ростов-на-Дону)

Мне сложно отвечать на эти вопросы, поскольку я знаю, чем они спровоцированы.

Триггерит. Как будто я попал в моё тбилисское детство, и мрачноватые вальняные парни, с которыми я столкнулся на выходе из метро, интересуются, с какого я убана и кого там знаю (проще говоря: назови, кто за тебя впишется).

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Совпадение не стопроцентное, конечно — есть нюансы: и вопросы вроде бы о другом, культурные, мирные, и задаёт их не вальяжная шпана, а дорогая редакция.

И всё же.

Опрос этот — реакция понятная и вполне человеческая: давайте все вместе покажем, что такое журнал «Дружба народов», сколько в нём важного, умного, интересного.

И рука было потянулась. А потом вспомнились лица...

Кому покажем?

Зачем им это?

Всё уже случилось: уклониться не удалось, встреча состоялась. Теперь что ни скажи, может обернуться во вред. Любое слово станет зацепкой для новых, более жёстких претензий (конкретных предъяв — если пользоваться лексикой, соответствующей историческому моменту). Увы, ловушка эта исключительно эффективна: ты оказываешься в системе координат, в которой обнулить тебя проще простого — ты жил другим, ты к другому готовился, ты плохо говоришь на этом языке. Отмахнуться бы и идти дальше.

Может быть, так и стоило бы сделать?

Нет, никак?

В моём тбилисском детстве, лет сорок тому назад, я знал, что в такой ситуации важно не говорить лишнего. Во всяком случае, если не называешь *серьёзных имён* на вопрос «кого ты знаешь?» (а где было взять *серьёзных имён* домашнему книжному мальчику?). Журналу, боюсь, тоже негде взять имён, которые откликнутся у тех, кто будет решать его судьбу (это ведь должны быть очень специфические имена — рифмующиеся с историческим моментом, опять же). Всё остальное — в пустоту, «бисер перед свиньями».

Такие мысли.

Что делать вместо — не знаю.

Возможно, опубликовать лучшее, что накопилось в портфеле. Возможно, это станет прощальным жестом. Но совсем не обязательно. Неожиданное поведение, случается, приводит к неожиданным поворотам.

Варвара ЗАБОРЦЕВА, поэтесса, прозаик, лауреат премии «Лицей» (Архангельск)

1. Я слышу в названии журнала что-то очень пушкинское. Дружба как стремление к другому. А народ — не замкнутость, а всеобщность. Не слышу плакатов и трибун, слышу разговор доверительный о своём, о ближнем. Но именно такая переключка, верится, и может сближать далёкое. Или хотя бы создать пространство для встречи. Потому и тянусь к журналу.

2. На обороте январского номера за 2024 год редакция напомнила эссе Льва Аннинского («Территория и культура», 1993, № 9). Хочется процитировать: «Сейчас мы не знаем, куда поворачивает мир, не знаем, куда идёт Россия, мы только вслушиваемся друг в друга». И правда же, страшно вслушиваться в чужое. Будь то незнакомое пространство или неясное время. Но, мне кажется, опыт «Дружбы народов» говорит вот о чём: в потоке событий, течений можно и важно не потерять лицо. Не потерять способность искать лицо везде и всюду. Не просто лицо, а «флейту одинокой думы» среди «барабанной дроби пропаганды», как писал Дмитрий Шеваров на страницах более свежего номера («Двадцать пять бумажных

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

писем» №9, 2024). Где-то по миру всегда рассеяны эти «флейты». Я в это верю и, кажется, журнал тоже.

Мне особенно дорог спецвыпуск «Провинция. Точка роста» (№9, 2023). Думаю, он подхватил что-то очень важное, и оно прорастает в эти годы. Часто начинаю чтение номера с рубрики «Нация и мир». А если в номере есть что-то «На нашей вклейке» — как ребёнок, сначала за картинки. Немногие литературные журналы впускают изображения, но цветные вклейки «Дружбы народов» действительно расширяют пространство номера, а не просто украшают его. Читая переводы, осознаю, что некоторые связи по-прежнему остаются нерастраченными. И понимаю, что держатся они лишь благодаря нерастраченным связям человеческим, за что хочется благодарить и редакцию, и постоянных авторов.

3. «Очеловечить неизбежное» — цитата всё из того же эссе Льва Аннинского. Если и намечать русло, то именно это. Не становиться рупором или полем борьбы, а дальше отчаянно искать и видеть человека за всеми глобальными перипетиями. Объединять не флагами, даже не целями и не вкусами. А, может быть, одним из самых подлинных рвений существа пишущего — осмыслять мир художественно.

Алексей ТОРК (Алишер Ниязов), прозаик, журналист, лауреат Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. «Не я выбрал “Дружбу народов” — она выбрала меня...» — так хотел я начать ответ на этот вопрос, но сразу с отвращением зачеркнул: умею я сказануть с противным громыханьем, хотя по сути так оно и есть. В 2005 году из пары десятков российских журналов только «ДН» откликнулась на мой дебют, крошечный рассказик, а конкретно редактор Ирина Яковлевна Доронина. И вот так и иду с ней, с «Дружбой», потому, наверное, что сам плод дружбы народов, являясь сыном русской и узбека. Ну ладно — узбека и, одновременно, уфимского татарина. Поэтому приятно знать, что Сергей Довлатов родился в Уфе. Хотя неясно, в чём тут его заслуга. И в чём моя. Тем более что я в Уфе и не рождался...

2. В чём ценность опыта работы журнала? Журнала под названием «Дружба народов»? Вопрос для меня неясный. Россия родилась как дружба народов, в ней всё — дружба народов: история, искусство и даже бухучёт. Другие российские «толстяки» называются иными именами, просто чтобы их не путали с «ДН». Есть, правда, люди, которые Россию называли тюрьмой народов, угнетающей империей. Ну бросьте. В тюрьме рождаются рабы, а Россия рождала Довлатова и Фазиля Искандера. И Пушкина, конечно, которого Опекушин зачем-то сделал римским сенатором.

Самые яркие публикации последних лет? Давно не читаю современную российскую прозу, хотя знаю, что прекрасная, она есть, её не может не быть. Слежу за поэзией, сейчас её время, время жестокой музыки, звучащей на фоне. Поэтому в «ДН» не пропускаю подборок Александра Кабанова, Андрея Коровина, Ефима Бершина.

3. Это же примерно ответу и на третий вопрос. Актуально развиваться в сторону дружбы народов — сохранения России, «Большой России» как культурной тени... Всех, кто этому противится, хочется поубивать — в смысле, нужно переубеждать. Журнал хорошо это делал и продолжает делать.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Герман ВЛАСОВ, поэт, переводчик, эссеист, лауреат Международной литературной премии им. Фазили Искандера (Москва)

1. «Дружба народов» — один из любимейших «толстых» журналов с многолетней историей, опытом и наследием. Журнал сумел выжить в девяностые, нулевые и десятые годы благодаря профессиональному опыту, самоотверженности и любви к литературе теперь уже, увы, своего немногочисленного коллектива. Необходимо беречь культурное наследие, сохранять площадки для публикации, поддерживать профессионалов от литературы и культуры, а не разрушать подчас в угоду ура-патриотическим выкрикам неких сомнительных деятелей.

Случившееся с журналом «Октябрь» — и не с ним одним — наглядное тому подтверждение.

На страницах «Дружбы народов» я публиковал стихи и прозу — переводы с белорусского, украинского, грузинского, узбекского и других языков стран СНГ. Равно как и собственные стихи.

2. Профессиональный коллектив журнала, обладая многолетним опытом и связями с литераторами России и стран СНГ, выстраивает грамотную стратегию культурного обмена в современной сложной политической обстановке. Журнал — инструмент культурной дипломатии, постоянный участник международных форумов, фестивалей и книжных ярмарок.

Среди ярких публикаций можно назвать: роман «Проскинитарий» Дмитрия Исаджанова (№ 8, 2022, № 3, 2023, № 3, 2004, № 4, 2025), стихи «Прежний чертёж» Сергея Попова (№ 5, 2023), эссе Варвары Заборцевой «О реке Пинеге» в рубрике «Моя малая родина» (№ 9, 2023), Константина Гадаева с переводами стихов дигорского поэта Амурхана Кибирова «Тем, кто с родиной слился» (№ 7, 2023), за которые он был награждён премией журнала.

3. Редактор отдела поэзии Галина Климова успешно курировала молодых поэтов-переводчиков (международный проект «Шкереберть»), и в течение нескольких лет на страницах журнала печатались поэтические переводы с украинского и белорусского классиков и современников; появилась возможность живого и сетевого общения переводчиков с авторами и даже выступлений в рамках форумов и фестивалей.

Такой опыт необходимо развивать, налаживая связь переводчиков с авторами из РФ и стран СНГ. Журнал нужно сберечь и сохранить его уникальный профессиональный коллектив, расширяя круг авторов и читателей.

Развиваясь на протяжении десятилетий, журнал в настоящий момент обладает своим лицом и характером. Нужно лишь продолжать раскрывать его в современных реалиях, отвечая на злободневные вызовы, наводить мосты между культурами и языками, делать это вдумчиво, терпеливо и интеллигентно.

Александр ДЖУМАЕВ, культуролог и музыковед-востоковед, кандидат искусствоведения (Ташкент, Республика Узбекистан)

1. Мой выбор журнала «Дружба народов» обусловлен не только осознанием причастности к его славной истории, богатой прекрасными незабываемыми именами. Один средневековый восточный литератор заметил, что «заглавие книги намекает

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

на тайну её содержания». Название журнала исчерпывающе раскрывает его содержание. Но и сохраняет интригу в поиске своих бесчисленных проявлений в истории и современности, в раскрытии многозначных смыслов, тонкостей и нюансов столь невероятно сложной, близкой и понятной нам дружбы народов. Физически журнал охватывает не только собственно литературу, но и все мыслимые области гуманитарного знания и художественной культуры. И среди них близкие мне востоковедение, музыка, история культуры центральноазиатского региона... Представляю так, что журнал провоцирует автора на возможность интеллектуального сопротивления в условиях самоуверенно понимаемой завершенности некоего исторического этапа в развитии наших стран. И это вдохновляет на творческое соучастие.

2. Парадокс состоит в том, что в центральноазиатском регионе (по-старому — в Средней Азии и Казахстане) нет такого печатного органа, который объединял бы нас в единое целое, в единое литературно-художественное пространство на основе русского языка. Попыток создания такого журнала (газеты, альманаха, ежегодника) было сделано предостаточно, начиная с 1990-х годов, но все они оказались недолговечными или безуспешными. «Дружба народов» — это, определённо, единственный журнал, который все эти годы после развала СССР выполнял подобную благородную творческую миссию. Как это ни покажется странным, но именно он позволял нам, «среднеазиатам», узнавать о самих себе больше, взглянуть на себя со стороны, увидеть регион как единое и целостное культурное явление, укрепиться в этом единстве. С интересом высматриваю в журнале публикации, связанные с нашим регионом, и узнаю что-то новое о давно знакомых мне лично писателях и поэтах. Так случилось, например, после прочтения неожиданной для меня статьи, скорее даже некоего «психологически-поэтического» исследования Веры Калмыковой о киргизском поэте Вячеславе Шаповалове в контексте национально-культурных перемен в Киргизии (2023, № 7).

3. «Логика» трансформаций в бывших постсоветских республиках, теперь независимых странах, в последнее десятилетие, казалось бы, ещё более отдалила нас всех от идеи дружбы народов. Дружба народов — один из основных концептов советской эпохи, и он, к сожалению, превратился по большей части в ситуативный (дежурный) элемент интеллектуальной и политической риторики. А ныне разворачивается, во всяком случае в нашем регионе, новый виток национального строительства, теперь уже связанный с преодолением фантома колониального сознания. Не примет ли оно (преодоление) стихийные формы, не овладеет ли массами как идея? Когда-то Олжас Сулейменов, обеспокоенный такими настроениями, сказал, что мы все колонизированы прежде всего нашим прошлым (цитирую по памяти). Отражается, отразится ли этот процесс в художественном творчестве? Будут ли какие-то великие прорывы или — напротив — огромные провалы? Думаю, что для «Дружбы народов» — независимой площадки для самых разных позиций и взглядов — эти повороты могут быть весьма интересны и получают отражение на страницах журнала. Но и с другой стороны: наш регион позволяет — в опоре на огромное общее культурное, духовное, художественное наследие — формировать региональную культурную самоидентификацию как часть единого с российским культурным пространством евразийского целого. А это ещё одно, на мой взгляд, едва ли не самое важное направление, достойное внимательного наблюдения со стороны «Дружбы народов».

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Марина МОСКВИНА, прозаик, сценарист, журналист, лауреат почётного диплома Международной премии имени Ганса Христиана Андерсена, лауреат премии «Алые паруса», автор Тотального диктанта 2025 года (Москва)

Я много лет сотрудничаю с журналом «Дружба народов» и всегда с волнением предлагаю редакции свои новые вещи, потому что знаю, какую они задают высокую профессиональную планку, несмотря на все сложности, которые испытывают последнее время «толстые» литературные журналы. Это герои нашего времени, бескорыстные рыцари литературы, одарённые литераторы и знатоки своего дела, выполняющие важную миссию: посредством литературы, силой слова соединять людей, народы и культуры.

В этом году я стала автором Тотального диктанта, в котором приняло участие чуть ли не полтора миллиона человек на всей Земле, и это только прошедшие регистрацию! Так вот, путешествуя по городам России и за рубежом, выступая в бывших республиках Советского Союза, я оказалась свидетелем повсеместного желания окунуться в атмосферу живого русского языка.

Звучание речи — магическое действо, о чём мы порой забываем. Искусство слова, русского слова, его энергия, мелодия, ритм — творящая сила бытия, способная преодолевать разобщённость и непонимание. И рупором её без малого век верно служит журнал «Дружба народов».

Переведённые на русский язык писатели союзных и автономных советских республик и опубликованные в России писатели постсоветского пространства обретают заинтересованную читательскую аудиторию, широкую известность и признание. Василь Быков, Грант Матевосян, Расул Гамзатов, Отар Чиладзе, Яан Кросс и многие другие колоссы стали классиками современной литературы благодаря не только своему дару, но и взаимообогащению культур, собратьям по перу. Смог бы писатель даже такого масштаба внести вклад в мировую культуру, не будучи переведённым на *великий и могучий русский язык* и опубликованным в моём любимом журнале?

Ничто не познакомит нас глубже, не удивит сильнее самобытностью и не откроет корневую общность лучше, чем культура. Такова тайна жизни — всё, что одухотворено, облекается смыслом, влиянием. Заботит это писателя или нет, его произведение — это всегда объяснение в любви человечеству, стремление взаимодействовать на всех уровнях бытия.

Именно журнал «Дружба народов» помогает ощутить связующие нити пространств и времён, которые тянутся из прошлого в будущее, и, несмотря на разногласия и разобщённость, даёт нам возможность почувствовать себя вместе.

Да, своеобразными, но любящими и любимыми, помнящими, что счастье — это каждый мирный день. Пусть всего лишь в Слове — в сфере, где властвует Язык, который, как писал друг Пушкина поэт, историк Пётр Андреевич Вяземский, «есть исповедь народа».

Вера ЗУБАРЕВА, писательница, литературовед, главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское Безрубжье» (Филадельфия, США)

Скажу без преувеличения, что моя работа как автора с редакцией «Дружбы народов» была стимулирующей и способствовала появлению важных для меня текстов. Я не человек монолога. Диалог важен мне. Он помогает чётче

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

сформулировать идеи, вызревающие внутри. Так, однажды я отчётливо осознала, что термин «зарубежье» изжил себя в плане обмена литературным опытом. И я предложила термин «безрубежье». Моя статья «Русское безрубежье», вскрывающая тенденции внутреннего единства работающих на ниве русской литературы, была встречена с интересом и опубликована (№ 5, 2014). В статье чётко различимы понятия «русский» и «русскоязычный» и показано, что русскоязычный не озабочен вопросами, возникающими за пределами языка в той мере, в какой озабочен «русский». Русскоязычный менее всего думает о языке как животворящей сущности. Для него язык — лишь средство обмена информацией. Мера вовлечения в русскую культуру и даёт представление о разнице между этими двумя категориями. Иными словами, безрубежье — это «единое литературное, художественное, культурное, духовное пространство», о котором в своё время говорил Ефим Бершин в одном из круглых столов «ДН» («Дружба народов? Дружба литератур? Есть ли жизнь в едином культурном пространстве?» — № 3, 2009).

Не могу не упомянуть и столь важную для меня публикацию моей поэмы «Реквием по снегу», посвящённой родной Одессе. Поэма в экстренном порядке была принята в номер. Как вспоминает Галина Климова на страницах «ЛГ»: «Письмо с этой поэмой прилетело в редакцию, когда мартовский номер был сверстан, и пришлось в пожарном порядке всё *утрясать и уминать*, и даже менять кегль, чтобы выкроить несколько полос и опубликовать в этом номере “Реквием по снегу”» (31 августа 2019). Что может быть ценнее этого опыта?

Из любимых публикаций последних лет назову стихи Ефима Бершина, в частности подборки «Пой, балалайка!» и «Больные времена». Запомнились главы из романа Марины Кудимовой «Поля фильтрации» (№ 6, 2021) и, конечно же, новый роман Владимира Вигилянского и Олеси Николаевой «Дело Гапона» (№ 1, 2025).

Для меня как литературоведа и критика наиболее актуальными являются аспекты, связанные с современным литпроцессом на всём обширном пространстве русского безрубежья. Это включает как критику и круглые столы, так и публикации поэзии, прозы и публицистики в её многообразных проявлениях.

Денис ДРАГУНСКИЙ, прозаик, журналист, колумнист (Москва)

Я работал в «Дружбе народов» с 1990 года. Меня пригласил на должность заведомо «Нация и мир» наш выдающийся литературный критик Лев Александрович Аннинский. Журнал неустанно ткал сеть взаимосвязей между литературами народов СССР. Трудно перечислить все славные имена, которые появлялись на наших страницах. Публикация в «ДН» многим авторам давала «код доступа» к русскому, а далее всесоюзному и даже мировому читателю. Но это — всем известно. Мы — в «моем» отделе — печатали проблемные статьи и проводили интереснейшие круглые столы по широкому спектру «национальной» тематики.

После 1991 года главным направлением журнала стала интеграция многочисленных литератур народов РФ в единую систему современной многоязычной и многонациональной российской литературы.

Уверен, что эта задача с каждым годом становится всё более актуальной и животрепещущей.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Вадим МУРАТХАНОВ, поэт, прозаик, переводчик, критик и эссеист (Москва)

1. Впервые в «Дружбе народов» мои тексты вышли в 2000 году. Мне показалось логичным, тогда ещё будучи узбекистанцем, обратиться в журнал, который заточен на работу с авторами постсоветского пространства. Моя дебютная подборка стихов вышла довольно быстро — не «мариновали» и не «кормили завтраками», как это случается в иных изданиях, — и с того времени началось мое многолетнее и плодотворное сотрудничество с журналом.

В отношениях автора с журналом, помимо профессионального интереса, важен ещё и личный контакт. В «Дружбе народов» на моей памяти всегда работали люди, которые не только глубоко и тонко разбираются в литературе и происходящих в ней процессах, но и чисто по-человечески вызывают симпатию. С ними приятно пообщаться не только по поводу текстов, но и на другие, в том числе житейские темы.

2. В журнале за последние годы состоялась масса интересных публикаций. Чтобы никого не обидеть, поступлю эгоистично: отмечу выход во 2-м номере «Дружбы народов» за 2016 год повести классика узбекской литературы Тагая Мурада «Тарлан», в переводе которой мне довелось принять участие. Тагай Мурад — это такой узбекский Шукшин. Писатель поистине народный, любимый и читаемый в Узбекистане, но настолько далёкий от официоза, что ни одна его книга, написанная в позднесоветские годы, не была переведена на русский язык. «Тарлан» стал первым опытом знакомства русского читателя с этим выдающимся прозаиком. Это была, без преувеличения, значительная встреча как для узбекской литературы, так и для русскоязычной аудитории.

Ценность «Дружбы народов» прежде всего в уникальности ниши, которую она занимает среди других российских журналов. Иностранной литературой «заведует» одноимённый журнал. Русской — все остальные. «Дружба народов» — единственный журнал, специализирующийся на иноязычной литературе России и постсоветских стран. Тем самым он скрепляет всё ещё единое во многом культурное пространство одной шестой части суши, которое без неё распалось бы, безусловно, быстрее.

Сейчас, когда работа по поиску талантливых авторов в регионах и, особенно, по литературному переводу, оплачивается нерегулярно и скудно, то, что делает «Дружба народов», представляется подлинным подвижничеством. Редакция, сталкиваясь с финансовыми и иными трудностями, продолжает свою миссию на голом энтузиазме. И, безусловно, заслуживает тёплых слов и искренней благодарности.

3. Наиболее важным в работе журнала мне видится знакомство русского читателя с национальными литературами народов России: публикация переводов, выпуск спецномеров, посвящённых литературе того или иного региона.

Сила большой страны — в её единстве и многообразии. Проблемы начинаются, когда иное превращается в чуждое и вызывает отторжение вместо желания узнать и понять. Думается, что у читателей «Дружбы народов» выработан иммунитет к шовинизму и ксенофобии, которые иногда, по недомыслию, путают с патриотизмом.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Борис МИНАЕВ, прозаик, журналист, лауреат премии «Заветная мечта» и премии Егора Гайдара (Москва)

1. Для меня печататься в «Дружбе народов» — это честь. Я прекрасно помню, какой оглушительной сенсацией стала публикация «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова в 1987 году. Вопрос о публикации решался на Политбюро, понятно, что была мощная поддержка горбачёвских помощников и самого Горбачёва — и всё же это стало первым ядром, пробившим брешь в стене «запрещённой» литературы, и нужно было иметь мужество, чтобы это сделать. Были и другие публикации того времени, которые, в общем, трудно забыть. Юрий Трифонов, Нина Берберова, подзабытый ныне (и очень несправедливо) роман Аркадия Львова «Двор». В ещё более дальнее советское время — публикации грузинских, армянских, прибалтийских писателей, работа в журнале выдающегося критика Льва Аннинского. Я читал письма Валерии Новодворской, в одном из них она настоятельно рекомендует адресату прочитать статью Льва Аннинского о новом романе эстонца Яана Кросса. А ведь публиковался роман именно в «Дружбе народов». Знаток русской литературы, Новодворская прекрасно понимала, что именно увидел в романе Лев Александрович, и делилась этим со своими друзьями.

Для меня главный опыт «Дружбы народов» — это прежде всего уважение и принятие иных культур, иных языков. Иного национального опыта. И конечно, опыт свободомыслия и свободного изложения этих мыслей.

Вместе с другими «толстыми» журналами в конце 80-х «Дружба народов» заложила основу нашего восприятия действительности, наших главных ценностей — каждый тогда внёс свой вклад: «Октябрь» — «Жизнь и судьба» Гроссмана, «Новый мир» — Солженицын, ну и так далее.

2. Мне кажется, современная проза вся заслуживает внимания. Мне близок из нового поколения прозаиков, например, Дмитрий Данилов, но вообще то, что в каждом номере есть новая современная проза, — уже некий редакторский подвиг. В этом и есть ценность.

3. Продолжать переводить с языков наших соседей — украинского, армянского, азербайджанского, грузинского, казахского, других... С языков народов РСФСР. Это очень трудно сейчас, но нужно. Очень нужно.

Алёна КАРИМОВА, поэт, переводчик, член Координационного совета молодых писателей Приволжского федерального округа (Казань, Республика Татарстан)

1. Я давно дружу с этим журналом, мне нравится то, чем он наполнен, нравится, что он старается держать планку качества, а это в наши времена очень непросто. Мне симпатична его редакция.

Кроме того, публикация в «Дружбе народов» заметна, этот журнал читают в регионах России, в национальных республиках и даже в странах СНГ.

2. В отличие от большинства других «толстяков» журнал публикует большое количество переводов, он по-прежнему, согласно своему названию, работает на дружбу народов как внутри России, так и на пространстве СНГ. Он — часть той самой «мягкой силы», культурного взаимодействия с нашими ближайшими соседями,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

которое сегодня нашей стране так необходимо. К сожалению, много политических и прочих сил работает на разобщение, и те относительно немногие проекты, которые служат именно объединению, дружбе, помогают взаимопониманию между народами, очень нужны. Мне кажется, их обязательно следует поддерживать и словом, и делом.

Я люблю читать тематические номера, знакомиться с литературами народов России и Стран СНГ. Но тематика журнала, конечно, гораздо шире. Как детскому писателю мне, например, интересно было узнать высказывания авторов, критиков, библиотекарей, педагогов в рамках совместного с Российским детским фондом круглого стола «Дети и мир XXI века в современной литературе», опубликованные в номерах в конце 2024 и начале 2025 года. Это очень важно и полезно — периодически «сверять часы». Встречая мнение, похожее на твоё, радуешься, что ты не одинок, что у тебя есть единомышленники, встречая противоположное — стараешься посмотреть на проблемы под другим углом, используя чужую оптику, и это может быть очень продуктивно. Мне приятен дух свободной полемики, когда собеседники с разными взглядами имеют возможность соглашаться или спорить, оставаясь при этом в рамках дружелюбного диалога.

Разумеется, интересно читать и современную прозу, поэзию. Но это вещи очевидные, что про них говорить.

3. Ну, вот два важных лично для меня направления я уже отметила — переводное и детское, думаю, это надо продолжать. Если говорить о перспективах, хотелось бы, наверное, большего цифрового развития, по возможности, более активного присутствия журнала в сети.

Мне ещё кажется перспективным обращение к региональной тематике. Не только к национальным республикам в составе РФ, но и к областям, где традиционно пишут только или почти только на русском. Все они уникальны, каждый имеет особые черты. Журнал уже это делает, конечно, и печатает авторов из регионов. Я говорю о «литературном образе» конкретного города или области. В России сегодня фантастически быстро развивается внутренний туризм, людям интересно узнавать о том регионе, куда они приезжают, в том числе интересна и литературная жизнь: история и современность. На федеральном уровне мало кто этим занимается, а мне это кажется возможностью привлечь новых читателей, с одной стороны, и разнообразить содержание журнала — с другой. Конечно, не понижая высокой планки.

От всего сердца желаю «Дружбе народов» процветания и любви читателей.

Константин ШАКАРЯН, поэт, переводчик, литературовед (Ереван, Армения)

1. Когда я, совсем ещё юный пиит, только-только начинал задумываться о публикациях, многие армянские литераторы старшего поколения, заставшие ещё масштабы цельного всесоюзного литературного процесса, сразу вспоминали в разговоре «Дружбу народов» — независимо от того, являлись ли они сами на тот момент авторами и друзьями журнала. Такая «априорность» периодического издания в сознании нескольких поколений говорит о многом. И хотя я стал автором «ДН», когда уже публиковался во многих московских и иных изданиях, ступить на её страницы мне было по-особому волнительно и радостно.

2. На этот вопрос прежде (и лучше) всего отвечает вступительный редакционный текст о пути журнала. Здесь, что называется, ни убавить ни прибавить.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Что же до ярких публикаций — я, увы, не могу назвать себя примерным читателем периодики: редко когда берусь за прозу, особенно крупногабаритную. По счастью, можно говорить о стихах — их качество в журнале для меня, как для человека пристрастного, является первостепенным и определяющим. В «Дружбе народов» регулярно печатаются такие высокие коллеги как Олеся Николаева, Владимир Гандельсман, Сергей Попов, Лариса Миллер, Сергей Пагын, Константин Комаров, Ксения Аксёнова — всех не перечислишь, но уже один этот беглый и далеко не полный перечень разнопоколенческих имён способен многое сказать читателю стихов. Отдельно хочется подчеркнуть, что именно здесь преимущественно печатается проза о поэзии Ильи Зиновьевича Фаликова — в частности, в «ДН» публиковалась его книга о Борисе Слуцком, диалог с которой стал важной частью моей работы о поэте, частично уже завершённой.

Немного выходя за рамки вопроса, хотелось бы ещё сказать, что именно в «ДН» печатались почти все статьи и эссе последних лет Владимира Огнева (1924–2017), — являющегося для меня важнейшим критиком и исследователем живого поэтического слова второй половины прошлого века и начала нынешнего.

3. Для меня «актуальна» всегда публикация хороших стихов — и чем меньше стихи эти будут подпадать под рубрику некой эфемерной «актуальности», тем лучше. Остаётся пожелать журналу, чтобы никакие «повестки» не мешали продолжать развиваться в своём благородном и благодарном направлении. А ещё — порадоваться, что в контексте «Дружбы народов» и её уникального места в современной литературной ситуации можно, говоря о поэзии, иметь в виду не только русские стихи, но и переводные.

Валерия ПУСТОВАЯ, прозаик, литературный критик, лауреат Горьковской премии, премии «Дебют», Новой Пушкинской премии, Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. «Дружба народов» — это собрание высококлассных профессионалов в области литературы. Журнал с традициями организует вокруг себя сообщество, очень разнообразное по возрастам, литературным вкусам, жанровым предпочтениям. Публикация здесь означает участие в большом контексте современной литературы.

Кроме того, именно мне нравится разнообразие подходов журнала при публикации критики. Журнал организует дискуссии, предлагает рубрики. Мне близка рубрика «Подробное чтение», куда можно написать обстоятельную, объёмную рецензию, дискуссионную статью о литературном произведении. Очень интересный ход — рубрика «Связка рецензий», где из отдельных рецензий выстраивается проблемный контекст рассмотрения литературы.

Мне нравятся авторские рубрики Евгения Абдуллаева «Литературный барометр» и Бориса Минаева «Правила игры». В них возможно выйти за рамки строгой рецензии или проблемной статьи, создать более лёгкий и гибридный текст в жанре эссе, а также выйти за пределы самой литературы — в пространство других искусств.

2. Как все литературные журналы традиционного типа, так называемые «толстяки», «ДН» предлагает собирательный образ литературного процесса, предоставляет площадку для малых жанров — рассказов, подборок стихов, эссе, критики — и для новых авторов, создаёт пространство диалога о литературе, приглашая высказываться самых разных авторов.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

В то же время у него своя, исторически сложившаяся задача — поддержка диалога о литературе на уровне международном, межнациональном, помощь в сохранении литературных связей на пространстве бывшего Советского Союза и внутри многонациональной России.

Не хотелось бы обидеть многочисленных авторов «Дружбы», выделяя какие-то публикации по сравнению с другими. Потому что журнал тем и отличается от книги: это работа контекста, это взгляд на литературу сквозь границы жанров, — в отличие от самопрезентации автора под отдельной обложкой.

Назову лишь постоянных авторов критического отдела журнала, чьи публикации вызывают у меня неизменный интерес. Это Александр Чанцев и Ольга Балла, Евгений Абдуллаев и Борис Минаев, Борис Кутенков и Михаил Павловец, Татьяна Веретенова и Кирилл Ямщиков.

И отмечу работу журнала с новым поколением писателей — публикации таких молодых авторов, как Евфросиния Капустина, Варвара Заборцева, Анна Маркина и других.

3. Мне очень нравится открывшийся и развивающийся в журнале разговор о детской литературе — проект «Дружба навзрослость». О её прошлом и традициях, об образе ребёнка и семьи в литературе, о новых авторах и решениях, темах и вопросах в этой области. На мой взгляд, это возвращает детской литературе статус искусства, показывает её как сферу не только ремесленного воспроизводства прежних образцов, но и сферу творчества, поиска новых решений, актуальных в разговоре с новыми поколениями юных читателей.

В целом именно готовность к организации диалога о литературе, поддержанию связей над границами регионов и жанров, поколений и вкусов кажется мне наиболее важной, незаменимой работой журнала.

Алексей КОЛЕСНИКОВ, прозаик (Белгород)

1. Именно в «Дружбе народов» около десяти лет назад состоялась моя первая серьёзная публикация. Для начинающего автора это наизначительнейший этап в творчестве. С тех пор я регулярно публикуюсь именно в «Дружбе народов», не особо «смотря на сторону». Меня всегда привлекала идея, положенная в основу журнала, а именно: создание единого международного литературного пространства, поддержка русского языка за рубежом и особенно на территории бывшего СССР. Журнал учит (именно учит) национальному уважению, не на словах, а на деле противостоит ксенофобии. Также редакция журнала внимательно относится к своим авторам, особенно молодым. Мне это известно не только из личного опыта, но и по отзывам товарищей. Среди современных авторов «Дружбы» полно как известных всей читательской стране писателей, так и тех, кто только обретает своего читателя. Я нахожу в таком подходе реальный лифт для писательской мобильности — крайне редкое для сегодняшнего дня явление. Важна и техническая сторона вопроса: мне нравится дизайн журнала и его функциональный сайт.

2. Во-первых, журнал выстоял. Он не исчез, как его «братья». Более того, он развивается, не предавая себя. Об этом говорят и тиражи, и читательское внимание к «Дружбе». Журнал даже может иногда позволить себе такую роскошь, как выплата щедрых (по нынешним меркам) писательских гонораров. Не все книжные издательства имеют возможность поощрить труд своих авторов.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Во-вторых, множество маститых авторов, публиковавшихся в разное время в «Дружбе народов», оказали на меня большое влияние. Например, З.Прилепин, Р.Сенчин, П.Крусанов, А.Варламов. Многие их тексты в дальнейшем были изданы в виде книг и получили достойное признание. Сам по себе этот факт является, на мой взгляд, критерием качества журнала. Сейчас я слежу за публикациями Д.Балина, М.Симбирёва, В.Айрапетяна, И.Волосюка и многих других.

3. Трудно что-то советовать в качестве мер по развитию журнала. Для этого нужно обладать экспертным мнением, опытом по управлению такой машиной. Как читатель — могу лишь пожелать «Дружбе народов» придерживаться взятого курса по открытию новых имён авторов, живущих в России и за её пределами. Желая сохранить авторов, занимающихся публицистикой и переводами — отдельная золотая шкатулка журнала. Остальные вещи, такие как освоение новых электронных площадок, наращивание тиражей, носят скорее технический характер и требуют материальных затрат. Надеюсь, что при помощи частных инвесторов или поддержки государства подобные трудности будут преодолены и результат, в виде нового витка развития нашей литературы, не заставит себя ждать.

Я не нахожу в себе права делить литературу на «патриотическую» и на «не способствующую развитию патриотизма». Но если сильно необходима оценка, то, по-моему, всякая литература, создающаяся в нашей стране и рассказывающая о ней, и есть то самое средство, с помощью которого автор признаётся в любви к родине. Прочие подходы от лукавого.

Саша НИКОЛАЕНКО, прозаик, художник, лауреат премии «Русский Букер» (Москва)

Дорогая «Дружба народов»! Журнал с названием моей мечты. Журнал, что никогда не сходил с папиного письменного стола, с наших книжных полок. Сразу же приношу свои извинения, потому что на некоторые из вопросов недостаточно компетентна ответить подробно, потому что, находясь в своём писательском забытии, вечно забываю названия публикаций, то же самое с датами дней рождений и даже лет. Это не значит, что я не читаю: я не просто читаю «Дружбу», мне необходим этот журнал, и мои публикации в нём (за которые благодарю отдельно) тем не менее тут абсолютно ни при чём. Просто думаю, что современная литература высшего пилотажа по-прежнему стоит на китах, сохранивших по сию пору не только свои Имена, но и традиции литературного качества. Не на премиях, хотя, конечно, литпремии — огромное подспорье, а именно на «толстяках» сегодня, как и прежде, стоит Русская Литература.

«Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Урал», «Новый мир» — публикация в них гордость, счастье для авторов, пишущий люд понимает: эти журналы не печатают литературу низкого качества. «Толстяки» — это вершины. Что будет Русская литература без них? Что будет, если литературу мы загоним в политику, если писатель, написавший про лес, про деревню, про жизнь звучит недостаточно поучительно? Поучительно будить души к добру, поучительно и патриотично желать счастья своей Родине, и я знаю абсолютно точно, что никто так искренне не желает России счастья, как её столпы — литературные журналы, что я перечислила.

Журналы необходимо поддерживать, поддерживать их — значит поддерживать уровень, держать планку, поддерживать всеми силами. Как? — материально

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

поддерживать, потому что редакции «толстяков», составляющих вершины нашей современной литературы, держатся на чистом энтузиазме, на воле удержать и сохранить, на настоящей любви к литературе.

Хочу ответить на третий вопрос — о наиболее актуальных аспектах и направлениях развития журнала.

Это очень простой вопрос! Наиболее актуальны все аспекты и направления развития журнала, какие «ДН» сочтёт нужным выбрать. Журнал публикует тексты прежних, ещё советских времён, и наших современников, спецвыпуски, представляющие литературу огромной многонациональной страны, статьи, эссе и очерки авторов из всех регионов России, проводит круглые столы, осуществляет переводы поэзии и прозы с аварского, бурятского, калмыцкого языков, осетинского, коми, табасаранского (о существовании которого прежде и не знала), татарского, тувинского, узбекского, шорского, якутского и других языков — это настоящий подвиг!!! Журнал работает с молодыми авторами, поддерживает их, поддерживает точно так же русских и русскоязычных писателей за рубежом, журнал держит планку, уровень! Журнал поддерживает нас. Но кто же поддержит сам журнал?

Я благодарю всю команду журнала «Дружба народов» за их труд, за веру в нас, за надежду, за любовь к литературе, к слову, за каждую публикацию и каждый аспект.

Прошу быть!

Евгения Джен БАРАНОВА, поэт, переводчик, издатель, Лауреат премии СНГ «Содружество дебютов» (Москва)

1. Во-первых, потому что у меня с этим изданием — любовь, и, надеюсь, что взаимная. Моя первая публикация состоялась в «Дружбе народов» в 2018 году, с тех пор, как только накапливается новый материал, я первым делом предлагаю свежую подборку именно им.

Во-вторых, «Дружбе», несмотря на все геополитические сложности, удалось сохранить по-настоящему великолепный редакторский состав: Сергей Надеев, Галина Климова, Наталья Игрунова, Ирина Доронина не только создали комфортную атмосферу для авторов полярных эстетических взглядов, но и поддерживают её — каждым номером, каждым мероприятием. Не знаю другого журнала, в котором многолетняя традиция так элегантно уживалась бы с молодёжным авангардом, а лучшие представители мультиязычных регионов соседствовали бы с московскими классиками.

2. Для меня большой радостью является дерзновенность столь солидного «толстяка»: «Дружба» не боится отдавать значительную часть выпуска под публикацию экспериментальных прозаических текстов (к примеру, романа лауреата премии «Лицей» Анны Маркиной «Куколья» или рассказов лауреата Русской премии Владимира Лидского), а также заочных круглых столов, посвящённых знаменательным датам (таким как недавний юбилей Бродского) или актуальной проблематике литературного процесса.

Отдельно хотелось бы отметить удивительный переводческий проект «Шкереберть», участником которого мне довелось быть почти пять лет. Его уникальность заключалась не столько в том, что к переводам поэзии со славянских языков были привлечены разновозрастные литераторы, каждый из которых обладал выработанной поэтикой, сколько в самом подходе — никогда прежде я не сталкивалась с техникой именно сравнительного поэтического перевода.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Впрочем, не переводами едиными — авторы «Дружбы народов» с завидной регулярностью оказываются в коротких списках то «Большой книги», то «Ясной Поляны». О чём это может свидетельствовать, как не о чрезвычайно высоком уровне журнала?..

3. Поддержка молодых литераторов, эксперименты с формой и форматом, выстраивание диалога между разными социальными группами — всю эту грибницу направлений, весь этот уже возделываемый командой «Дружбы» сад следует сохранить, сберечь хотя бы для оправдания перед потомками.

Современный мир всё меньше похож на калейдоскоп национальных культур, скорее, мы внутри алхимической реторты: перетекание, слияние, преобразование. И в этом хаосе особенно велика потребность в таких островках медленного чтения, как мой любимый журнал, — интеллектуальному читателю всегда будет необходима территория, где искусство не поддаётся сиюминутному жару новостей, а созревает, как выдержанный коньяк в кокетельских подвалах.

Мадина ХАКУАШЕВА, прозаик, доктор филологических наук (Нальчик, Республика Кабардино-Балкария)

1. Я обратилась в журнал «Дружба народов» по просьбе одного из корреспондентов журнала, так как редакция была заинтересована в произведениях молодых адыгских авторов. Позже я узнала, что такой запрос поступал во все национальные республики нашей страны.

2. Журнал «Дружба народов» обладает уникальным опытом сотрудничества с авторами разных республик и областей России, способствует интеграции литератур и культур нашей страны. Коллектив редакции объединяет профессиональных талантливых литераторов, которых отличает любовь к своему делу, колоссальная трудоспособность и бескорыстие.

Журнал развивает и укрепляет различные литературные жанры отечественной литературы, такие как поэзия, проза, литературная критика, художественная публицистика. С 2006 года по приглашению редакции и Фонда СЭИП принимала участие в форумах молодых писателей (выступала модератором в Нальчике, Грозном), северокавказских писателей в Железноводске. Долгое время являлась руководителем группы молодых северокавказских писателей, пишущих на родном языке. Форумы проходили в Москве, Переделкино, Звенигороде. В процессе работы проводились мастер-классы по всем жанровым направлениям (поэзия, проза, переводы, лит. критика) с приглашением признанных мастеров, проходили творческие вечера известных поэтов и прозаиков, презентации новых книг. Молодые авторы обменивались опытом, критическими замечаниями. В результате этих встреч завязывались живые творческие альянсы, вышло несколько сборников северокавказских писателей, прошли презентации в Москве и республиках. Вместе с тем вышло несколько сборников молодых авторов из республик Северного Кавказа. Это уникальный плодотворный опыт, на мой взгляд, не имеет аналогов в укреплении подлинной дружбы народов через многонациональную литературу России. В формировании этих замечательных традиций самое активное участие принимали сотрудники журнала, в первую очередь главных редакторов. Я убеждена в необходимости продолжить этот уникальный опыт одного из самых уважаемых «толстых» журналов нашей страны.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Евгений ЧИЖОВ, прозаик, лауреат премий «Венец» и «Ясная Поляна» (Зеленоград, Московская обл.)

1. Должен сказать, что я вообще-то совсем недавно стал регулярно сотрудничать с «толстыми» журналами после того, как, написав четыре романа, перешёл к малой форме и начал сочинять рассказы. Один из них, «Большой», не взяли ни «Знамя», ни «Новый мир», а «Дружба народов» не только опубликовала этот очень важный для меня рассказ, но и наградила его премией как лучший рассказ года. И эта премия дороже для меня всех остальных премий, перепадавших раньше за романы, хотя среди них были и «Ясная Поляна», и премия «Венец» Союза писателей Москвы. Не хочу сейчас вдаваться в детали и объяснять почему — всякий, кто прочтёт рассказ, легко поймёт сам. Естественно, «Дружба народов» заняла для меня после этого особое место среди «толстых» журналов. И следующий большой рассказ «Кровь и судьба» я уже никуда больше не предлагал, а сразу отправил в «Дружбу» — не в последнюю очередь потому, что речь в этой фантастической истории и в самом деле идёт о такой редкостной по нынешним временам вещи, как дружба народов.

2. «Дружба народов» с очевидностью занимает особое место среди «толстых» журналов, будучи площадкой для публикации переводов с языков наших ближайших соседей, в недалеком прошлом советских республик, или с языков народов России. Многим авторам, пишущим на этих языках, перевод даёт уникальную возможность быть замеченными и признанными в русской литературе — одной из великих литератур. Уже одним своим названием журнал напоминает о том лучшем, что было в исчезнувшей Атлантиде СССР, и в меру своих сил стремится продолжать в совершенно иных условиях ту прекрасную и сложную традицию. В то же время журнал открыт и для русскоязычных авторов, стремящихся к обновлению традиции, ищущих новых смысловых и формальных горизонтов. Благодаря своей открытости для авторов разных языков и стран, разных поколений и стилей, «Дружба народов» обладает, возможно, самым широким среди всех наших «толстяков» эстетическим диапазоном.

Что касается ярких публикаций последних лет, то для меня незабываем роман Сенчина «Елтышевы», вышедший в журнале в 2009 году.

3. Тут я пас. Поскольку я далёк от внутрижурнальной политики и практики, ничего дельного насчёт аспектов и направлений я, к сожалению, сказать не могу.

Александр ЧАНЦЕВ, литературовед-японист, прозаик, критик, культуролог, лауреат премии Андрея Белого и Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. Считается, что «толстые» журналы — это что-то закостенелое и ригидное. Это в корне не так, потому что в борьбе за читателя да и собственное существование «толстяки» сейчас — едва ли не самое прогрессивное и инновационное место. Публикации как мэтров, так и совсем молодых авторов, тематические номера, новые рубрики, различные виртуальные круглые столы и опросы, неожиданные публикации — на фоне всего этого какой-нибудь новый литературный портал с фиксированными рубриками проза-поэзия-критика выглядят уже консервативно.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

И если всё перечисленное хорошо, но всё же формально, то гораздо ценнее общая открытость «толстых» журналов и особенно «Дружбы». Здесь автор может предложить какой-то свой неформатный, вне рубрик и даже устоявшихся жанров текст и, коли он интересен и ценен, увидеть его вскоре напечатанным.

Говорю всё это с основанием, вот, как модно говорить, кейс и практически success story. Редакция предложила мне вести регулярную рубрику в журнале, для меня на волне моих интересов оформилась и тема — религия, философия, творческие и экологические практики, идеи в поле традиции и по его краям. И уже несколько лет выходит эта рубрика и, судя по читательским рейтингам, регулярно и хорошо читается.

А сколько ещё таких рубрик созревают, оформляются и начинают дорогу к читателю сейчас!

2. О ценности журнала, имеющей 85-летнюю выдержку, я уже сказал. И возраст этот подчеркнуть, кстати, совсем не грех. В современном мире, где всё постоянно меняется, даже вчерашнее выбрасывается на свалку, а у новой модели уже завтра выйдет, может, и совсем неудачное, «обновление», вещи с историей нужно ценить особо. Тот самый английский газон, который просто постригали в течение двухсот лет, это действительно очень важный актив. Стартапов можно придумать хоть тысячу (и 999 из них прогорят), а то, что работало, и работало хорошо многие десятилетия, не придумать «в моменте» и не купить ни за какие деньги. За нашу новую историю мы успели разбросаться столькими традициями, что-то пытаемся с той или иной долей успеха возродить — может быть, стоит бережнее отнестись к традиции ещё живой и успешно работающей?

Отдельные публикации не позволяют перечислить объем опроса, но можно отметить ещё важную особенность журнала. «Толстые» журналы — это одновременно и площадка для всех дебютов (опять же и знаменитый автор, и новичок до выхода романа книгой отдадут его для публикации именно в журнал), и очень важный архив литературы (в последние годы, доказавшие нам ненадежность электронных изданий, мы все в этом могли убедиться). «Толстый» журнал — это прошлое и будущее литературы под одной обложкой.

3. Будущее предсказать невозможно, тем ценнее следить за ним и даже, возможно, как одному из многочисленного коллектива авторов, чуть-чуть участвовать в его становлении. А схемами, бизнес-планами и прочим жестким планированием заниматься для такого живого журнала, как «Дружба народов», и странно даже (это как у Юрия Тынянова в «Литературном сегодня»: «Много заказов было сделано русской литературе. Но заказывать ей бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку».).

Лидия ГРИГОРЬЕВА, поэт, прозаик (Лондон, Великобритания)

Хорошо помню свою первую публикацию в журнале «Дружба народов» в 1978 году. Это были переводы стихов молодого молдавского поэта. Влад Друк, впоследствии ставший у себя в республике известным кинематографистом, был тогда ярким и необычным поэтом авангардного направления. И публикация в таком авторитетном журнале смогла открыть ему возможность для публикаций на родном языке в Молдавии. А для русских поэтов моего поколения «семидесятников», переводы с национальных языков на поэтический русский, часто были единственной возможностью показать свой талант или профессионализм, получив за это не маленький (помню хорошо) гонорар.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Переводить тогда нам приходилось с подстрочников. И это было, что скрывать, большим подспорьем для целой плеяды и русских, и национальных поэтов, которых подолгу держали в приходе, не допуская в «большую литературу». Ещё в Казани, в студенческие годы, я переводила татарских и башкирских поэтов, нарабатывая опыт и мастерство в прямом общении с поэтами-ровесниками, ставшими впоследствии заслуженными и народными поэтами Татарстана или Якутии. Роль журнала «Дружба народов» и тогда, и сейчас обоюдополезна для страны с таким огромным языковым разнообразием.

В начале двухтысячных именно этот журнал в двух разных номерах опубликовал мой роман в стихах «Русская жена английского джентльмена, или Не бедные люди». Тогда же я обратила внимание на то, как много авторов журнала попадают в номинации самых престижных премий, что говорит об особом чутье в отборе публикаций. И не удивилась тому, что мой «роман в штрихах» «Термитник», фрагменты которого впервые появились именно в этом журнале, вошёл в длинный список премии «Ясная Поляна». И был отмечен большим количеством рецензий и статей.

Когда ушёл в мир иной мой муж Равиль Бухараев, поэт, прозаик, переводчик, постоянный автор «Дружбы народов», именно на страницах этого журнала появились не опубликованные при его жизни произведения и воспоминания о нём литераторов разных стран и национальностей.

Очевидно, что журнал «Дружба народов» выполняет свою особую миссию, решает творческую задачу, уходящую корнями в историю страны и отражённую в самом названии журнала.

Александр ОРЛОВ, поэт, прозаик, историк, лауреат ряда литературных премий (Москва)

1. Почему у кого-то из авторов складываются рабочие отношения с тем или иным журналом, вопрос неоднозначный. Своё знакомство с «Дружбой народов» я начал задолго до появления моих публикаций: между моей первой подборкой, предложенной редакции, и дебютной публикацией прошло несколько лет. И уже десять лет в журнале выходят мои стихи. Особенно ценные для меня — посвящённые Великой Отечественной войне и моим близким.

По моему мнению, редколлегия вправе принимать или не принимать авторский материал без объяснения причин. Сложилось — хорошо, а если нет, — надо дальше спокойно работать и выбирать пространство для публикаций.

2. «Дружба народов» журнал ежемесячный, и с моей занятостью не представляется возможным систематически отслеживать выходящие номера. Но то, что авторами журнала становились литераторы, представляющие многочисленные народы России, ближнего и дальнего зарубежья, то, что в самые критические моменты можно было ознакомиться с литераторами из ДНР и ЛНР, фактически говорит о разносторонней политике журнала.

3. Сейчас, когда происходит кровопролитное разделение братских народов, исторически являющихся единым народом, когда совершается убийство канонической православной церкви, а оккультные секты и международные фонды оказывают неслыханное воздействие на наших братьев и сестёр, независимый журнал «Дружба народов» прилагает все усилия в борьбе за выживание Русского мира.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Для человека, неоднократно побывавшего в командировках и непосредственно на линии боевого соприкосновения в зоне проведения СВО, знающего, какие чудовищные испытания выпали на долю мирного населения Донецка, Луганска, Запорожья и Херсонщины, каким гонениям подвергалось православное духовенство и их семьи, какую психологическую обработку прошли дети от дошкольного до подросткового возраста, задача открытого диалога с читателем является исторической миссией журнала.

Евгений СТЕПАНОВ, поэт, эссеист, литературный критик, издатель (Москва)

1. Я начал публиковаться в журнале «Дружба народов» в 1989 году, когда главным редактором был легендарный детский писатель Сергей Баруздин. В мартовском номере были напечатаны мои стихи. В разные годы я много раз публиковался в журнале и как эссеист, и публикатор других авторов, и как литературный критик, и как поэт. Это для меня огромная честь, радость и ответственность, потому что «Дружба народов» — несомненно, один из ведущих «толстых» литературных журналов.

2. В настоящее время я сотрудничаю в основном с отделом поэзии, который возглавляет Галина Климова. Я всегда прислушиваюсь к советам и замечаниям Галины Даниелевны. Она талантливый и неравнодушный человек и старается помочь автору найти точное слово, единственно возможный эпитет... Я считаю, что это подвижнический труд. К сожалению, таких редакторов сейчас очень мало. И тем ценнее работа, которую ведёт с авторами Галина Климова. И поэтические подборки в «Дружбе народов», как правило, очень сильные. Мне помнятся стихи Олеси Николаевой, Константина Кедрова-Челищева, Елены Кацюбы, Татьяны Бек, Алексея Дидурова, Юрия Казарина, Ефима Бершина, Михаила Крепса, Равиля Бухараева, Олега Хлебникова, Анны Саед-Шах, Ольги Ивановой, Сергея Попова... Хорошо, что печатаются и молодые поэты, и поэты народов России, и стран СНГ, то есть отечественная переводческая школа находит себя именно в журнале «Дружба народов». И это очень важно, особенно в нынешнее время.

3. Я считаю, что основной аспект развития любого журнала — публикации талантливых литературных произведений. Более того, я убеждён, что только талантливые произведения могут быть — патриотичными. А если о любви к Родине трубят не самые одарённые люди, то получается фальшиво. Как писал Михаил Кульчицкий: «Я б запретил декретом Совнаркома / Писать о Родине бездарные стихи...» Это написал выдающийся поэт, погибший на Великой Отечественной войне.

И ещё вспоминаются стихи моего любимого поэта — Владимира Соколова:

Что-нибудь о России?
Стройках и молотбе?
Всё у меня о России,
Даже когда о себе.

На мой взгляд, журнал «Дружба народов» идёт правильным путём, делая ставку на качество текстов и поиск новых одарённых авторов, в том числе из республик России и стран СНГ. Значение журнала трудно переоценить, он — единственный в своём роде, именно поэтому журналу нужно оказывать всестороннюю поддержку со стороны государства. Журнал того заслуживает.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анна МАРКИНА, поэт, прозаик, критик, издатель, лауреат премии «Лицей» (Москва)

1. «Дружба народов» всегда была внимательна к молодым авторам. До сих пор помню, как на форумах прошлых лет представители некоторых изданий твердили юным авторам: «Нет, не присылайте нам ничего — у нас план и уже сформировавшийся круг писателей». Когда иные подчёркивали свою закрытость и недоступность, редакторы «Дружбы народов» самоотверженно читали самотёк, вели многочисленные семинары по всей стране, искали новые имена. Я стала таким автором, которого «поймали» на взлёте, опубликовали стихи, окружили поддержкой и организовали точки роста. Я, действительно, не знаю журнала, который бы столько вкладывал сил, времени и души в работу с молодёжью и получал бы такие результаты. Эта глубокая связь для меня выстроена не столько с образом журнала, его именем или его историей, сколько с сегодняшней редакцией — чуткой, внимательной, профессиональной, достойной всяческого уважения и восхищения.

2. «Дружба народов» всегда была ориентирована на межкультурное взаимодействие — это не только публикация текстов региональных или зарубежных авторов, это большой и ценный труд по установлению отношений русской культуры и русского языка с окружающим миром. Журнал поддерживает множество контактов с авторами постсоветского пространства, участвует в книжных ярмарках и форумах, организует ту сеть живого взаимодействия, которую невозможно выстроить бюрократически. Национальные переплетения — очень сложные цепочки (в том числе интеллектуального и литературного взаимодействия), они складываются из людей; стоит убрать из этой цепочки конкретного писателя или редактора, как рассыплется очень тонкая, десятилетиями настраиваемая связь. И в такие турбулентные времена, как сегодняшнее, журнал выдерживает внешнее сопротивление, продолжая утверждать силу русского языка.

Я с интересом читаю каждую критическую колонку Евгения Абдуллаева, известного писателя из Узбекистана. Мне понравилась повесть Тимура Нигматуллина «Я не вру, мама», которая была первой публикацией прозаика из Казахстана и получила Русскую премию. Слежу за публикациями Сергея Пагына, зрелого и очень чистого по настроению и языку поэта из Молдовы.

При журнале многие годы действует студия «Шкереберть», в рамках которой ведётся работа над переводами поэтических текстов со славянских языков, частью этой студии являюсь и я. Не знаю в журнальном поле аналогов этой работе. А цикл соответствующих публикаций можно найти на страницах «Дружбы народов».

3. Думаю, что во времена, когда литературным журналам во многих аспектах живётся трудно, но они по-прежнему остаются защитниками и хранителями разумного, доброго и вечного, лучшим из них — таким как «Дружба народов» — нужно держаться выбранного курса — это и есть путь правды, вовлечённости и истинной любви к своей культуре и своей стране.

Илья ФАЛИКОВ, поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, лауреат многих литературных премий (Москва)

1. Прежде всего — давняя дружба с журналом и его коллективом. Те, кто делают журнал, хорошо помнят его достойное прошлое и твёрдо знают необходимость работы с авторами, состоявшимися и перспективными. Я печатаюсь в журнале

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

с середины 70-х прошлого века: первая публикация — перевод стихотворения одного из северо-кавказских поэтов.

2. Стихи, эссеистика и проза — во всех жанрах со стороны редакторов журнала я нахожу точный отбор, пристальное чтение и доброкачественные советы. Самая дорогая мне публикация последних лет: Наталья Аришина. «Воспоминанья зарифмую: Записи на ходу» (№ 9, 2021).

3. Мне ближе и интереснее всего рубрики: Проза.doc, Жизнь в литературе и Культурный слой. Вся эссеистика, в широком смысле, включая мемуарную прозу. В этом и есть актуальность.

Борис КУТЕНКОВ, поэт, критик, культуртрегер (Москва)

В «Дружбе народов» я публикуюсь как литературный критик, поэтому и скажу в основном об этом направлении журнала. Мне крайне импонирует отношение заместителя главного редактора и редактора критического отдела Натальи Игруновой к своей работе. Не секрет, что у многих редакторов, начинавших ещё в советские годы, выработалась определённая инерция и даже равнодушие; здесь этого нет и в помине. Придирчивый выбор книг для рецензирования поначалу даже вызывает раздражение, но, остыв, понимаешь, что именно так должен работать настоящий профессионал. Глядя на Наталью Игрунову, вспоминаешь формулу Шкловского: «Большая литература окажется там, где мы будем спокойно стоять и настаивать, что это место самое важное». Мне кажется, это подвижничество многолетнее «настаивание» — наследие института советских редакторов, которое уже не характерно для нас, младших. Но лично мне хотелось бы видеть здесь этический урок для себя.

По-хорошему удивляет, что, какую бы книгу или автора ты ни назвал, у Натальи Николаевны уже есть к нему/ней определённое отношение. В этом чувствуется знание современного литературного процесса, ощущение контекста. Но в то же время и особое понимание журнала как целого, в которое вписываются или нет те или иные тенденции. «Дружба народов» следует тыняновскому принципу метаединства, когда соседние публикации проливают свет друг на друга. Специфика журнала требует особого подхода, обусловленного именно вниманием к переводческому делу, а значит, — объединяющий контекст становится вдвойне важен.

Журналу удалось собрать вокруг себя команду критиков, работа которых опровергает распространённое и, честно говоря, стереотипное представление об оскудении этой профессии, недостатке в ней чего-то. Отдельно хотелось бы отметить рубрику «Литературный барометр» Евгения Абдуллаева. Большинство этих колонок, опубликованных в «ДН», вошли в его книгу «Как убить литературу» (М.: Эксмо, 2021). Эта книга, несмотря на провокативное «издательское» название, — о том, как литературе выжить. Совсем недавно с интересом перечитывал её — и поразились точности прогнозов и широте анализа. Здесь и анализ тенденций в современной поэзии и прозе, и эссе о литературной учёбе, и разговор о фестивалях, книжных магазинах; вообще социология литературы в обязательном сопровождении исторического контекста. И всё это написано легко, доступно, умно, иронично. Думаю, именно рубрика в данном случае стимулирует автора, и со временем появится ещё не одно собрание подобных текстов. Книга Абдуллаева и его рубрика нетипичны — большинство современных сборников критики всё-таки состоят из рецензий и монографических статей. Такая книга у Абдуллаева тоже есть («Дождь в разрезе»), но всё же именно эту хочется назвать уникальной и необходимой.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Не могу не упомянуть о деятельности постоянного колумниста журнала — Ольги Балла. О её подвижничестве, беспрецедентной жадности к чтению и рецензионному письму, критической чуткости сказано довольно много, но этот разговор никогда не будет лишним.

С особым вниманием читаю круглые столы и дискуссии, которые регулярно проводит журнал. Не во всех современных изданиях это есть, такая работа требует отдельного опыта и затраты сил. Недавний круглый стол, посвящённый Бродскому; дискуссии о состоянии детской литературы; опросы о прочитанном писателями за последнее время, о любимых детских книгах... Всё это воспринимается с захватывающим интересом. Честно говоря, мне всегда жаль читателя, который прошёл мимо этих дискуссий, проигнорировал очередную «дружбинскую» pdf-ку. Ясно, насколько же он обедняет себя в познании современности — а для критика и организатора литпроцесса такое игнорирование просто недопустимо. Видно, что сотрудникам «Дружбы» интересно делать свою работу, и хотелось бы большей взаимности от коллег.

Думаю, что на данный момент менять в работе журнала ничего не нужно — по крайней мере, в эстетическом смысле. Перемен вокруг нас и так слишком много, не все из них благотворны. «И что ни человек, то смерть, и что ни/ Былинка, то в огонь и под каблук», по Арсению Тарковскому. Нужно сохранить своё дело. Приоритеты, на мой взгляд, у «ДН» всё те же — широта тематики дискуссий и книжных обзоров, честность и внимание к переводческому делу в очень непростых сегодняшних условиях... Надеюсь, что перемены в журнале будут совершаться естественным путём, касаться литературной стороны дела, а не социальных пертурбаций.

Удачи и стойкости любимому изданию!

Сергей ПРУДНИКОВ, прозаик, журналист, специальный корреспондент газеты «Известия» на Донбассе (ДНР)

Журнал «Дружба народов» когда-то стал для меня, начинающего автора, пропуском в мир литературы. Редактор Сергей Александрович Надеев откликнулся на моё письмо, к которому я прикрепил рукопись своей повести «Здравствуй, папа». Дал обстоятельную критику. И после моей доработки напечатал. Сегодня, спустя семь лет, у меня опубликованы в журнале пять произведений.

Нужно ли говорить, как важно для молодого литератора получить поддержку, быть услышанным, быть признанным (сама публикация — есть признание). В моём случае (и в сотнях других случаев) публикация в «Дружбе», а после сотрудничество и настоящая дружба позволили поверить в себя и, возможно, в собственное призвание. Больше того — обрести смысл жизни, скажу смело. Работая над очередным текстом, я невольно ориентируюсь на «Дружбу», знаю — рукопись пишется не в стол, есть площадка, где, при достойном исполнении, тебе дадут прозвучать. Более того — где редакторский коллектив заинтересован в твоей работе, в твоей удаче, успехах.

«Толстые» литературные журналы сегодня — это ворота в мир большой литературы для многих авторов, без «толстяков» не прозвучали бы важнейшие имена современности. «Дружба народов» — один из таких столпов, один из «университетов, где куются кадры». Журнал, помимо прочего, чутко реагирует на текущую повестку, не боится сложных или «неудобных» тем, исследует вместе со своими авторами мир, в котором мы живём. Даёт слово мэтрам и продолжает возвращать новых авторов, кому-то из которых в будущем предстоит стать классиком. Выражаю уважение и горячую благодарность журналу за годы сотрудничества, за профессионализм.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анатолий КОРОЛЁВ, прозаик, драматург и сценарист, филолог, эссеист, лауреат премии Правительства Москвы, премии Госкино СССР и многих других (Москва)

1. Очень просто — потому что журнал охотно публикует мои тексты, наша дружба с «Дружбой народов» началась с того, что журнал опубликовал мой роман «Хохот», который превратился в лежащий камень на моём рабочем столе... Почти десять лет я не мог опубликовать сей роман, после того как журнал «Знамя», когда-то сделав мне имя, вдруг отказался от сотрудничества.

2. В чём ценность? «Дружба народов» — последний журнал из «толстяков», который платит писателям гонорар, да, не всегда, но платит! Если отмечать плюсы установок редакции, — она готова публиковать «авансом» незрелые тексты авторов из ближнего зарубежья, понимая, как важна им публикация в Москве — делает имя и оказывает поддержку.

3. Из заметных публикаций отмечу мемуарный текст Павла Пепперштейна *о папе и маме*.

Сергей ДМИТРЕНКО, историк литературы, прозаик; заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А.М.Горького» (Москва)

1. Вообще-то авторов выбирает журнал, хотя и автор имеет свои предпочтения. И здесь сошлось. Я стал читать «Дружбу народов» ещё в школе, причём с известного книжного приложения к журналу. Это был том, куда вместились не только замалчивавшаяся тогда «Конармия» Бабеля, явно не прокоммунистический «Сорок первый» Лавренёва, но и другие удивительные для года столетия Ульянова (Ленина) произведения, например, гротескные «Виленские коммунары» Максима Горького. Вскоре я добрался и до журнала: там был напечатан замечательный и донныне живой «Весёлый роман» (или «Весёлый Роман») киевского писателя Владимира Киселёва, автора школьного бестселлера 1960-х годов — повести «Девочка и птицелёт»... С тех пор я постоянный читатель «ДН» — это издание мне интересно, оно нацелено на представление творчески свободных авторов, их художественно свежих произведений.

Крутые маршруты XX века занесли моих родителей во Владикавказ — южнороссийский Вавилон, где я родился, и это огромная удача моей судьбы: здесь язык русский не только вбирает в себя энергию многих других языков, но и наполняется особой отзывчивостью, не той, о которой довольно неуклюже в своё время высказался Достоевский, но исполненной мудрости всепонимания. В этом смысле журнал «Дружба народов» для меня — вечный филиал Владикавказа.

2. Продолжая разговор о ценности... Когда в 2017 году по поручению президента Российской Федерации в Литературном институте был создан научно-образовательный и культурно-просветительный центр «Дом национальных литератур», нацеленный на поддержку развития литератур народов России и восстановление традиций художественного перевода, что было бесспорным и благим достижением советского времени, редакция «Дружбы народов» предложила нам самое широкое сотрудничество. И оно обрело новые перспективы, мы учредили премию за лучший перевод года

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

на страницах журнала, однако... Читатели «ДН» видят, что переводов с других языков печатается немного, если не сказать — мало. Но виновата ли в этом редакция? Утверждаю, зная положение дел с переводами и в нашем институтском издательстве: не виновата. При отсутствии сколько-нибудь внятной политики финансирования переводов с языков народов России (и с русского языка тоже!) мы рискуем на неопределённое время остаться без панорамы современных достижений наших литератур. Неужели Россия настолько бедна, что не может выделить по нашим масштабам совсем небольшие средства для обеспечения трудов переводчиков, на достойную, расширяющуюся работу «Дружбы народов»?!

3. Выше я ответил на этот вопрос. «ДН», как и Литературный институт, созданные мудрым Горьким, живут под светлым девизом: *Дружба литератур — дружба народов*. Надо помочь журналу в его трудах: поселить редакцию в достойном месте, обеспечить целевым финансированием художественных переводов, восстановить и развивать книжные проекты. И они, и мы знаем, что и как надо делать. Но кто нас слушает, кто нам помогает?!

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ, писатель, историк, доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования (Москва)

Почему я выбираю для публикаций «Дружбу народов»?

Во-первых, потому что мой редактор — Ирина Яковлевна Доронина. Издание я воспринимаю прежде всего через человека, его отношение к тому, что ты делаешь, его изысканный вкус, культурный уровень, профессионализм. Собственно, через редактора, сотрудников, эти качества оказываются присущи журналу.

Я сотрудничаю с журналом «Дружба народов» более двадцати лет не только потому, что пишу, мне кажется, родственное ему по содержанию, и поэтому естественно передать свой текст в это издание, к ставшему уже, надеюсь, другом своему редактору. Не менее важно во времена шаткости социальных и личностных устоев ощутить надёжность человека и журнала, сохраняющих непреходящие ценности, культурную традицию и если не уровень былых знаменитых авторов, то твёрдое стремление не опускаться ниже плинтуса, что, к сожалению, происходит сегодня в российской печати. «Дружба народов» не продаёт душу ни за какие коврижки — вот что в первую очередь притягивает к журналу. И само название, несмотря на горькое разочарование в действительности, остаётся неизменным, если не как подтверждение сущего, то как вечное напоминание о должном. Возможно, я несколько идеализирую, но «толстый» литературный общественный журнал в России, даже если не нужен власти, остаётся нужным человеку.

Что касается «путей» и «горизонтов» — в реальности, в которой мы находимся, и в обозримом будущем, — то о них лучше говорить молодым авторам, людям, чей жизненный горизонт дальше. Талантливые молодые, как ни странно, ещё остались в России. Они и в ближнем, и в дальнем зарубежье.

Мы знаем, что русская эмиграция оставила культурный след в разных странах, у разных народов. Нынешняя не будет исключением.

Наблюдения показывают, что у переехавших в иные края есть несколько возможностей. Отгородиться от общества, говорить только по-русски, жить в «пузыре». Или побыстрее абсорбироваться, стать частью общего.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Но есть и ещё одна возможность, которую я отметил в разных странах и увидел в разных опытах. Не изолироваться и не раствориться. Опереться на то, что знаешь и умеешь лучше всего, сделать нечто своё, новое. И тем самым внести вклад в инновационные технологии, сервис, педагогику, культуру страны и народа, среди которого живёшь. Пройдёт время, и это, как уже не раз бывало, вернётся в Россию. Как и сделанное у себя на родине просочится к другим народам и будет ими развито. Живой круговорот идей и практик — цивилизации, культуры, образования.

Может быть, подумать на эту тему? Чем может помочь журнал «Дружба народов». И не проглядывает ли в этом для него самого какой-то широкий горизонт, один из новых путей развития?

Илья ОДЕГОВ, прозаик, переводчик, лауреат премии «Современный казахский роман», Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. Я помню, что ещё в детстве в родительской библиотеке находил и читал номера «Дружбы народов» и именно там знакомился со стихами Расула Гамзатова и рассказами Фазиля Искандера. В журнале я открыл для себя и Чабуга Амирэджиги, который надолго стал моим любимым писателем. На мой взгляд, «Дружба народов» — это то самое издание, которое в нынешнем, раздираемом противоречиями мире выстраивает мосты между писателями и читателями разных культур, между поколениями и традициями. Здесь литература становится не только способом самовыражения, но и формой культурного диалога. Для меня, как автора, который всю жизнь работает на стыке культур Востока и Запада, Европы и Азии, важно, чтобы мои тексты были услышаны в контексте именно такого диалога. Кроме того, я являюсь членом редакционного совета журнала и поэтому очень ценю, что «Дружба народов» — это не только площадка для публикаций, но и пространство, благодаря которому у меня есть возможность поддерживать других авторов, особенно из Казахстана и Центральной Азии.

2. «Дружба народов» — это издание, которое в первую очередь сохраняет и развивает литературный русский язык как язык межнационального общения, вне зависимости от границ и национальностей. И это — главное. Ценность журнала ещё и в том, что он на протяжении десятилетий держит высокую планку качества, сочетая верность литературным традициям с открытостью новым голосам и смыслам. Среди самых ярких публикаций последних лет я бы отметил статьи писателя и литературного критика Евгения Абдуллаева, стихи Айгерим Тажи и Заира Асима, прозу Сауле Кожатаевой, Юрия Серебрянского, Евгения Эдина и др., а также переводы Фукудзавы Юкити и Оулава Гюннарссона. Отдельно стоит упомянуть тематические номера — например, выпуски, посвящённые литературам Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др. Это, возможно, лучшие современные антологии русскоязычной литературы последних лет, способные дать срез прозы и поэзии того или иного региона.

3. Сегодня особенно важно строить мосты между культурами, языками, поколениями. «Дружба народов» как раз обладает всеми ресурсами для этого. Всегда актуальные направления — это вовлечение новых авторов, в том числе пишущих на языках малых народов, переводы их текстов, а также сохранение внимания к русскоязычной и переводной литературе ближайшего зарубежья. И журнал очень многое делает для этого. Замечательно появление рубрики «Золотые страницы «ДН»», где вспоминаются лучшие публикации прошлых лет. Ну, а ещё, на мой взгляд, важно

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

продолжать работать с цифровыми форматами, социальными сетями, мультимедийным контентом — чтобы привлечь и удержать молодого читателя. Возможно, стоит развивать формат интервью с авторами, а также расширять междисциплинарность — соединять литературу с современными гуманитарными исследованиями, кино, музыкой, визуальным искусством. Я верю, что у «Дружбы народов» есть всё, чтобы быть не просто литературным журналом, а интеллектуальной платформой нового поколения.

Ольга БАЛЛА, литературный критик, эссеист, редактор, лауреат Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. Вследствие совпадения круга интересов и интонационной общности (и, чуть переиначивая классика, отсутствия эстетических разногласий). Ну и ещё потому, что сюда можно писать регулярно и самостоятельно придумывать содержание рубрики и организуя её идеи, чему редакция практически никогда не препятствует, разве что иногда мягко возражает (смайл).

2 (а). Очень важно, что журнал удерживает в поле зрения одновременно происходящее в русскоязычных литературах постсоветских стран и самое актуальное и интересное из того, что делается в нашем отечестве, не выпуская притом из вида — тут я разумею прежде всего рецензионный отдел — и переводные книги авторов, с Россией и русской культурой не связанных, зато имеющих отношение к тем или иным большим важным проблемам (вот, например, «Обретение личности» Фукудзавы Юкити с предисловием и комментариями Александра Мещерякова в мартовском номере этого года).

2 (б). Прежде всего, мне очень нравится авторская рубрика Александра Чанцева; также много лет, не только последних, и авторская же рубрика Евгения Абдуллаева (их обоих читаю каждый раз самыми первыми). Из ярких публикаций обозримого времени сразу же идёт на ум, например, «От фонаря» Владимира Гандельсмана, «Проскинитарий» Дмитрия Исакжанова; из совсем-совсем недавнего — «Словесная партитура. Сравнение литературы с музыкой: к истории одной метафоры» Константина Фрумкина в апрельском номере за 2024 год; «Испивая чашу» Юлии Стоногиной о чайной церемонии и общих чертах её с православной литургией в январском номере этого года; в апрельском номере этого же года был очень интересный материал Анатолия Цирульников о миграции и мигрантах разных времён и народов; в майском — круглый стол о Бродском в связи с его 85-летием.

3. Мне кажется, что, если уж меняться и развиваться, надо бы подробнее и разнообразнее писать о русскоязычной словесности далеко за пределами России, в максимальном, насколько возможно, отрыве от здешней культурной, событийной и т.п. почвы. Я себе представляю «Дружбу народов» как журнал не только о литературе так называемого ближнего зарубежья, оно же постсоветское пространство, и литературах разных народов России (что само по себе очень интересно), хотя это, пожалуй, первостепенный круг его задач, но и о том, что пишется и думается по-русски во всём свете и поверх барьеров, во всех русских диаспорах — от неминуемых Израиля и США до менее очевидных Канады, Австралии и, предположим, Чехии (а лучше всего — и не только о словесных искусствах). Таким образом будет, во-первых, составляться подвижная карта умственной и вообще культурной жизни, связанной с русским языком, во-вторых, само соответствующее пространство будет удерживаться в единстве, хотя бы и в воображении читателей, это уже много.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Что ещё интересно и нуждается, по-моему, в активном прочтывании и рефлексии? Исследования русской культуры за рубежами России; вот о таких книгах стоило бы побольше писать, да хотя бы и завести отдельную рубрику! (В самом идеальном случае — писать бы не только о том, что переведено у нас, но и о том, что издано на языках оригиналов.)

Олег РЯБОВ, прозаик, главный редактор журнала «Нижний Новгород», лауреат премии «Золотой Витязь» (Нижний Новгород)

1. За последние годы я опубликовался в «Дружбе народов» с десяток раз, и это не я выбрал журнал, а он, журнал, его главный редактор и редколлегия выбрали меня в качестве своего автора. Это значит, проблематика моих текстов, качество языка и моё понимание современных задач литературы устраивают журнал, и мы в чём-то роднимся. Мировоззренческое противостояние различных российских литературных журналов существовало всегда: «Сын отечества» и «Современник» в начале XIX века, «Русский современник» и «На посту» в двадцатые годы прошлого века, «Новый мир» Твардовского и «Октябрь» Кочетова на нашей памяти. Их противостояния лишь обогащали нашу литературу.

Несколько лет назад я прислал в «Знамя» повесть «Труба», и глубоко уважаемый мной Сергей Иванович Чупринин написал в ответ: «Олег! Это не к нам! Ты знаешь, куда это посылать!» И уже через полгода повесть была опубликована в «Нашем современнике». Журналов должно быть много, и они должны быть разными.

Простое перечисление имён советских и российских писателей, предложивших читателям со страниц «Дружбы народов» свои тексты, просто восхищает! Это заслуга главного редактора и редколлегии.

2. Я не самый активный читатель современных текстов: даже большинство премиальных произведений я не успеваю толком просмотреть, а потому мне трудно судить. Но честно, откровенно, искренне могу заявить, что роман Сенчина «Елтышевы» меня когда-то просто потряс, и я уверен, что этот текст останется в русской литературе навсегда. Заслуга журнала «Дружба народов» в этом несомненна и значительна.

3. Безусловно — поиск новых имён. Публикация в «толстом» литературном журнале уровня «Дружба народов» — это первая ступенька в бессмертии!

Фарид НАГИМ, прозаик, драматург, редактор, педагог, лауреат премии Совета по культуре при Президенте РФ (Москва)

1. Журнал «Дружба народов» — первый «толстый» литературный журнал, где в меня поверили. Редколлегия приняла к печати мою пьесу, это при том, что драматургию журнал обычно не печатал. Бывало и такое, что другие «толстяки» отказывались публиковать мои произведения по каким-то «внутрицензурным» соображениям, но не «Дружба» — этот журнал всегда ориентировался только на художественную ценность произведения.

2. Хотел бы отметить, что в «Дружбе народов» за эти десятилетия сложился уникальный коллектив: Леонид Бахнов, Наталья Игрунова, Галина Климова, Ирина Доронина, Владимир Медведев, Сергей Надеев, Елена Жирнова. Смее уверить (и я знаю, о чём говорю, так как отдал журналу три года своей жизни), что без этих

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

людей, работающих практически бесплатно, журнала «Дружба народов» уже не существовало бы! Вообще не было бы предмета для разговора, понимаете?! Боюсь, что любое вмешательство в работу редакции обрушит высокую планку, которую удавалось сохранять все эти годы, — журнал является эталоном литературного качества текста.

Журнал вывел в свет многих прекрасных писателей — от маститых и всемирно признанных до совсем юных. Так, например, в годы моей работы в «Дружбе» появилась Ася Умарова — ныне известная чеченская писательница. И так же были одобрены, например, публикации молодых башкирских писательниц — Гюльназ Лежневой (повесть «Нэнэй», № 9, 2023) и Марии Александровой (рассказ «Хэтер», № 1, 2023).

Ещё мне запомнились рассказы Максима Симбирёва.

3. Думаю, направления работы неизменны: помощь молодым авторам из национальных республик России. Тщательный отбор, талантливый перевод и популяризация их произведений. Освещение тем миграции, интеграции, сохранения родных языков в условиях урбанизации. В условиях роста национализма, ксенофобии и культурной изоляции именно эта редакция остаётся единственной площадкой, где голоса разных народов звучат на равных. Его работа помогает сохранить многообразие в единстве — ключевую ценность российской и постсоветской литературы. «Дружба народов» сегодня — не просто архив советской многонациональной культуры, а живой инструмент диалога в сложном XXI веке. С этим инструментом надо обращаться бережно, а не рвать из рук, сохранивших и усовершенствовавших его профессионалов.

Дмитрий ШЕВАРОВ, прозаик, литературный критик, эссеист, лауреат премии Правительства РФ, Премии «Ясная Поляна» (Долгорудный, Московская область)

1. Мне кажется, что в отношениях с тем или иным изданием у каждого пишущего есть своя таинственная химия отношений. Объяснить её трудно. Что могу сказать со всей определённости: мне очень дорога творческая дружба с нынешними создателями журнала. Прежде всего — с Натальей Николаевной Игруновой.

2. «Дружба народов» сопровождает меня с отрочества — сначала как читателя, потом и как автора. Невозможно не дорожить этим. Мои представления о нравственных задачах литературы, о том, что именно такие задачи — главные для писателя, во многом складывались благодаря «Дружбе народов», благодаря тому потрясению, которое я испытывал от прочитанного в журнале. Прежде всего вспоминаются повести Василя Быкова, Нодара Думбадзе, Юрия Трифонова, Виктора Козько.

Журнал от корки до корки читала моя мама, профессиональный литературный и театральный критик. Она ненавязчиво подталкивала меня, подростка, к прочтению книг на вырост, серьёзных, а подчас и сложных произведений. И эта мамина «школа читателя» помогает мне до сих пор ориентироваться в хаосе нынешней распавшейся словесности.

Если говорить о публикациях «Дружбы народов» последних лет, то я стараюсь следить за публикациями Ларисы Миллер, Сухбата Афлатуни, Ильи Фаликова, Марины Москвиной, Дениса Гуцко, Бориса Минаева, Ольги Балла, Игоря Малышева, а также знакомых мне молодых (и уже не очень молодых) авторов. Это чтение

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

обнадеживает. Назову Наталию Ключарёву, Валентину Патронову, Константина Комарова, Варвару Заборцеву, Григория Князева, Ефросинию Капустину, Константина Шакаряна.

3. Дай Бог журналу просто выжить, удерживая в себе, как в пучке света, те направления, что были когда-то безошибочно заданы самим названием журнала.

Елена ДОЛГОПЯТ, прозаик, сценарист, лауреат премии им. Исаака Бабеля (Москва)

1. Потому что «Дружба народов» разборчива. Далеко не всегда мне говорят: да, берём, публикуем. А когда публикуют, — я счастлива, я точно знаю, что мой рассказ (раз уж он пригодился «Дружбе народов») хорош. И компания, в которой мой рассказ окажется, будет интересная.

Вот, к примеру, мартовский номер за нынешний, 2025 год, где напечатан мой рассказ «Царь лев». В этой же книжке журнала: Роман Сенчин (материалы к биографии Александра Тинякова «Тиняков и Первая мировая»), Саша Николаенко (главы из романа «Страна, которой больше нет»), Галина Калинкина (рассказ «Глубина промерзания»), Лев Усыскин (пьеса «Гниды»). Это голоса современной прозы. Значимые, важные. Горжусь соседством.

2. Журнал «Дружба народов» — настоящий дневник современной литературы. Это свидетельство её — литературы — существования. Не просто сборник того и другого, не хаос текстов, а гармония, может быть, неожиданная. Стихи, рассказы, главы из романов, поставленные вместе (и в определённом порядке) редакторами журнала оказываются чем-то единым.

3. Может быть, это и не самая заметная публикация, но мне хочется обратить на неё внимание. В № 2 за 2022 год, в разделе «Моя малая родина»: Айганыш Акылбекова «Осенняя хандра в Кыргызстане: недореволюция, киргизация и балконские».

Много лет назад я жила с родителями во Фрунзе (сейчас — Бишкек). Недолго — мой шестой класс. Помню людей, арыки (особенно на ГЭС-5), поездку в горы, сами горы с ледяными вершинами, дубы в парке, выгорающую от жары траву, богатый, яркий (солнечный) базар. Мне хочется, чтобы вы поняли: я не просто читала про другую страну, но про ту страну, которая была и моей тоже. Я видела её в другое время и детскими глазами, а заметки Айганыш Акылбековой дали мне новое зрение, новое понимание. Не только Кыргызстана. Но и современной многолюдной Москвы. Потому что мы связаны, несмотря на все разделы. Это очевидно.

И, кстати, мне очень нравятся в этом же номере прекрасные цветные иллюстрации художника Аннагелды Меретгельдыева, реалистичные и сказочные — волшебные. По-моему, больше ни один «толстый» литературный журнал не даёт иллюстраций. А они бывают весьма кстати. Возникает новое восприятие текста. В каждом номере журнала (или почти в каждом) есть статьи, заметки лучших современных критиков Александра Чанцева и Ольги Балла.

Их интересно читать. Их важно читать (если вы хотите ориентироваться в современной литературе; не только в русской; не только в беллетристике).

Современная русская литература. В России, в Кыргызстане, в Израиле, в Казахстане, да где угодно. В контексте мировой литературы. Чтобы не терять ориентиры.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр МАРКОВ, философ, литературовед, искусствовед, культуролог, переводчик, арт-куратор, профессор РГГУ, лауреат Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. «Дружба народов» — это не просто журнал, это пространство, где встречаются голоса из разных культур, где переплетаются судьбы и языки, а слово, освобождённое от ближайшей утилитарности, обретает свою истинную природу. Мне близка его идея — не просто рассказывать истории, но создавать диалог между людьми, которых разделяют границы, но объединяет человеческое. Здесь я чувствую, что мои тексты не просто публикуются, а становятся частью большого разговора. Здесь я нахожу редкую возможность для своих текстов существовать в режиме, как сказал бы Ролан Барт, «письма-наслаждения», где читатель становится не потребителем смыслов, но их со-творцом. Наконец, здесь я присоединяюсь к дыханию других авторов, а нет ничего ценнее такого литературного дыхания, где сердце не лжёт. *Hic stylus, non calculus* — здесь перо, а не счётный камешек.

2. Ценность «Дружбы народов» — в её способности открывать новые имена и сохранять классику. Журнал не боится сложных тем, не избегает экспериментов, но при этом остаётся местом, где литература — это не игра в слова, а искренний разговор. Журнал создаёт текстуальные созвездия из произведений. Ценность также — в умении слышать музыку языка, даже если она звучит на незнакомом наречии. Журнал помнит, что поэзия и художественная проза рождаются не только в великом, но и в малом. Журнал помнит о мужестве человечности. Мне ценно, что журнал переводами открывал поэзию высокого парадокса, от У.Вордсворта (в переводе И.Меламеда) до Г.Господинова (в переводе Е.Харитоновой). Мне ценно, что в журнале сотрудничала Ольга Седакова, и всегда её слёзы, высеченные в мраморе. Мне ценно, что в журнале была опубликована вдумчивая проза о работе культурной памяти, например, «Бывшая Ленина» Шамиля Идиатуллина и рассказы Ильдара Абузярова. И совсем ценно, что в журнале публикуется множество писателей, представляющих свою культуру как переводчики и участвующих в российском литературном процессе — например, Анна Варданян. *Sed melius: hic non tantum leguntur, sed releguntur verba*. Но главное: здесь не просто читают, а перечитывают слова.

3. Сейчас, когда мир разрознён, «Дружба народов» может стать платформой для межкультурного диалога на всех уровнях. Не будем бояться текстов на стыке жанров: документальная проза, эссеистика, визуальные гибридные формы. Нужна работа в пользу текстуальных архипелагов — где проза, поэзия и эссеистика образуют новые синтаксисы. Пусть сближение с другими искусствами происходит не иллюстративно, а так, чтобы текст становился партитурой для невыразимого. Поприветствуем молодые голоса — не надо смущаться радикальных, неожиданных авторов, они умеют дружить и умеют объяснить, что такое дружба, в том числе дружба народов. Благословим цифровое присутствие — подкасты, мультимедийные проекты, чтобы литература жила не только в столбцах. Не только текст, но и перформанс, голос, жест. Больше женских голосов — и ярость свободы духа, и ярость любви! Ближе к природе слова — меньше сухого анализа в критике, больше огня в рассказе о прочитанном. Пусть будет больше переводов — но не как адаптаций, а как призрачных отражений оригиналов в другом языке. И как нужна классическому «толстому» журналу работа с тишиной — графические поэмы, пробелы, паузы — всё, что напоминает: истинное рождается в интервалах. *Lusus verborum, sed cum gravitate: non joci, sed sacra* — игра слов, но с важностью: не шутки, а священнодействие.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Максим ГУРЕЕВ, прозаик, режиссёр, лауреат литературной премии «Данко» (Москва)

С «Дружбой народов» меня связывает давняя, а по нынешним временам прямо-таки старинная дружба. Две эти дружбы в моём случае начались 27 лет назад, когда я впервые напечатался на страницах журнала, в 1998 году. Поверьте, это достаточный срок, чтобы понять, кто работает на данном поприще и почему именно на этих страницах хочется публиковаться.

А дело, как ни странно, в литературе, в тексте, потому как сам журнал «Дружба народов», существующий вот уже 86 лет, текстом и является — не политическим ангажементом и не натужным вещанием о «насушном», но именно текстом, голосом многонациональной литературы, которая решает вопросы куда более важные, чем выбивание грантов и освоение бюджетов.

Быть частью этого мегатекста, в который, по словам Андрея Битова, мы все погружены, но не все способны это осознать, почитаю для себя за особую честь.

Российская Империя, СССР и современная Россия всегда были многонациональными и мультикультурными государственными образованиями. Спорить с этим — всё равно что оспаривать собственную судьбу, снисхождение которой к человеческой глупости порой бывает воистину безгранично.

Нет, не рождается в споре истина хотя бы потому, что в схватке амбиций побеждает сильнейший, а не умнейший, да и не пристало умному спорить с дураком-горлопаном. А переломанным копьям, как известно, место на свалке...

У журнала же «Дружба народов», как мыслится, совсем иная задача — бережно обращаться с абсолютно разными языковыми ресурсами, тактично приноравливая их друг к другу, духовно обогащая тем самым как читателя, так и писателя, открывая перед ними новые возможности текста, будь он написан на русском или аварском, узбекском или литовском, украинском или балкарском языках.

В начале этого лета в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ у меня вышла книга «Керим Отаров». Упомянул о ней вовсе не из желания попиариться на страницах журнала. Дело в том, что именно в этой монографии о судьбе и творчестве классика советской балкарской литературы мне пришлось впервые выступить в качестве переводчика поэмы и рассказов Керима Отарова на русский язык. Опыт воистину бесценный и многое объясняющий в деятельности «Дружбы народов», направленной на сближение литератур если порой лингвистически и не родственных, то исторически и культурно неразрывно связанных.

Среди наших современников, на чьи публикации в журнале мне хотелось бы обратить особое внимание, следует назвать Андрея Волоса и Евгения Абдуллаева, Владимира Салимона и Владимира Делба, Александра Чанцева и, конечно же, незабвенного Бахыта Кенжеева (1950—2024). Список этот, разумеется, можно длить. Поэты и прозаики, литературные критики и журналисты, сошедшие под обложкой «Дружбы народов», по сути пишут один текст, который вот уже на протяжении более чем восьми десятков лет является неотъемлемой частью многонациональной русской литературы.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр БУШКОВСКИЙ, прозаик (Петрозаводск, Республика Карелия)

1. «Дружба народов» для меня — журнал особенный. Здесь случилась в 2013 году моя первая большая публикация: была напечатана повесть «Праздник лишних орлов». Не то чтобы это была путёвка в жизнь — рассказы я печатал и раньше, однако с «Дружбой народов» с тех пор меня связывают самые нежные отношения. Мне довелось принимать участие в книжных фестивалях и круглых столах журнала, познакомиться с его сотрудниками лично, и скажу с благодарностью: в журнале работают не просто высокопрофессиональные редакторы, но и мудрые, доброжелательные и обаятельные люди.

2. О значении «толстых» литературных журналов для отечественной культуры сказано так много, что повторяться не хочется. «Дружба народов» — журнал с уникальной спецификой: его задача — вести и поддерживать межнациональный диалог, сшивая литературное пространство той незримой нитью, о которой классик татарской поэзии Габдулла Тукай написал когда-то «Нанизаны мы на единую нить...» Тут по ассоциации вспомнились опубликованные в журнале яркие, живые рассказы Аделя Хаирова из Казани, особенно «Такое весёлое кино». С интересом прочитал повесть Олега Зоберна «Бесермяне» о малом финно-угорском народе в Удмуртии. У нас в Карелии проживает несколько малых финно-угорских народов — карелы, вепсы, саамы, — и проза Зоберна, как говорится, отозвалась, эта тема мне близка.

3. Думаю, что ничего более актуального, чем сращение (так часто теперь рвущихся) культурных связей между странами и народами — поверх границ, поверх барьеров, — и быть не может. Работа единственного в России издания подобного рода, вся на это направлена и этим важна и необходима сегодня и завтра.

Игорь БУЛКАТЫ, прозаик, поэт, переводчик (Москва)

С момента основания в 1939 году «Дружба народов» была и является едва ли не единственным печатным органом, который объективно представляет динамику многообразия национальных литератур бывшего Советского Союза, а после его распада — России. Нынче в контексте событий, происходящих в мире, важность её и правомерность возросла в разы. И дело вовсе не в том, что журнал печатает стихи симпатичных лично мне поэта и священника Дмитрия Трибушного или Натальи Изотовой, живущих в Донецке, и многих других писателей Малороссии, но мало печатает переводов современных украинских писателей, чему есть объективные причины, — а в том, что, как это ни печально, некогда общее литературное пространство раздвигается за счёт европейских и заокеанских публикаций.

Кроме того, нам по-прежнему недостаёт культуры межнациональных отношений. Проблема усугубляется тем, что эти отношения из этнокультурной всё больше и больше перемещаются в политическую плоскость. Причина, на мой скромный взгляд, в неумении противостоять ангажированности и злоупотреблению исследованиями определёнными силами, в нарастающей трудовой и политической эмиграции. Как тут не вспомнить первых молодых представителей боярских фамилий, посланных Петром Первым в 1697 году на учёбу в Голландию, где они научились не только корабельным и астрономическим наукам, но и получили первый опыт общения с европейцами.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Задача же журнала «Дружба народов», в чьём заглавии громадный опыт общения с самыми разными писателями, не в том, чтобы вовремя реагировать на проявления глубинных этнокультурных процессов народов России, а в том, чтобы эти процессы были представлены на его страницах в виде высокохудожественных произведений. По выражению Платона, истина, явленная в голом виде, менее продуктивна, нежели истина, представленная в виде художественного образа. Ибо для читателя важно не само действие, фактология, а промежуток между эмоцией и изложенной мыслью, уловив который, они подключаются к сотворчеству, а это самое главное в искусстве. Ведь окончательно сформулированное мнение зачастую обрезает крылья фантазии. Писатель на страницах своих произведений может выматывать себя размышлениями об истине, ошибаться в суждениях, предполагая, что эти сомнения — суть искусства, но это не так. Порой сотворчество с читателем, выражающееся в домысливании им предложенных автором реалий, гораздо важнее удачной метафоры или аллегории. И это вовсе не перекладывание ответственности, а именно сотворчество, которое весьма важно в переломные моменты истории.

Другая важная проблема — трудности художественного перевода. Сегодня мы наблюдаем дефицит переводческого мастерства, о чём не однажды говорилось на страницах журнала «Дружба народов». Несмотря на то, что Литературный институт им. А.М.Горького, моя альма-матер, не раз поднимал вопрос о создании семинара переводчиков с осетинского языка на русский, мне не удалось собрать нужное количество желающих получить образование в Москве. Мне стыдно признаваться в этом, но молодые люди Осетии, выпытывающие у меня ответ на вопрос: что же они будут иметь с этого, — не горят желанием учиться в Литературном институте. Между тем, тенденция такова, что многие талантливые осетинские писатели переходят на русский язык, наивно полагая, что для охвата современных проблем и скорейшего донесения их до читателей родного языка недостаточно. Но это уже сложности не только этнического и культурного характера, а и недопонимания сложившейся ситуации.

Валерий БЫЛИНСКИЙ, прозаик, лауреат премии «Ясная Поляна» (Санкт-Петербург)

Свобода и дружба — вот, пожалуй, главные отличительные признаки журнала «Дружба народов». Или дружба и свобода, не важно, от перестановки слагаемых сумма смысла не меняется. Об этом журнале я знал ещё в глубоком детстве, а потом так получилось, что из всех наших литературных «толстяков» больше всего печатался здесь. Почему? Потому, наверное, что в других журналах всегда присутствовал лёгкий элемент избранности и надмирности, что ли, — а в «Дружбе» всегда к моим текстам относились с неизменным вниманием и пониманием. «Дружба народов» никогда не была «храмом искусства», это было просто искусство для людей и о мире, в котором мы живём. При этом далеко не всегда все мои рассказы и повести брали — позже я понимал, что сам недотянул их. Мне кажется, этот журнал — единственный на данный момент самый что ни на есть актуальный срез современной русской литературы. Его читают, его покупают. Его читает, кстати, говоря, молодёжь — я сам видел несколько раз в метро парней и девушек с открытым журналом «Дружбы народов» в руках. А дизайн какой, — крафтовый цвет обложки, шрифт, просто приятно взять в руки. Ну и название соответствует. Здесь печатают авторов разных национальностей,

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

изо всех регионов страны, порой с противоположными взглядами — но при этом критерий всегда один: хорошая, качественная литература. Первый рассказ у меня в «Дружбе народов» вышел уже не помню в каком году, назывался он «Последнее лето». О том, как одна семья, живущая в стране, которая скоро развалится, в кои-то веки собралась вместе и поехала на машине отдыхать на море, и там все они нашли кратковременное, а может и вечное единство. А последний рассказ «Пьяная аллея» был о взрослой и одновременно ранней, юной любви, и действие там тоже происходило на морском берегу. Между этими двумя рассказами было много публикаций, позже всё это выходило в книгах. Но вот эти две новеллы, первая и последняя, наверное, самые для меня дорогие — потому что они о том, чем для меня стала за эти годы «Дружба народов»: дружеская, практически домашняя, семейная атмосфера в редакции, куда всегда можно запросто прийти в гости, и... конечно, любовь, которая со временем становится только крепче.

Ирина БОГАТЫРЁВА, прозаик, музыкант, фольклорист, лауреат премий по литературе для детей и подростков им. Крапивина и «Книгуру» (Москва)

Журнал «Дружба народов» лично для меня — воплощение своего названия: именно *дружбы* и именно *народов*, т.е. признания равноправия и равной ценности всех языков и культур и поиска контакта между ними. Важно, что слова, вынесенные в название журнала, не стали здесь просто вывеской, затёртым лозунгом, но до сих пор несут смысловую нагрузку и определяют творческий поиск редакции. Помню, как однажды мне довелось принимать участие в очном семинаре журнала в Переделкино, и это было настоящее счастье — познакомиться лично с писателями из разных регионов России и стран бывшего СССР, пообщаться и лучше понять друг друга. Как человеку, выросшему в многонациональном регионе — Поволжье, — интересующемуся и изучающему традиционные культуры, мне всегда любопытно знать, о чём пишут авторы в Татарстане, на Алтае, в Якутии и других регионах, а для этого нужны переводы, для их публикаций — площадки, а значит, что? А значит — «Дружба народов»!

Поэтому и публиковаться здесь для меня большая честь: я чувствую, что мои тексты тоже становятся частью процесса культурного взаимодействия. Кроме того, в «Дружбе народов» уделяют большое внимание детской литературе: тут регулярно публикуются тексты, рассчитанные на детскую аудиторию, а также проходят круглые столы, посвящённые проблемам детской литературы. На мой взгляд, это отличная традиция, хорошо, если она продолжится, потому что читать высказывания других авторов по одинаковым вопросам всегда очень познавательно.

Что касается самой яркой публикации — той, которая помнится на протяжении нескольких лет, — то для меня это роман Андрея Волоса «Царь Дариан» (№ 3, 2019 г.). Многослойный, колоритный текст, переплетение истории и современности. Запомнилась жаркая, даже душная атмосфера романа — Таджикистан, Персия, войны и потери, надежды и любовь разных эпох. Любопытно, что примерно год назад довелось обсуждать роман с совершенно случайным собеседником, оказавшимся заядлым любителем современной литературы, — так что не мне одной он запомнился. (К слову, сейчас открыла сеть и обнаружила, что именно в этом году роман вышел книгой.)

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Игорь КУЗНЕЦОВ, прозаик, литературный критик, эссеист (Москва)

1. Для меня, как давнего и постоянного автора «Дружбы народов», важнее всего в любом коллективном издании, каковым, по определению, является литературный журнал, — быть в хорошей компании. То есть хочется публиковаться рядом с теми, кто мне интересен прежде всего как прозаик, поэт, публицист, критик, художник и т.д. «ДН» мне такую чудесную возможность уже много лет даёт.

Как сторонник «традиционных ценностей» я, конечно, предпочитаю читать бумажный вариант журнала, и когда очередной номер попадает мне в руки, я прочитываю его насквозь. Далеко не со всеми изданиями такое происходит, хотя я всегда, насколько такое возможно, стараюсь быть объективным в оценке чужих сочинений, имея немалый опыт собственного редакторства.

2. Здесь любят литературу в целом и, в частности, — своих авторов, относясь к ним нежно, хотя и строго: просто «по знакомству» на страницы «ДН» не попадёшь.

Главная ценность, на мой взгляд, при всей немногочисленности редакции, — желание и умение находить новых авторов, молодых и не очень, главное — хороших и настоящих. Многие писатели за последние годы были журналом буквально «открыты», хотя и прежде публиковались в других изданиях с короткой прозой. Приведу лишь один пример: Сергей Самсонов, роман о событиях 2014 года на Донбассе «Держаться за землю», получивший премию «Ясная Поляна». Мне эта вещь ни стилистически, ни по теме не близка, но я ценю выбор редакции, и роман прочитал, — исключительно потому, что он опубликован в «ДН».

3. Продолжать любить литературу и своё журнальное дело, трудное и не слишком благодарное ныне.

Публиковать и далее авторов постсоветского пространства, — для многих из них «ДН» — единственная возможность быть прочитанным не только на родном, а и на русском языке. То же касается и авторов из национальных российских регионов, пишущих на родных языках.

Уникальность «ДН» здесь проявляется особенно — у редакции есть и традиционный, и новый опыт дружественной и профессиональной работы с авторами, пишущими на языках народов России. Больше таких изданий просто нет.

И — да, «Дружба народов» совершенно и тонко, без пафоса, а с любовью соответствует своему названию: здесь объединяют, а не разъединяют, в чём, на мой взгляд, и есть один из смыслов литературы и искусства во всей их стилистической и географической широте.

Олег СИДОРОВ (Олег Амгин), прозаик, публицист, председатель Ассоциации «Писатели Республики Саха (Якутия)» (Якутск, Республика Саха)

1. «Дружба народов» — само словосочетание, ставшее именем журнала, воспринимается и как символ нашей страны. И это название совпадает с миссией журнала, которой редакция остаётся верна на протяжении всех последних десятилетий. Этим и привлекает журнал творческих людей со всей страны и из зарубежья. Привлекает профессионализмом и внимательным, бережным отношением сотрудников редакции к авторам. Публикуясь на страницах «ДН», мы, писатели из регионов, особенно из национальных республик, получаем трибуну-площадку, с которой

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

обращаемся ко всем пишущим и читающим на русском языке, — находим единомышленников и включаемся в общероссийский литературный процесс.

2. Опыт, накопленный редакцией за десятилетия, — бесценный. Каждый номер журнала раскрывает один из важнейших принципов сосуществования различных народов и конфессий — сотрудничество и взаимодействие. Мы узнаём из первых уст, чем живут писатели регионов России и постсоветского зарубежья, что их волнует. Журнал в разных перипетиях оставался верен идее дружбы, знакомил российское общество и всех, кто интересуется национальными литературами, с новыми произведениями писателей, поэтов, публицистов страны.

Мне было интересно читать тематические и национальные спецвыпуски, посвящённые литературам Армении, Грузии, Казахстана, республик Поволжья и Северного Кавказа. Для нас, якутян, важно представлять нашу литературу на страницах журнала: я имею в виду прежде всего проект «Саха (Якутия) на страницах «ДН»» 2019 года.

Привлекает авторская колонка Евгения Абдуллаева «Литературный барометр». С интересом читал материалы круглого стола «90-е и сегодня: прошлое в настоящем» в декабрьском номере за 2021 год. Эта тема меня интересует с точки зрения исследовательской. Каждый находит в журнале темы, интересные ему лично. Также отметил бы взаимодействие редакции с научно-образовательным и культурно-просветительным центром «Дом национальных литератур» Литературного института имени А.М.Горького, интерес к современным литературам народов России, рубрики «Нация и мир», «Моя малая родина», критический и рецензионный разделы.

3. Если полистать номера журнала за последние годы, становится очевидным, что журнал поддерживает писателей из разных регионов — и пишущих на языках народов России, публикуя переводы, и на русском языке, активно работает с молодыми литераторами. Верность этим направлениям работы, сложившимся традициям — залог успешной работы сегодня и в будущем. Как пожелание: хотелось бы читать на страницах журнала регулярные обзоры современной литературы на языках народов России и ближнего зарубежья.

Женя ДЕКИНА, прозаик, сценарист, лауреат премии «Звёздный билет» (Москва)

1. Публикация в «толстом» литературном журнале — это признание качества текста. Именно эти публикации изучают в университетах на кафедрах истории современной литературы. Профессиональные филологи хорошо понимают, что издательств много, современный автор может издаться и сам, при этом текст его может быть некачественным и бессмысленным. А «толстые» литературные журналы продолжают предъявлять к текстам очень высокие требования. Делают их самые образованные люди страны с хорошим эстетическим вкусом. И тексты здесь отбираются не одним издателем или редактором, а целым редакционным советом. Поэтому такая публикация по сути то же самое, что и ВАКовская публикация для учёного. Я публикуюсь в «Дружбе народов» потому, что много лет назад мой ВГИКовский сокурсник пришёл туда с улицы, и его текст рассмотрели. Оказалось, что туда можно просто отправить произведения, даже если ты никто, безо всяких связей и премий. Вот я и отправила. Потом уже, когда меня взяли, познакомилась с редакцией — очень интересные, талантливые и глубокие люди.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

2. Я член экспертного совета литературной премии «Большая книга» и не могу называть конкретные тексты, потому что подписала документ о неразглашении. Но каждый год в списке нашей премии обязательно оказывается текст от «Дружбы народов». То есть приходит 400—500 текстов от разных издательств, «Дружба народов» обычно отправляет всего два, и каждый раз в списке лучших оказывается их текст. Этот факт говорит сам за себя.

3. Мне кажется, что «Дружба народов» делает слишком много региональных проектов и уделяет чересчур большое внимание развитию национальных литератур. Процент стоило бы уменьшить. То, что я скажу, возможно, прозвучит жестоко, и с точки зрения справедливости мне тоже хочется равных условий для всех жителей нашей огромной страны. Но проблема в том, что профессионалу для развития нужна среда, и масса талантливых литераторов в поисках этой среды давно перебралась в столицу. Так было всегда — и в царской России, и в СССР. Авторы постоянно общаются, обсуждают тексты друг друга, участвуют в образовательных мероприятиях, и закономерно, что пишут лучше тех, кто изолирован дома. А исходить нужно из качества, а не из региональной принадлежности. Хотя, возможно, я субъективна, сама я ради среды и развития с таким мясом выдрала из себя Сибирь, с таким горем всё там бросила, что, возможно, теперь мне просто обидно слушать тех, кто остался дома, в комфорте, и оттуда кричит: а чего вы там в своей Москве всё забрали? Дайте нам тоже. И им дают. Но это же не поможет, мир так не устроен.

Максим АМЕЛИН, поэт, переводчик, редактор, издатель, лауреат Национальной премии «Поэт» (Москва)

В «Дружбе народов» я публиковал переводы стихов очень сильных, на мой взгляд, современных поэтов, пишущих на своих родных языках: Магомеда Ахмедова (с аварского), Юрия Шидова (с черкесского), Зураба Ртвелиашвили (с грузинского), Екатерины Рутьинэут (с чукотского), Геннадия Косточакова (с шорского), Гаврила Андросова (с якутского). Поэтому выбора у меня не было — никакой другой из нынешних журналов своих страниц переводам с национальных языков и языков бывшего Советского Союза не предоставляет. Такова данность. У «Дружбы народов» — своя ниша, выработанная за десятилетия и никем другим не оспариваемая. Были бы переводы достойные, а бравым патриотизмом и социальным оптимизмом они проникнуты или горечью от утраты близких и скорбью об усыхании родной речи — не важно. Из непереводаемых публикаций хочется отметить романы и рассказы Андрея Волоса, повести и эссе Афанасия Мамедова, обзорные критические статьи Евгения Абдуллаева, круглые столы по вопросам как связанным с современной литературой, так и не связанным с ней. Журнал живёт и развивается, отлично справляясь со своими задачами в наше непростое антилитературное время, когда звон монет заглушает и голоса муз, и грохот пушек, а главное — экзистенциально соответствует названию.

Елена ЛЕПИШЕВА, прозаик, литературный и театральный критик, литературовед (Минск, Республика Беларусь)

1. В 2018 году завершился мой личный марафон длиной в десять лет — именно столько понадобилось для защиты кандидатской диссертации «Пьесы Е. Поповой в контексте русской драматургии последней трети XX — начала XXI в. (герой,

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

конфликт, хронотоп)» (Минск, БГУ). В процессе работы стало понятно, что мало проанализировать знаковые топосы художественной структуры пьес, — необходимо сделать это в контексте русско-белорусских литературных взаимосвязей, ведь Елена Попова относится к драматургам Беларуси, пишущим на русском языке. Значит ли это отсутствие национально-культурного компонента в её пьесах — и шире — в произведениях белорусских русскоязычных авторов, например, Дмитрия Строцева, Георгия Бартоша, Ольги Маркитантовой, Павла Пряжко, Дианы Балыко, Дмитрия Богославского? С ответа на этот вопрос начался мой путь учёного-компаративиста.

Убеждена, что язык не является основополагающим фактором проявления национальной (само)идентичности. Существует герой, отражающий особенности национальной ментальности. Есть спектр проблем, связанных с определённым регионом, историческими и социокультурными условиями жизни людей. Есть, наконец, пространственно-временной континуум — пожалуй, наиболее благоприятная сфера проявления национального.

А теперь самое главное. Теоретическая рефлексия была бы невозможна без конкретных примеров. Вне полнокровной реализации в тексте научный конструкт повиснет вопросительным знаком на полях, станет маркером когнитивного поражения. Вот почему безусловную значимость обретает площадка, репрезентирующая новейшие эстетические поиски разных литератур. В этом плане опыт «Дружбы народов» уникален с точки зрения диапазона представленных кейсов, эстетического плюрализма, умения слышать в многообразии голосов общее и различное, неповторимо национальное. Эта позиция импонирует мне как литературоведу и критику, автору художественной прозы.

2. В «Дружбе народов» я выросла как критик. К презентации собственных критических рефлексий я подошла, имея за плечами десятилетний опыт работы в научной сфере. Показалось интересным предложить своё видение интенций развития литературы и театра в более пластичном стилевом формате, обратиться к широкой аудитории. В 2021-м это резонировало с моим участием в выпусках филологического видеоблога Татьяны Шахматовой, моей коллеги и доброго друга. Кроме того, считаю крайне важным популяризировать белорусскую литературу в её разных языковых ипостасях, что, конечно, аккумулируется переводами произведений Насты Кудасовой, Михася Стрельцова и других белорусских писателей, представленных на страницах журнала.

3. Поскольку я занимаюсь изучением литературных взаимосвязей, творчеством русскоязычных авторов, новейшими практиками драматургии и театра, экспериментальными формами, мне интересны соответствующие тематические векторы. Многие из них представлены на страницах «Дружбы народов»: о «нелёгком бремени идентичности» писал Алексей Малащенко, о театре в эпоху революции Борис Минаев (в одном номере — № 12, 2021). На страницах журнала представлена ежемесячная театральная рубрика Минаева «Правила игры», регулярно появляются пьесы современных авторов: Ксении Драгунской, Фарида Нагима, Ярославы Пулинович. Рада видеть среди них белорусов Андрея Жвалевского и Евгению Пастернак, дебютировавших на драматургическом поприще с пьесой «Образ Чацкого скачать бесплатно» (№ 11, 2016). Отмечу и специальный театральный выпуск (№ 8, 2019). Кроме того, стараюсь не пропускать ежегодные подведения литературных итогов, в которых принимаю посильное участие. Периодически заглядываю в мастерскую переводчиков. Хотелось бы увидеть отдельную рубрику, посвящённую взаимодействию разных национальных театров, особенно в авангардных формах, расширить количество текстов, созданных в экспериментальном ключе.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Лилия ГАЗИЗОВА (Dr. Janti), поэт, эссеист, переводчик, преподаватель русской литературы университета Эрджис, ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Кайсери, Турция)

Когда я была школьницей, мой папа, обеспокоенный тем, что я пишу стихи, передал их на оценку своему другу Рафаэлю Мустафину, известному литературоведу и исследователю жизни и творчества поэта-героя Мусы Джалиля. Он был членом редколлегии журнала «Дружба народов», о котором я тогда и услышала впервые, но до публикаций в этом, как и в других известных журналах, было ещё далеко.

Окончив в 1996 году Литературный институт, я начала предлагать свои стихи и эссе журналам. И «Дружба народов», возглавляемая тогда Александром Эбаноидзе, была одним из тех журналов, публикация в которых считалась, как сейчас сказали бы, *мастхэв*. Я благодарна редакции за публикации моих стихов и особенно эссе «Алкоголизм женского рода», за которую я получила российскую премию имени Артёма Боровика. Помню, как меня впечатлил звонок Владимира Медведева, заведующего отделом публицистики, который уточнял детали произведения. Последняя моя публикация в «ДН» состоялась в 2013 году, а вскоре я уехала в Турцию по приглашению одного из университетов преподавать русскую литературу. И связи с некоторыми российскими изданиями стали ослабевать, хотя поэзия и критика в «Дружбе народов» всегда в поле моего зрения.

Непреходящая ценность журнала состоит в том, что он публиковал и публикует произведения не только столичных авторов, но и региональных. Очевидно, что «пробиться» в большую литературу всегда сложно. И авторы из республик, союзных и автономных, обращаются прежде всего в этот журнал. Памятны номера «ДН», посвящённые литературе какого-либо региона, особенно бывших советских республик. Запомнилась Литературная Универсиада в Казани, организованная журналом в 2013 году. Там мы подружились с прозаиком Фаритом Нагимом, который был тогда заместителем главного редактора. В последние годы привлекали моё внимание публицистические материалы, например, статья Евгения Бунимовича «Один день из жизни детского омбудсмена».

У журнала «Дружба народов» яркая и богатая история. Это часть русской литературы и культуры, которую не обесценить и не вычеркнуть. Хотелось бы достойного продолжения этой славной истории.

Диана СВЕТЛИЧНАЯ, писатель, журналист, фотограф, преподаватель (Бишкек, Республика Кыргызстан)

1. Никогда не забуду реакцию кыргызстанского литературного сообщества на свою первую публикацию в «Дружбе народов». Один наш критик поднял тогда палец вверх и сказал: это старейший журнал, это ответственность! Нужно соответствовать, оправдывать ожидания. Помню, я тогда испугалась и разозлилась одновременно. Мне как будто сказали: готовься петь в хоре. А я петь в хоре не хотела. К счастью, ничего такого делать мне не пришлось. Каждый раз, отправляя свои тексты в «Дружбу народов», я чувствую счастье, счастье от того, что можно петь своим голосом, ни под кого не подстраиваясь, ни на кого не оглядываясь, можно быть честной, можно быть свободной. «Дружба народов», на мой взгляд, это самый

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

современный русскоязычный журнал, которому удаётся находить баланс между верностью литературной традиции и быть открытым для новых голосов, тем и форм. Я выбираю этот журнал, потому что «он живой и светится».

2. Ценность — в разнообразии форм и тем, ценность — в живом русском языке. Ни один номер не похож на другой. Иногда удивляюсь, как одна и та же тема может быть по-разному раскрыта разными авторами. Не стану выделять какие-то публикации, скажу только, что всегда с интересом ищу авторов из Центральной Азии.

3. Мне видится несколько наиболее актуальных аспектов и направлений, по которым журнал сегодня может развиваться:

а) Литературный мост. Для читающих и пишущих на русском языке в Центральной Азии журнал является, по сути, одним из немногих, а иногда и единственным мостом, связывающим их с большим русскоязычным литературным миром. Самое актуальное направление — это сохранение и укрепление этой связи.

б) Площадка для живого русского языка. Русский язык живёт, видоизменяется, обогащается в каждом регионе по-разному. Важно, чтобы журнал оставался площадкой для демонстрации этого живого, развивающегося русского языка, который является неотъемлемой частью культурной идентичности народов.

в) Центр профессионального диалога. В условиях разрозненности очень важна роль журнала как центра, где поддерживаются высокие стандарты литературного мастерства. Диалог между авторами разных поколений, разных культур, строгая и внимательная редакция (низкий поклон и благодарность моему редактору Ирине Яковлевне Дорониной) — это направления, которые критически важны для роста русскоязычной литературы сегодня.

Спасибо всей редакции журнала «Дружба народов» за их работу и верность литературе.

Геннадий КАЛАШНИКОВ, поэт, переводчик (Москва)

1. «Дружба народов» — старейший и авторитетнейший отечественный журнал, в котором публиковались Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Грант Матевосян, Василь Быков, Фазиль Искандер, Александр Твардовский... История журнала — это и история нашей литературы за последние почти 90 лет. Журнал всегда, даже в непростые для него времена, высоко держал планку качества, был и остаётся поистине интернациональным изданием. Он по праву входит в число самых авторитетных и влиятельных литературных журналов. Напечатать свои произведения в «Дружбе народов» — высокая честь для любого автора. Думаю, что мой выбор определяется именно этими её качествами.

2. За годы своего существования журнал стал неким эталоном, образцом взаимодействия литераторов, пишущих на национальных языках. Множество авторов из национальных республик зазвучали в «Дружбе народов» на русском языке, обрели своих внимательных и надёжных переводчиков. Взыскательный отбор произведений, высокий уровень переводов, тщательная редакция, бережное сохранение традиций, присущих национальным литературам — это и есть тот бесценный опыт, который нынешний состав редакции хранит и приумножает.

Мне посчастливилось опубликовать на страницах «Дружбы народов» свои переводы. Например, стихи замечательного азербайджанского поэта Мамеда Исмаила, большие фрагменты романа «Белобородый старец» калмыцкого писателя Владимира Нунова...

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

И это всегда радость и для автора, и для переводчика. Лично для меня это были яркие публикации. Так же, как и те мои рецензии и эссе, которые публиковались в журнале.

Что же касается произведений, опубликованных в журнале за последние годы, то на общем высоком уровне я бы отметил роман Андрея Волоса «Персей», рассказ Елены Долгопят «Царьлев», публикации стихов Ильи Фаликова, Владимира Салимона, Ганны Шевченко, Бабкена Симоняна в переводе Константина Шакаряна. Можно перечислять и перечислять имена и произведения... Проще сказать, что в каждом номере есть что почитать: от прозы, стихов до публицистики, рецензий, мемуаров... И обязательно среди публикаций есть своя «жемчужина», то, что читается в первую очередь.

3. Собственно, не надо искать какую-то особую актуальность, особые аспекты развития журнала. Курс журнала давно задан: видеть всю панораму огромной многонациональной литературы страны, заметить в современном литературном потоке достойные, по-настоящему талантливые произведения (вспомним Б.Пастернака: «Талант — единственная новость, которая всегда нова...») и представить их своему читателю. Для автора, пишущего на своём языке, найти внимательного добросовестного переводчика. Думается, журнал с честью решает эту непростую задачу.

Я решительно не понимаю и не приемлю бездоказательные выпады в адрес «Дружбы народов». Разумеется, редакция вправе отвергать произведения, которые не соответствуют уровню журнала. Но это не повод огульно обвинять журнал в несоответствии духу сегодняшнего дня.

Андрей КОРОВИН, поэт, прозаик, организатор культурных проектов (Москва)

1. «Дружба народов» — легендарный литературный журнал, один из пятёрки российских журналов, входящих в золотой фонд русской литературы. Я читал его ещё в юности и продолжаю следить за его публикациями до сих пор. Публиковаться на страницах журнала мечтают все писатели страны, и я — не исключение. На протяжении многих лет мои стихи находят своё место в «Дружбе народов», за что я сердечно благодарен редакции журнала.

2. У «ДН» многолетний уникальный опыт работы не только с российскими литераторами, но и с писателями других стран, в первую очередь стран СНГ. Таким широким географическим охватом литературных имён может похвастаться не всякий журнал. Думаю, что все или почти все интересные поэты и писатели России и зарубежья хотя бы раз публиковались в журнале.

Лично мне нравится редакторский подход заведующей отделом поэзии Галины Климовой к отбору стихотворений для публикации. В «ДН» были впервые опубликованы важные для меня стихи, в частности «Слуцкий в Туле» и ряд других.

Что касается интересных для меня публикаций: я слежу на страницах журнала за творчеством многих авторов — за поэзией, прозой и критикой Евгения Абдуллаева (Сухбата Афлатуни). Текущий 2025 год ознаменовался для меня поэтическими подборками Алексея Алёхина, Юрия Казарина, Владимира Салимона, Сергея Пагына, Ольги Сульчинской, Ильи Фаликова, прозой Саши Николаенко, Романа Сенчина про скандального поэта Серебряного века Александра Тинякова, рассказами Анны Маркиной, Ольги Сичкарь и другими интересными публикациями.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

3. Много лет с журналом сотрудничает Международный литературный Волошинский конкурс, который мы учредили совместно с Домом-музеем М.А.Волошина. На страницах «ДН» публикуются лучшие произведения, выбранные авторитетным жюри. Это, как правило, работы молодых талантливых авторов, которые входят в большую литературу со страниц легендарного журнала. И это бесценно как для самих авторов, так и для журнала, продолжающего открывать новые имена в современной русской литературе. А это и есть одна из самых главных задач любого литературного журнала в любые времена.

Дмитрий ГАСИН, книжный обозреватель (Москва)

1. Разнообразие творческих методов, впечатлений и тем у авторов «Дружбы народов» — очень хороший контекст для любой публикации. Журнал неповторим и интересен всегда.

2. Не скажу ничего нового, напомнив, что «ДН» — это мост между культурами. Такие мосты хрупки и более важны, чем экономика и политика. Культурные связи глубже, чем торговые, и существуют тысячелетиями, в отличие от политических. «ДН» — это такой мост сразу для многих народов, объединённых контактами с русской культурой, причём строительство его идёт со всех сторон, а не только со стороны родной отчизны.

3. Мне кажется, наиболее перспективным для журнала будет большая интеграция в культурную жизнь других, смежных с литературой видов искусств. Чтобы крепла та самая дружба народов, которая не миф и существует не только на бумаге, но в звуке, в изображении, в блогосфере, на сцене.

Денис КОЛЧИН, поэт, прозаик, журналист (Екатеринбург)

1. Потому что «Дружба народов» — литературный бренд, знак качества. С юных лет интересуясь отечественной литературой, я знал — есть несколько журналов, которые являются столпами, китами российской культурной жизни. И один из них — «Дружба народов». Опубликоваться там было мечтой. Четверть века спустя мечта исполнилась. Кроме того, журнал — команда профессионалов, знатоков и специалистов редакторского дела. Отправляя туда текст, можно быть уверенным — он получит надлежащую оценку, сопровождаемую полезными замечаниями, поправками, рекомендациями. Такая обратная связь особенно драгоценна сейчас, когда, предлагая рукопись в какое-либо издательство, автор получает в ответ — в лучшем случае! — «нет, спасибо».

2. Для меня журнал ценен не только своим коллективом и бэкграундом. Но, прежде всего, текстами. Именно в «Дружбе народов» состоялась одна из последних литературных публикаций замечательного писателя и репортёра Александра Рыбина, к сожалению, скончавшегося в январе 2024 года. Именно в «Дружбе народов», ещё до их книжной публикации, мы смогли прочитать рассказы лауреата Госпремии Андрея Волоса. Именно в «Дружбе народов» был впервые напечатан потрясающий роман Владимира Медведева «Заххок». Именно в «Дружбе народов» изначально вышли знаковые произведения Леонида Юзефовича «Князь ветра» и «Журавли и карлики».

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

3. Особо радует то, что журнал стабильно привлекает молодых авторов и авторов, условно говоря, не относящихся к «литературному генералитету», не входящих в обойму больших популярных издательств. Иными словами, заботится о тайге российской словесности во всём её многообразии, работая на долгосрочную перспективу. Ведь культура — это не только отдельные известные писатели или поэты, культура — живой массив, богатый и бескрайний, фронтир, зачастую terra incognita, требующая тем не менее благожелательного содействия. И, на мой взгляд, «Дружба народов» отлично справляется с данной миссией.

Тамерлан ТАДТАЕВ, прозаик, лауреат Русской премии (Цхинвал, Южная Осетия)

Со школьных лет меня манила особая, почти запретная магия печатного слова. Она жила в «толстых» журналах, которые выписывала моя тётушка — учительница литературы в высокогорном селении Цон. Думаю, журналы спасали её в долгие снежные зимы, когда метели заносили дороги и отменяли занятия. Я прекрасно понимал тётку, ведь и сам обожал читать под завывание вьюги за окошком. Кайф, когда метель убаюкивает, а ты в сладкой полудрёме поглядываешь на печку, где дрожит чайник с густым шиповником, и думаешь: не долить ли в остывшую кружку горячего? Но лень вставать — и снова погружаешься в мир любимого писателя.

Летом, в каникулы, тётка возвращалась в город и везла с собой араку тройной перегонки (для своей свадьбы, которую планировала последние тридцать лет), необычайно вонючий и вкусный сыр для пирогов, а нам, любимым племянникам, — целый мешок дикого фундука. Отдохнув после дороги, она первым делом искала свои журналы и, конечно, нещадно злилась, обнаружив пропажу очередного номера. Тогда она набрасывалась на меня: «Где журналы? Куда ты их подевал, проклятый?! Гляди мне в глаза!» Я делал невинное лицо: «Не знаю, о чём ты. Как будто кроме меня здесь никто не живёт! Спроси сестру-воровку, она ж, как Плюшкин, тащит всё, что плохо лежит!» Сестра — этакая Манька-облигация — тоже отпиралась: мол, не ворую! Но пропавшие номера неизменно обнаруживались у неё под матрасом. Правда, до Маньки журналы доходили уже после меня — страницы бывали вырваны или заляпаны жирными пятнами от халвы, которую я пожирал за чтением.

Но настоящий клад ждал меня позже, и не на родине, а в Душанбе. В сарае соседки, бабушки Нины, среди пыльного хлама я наткнулся на целые стопки журналов! Восторгу не было предела. Я уже строил планы, как выкрасть сокровище ночью, но вдруг в сарай вошла сама бабушка Нина и сказала: «Забирай, если хочешь». О, это было счастье! Я чуть не расцеловал её и потащил драгоценную ношу домой.

То лето стало временем безраздельного литературного пира. Я погружался в суровые миры Астафьева, в мудрые саги Айтматова, в чеканную прозу Бондарева и Распутина, ловил искромётную абхазскую усмешку Искандера, зачитывался пронзительными стихами Гамзатова. Особенно полюбилась мне «Дружба народов». Обычно я забирался с журналом на топчан, спрятанный под густой сенью винограду. Над головой свисали, наливаясь солнцем, тяжёлые гроздья «дамских пальчиков». Сорвёшь спелую тёплую ягоду — она с хрустом лопаётся во рту, обдавая сладостью. И чтение в те мгновения становилось не просто духовной пищей. Оно обретало вкус — сладкий, сочный, как сам виноград.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

А когда глаза уставали от строчек, воображение рисовало иную картину. Вот я уже не мальчишка на топчане, а Знаменитый Автор. Под мышкой — свежий номер «Дружбы народов» с моим рассказом. И я важно шествую по раскалённым улицам Душанбе. Асфальт плавится под ногами, солнце слепит, но я знаю: каждый встречный догадывается — идёт писатель, чьи строки заслужили место в самом крутом, самом недостижимом литературном журнале! Эта мечта о признании, рождённая под виноградными листьями в аромате спелых «пальчиков», и по сей день горит во мне ярче самого солнца.

*Владимир КОРКУНОВ, поэт, критик, кандидат филологических наук
(Алматы, Республика Казахстан)*

1. Назвать постоянным автором «Дружбы народов» меня нельзя; хотя я благодарен редакции за две-три публикации (уже почти десятилетней давности). Тем не менее, я регулярно читаю журнал — и вижу публикации коллег, с которыми регулярно общаюсь и взаимодействую (в первую очередь, это Ольга Балла, Александр Марков, Евгений Абдуллаев и др.). Полагаю, коллеги выбирают журнал за возможность условно свободного высказывания, в первую очередь, о русскоязычных авторах, живущих за пределами страны. Хотя, конечно, тон журнала задают «местные» авторы.

Постоянным авторам «ДН», думаю, важна и возможность некоего «миссионерства» — когда ты доносишь критически важные тебе мысли до аудитории. В таких случаях автор может идти как на идеологические близкие, так и на более чуждые площадки; ценность высказывания от этого не снижается.

2-3. Когда я говорил о русофонном пространстве, имел в виду, скорее, не эмигрантов, а русскоязычных писателей Казахстана, Узбекистана, Беларуси и др.

Если, скажем, авторы-верлибристы достаточно широко представлены в соответствующих изданиях, то прочесть поэтов, выбирающих регулярное письмо (и живущих за пределами страны) сложнее. Эту нишу в моём представлении и занимает журнал «Дружба народов». Среди важных «ревизионных» публикаций отмечу обзоры Евгения Абдуллаева и очерки Елены Лепишевой о белорусских поэтах.

Мне дорого обилие казахстанских авторов на страницах «ДН» (что стало подспорьем, когда я изучал казахстанскую литературу) — рассказы Валерии Крутовой (рецензировал её сборник в «Знамени»), театральные заметки Алёны Тимофеевой (брал у неё интервью), стихи Заира Асима, Айгерим Тажи и др.

(В скобках отмечу ценность архивных публикаций: Константина Паустовского, Булата Окуджавы, Юрия Арабова, Василя Быкова и др. — они дополняют контекст *живого* литпроцесса, заполняя лакуны, возвращая уходящие из памяти имена.)

А если обозначить с интересом прочитанные подборки/рассказы/рецензии, назову Илью Фаликова, Геннадия Кацова, Ингу Кузнецову, Любовь Колесник, Марию Затонскую, Павла Пепперштейна (про стихи и рисунки его мамы), Владимира Гандельсмана, Феликса Чечика, Евгения Дьяконова, Евгению Баранову, Анну Маркину, Бориса Кутенкова, Валерия Шубинского...

В этом совмещении: авторов, живущих в стране и за её пределами, переводов (этого постоянного направления мне не хватает), текстов, написанных в разных жанрах, поскольку литература предлагает множество путей эстетического воздействия текста на читателя, при этом с более строгим эстетическим/этическим цензом — я и вижу пути развития журнала.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Владимир ЛИМ, прозаик (Петропавловск-Камчатский)

Что значит для меня журнал «Дружба народов»?

Главное его значение — это то, что заключено в его названии.

Моя история отношений с журналом началась очень давно, ещё осенью 1977 года, когда я вернулся из армии. Служил в Казахстане, посреди голой степи, в гарнизонном военном трибунале, «обслуживавшем» ракетчиков и строителей. У меня, секретаря судебного заседания, уборщика и охранника в одном лице, было время работать по ночам над своим романом, первый вариант которого я написал в Москве студентом второго курса Литинститута. Идею романа мне подсказал руководитель семинара Юрий Трифонов, когда вместо его задания написать историю жизни пожилого человека, вставив её в одну страницу, я написал рассказ о женщине, потерявшей сына и мужа, утонувших в океане. Она сошла с ума и отказывалась уезжать из посёлка, который закрыли из-за угрозы цунами. В его основе была подлинная история, она отличалась от описанной мной тем, что отказывался менять место жительства почти весь посёлок, половину которого составляли корейцы, прибывшие осенью 1945—1946 годов на рыбные промыслы и оставшиеся в СССР сначала из-за войны в Корее с американцами, а потом по причине раздела её на Северную и Южную и рождения детей, говоривших уже по-русски, — среди которых был и я. (Должен заметить, что в маленьком посёлке была и корейская школа, — её открыли в соответствии с национальной политикой в стране, и преподавал в ней студент из Кореи, которого я помню по чёрному кителю с металлическими пуговицами. Жил он в семьях своих учеников.)

Правда, Юрий Валентинович предупредил, что напечатать роман на эту тему будет невозможно, и если публикация для меня главное, то лучше и не начинать.

К сожалению, я так и не смог показать своему Учителю этот текст.

Свой лучший роман Трифонов отдал в «Дружбу народов». Вот и я тоже рискнул отправить свой роман в «ДН», сочтя, что он больше всего соответствует назначению именно этого журнала, и мне его завернули, сопроводив отказ рецензией известного литератора, посчитавшего его однообразным и тяжёлым для чтения: все герои, даже «бичи», в нём рефлектируют.

Потом наступила эпоха, когда стало возможным писать обо всём, но уже не хотелось, жизнь была забористей и страшнее любого романа. И вот, спустя почти пятьдесят лет, я вдруг осознал, что написал, с лёгкой руки Трифонова, роман не о том, как смыло океанской волной посёлок на косе, а о том, как рухнул наш общий дом — Советский Союз. И снова отправил, уже пятый вариант романа, в уже независимую «Дружбу народов». Разумеется, от переделок текст страдал множеством провалов и сюжетных, и смысловых линий, редакция могла бы запросто его завернуть, но приняла как новорождённого ребёнка, предоставила редактора и довела до публикации. За что я бесконечно благодарен всему коллективу «Дружбы народов» и особенно главному редактору Сергею Надееву и редактору Владимиру Медведеву.

Константин КОМАРОВ, поэт, литературный критик (Липецк)

1. «Дружба народов» — один из моих заветно любимых «толстяков», чьим давним и постоянным автором я без всякого пафоса горжусь быть. К отбору стихов для отправки в «ДН» отношусь весьма тщательно, стараюсь посылать самое лучшее

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и удавшееся и невероятно радуюсь, когда от поэта, прозаика и блестящего редактора Галины Даниелевны Климовой приходит положительный (с точной, чёткой, ёмкой и справедливой критикой) ответ. Соответствовать высокой «дружбинской» эстетической планке — для меня радость неизменная и верная. Именно в «Дружбе народов» опубликована большая часть самой, пожалуй, значимой для меня поэтической книги «Стихи о русских поэтах». Именно в «Дружбе» состоялся мой дебют в качестве переводчика (стихи казахского поэта Ырысбека Дабея), воодушевивший продолжать заниматься этим непростым, но чрезвычайно увлекательным ремеслом. Именно в «ДН» вышли дорогие моему сердцу лирические эссе о первом стихотворении и о личном «месте силы» (екатеринбургском Доме писателя). Всегда живо и с благодарностью за доверие отзываюсь на просьбу поучаствовать в опросах и круглых столах, касающихся животрепещущих проблем и нюансов современного литпроцесса. В «ДН» публикуются мои друзья и многие значимые для меня поэты, прозаики, критики. Отдавая материал в журнал, я всегда знаю, что мои слова окажутся в самом высоком, достойном, мощном и вдохновляющем профессиональном контексте. Поэтому каждая публикация в любимом журнале — это «праздник, который всегда с тобой» (в данном случае — со мной).

2. Думаю, в центрировании и укреплении русскоязычного литературного пространства. Эффективно аккумулируя под одной обложкой отборную (в прямом смысле — с тщанием и вниманием отобранную) словесность, создающуюся в самых разных уголках огромного постсоветского простора, журнал это пространство оформляет и предъявляет читателю как монолитное, целостное, зримое заметное, не могущее не вызвать интерес. Что касается ярких публикаций, то их в каждом номере не одна и не две. С 2024 года я веду в «Литературной газете» ежемесячный обзор «толстожурнальной» поэзии, и «ДН» фигурирует так или иначе почти в каждом обзоре. Уже удалось написать о впечатливших и запомнившихся поэтических подборках Сергея Пагына, Константина Шакаряна, Сергея Золотарёва, Дарьи Верясовой, Юрия Казарина. А рекомендательно упомянуть — подборки Евгения Чигрина, Михаила Рантовича, Сергея Попова, Алексея Дьячкова, Германа Власова, Ивана Волосюка, Олеси Николаевой, Анны Павловской, Анны Долгаревой, Андрея Фамицкого, Игоря Красько, Ганны Шевченко, Яна Бруштейна, Анастасии Каменской. Сейчас готовлю спецобзор, посвящённый исключительно «ДН». И всё это только за прошлый год и начало нынешнего. И это только поэзия. Из прозы отмечу рассказы (за актуализацию этого несправедливо «задвигаемого» романом на периферию жанра — журналу отдельное спасибо) Игоря Корниенко, Евгения Чижова, Саши Николаенко, Алексея Колесникова, Максима Симбирёва, Анны Маркиной, Игоря Малышева, отрывки из биографической книги об Александре Тинякове Романа Сенчина. Всегда с интересом читаю «Литературный барометр» Евгения Абдуллаева, «Библионавтику» Ольги Баллы, статьи Валерии Пустовой, театральную эссеистику Бориса Минаева, познавательную эпистолярию Геннадия Прашкевича и Алексея Бурова. И даже этот внушительный список не исчерпывает всех читательских радостей, даруемых «ДН».

3. Лучшее — враг хорошего. Не думаю, что необходимо отдельно акцентировать и актуализировать какое-то одно направление в ущерб другим. На данный момент каждый номер журнала — это действительно «журнальная книга» (как говорили в XIX веке) с продуманной, грамотной и гармоничной композицией, рубрикацией, разнообразием смысловых векторов, поэтик, идей, проблем, стилей. Это значит, что очерченный в подводке к круглому столу курс на динамическое оцеление

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

литературного пространства на объединяющей базе великого и могучего, подвижного и бездонного русского языка осуществляется в высшей степени успешно и корректировать, а тем более менять его никаких причин на горизонте не видно. Так победим!

Ирина МУРАВЬЁВА, прозаик (Бостон, США)

Журнал «Дружба народов» — поразительное явление русской культуры. Ни одно другое издание, на мой взгляд, не отличается такой бескомпромиссной тщательностью в отборе материалов, такой осмотрительностью оценок и такими высокими критериями. Вспоминается вечер поэзии, посвящённый 80-летию журнала, на котором со всей очевидностью проявилось его главное кредо: объединять читателей и авторов высоким понятием дружбы и тем самым оправдывать своё название. «Зеркало национальных литератур», — так отозвался о своём детище главный редактор Сергей Надеев, блестящий поэт и при этом самый доброжелательный и взыскательный критик. Фактом своего существования «Дружба народов» в эпоху всеобщей сумятицы доказывает подлинность таких простых понятий, как «дружба» и «народы», соединяя культуры и этносы, как это делала великая русская литература. За эти годы в журнале блистали имена, которые составляют славу русской литературы, их невозможно забыть и стереть: Василь Быков, Расул Гамзатов, Николай Заболоцкий, Фазиль Искандер, Наум Коржавин, Александр Кушнер, Булат Окуджава, Анатолий Рыбаков, Александр Твардовский и многие другие. Из современных авторов я бы добавила в этот список Анну Маркину с романом «Кукольная», Андрея Волоса с романом «Персей», мемуарную прозу режиссёра Адольфа Шапиро, поэзию Сергея Золотарёва, Анны Каменской, Владимира Гандельсмана.

Никто не говорит, что поддерживать такой высокий художественный уровень и выцеживать из груды ежедневно приходящих рукописей самое достойное — это простая работа. Это огромный, неутомимый труд нескольких человек (штат журнала невелик), которые чётко понимают, во имя чего они трудятся, какую культуру представляют и за что «отвечают головой».

Мирослава БЕССОНОВА, поэт (Уфа, республика Башкортостан)

1. Редакция журнала «Дружба народов» — это профессионалы, с которыми складывается интересная и конструктивная работа. Я всегда знаю, что обо мне помнят, что, отправляя новые стихи, быстро получу обратную связь.

2. Публикации журнала позволяют мне следить за литературным процессом и погружаться в него, живя вдалеке от литературных столиц. В первую очередь я прочитываю поэтические подборки, посматриваю прозаические публикации, критические и литературоведческие материалы. Каждый номер дарит новое уникальное открытие. Так же приятно видеть среди авторов имена друзей.

3. «Дружба народов» — «толстый» журнал с долгой историей и традициями. У него узнаваемое в литературной среде лицо и сложившийся стиль. Я бы не стала ничего менять, но было бы здорово, если бы редакция могла выезжать в регионы, встречаться с читателями и представлять своих авторов из этих регионов. Это был бы важный опыт популяризации журнала и серьёзной литературы.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анатолий ВАЛЕВСКИЙ, прозаик, педагог, лауреат международной литературной премии имени П.П.Ершова (Усинск, Республика Коми)

1. Для меня журнал «Дружба народов» — это высший знак литературного качества. Авторитетный и не устаревающий по своей проблематике журнал. Самое яркое воспоминание о журнале — это 1981 год. Мне ещё нет и двенадцати. Я любил подолгу сидеть в читальном зале городской библиотеки. Там знали мои литературные предпочтения. Помню, как моя тётя, она работала библиотекарем, посоветовала прочитать повесть Нодара Думбадзе «Кукарача». Прочитал на одном дыхании и влюбился в грузинского кудесника. Потом были «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Белые флаги», «Не бойся, мама!». Первое же знакомство с писателем подарил журнал «Дружба народов». Именно он опубликовал у себя прекрасную повесть «Кукарача», позже был не менее прекрасный фильм.

Для меня публиковаться в журнале «Дружба народов» — это великая честь и счастье. С этим журналом связаны счастливые годы моего детства. Я уговорил родителей выписать для меня именно этот журнал.

2. Журнал даёт дорогу начинающим писателям, поэтам. Журнал для многих становится литературным наставником. Фактически единственный журнал, которому интересна подростковая проза, подростковые проблемы. Давно слежу за творчеством Елены Бодровой. Её «Имитация» заслуженно получила престижную номинацию «Молодость» премии «Ясная Поляна». С удовольствием читаю Ирину Краеву.

3. Журнал актуальный, интересный, но проблема, что библиотеки не всегда имеют возможность его выписывать. На одной из встреч с читателями библиотекарь пожаловалась, что фактически не выделяются деньги на подписку газет и журналов. Я спросил: «Какой журнал или газету вам хотелось бы выписать?» Не задумываясь, она ответила: «У нас библиотека больше для пожилых людей. Молодёжи в посёлке почти нет. Бабушки очень любят читать журнал "Дружба народов". Старые номера перечитаны множество раз». Вот это и есть настоящая и неумирающая актуальность.

Не для хвастовства: библиотека уже два года получает журнал по подписке. Я не смог не помочь.

Алексей УСТИМЕНКО, прозаик (Ташкент, Республика Узбекистан)

«“Патриотизм, — писал Гёте Шиллеру, — если он устремлён только к личной выгоде, изжил себя, подобно поповству и аристократизму.” А Шиллер, который почти все сюжеты заимствовал из иностранной истории, говорил: “Какой мелкий и жалкий идеал — писать только для одной нации!”» (Цитирую по биографии «Гёте» Эмиля Людвиг.)

Вот и я не хочу, чтобы меня читали только *свои*. Я мечтаю, чтобы меня читали и *чужие*. Особенно — люди пишущие. Даже совсем — и ментально, и литературно — на меня непохожие.

Что из того, что в своей любимой, но волей истории всё-таки национально закрывшейся литературной комнате я встречаюсь и беседую с исторически пронизательным Абдуллой Кадыри, с мудрым Абдуллой Ариповым, со скептической Саломат Вафо?

Мне этого недостаточно. Ведь я знаю, что в соседней, через погранично-издательскую стенку от меня, кто-то другой встречается с Чабуа Амирэджби,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

а ещё через стенку — с Чингизом Айтматовым, или — там, дальше — с Яном Кроссом...

Пусть каждый из этих национальных писателей будет трижды гениален, но кто узнаёт об их гениальности, останься они сидеть под узконациональным замком?

Да ещё в строго собственном, тематически национальном помещении?

Национальным авторам ну просто позарез необходимо выходить из всяческих ограничительных оболочек, чтобы увидеть себя со стороны среди равных себе, но живущих в иной культуре слова и речи...

Вот в этом-то как раз и есть реальность журнала «Дружба народов». Патриотически делающего организационное дело, сводящего вместе вариативность культур.

И как тут не понять, что ключ, общий для всех, уже несколько десятилетий запертых национально-литературных комнат, ключ, отпирающий *чужую* литературную культуру — как раз таков был и есть нынешний журнал «Дружба народов». Он отпирает замкнутые национальные двери, лучшим авторам безоговорочно предлагая свои страницы.

Отсюда и моя собственная авторская корысть... Ведь всё-таки я пишу (ничуть не совру!) не для одних только *моих* сограждан.

Называть лучшие публикации, появившиеся в «Дружбе народов» (даже всего только за последние годы) дело, по-моему, бессмысленное, дело ограничительное, ограничивающее. Особенно при строго необъективном личностном отборе.

Впрочем, — нет.

Не так...

Для меня лучшие из публикаций — это те, которые пришли на журнальные страницы из *наших*, из среднеазиатских земель. Которые творчески рождены моими согражданами.

Смею уверить: журнал не ошибся, в своё время отдав своё немалое пространство повестям Эркина Агзама («Сад писателя»), Джасура Исхакова («Леди Гамильтон», «Ночь жёлтой луны»), той же Саломат Вафо («Гора Бутан», «Безымянный корабль») или — из новых молодых — стихам Натальи Белоедовой, Шамшада Абдуллаева...

Упомянув представителей узбекской, грузинской, киргизской и эстонской литератур, я не упомянул не по своей воле оставшихся за рубежом русских писателей. Не отметил их многочисленную общность, оказавшуюся вне российской государственности... Сколько их удержалось на плаву только благодаря поддержке журнала «Дружба народов»?..

И сколько писателей, работавших в добром, серьёзном, благожелательном соседстве с национальными культурами, остались *русскими* писателями, не превратились в *русскоязычных*, что, на мой взгляд, хуже всего. То есть в тех, кто местную внутринациональную жизнь знает только поверхностно, но смело берётся писать о ней... А о российской, особенно современной (включая литературу, живущую в постоянных поисках хотя бы даже новой формальной стилистики), и вовсе не ведает, впрочем, ведь и за это тоже берётся...

И скольких писателей, попавших в полный отрыв от современного русского живого слова (и литературного, и разговорного), именно в силу своей специфики предстоит и дальше спасать от их неизбывности и неизвестности тому же журналу «Дружба народов». Именно: спасать! Сохранять в том числе и для строго «русской» (если хотите лобового определения) литературы.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

А сколько настоящих, делающих честь родному слову авторов «Дружба народов» уже сохранила, приютив у себя. Того же Сухбата Афлатуни, например... Хотя и в других журналах весьма привечаемого, но — всё же...

Да и мне, живущему и пишущему отдалённо от России в добром Ташкенте, как не поклониться международному этому приюту, — журналу «Дружба народов». Сюда принесу новую рукопись. Только сюда. Ну а примут или нет, — вопрос уже чисто творческий.

Игорь МАЛЫШЕВ, прозаик, поэт (Ногинск, Московская область)

1. Для меня этот журнал был и останется одним из самых авторитетных и популярных периодических изданий России. На его страницах появляются как новые яркие имена, так и уже состоявшиеся авторы, чьи тексты со временем могут стать классикой нашей литературы. Изданий подобного калибра у нас в стране не так уж и много, и, что самое плохое, число их постоянно сокращается. Для меня каждая публикация моих стихов или прозы в «Дружбе народов» становится событием.

2. На мой взгляд, журнал очень разнообразно представляет тенденции и направления нашей литературы. Кто-то может назвать это всеядностью, а кто-то широтой взгляда. Лично мне ближе последнее определение.

Я всегда с удовольствием читаю прозу лауреатов премии журнала «Дружба народов» Павла Крусанова, Даниэля Орлова, Евгения Чижова, Тимура Зульфикарова. Из интересных молодых авторов отмечу Максима Симбирёва. Нравятся подборки стихотворений Анны Долгаревой и Ольги Сульчинской, выходившие в журнале относительно недавно.

3. В условиях, когда во многих республиках бывшего Советского Союза происходит ползучая дерусификация, очень важно, чтобы у авторов, живущих за рубежом, оставалась возможность для публикации своих текстов здесь, в России. Необходимо сохранять общее культурное пространство, поскольку, как показывает опыт, за дерусификацией неизбежно придёт насаждение агрессивных антироссийских нарративов.

А что касается тем, думаю, ничего актуальнее СВО и связанных с ней процессов в обществе сейчас нет и в ближайшее время не появится. Тема тяжёлая, трагическая, но, как говорится, «времена не выбирают». Отворачиваться от событий на юго-западе, которые, хотим мы того или нет, войдут в историю страны, нельзя никоим образом. Пусть даже осмысление их останется потомкам, глядеть в лицо истории, фиксировать происходящее, каким бы оно ни было, просто необходимо.

Мария Ануфриева, прозаик, лауреат Литературной премии им. Н.В.Гоголя (Санкт-Петербург)

1. Моя первая публикация в «Дружбе народов» появилась в 2013 году, и это стало для меня добрым знаком, напутствием в дальнейшую литературную жизнь. Не секрет, что именно «Дружба народов» была и остаётся, как бы громко это ни прозвучало, «кузницей литературных кадров», ведь многие произведения современных писателей, увидевшие свет именно на страницах «ДН», впоследствии занимали видные места

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

в премиальных списках крупнейших всероссийских литературных премий, становились финалистами и победителями, печатались в крупных издательствах и находили путь к массовому читателю.

Но и без этого публикация в журнале «Дружба народов» ценна сама по себе. Автору, особенно начинающему, пишущему не жанровую прозу, сложно обратить на себя внимание издательств, ориентированных на коммерческий успех. У редакции журнала принципиально другие критерии отбора и целеполагание — важен уровень самого текста, глубина поднимаемых проблем и их осмысление. Во главу угла ставится не сиюминутная прибыль и темы на потребу дня, а смыслы и мастерство. Наверное, отчасти и поэтому «толстые» литературные журналы сейчас — в условиях главенства рыночных отношений — в упадке; с другой стороны, они и только они сохраняют тот подход к литературе, который позволял и, надеюсь, ещё будет позволять называть нашу страну самой читающей в мире.

2. Ценность журнала как раз в том, что с уверенностью можно говорить не о самых значимых публикациях за год, а о самых ярких публикациях каждого номера, где наряду с маститыми писателями даётся слово новым авторам, в том числе заявившим о себе на различных семинарах для молодых авторов. В разные годы мне довелось от «Дружбы народов» вести такие семинары. Итогом каждого были тексты, которые я отправляла в редакцию. Не все из них прошли дальнейший строгий отбор, но те, что были опубликованы, дали возможность зазвучать голосам прозаиков из Чувашии, Дагестана, Хакасии, и не только...

На страницах журнала находит художественное отражение многонациональный колорит быта, духовной и материальной культуры народов России в их тесном переплетении с русской культурой. Интересно, что такие публикации дают возможность и литературных экспериментов. Так, в 2020 году журнал опубликовал подборку прозаических миниатюр, посвящённых 150-летию юбилею И.А.Бунина. Каждый автор мог выбрать одну строку из стихотворений Бунина и написать собственный рассказ, заданный тоном и настроением бунинской строки. Мне показалось важным использовать эту возможность и одновременно специфику журнала, ориентированного на многонациональную полифонию, чтобы рассказать о затерянной в карельских лесах вепсской деревне.

3. Думаю, что аспекты и направления развития журнала при всех исторических перипетиях, через которые прошла Россия в XX веке и особенно в 1990-е годы, не менялись с... 1939 года, когда по инициативе Максима Горького вышел первый выпуск альманаха «Дружба народов», позже ставшего ежемесячным журналом. И даже раньше, в 1934 году, выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Горький отметил: «...Советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература... Мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством».

Важно, что и в самые тяжёлые годы, наступившие после распада Советского Союза, журнал «Дружба народов» не прекратил и продолжает все эти десятилетия публиковать как русскоязычных авторов бывших национальных республик, так и переводы на русский язык — точно так, как было задумано основателем журнала почти век назад. Если учесть, что системная работа ведётся уже в принципиально другой, менее благоприятной политической и идеологической, да и, чего уж греха таить, экономической ситуации, считаю это настоящим

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

подвижничеством. И тем важнее существование журнала сейчас, когда национальный вопрос пытаются обострить как внутри страны («Россия для русских»), так и на внешнем периметре — с бывшими советскими республиками, манипулятивно создавая образ врага. «Никакой дружбы народов не существовало», — такие заявления встречаются всё чаще. И в противовес им существует журнал, который тонкой, но надёжной нитью удерживает общее межнациональное культурное полотно русского мира, которое, конечно же, гораздо шире границ, обозначенных на географической карте.

От редакции

Мы благодарим всех откликнувшихся авторов за готовность к безотлагательному разговору о роли и месте «Дружбы народов» в современном культурном пространстве и дальнейшей судьбе журнала, заинтересованный и содержательный анализ, свидетельствующий о том, что «ДН» входит в круг регулярного чтения, за высокую оценку работы редакции, слова поддержки и интересные предложения по развитию журнала. Много сделано и много ещё предстоит. Будем рады вновь увидеть ваши имена на наших страницах.

Иван Волосюк

Не ради сцепления речи

Небесная механика

1

Рана, в общем-то, не смертельная.
Не лечи — и сама пройдёт.
Но услышал я колыбельную,
не догадываясь, кто поёт:

— Ой, плывите, лодочки бедные,
не попутайте берега.
И одна-то лодочка медная,
а вторая — из серебра.

С ними третья есть — золочёная
вся от паруса до весла.
— Ты бы, дитяtko моё несмышлёное,
лучше б, лодочка, унесла.

На воде не сыскать отметины,
не оставишь вовеки след.
Золотая-то не ответила,
от серебряной проку нет.

Только медная отозвалась:
— Я от тяжести потону.
Только медная откликалась:
— Ты отправь его на войну.

На Отеческую, Германскую,
на слияние двух миров.
По обычаю христианскому
сшей солдата из лоскутов.

Да в платок заверни Казанскую
и походный молитвослов.

2

На границе складов динамитовых
рос чабрец и горбились кресты.
Там у ящериц малахитовые
отваливались хвосты.

И случилось сплошное гудение
пчёл, шмелей, магистральной ЛЭП.
Это странное сновидение
вижу сорок без малого лет.

Хат саманных и прочей архаики
столько там со времён ГОЭЛРО!
Только в плане небесной механики
местным жителям повезло.

При убогости помещения,
грубой пище и пении птах
всем в награду дано украшение
под названьем Чумацкий Шлях.

Как в божественном телевизоре
на экране 16К:
скрип телеги, гружённой провизией,
звёзды сыплются из мешка.

3

Сосчитай их, дитя: одна во тьме
опустилась на лоб тебе.
Вот вторая за нею летит к земле,
замирает на животе.

Нужно третьей на правом остыть плече
И на левом — ещё одной.
Где бы ни был, мой мальчик, в какой беде,
только я и Господь с тобой.

* * *

Когда в степи, как богоборец — ересь,
искал для тела своего вреда,
был взрыв. Потом сработал автореверс,
и я вернулся в детские года.

Зажмурившись от ангельского света,
на Радченко зарыл боекомплект.
И сделал вид, что к бабушке на лето
приехал я и мне двенадцать лет.

Не то чтоб ждали многие печали
в той местности, где сдвоены дома...
Но если абрикосы воровали,
с собой меня ни разу не позвали.
Я обижался и сходил с ума.

Ещё был список недочётов мелких:
на праздники съезжалась к нам родня,
но мне на стол не ставили тарелки,
как будто им удобней без меня.

Шумели гости, музыка играла,
и самовар дымил, как пароход.
Я крикнул: «Мама», а она кивала,
дослушивая старый анекдот.

Тогда я чашку сбросил, одурелый,
и выбежал с проклятиями в уме.
А все решили: птица пролетела,
и тень её скользнула по стене.

Екатеринбург

1

Ищи ЕКБ — не найдёшь наугад
на картах и глобус не шарь.
Там чёрный и страшный катают квадрат,
там носят оранжевый шар.

Там головы рыбы прекрасно глядят
из каждой родной конуры.
Там птицы на огненный север летят
с приходом короткой весны.

Пройдись с мужиками до площади И.
Убейся на улице А.
Там каждый кирпич преисполнен любви —
не то что гнилая Москва.

Ты сам не способен к другому бытию,
поэтому дольше молчи.
Ты помнишь, на Пасху варили кутью,
пекли к Рождеству куличи.

И в полночь, когда поднималась Луна,
когда разгоралась костром,
и вся остальная реальность была
насмешкой над русским стихом,

ты шёл на балкон без мечты закурить,
в поэзию принят всерьёз.
Но немощен космос, и город забыт,
закрыт, как табачный киоск.

2

Четырнадцать лет пролегло с той поры,
заставшие нас так же живы, увы,
и каждый убийца подсвечен.

Как прежде, в «сутроб» помещается «горб»,
со «скарбом» рифмуется всякая «скорь»
не ради сцепления речи.

Но всем наплевать на слова во плоти.
Остаться противно, преступно уйти,
раз ты попадаешь в учебник.

«Вечерним Свердловском» окно занавесь,
пусть заново всё начинается здесь,
где двух континентов поребрик.

3

Я съехал с ума не сегодня, к смешению звуков привык,
но мимо Отчизны проходит поэт, приподняв воротник.
Его не окликнуть, не дёрнуть за царственной шубы рукав.
И чёрный впивается орден, булавкой до сердца достав.
А если разрезать картофель и йода открыть пузырёк,
возникнет Ахматовой профиль, а может быть, полностью Блок
взойдёт по закону посева в грядущее братство людей.
Там ждёт нас давно Ходасевич и, может быть, Белый Андрей.
Корзина мала Моисею, но он помещается в ней.

Владимир Лим

Последнее кочевье

История вымышленная, но правдивая

4

Тропа становилась шире, в две колеи, и местами пахла машинным маслом. Но медведей это не отпугивало, эту тропу проложили они с десятков тысячелетий назад, — кратчайший путь от таёжных горных берлог до быстрых лососёвых рек.

Людей они терпели, сторонились и напоминали своими кучами, оранжевыми от непереваренных остатков прошлогодней рябины, что настоящие хозяева этих мест — они.

Этот хрупкий мир был нарушен чужаками — браконьерами: уже четвёртый год, с началом пандемии, а потом и войны на Украине, гоняют они здесь на квадроциклах, устраивают незаконную охоту на медведей, добывая шкуры, жёлчь, когти на сувениры и мясо для своих рыбообработчиков, перекрывших сетями заводи в реке.

И медведи стали злыми, некоторые, уже пожилые, не убегают, а заходят кругами в тыл людям, пытающимся выследить их, нескольких этих глупых отставших чужаков они в отместку убили ударом тяжёлой лапы, оставили нетронутыми трупы и смятые карабины недалеко от Тропы — в назидание живым.

Медведей здесь меньше не стало, браконьеры потрошёную рыбу бросали в реку, оставляли в низинах на берегу, и звери собирались на запах со всей округи, от моря до тайги, жирели на лёгкой добыче, медведицы приносили не по одному-двух медвежат, а по три и даже четыре.

Если люди сталкивались с медведем, подойдя с подветренной стороны, он убегал не сразу, вставал на задние лапы, злобно всматривался из-за кустов *имукэ́та* маленькими круглыми глазками, и только увидев поднятое ружьё, бросался на другую сторону реки, а ночью возвращался, выслеживал, разорял стоянку, вскрывал охотничью избу, выламывая окна и двери.

И эвены теперь по одному и без собак не ходили, не шумели, как раньше, предупреждая разговором или песней медведя о своём приближении, оглядывались, потому что теперь *Абача* перестал быть *дедушкой медведем*, одним из нас,

жителей тайги, озлобился на человека, и чтобы остановить его, пуля должна была обжечь ему морду.

Я шёл первым, Максимка за мной, потом Арсений, а Иван — последним, с моим ружьём наготове, в левом стволе дробь на птицу или зайца, а в правом — бездымный порох и тяжёлая, откатанная на большой чугунной сковороде самодельная пуля, способная раздробить не только кость, но и крепкий лоб медведя. Пулями, уже заводскими, были заряжены и наши с Максимом калашниковы. Максиму в дорогу карабин достался отцовский, на всякий случай. А у Вани в сумине был свой, без магазина. Перед отъездом он потренировался доставать его, видимо, вспомнил вестерн «Выживший» с Ди Каприо. Он и в дороге тренировался: достанет — засунет, достанет — засунет, как Максимка. Это была сумина Иннокентия, ему нравилось выдёргивать ружьё за приклад, тогда центр тяжести внизу, и его не перекашивает на ходу при быстрой езде. Я и внука натренировал, хотя калашников для него ещё тяжеловат.

Внук у нас немного пухловат, как и Иннокентий в его возрасте, но рослый, лет на двенадцать, быстрый, удивительно быстрый. У него есть одна особенность: если ему кинешь что-нибудь, помидор или мяч, и скажешь «лови», он ответит «что?» и не поймает, а если просто кинешь, сбоку или прямо, он машинально ловит. В этом есть что-то звериное, оно спрятано у него внутри и проявляется, если он себя не контролирует. Особенно если вдруг задумается. А задумывается он частенько, и, чтобы очнулся, его надо легонько толкнуть, хотя он этого не любит и даже может закричать. Я думаю, что эта звериная реакция — проявление особенностей его психического развития.

Я чувствую в нём этого спрятанного зверька, доброго, ласкового и очень быстрого. Видел похожих людей среди эвенов, у них сильно развито периферийное зрение, и это великие охотники, откуда такое у внука, который не убил ни одного живого существа, не знаю. Догадываюсь: видимо, переселение душ — это вовсе никакой не миф. Просто этот портал открывается не всем.

А может, там, над мирами, есть одна общая душа, и от неё загорается в избранных божественный огонь. И великое их предназначение — нести его людям.

Внук из «Сайги» стрелял даже лучше, чем из ружья, потому что она легче, короче, хотя приклад держал, крепко прижимая под мышкой, по привычке. Умудрялся пулей пробивать подброшенную банку. Этого не мог даже Иннокентий. Только из ружья.

Я заметил: хорошо стреляют люди, которые умеют рисовать, у кого рука твёрдая, расчётливая, вот пуля у них и летит точно в цель. А Максимка красиво проводит прямые линии и на доске, и в альбоме, как отец, им никакой линейки не надо, чтобы нарисовать квадрат или прямоугольник. Но для охоты нужно ещё глубокое правильное дыхание, как у биатлониста, и оно не от Бога, этому я учил их с детства.

А ещё в быстрой стрельбе, особенно влёт, важнее всего чувство цели, его можно выработать, и оно приходит к зрелости, а некоторые, как Максим, с ним рождаются, и этот дар даётся не просто так...

Мы дошли до притока Левой Кичи, к месту слияния с Правой, и теперь, слившись, это была уже река мелкая, быстрая, но широкая, вдоль которой и шла Тропа. Иногда Тропа уходила далеко от Кичи, огибая густо заросшие *имукэтом* низины и болота, обходя увалы.

Некоторые увалы, довольно высокие, похожие на сопки с плоскими вершинами, удостоились общего названия Утюги.

Эти места каждый год менялись, как и точки слияния. Переменчивость русла зависела от силы паводка весной и в начале лета. Весной в реку скатывался растаявший снег с окрестных лугов и тундры, и она выходила из берегов, разливалась почти до лимана, покрывая и удобряя вулканическим пеплом ягодники и кусты кисловатой жимолости, и быстро уходила, а в июне её наполняли тающие ледники Срединного хребта, и тогда эта яростная, летящая с гор река всё сносила на своём пути. Завалы леса, перекрывавшие русло, особенно в верховьях, делали её непроходимой для аэролодок и водомётов инспекторов. И оттого на Киче так вольготно браконьерам.

На месте слияния Левой и Правой Кичи, на крутом повороте высокого галечного берега стоял Пост гидрологов — крепкая изба из бэушного бруса, в ней жил и работал все перестроечные годы Вася Немцов — сильно пьющий безобидный одинокий инженер. В первый год пандемии его обнаружили мёртвым инспекторы, убийц-собутельников так и не нашли, видимо, плохо искали, хотя они не позаботились даже сжечь Пост, чтобы скрыть следы преступления, должно быть, непреднамеренного.

А потом в сильный паводок берег подмыло, и изба как бы зависла над рекой северным углом, тем, где была спальня; пол в ней провалился, доски туристы разобрали на костры, и с тех пор здесь никто не останавливался: снизу, с реки, задувало, в доме стало неуютно, даже опасно — люди ночевали на крытой добротной южной веранде.

В этом месте я, восьмилетний, уходя по Тропе от отца, чуть не погиб: подо мной обрушился подмытый берег, — я наступил на повисший над водой дёрн; успел схватиться сначала за траву, потом, сползая, за корни берёзки. Я молился, просил прощения у отца — и не знаю, кто мне помог: Бог, отец или отчаянное желание учиться. Раскачался, держась за корни, прыгнул под дёрн на склон и оказался на самой кромке с рёвом летящей мимо ледяной мутной воды, которая бы завертела, затащила меня на дно, под суковатую корягу...

Зорька, моя лошадь, сама повернула к Посту вслед за Айной. Я вновь почувствовал запах машинного масла и попросил Максима оставить суму с оружием в кустах шиповника — вдруг здесь охотинспекторы, а карабин и ружьё зарегистрированы на Иннокентия. Забрал ружьё и у Арсения, оно числится на мне. Подумав, решил спрятать и своё оружие: я, кажется, забыл дома охотничий билет со всеми документами, а инспекторы бывают и снизу, с морского посёлка, на квадраках, могут прицепиться — там уже Соболевский район. А наши, из Быстринского, сверху, ездят на лошадях.

От Поста позвала лошадь, Зорька откликнулась, похоже, это был жеребец Вахрина. Хорошо, если Сергей Макарович здесь, расскажу про икру на леднике, пусть примет меры.

Но я ошибся, в тридцати метрах от Тропы, на широкой поляне, покрытой мелкой, пощипанной лошадьми травкой, стоял квадроцикл с прицепом, накрытый голубым новеньким тентом; на крыльце, рядом с металлической хлипкой лестницей на чердак, сваренной из арматуры, сидели три бородача в застиранном выцветшем камуфляже, пили пахучий кофе, подливая в него спиртное из плоской фляжки, закусывали бутербродами с икрой. К прицепу был привязан

жеребец Вахрина, Зорька его признала, низко, почти до земли, закивала головой. Жеребец потянулся к ней, но один из бородачей, нехотя надвинув чёрную маску, остановил его за хвост, тот брыкнулся сразу двумя задними ногами. Максим соскочил с оленя и положил руку коню на шею. Айна, как будто ей разрешили, тотчас же подошла к прицепу и принялась обнюхивать.

А ну пошла! закричал второй бородач, встав с крыльца, ростом чуть выше меня, лет сорока, с длинными сильными ногами танцора или спортсмена. На костяшках кулака у него были набитые мозоли бойца тхэквондо.

Айна сделала вид, что не поняла, схватила и потянула тент на себя. Обнажился дальний от нас поперечный ряд белых пластиковых двадцатилитровых контейнеров с икрой. Всего на прицепе её было миллионов на семь-восемь.

Айна учуяла икру, скорее всего, ещё с Тропы. Бородач достал широкий полированный нож, висевший на поясе, и, слегка загребая ногами, двинулся на неё. Айна отпустила тент и зарычала, шерсть на холке у неё поднялась, и она приняла грозную предупреждающую стойку. Вид её с наэлектризовавшейся гривой рыжих волос вокруг тяжёлой крупной головы был внушительным.

Максим обхватил её за шею, она рыкнула, слегка дёрнувшись, мол, не мешай, — так она привыкла воспитывать его ещё с той поры, когда тот ползал на четвереньках. Он негромко сказал: *Не надо, не подходите, она вам руку может перекусить. Тихо, Айна, тихо.*

И правда, подтвердил я, *если что, она у нас мослы коровьи перемалывает, мозг добывает.*

Да ладно, не поверил Борец, но остановился.

Братва, — крикнул нарочито весело Иван, — *не будем из-за собаки бодаться. Она у нас мирная, просто не любит, когда с ножом на неё, как и все мы.*

Борец спрятал нож, спиной оттолкнул Максима с Айной, поправил тент, натянув на скобы по бортам прицепа. Лицо его было мне знакомо, хотя и скрыто бородой, очень он был похож на танцора из «Мэнго», отчисленного за драку, кого-то тогда он покалечил, даже фамилию вспомнил, — Баранович. А ведь прошло больше двадцати лет. Говорили, подался в ОПГ Шатена, стал его правой рукой.

На морде Айны был вопрос: *Хватануть за жопу этого нахала или нет?*

Айна у нас икру любит, издали чует, объяснил Максим.

Губа не дура, отозвался бородач в маске.

А вы тут надолго? спросил у него Иван. И натянуто засмеялся: *Чайку хочется, аж переночевать негде.*

Ну, это теперь от вас зависит, как-то равнодушно сказал бородач в маске. А голос у него был приятный, баритон, и тоже отозвался невнятным воспоминанием.

Это как? удивился Иван и незаметно, пяткой, тронул лошадь, она послушно обошла меня и остановилась рядом с Максимом. За ними подтянулась и Красотка с Арсением, он, кажется, тоже почувствовал опасность, но я теперь потерял из виду внука. Пожалел, что сунул автомат в шиповник, обошёл Красотку, тронув Арсения за колено, он посмотрел на меня, я кивнул на бородачей, слегка зачем-то подмигнул ему.

Очень даже просто, сказал человек в маске, *один из вас пойдёт с нами, ну, хотя бы, малец ваш, чтобы рыбоохране не стукнули по поводу икры...*

Борец обнял Максима, прижал к себе, грубо смяв его выставленный локоть.

Это с какого перепугу? удивился Иван, и я увидел, как он пяткой ещё раз подтолкнул лошадь, и она встала за Максимом, уткнувшись в жеребца. *Да стой ты, холера,* прикрикнул он на лошадь, *жеребца захотела, бядина?*

У Вани сработал рефлекс военного разведчика, он мгновенно всё оценил и своим манёвром отрезал от нас человека в маске и третьего, худого, который встал и в руках у него был «сотый», должно быть, поднял с крыльца. Второй, Борец, вместе с Максимом, оказался между нами. У Вани теперь тоже был автомат, который он мгновенно выхватил из сумины, и пришёлкнул магазин с патронами.

Откуда и когда он достал магазин, я не заметил, возможно, заранее положил в карман. При этом Иван откинул отворот халата себе под правый локоть вместе с прикладом, открыв чёрную форму морского пехотинца с орденом Мужества, Чёрным Георгиевским крестом и двумя медалями за отвагу. Арсений подтолкнул Красотку и встал рядом с Ваней. И я понял, что он на всякий случай повторяет его движения, отсекает Максима.

Ты главный? спросил Иван у человека в маске. *Слушай сюда, мы везём прах моего комбата, это его отец, а это — сын. Он завещал развеять на реке, возле стойбища. И мы исполним его завещание. Попробуйте только меня остановить.*

Иван, почти не целясь, выстрелил в термос, и тот отлетел, забрызгав кипятком ногу человеку в маске. Человек невольно отшатнулся.

Я на войне снайпер, предупредил его Иван. *И на икру твою мне насрать!*

Борец поднял Максима на руки и, прикрываясь им, отступил к дому. Арсений послал коня за ними, тронув повод. Иван выстрелил ещё раз и выбил карабин из руки третьего, худого, из рукава его курточки выбежала струйка чёрной крови, вероятно, пуля задела рикошетом. Человек побледнел, шлёпнулся задом на крыльцо и схватился за локоть.

Теперь все они оказались на одной стороне. С Максимом на руках. Вплотную к Борцу, нависая угрожающе, — Красотка Арсения.

Отпусти ребёнка, сказал я Борцу — *Я пойду. Вместо внука.*

А ну отошли от дома, крикнул вдруг Иван и выстрелил дважды в крыльцо, на котором лежали два автомата. Щепки полетели в сторону бородачей.

Все трое отскочили, побледнели — видно, под пулями давно не были.

Ещё раз стрельнёшь, и я пацану шею сверну, пригрозил Борец, но как-то неубедительно.

Иван усмехнулся.

Я слез с лошади и подобрал «сотые», собрав в руке ремни.

А где запасные магазины? спросил Иван у главного.

Больше нет, честно, не брали, ответил вместо него раненый. Кровь у него больше не текла.

Ладно, проверим, сказал Иван. *Арсений, в багажнике посмотри, в прицепе, мало ли...*

Тот посмотрел, показал: аптечка, какая-то инструкция, банка моторного масла, документы. Патронов не было. Я взял аптечку, кинул раненому, тот не поймал, она ударилась о камни вокруг старого кострища и, треснув, раскрылась. В прицепе кроме икры, двух канистр с бензином и бокса с едой ничего не было. Я подошёл к браконьерам, похлопал по карманам, ища магазины. Борец, когда я ощупывал его, крепко прижал к себе голову Максима. И хотя у меня

помутилось в глазах от злости и страха за него, я, сдерживаясь, сказал негромко: *Чего ты вцепился в ребёнка? Не видишь, больно ему?*

Борец промолчал, но голову его отпустил, перехватил за воротник и слегка приподнял, заставив привстать на носки.

Деда, они меня убьют? так же тихо спросил Максим.

Я понял по его глазам, что он с трудом сдерживается, чтобы не закричать.

Пусть только попробуют, крикнул Иван, *я их тут и положу!*

Борец быстро достал нож и плоско прижал к груди Максима возле открытой беззащитной шеи, остриём под скулу. Арсений спрыгнул с лошади, потянулся к ножу.

Сучара, пулю захотел? крикнул вдруг Иван. И выстрелил, быстро вскинув автомат, пуля пролетела над головой браконьера, сдёрнув бейсболку, обнажилась потная лысинка с курчавым кустиком чёрных волос. Браконьер уронил нож, пощупал голову, лицо его стало серым, как у трупа. Арсений подцепил нож ногой, подтолкнул под лошадь.

Возьми меня, а пацана отпусти, слышь? — сказал я.

Борец машинально выпустил ворот Максима, я его рванул к себе, развернулся, заслонив собой, и подтолкнул к Ване. Но мальчишка, не останавливаясь, пробежал мимо него, к Тропе.

Такой, значит, расклад, сказал Иван. *Ну, Ильич, не стой, к нам иди, не бойсь! Они у меня на мушке.*

Я отказался, сказал, что не боюсь, а дал обещание.

Бандюкам? удивился Иван. *Это не считается! Мы, как Израиль, с террористами переговоры не ведем,* он натянуто засмеялся.

Да какие они террористы, браконьеры... охреневшие, сказал я.

Если берут заложника, значит, террористы, и статья им светит не за браконьерство — до трёх, а за терроризм — до двадцати пяти, догадливо поправил меня Иван.

А-а-а! с отчаянным воплем выбежал на поляну Максим. Глаза у него были пустые, сумасшедшие, а в руках — «Сайга» с прикладом под мышкой. Поравнявшись с Ваней, он огляделся и вдруг стал стрелять по термосу. Термос подскочил, и Максим точным выстрелом выбил его за обрыв. Сразу же перестал кричать, и глаза ожили, наполнились влагой. Из-под ногтя большого пальца правой руки текла кровь. Опять поранил скобой при отдаче.

Было слышно, как термос, скатываясь, гремит по галечному склону, потом плюхнулся в воду.

На бандитов выходка Максима произвела впечатление, едва ли не большее, чем выстрел Вани.

Я подобрал из аптечки бинт и стал заматывать внуку палец, пряча невольную улыбку гордости за мальчишку.

Деда, сказал он мне тихо, *пойдём с нами.*

Не могу, шепнул я, — *слово дал. А ты почему приклад не прижал?*

Я забыл, деда. А тебя убьют вместо меня?

Мужики, у меня предложение, вы забираете «калаши», без магазинов, а мы забираем Ильича и мирно расходимся, сказал натянуто-весело Иван.

Не получится, вы нас сразу и сдадите, угрюмо возразил главный.

Ну, тогда мы его так забираем, а вы думайте что хотите. Насрать.

Так тоже не получится, если заберёте, мы в стойбище придём, сожжём всё, оленей разгоним, постреляем. Нас много, вы думаете, только на вашей речке мы, самостоятельность какая-то? Всё побережье под нами, а колхозы рыболовецкие всегда были нашими, ещё с девяностых... За ваучеры забрали. Так что давайте по-хорошему, мы вашему деду ещё зарплату будем платить, если работать захочет, технологом, к примеру, а то взяли одну, она туго соображает, баранит постоянно. Боюсь, икру нам попортит. Нам с местными тоже ни к чему биться, на одной реке с вами стоим.

Складно у тебя получается, а по факту — террористы и есть террористы... Ильич, ты слышишь, чё он говорит? Он нам угрожает, как лохам беспартийным! Типа они всё тут давно купили! Да не купили, а народ кинули! В депутаты пролезли — бандиты конченные, пришли, куда не звали, и свои порядки устанавливают! Им только палец дай, они по локоть оттяпают.

Я с ними пойду, перебил я Ваню, сделаем, как хотят. Нам война тоже не нужна.

И что, теперь прогибаться под них, даже если всё так, как они говорят? Приватизировали бандюки тут всё! Забрать на хер назад. А завтра они вам ясак назначат, и что, будете платить? обиделся Иван. Да вы на своей земле или нет? Вы хозяева или они? А если они вам запретят по-своему разговаривать, вы тоже согласитесь? А я так считаю, если враг пришёл, надо биться. Он житья всё равно не даст!

Слышь, боец, ты нас с Украиной не ровняй! У вас там, на войне, крышак у всех едет, везде фашисты мерещатся! Рыбы тут, хоть жопой ешь, на всех хватит. Всё равно пропадает, вмешался вдруг раненый.

Смотри-ка, он всё за нас решил! С кем кого ровнять! Да знаю я, вы из тех, кто нерусских тут терроризирует с девяностых, да и русских тоже за людей не держит, оттирает, захватить всё хочет, разозлился снова Иван. Да я вас, нациков, тут и закопаю. Выпишу вам бесплатно землицы: полтора на метр. Вам хватит. И хер кто найдёт.

Найдут, ещё как найдут, тихо пробурчал главный.

Гут, давай по-другому, по закону, я позвоню в часть, контр-адмиралу Шуманину, скажу, что отца и внука командира, геройски погибшего на СВО, притесняют, в заложники взяли, хозяйство грозятся разграбить, оленей отобрать, они десантников на вертаке пришлют через пару часов... загонят вас, как крыс, гранатами закидают, никто вам не поможет, кого вы там задёшево купили... А морскую пехоту вам не купить, бабла не хватит! Погодите, вот мы с войны вернёмся, выставим вам счёт за всё, что вы нахапали у страны Советов! Иван схватился за ворот, как будто собрался рвануть на себе мундир с орденами.

Всё, баста, иду с ними, и это не обсуждается, считай, что командирский приказ, закричал я Ване. Я понял, что он сам себя распаляет, и всё может закончиться смертельной стрельбой.

Зря вы так, примирительно и чуть виновато сказал мне Иван. И шумно перевёл дух, как конь, остановленный на скаку.

Деда, я с тобой пойду, Максим вдруг обнял меня, прижав больно к бедру приклад «Сайги», я и не помню, чтобы он так делал.

Нет, ты должен доставить прах в стойбище, как велел папа, буркнул, я и отвернулся, чтобы он не увидел слёз у меня на глазах, совсем стал к старости сентиментальным. Только без меня не высыпайте, дождитесь. Так и передай дяде Саше.

Я поспешно встал рядом с бандитами, отодвинув Красотку и Арсения.

Дождётся, ещё как дождётся, сказал со значением Иван, опуская ствол автомата.

5

Услышав от Ивана про ясак, я вспомнил, что Саша, младший сын, попросил у меня весной пятьдесят тысяч рублей, сказал, что надо дать рыбинспекторам за перелов. И я дал, потому как перелов бывает всегда, рыбы по квоте нам на большую семью не хватает, да так по всей реке, у всех эвенов, и рыбинспекторы знают и смотрят сквозь пальцы. Но впервые они попросили за это деньги. Саша сказал, что они хотят перестроить под себя избу на Посту, перенести подальше от обрыва, будет общая с гидрологами.

Я совсем забыл об этом, не спросил у Сергея Макаровича, и он сам ничего не говорил.

Но по опыту работы в исполкоме я знал, что дополнительные средства на инспекторов, Посты или на лошадей, моторные лодки выделялись из бюджета района, решение принималось на сессии депутатами, а не собирались наличными с рыбопользователей.

Что-то тут не то, вполне возможно, как и предположил Иван, Сашу навестили бандиты.

Я помню, как восемь лет назад отозвали начальника краевого УВД, он был «засланцем» из Иркутской области, а та известна своими байкальскими браконьерами, да и лес они воровать мастера, у них граница рядом, но всё это было бы невозможно без коррупции по всей *вертикали власти*. Видимо, отсюда и привёз этот начальничек масштабные схемы умыкания государственных ресурсов хотя есть вероятность, что свои выросли и сели на икру и лес. Снять-то сняли, да по-тихому, а «сеть» осталась — что-то я не слышал ни о каких икорных или лесных уголовных делах: кто-то из больших чинов встроился. А что касается прибрежных рыбколхозов, то их действительно захватили лихие люди с помощью так называемых инвестиционных компаний, созданных бывшими работниками КГБ, банков и финансовых структур. Одна такая хотела приватизировать и наш совхоз, я ей помешал и заплатил двумя годами тюрьмы. А сколько таких хозяйств по всему Северу и побережьям захватили «бывшие» при поддержке откровенных рэкетиоров. А теперь сидят в депутатских и даже губернаторских креслах, скупая голоса за «стеклянные бусы». Да и, думаю, крупные дальневосточные металлургические предприятия, в том числе и «оборонку», захватывали по той же схеме, да ещё и с иностранным капиталом или, в лучшем случае, с партийными деньгами.

Мы шли рысью, жеребец Вахрина тянул нас вперёд, видимо, понял, что к хозяину идёт, и Зорька спешила за ним. Я знал, что «главный», который как-то криво сидел на нём, долго так ехать не сможет, посадка у него явно туристическая: подпрыгивает в седле, валится с боку на бок, поднимается на стременах, да и стремена коротковаты для него.

Через пару часов перешли на шаг.

Иван, знал я, где-то недалеко, время от времени слышал ворчливый лай Айны, она звала меня, но не догоняла, не оставляла Максима.

Иван обещал «главному» выдвинуться не раньше, чем через пару часов после их отъезда.

Мы пошли по Тропе вниз, а двое бандюков на квадроцикле — уехали вверх, к леднику, где у них было хранилище икры. Но Иван, судя по всему, не сдержал обещания, ждал не больше часа. Ровно столько я слышал запах *Абачи* на Тропе — так пахнет в доме, где завелись мыши, только сильнее, а потом увидел оранжевую свежую кучу. А через час уже ничем не пахло. Скорее всего, медведь решил сделать круг и зайти к нам сзади, но почувствовал запах Айны, запах человека, сделал ещё круг, и теперь он шёл за Ваней и Максимом с Арсением, шёл против ветра.

Но Айна поймает его запах и облает, предупредит, если он подойдёт слишком близко. Она в лесу тоже ходит кругами.

Ей в августе исполнится девять лет. Её собачий возраст равен моему, но со мной не сравнить: она носится, как молодая, а меня жизнь-то потрепала... Ещё и артроз тазобедренного сустава из-за тренировок с утяжелением. Сноха Кристина подобрала лекарство, сама делала уколы, помогло, могу километров десять по дороге пройти, но не в тайге через буреломы. Иннокентий часто подшучивал надо мной и называл Кристину «твоя любимая сноха», подразумевая мою слабость к ней.

Она похожа на Лизу, такая же красивая, с характером, и от неё так же веет чистотой, но жена не была такой чистюлей, мне за ней приходилось дома частенько вещи подбирать, а у Кристины, можно сказать, какое-то болезненное пристрастие к порядку, она всегда знает, что и где у неё лежит. И это не воспитанное, а врождённое, — у неё немецкие корни. Прадед Кристины — лингвист Асмус, профессор Тартуского университета, и я помню его труды по учёбе в институте Севера, а Обухова она по первому мужу, погиб на сплаве в Карелии. Она с горя подалась в экспедицию на Камчатку, со мной познакомилась. А прабабушка у неё эвенка из Иркутска, приёмная дочь купца Шелихова. Поэтому для нас она эвенка, хотя и другой крови намешано, как и у меня, да и у остальных моих сородичей: русская, якутская и даже японская.

Это я сосватал их, Кристину и Иннокентия. Она ради него бросила работу в институте, уехала из Ленинграда в наш медвежий угол. Думаю, Максимка пошёл в неё. И только кажется, что у него в комнате беспорядок, на самом деле всё расположено по одному, разгаданному мной, принципу, который я назвал для себя принципом Тропы. Секрет в том, что Тропа делает в его комнате петлю с точкой пересечения под люстрой, куда он попросил сдвинуть стол. И если ты знаешь этот принцип, то всё у тебя будет в шаге: энциклопедии, трансформеры из Супер-крыльев, динозавры, коробки с пластилином и вылепленные им фигурки монстров, которых наберётся с сотню. Нужно только правильно выбрать маршрут.

Этот его принцип связан и с пристрастием к датам и хронологии. Он спрашивает лишь раз и запоминает навсегда: даты, имена, фамилии, города, столицы, материки. Ему в голову не приходит что-то записывать, да и навыков таких нет, он обитает ещё в бесписьменной эпохе. Максим, как древний грек Симонид, изобрёл свою мнемотехнику. И это всё тот же принцип Тропы, Максим на ней размещает всю эту инфу. А с тех пор, как он узнал о существовании периодов в виде столетия, то есть века, тысячелетия, его стала интересовать начальная дата, нулевая, и пришлось ему рассказать, что она связана с рождением Христа, ну а там пошли вопросы, кто этот Христос, если с ним связано начало нашего времени. И почему он на самом деле родился

на несколько лет раньше Рождества Христова, то есть своего дня рождения. Он узнал о существовании Библии, точнее, об Евангелии от Матфея, о том, что у разных народов разное летоисчисление, но этого в душе не принял, не согласился, просто смирился. Я понял, что его хронологическая Тропа сегодня начинается, точнее, по его обратному отсчёту, кончается где-то во временах птолемеевских фараонов или древнего Рима, и эпоха динозавров, названия которых он знает почти все, находится, с его точки зрения, в каком-то туманном безвременье. Поэтому, вероятно, он присоединил к моему отчеству название этих существ и зовёт меня Ильич-динозавр. Почему не Степан-динозавр? Возможно, потому, что прадед Ильи, которого он никогда не видел, в его сознании — это почти такое же древнее существо, как и динозавр. Вполне вероятно, что и слово «древний» после моих рассказов о Христе и чтения первой книги Библии имеет для него совершенно иное значение, иначе почему он считает все церкви древними?

Надо сказать, ход мыслей Максима настолько бывает удивителен, что я не могу ручаться, что правильно понимаю или угадываю его.

Наконец, «главный» снял маску, а то мне стало казаться, что нижняя часть его лица просто отсутствует. Впрочем, она была прикрыта чёрной, с рыжими подпалинами и сединой, бородой, что-то обозначилось в его лице знакомое, проявившееся сквозь усталость и частые капли пота. Он заметил, что я вглядываюсь в него, и усмехнулся.

Мы остановились на плоском берегу, в метёлках ещё не распустившегося иван-чая, в начале длинной узкой галечной косы.

Я знал, что в конце её, там, где обратное течение, есть небольшая яма с мальмой и микижей. И пока лошади пили, зайдя в воду, я поймал на «вертушку» одну за другой четыре штуки.

«Главный» мирно дремал прямо на тёплой гальке, подсунув под голову свёрнутую курточку и прикрывшись голой рукой от солнца. На предплечье была тюремная наколка церковных куполов.

Я развёл небольшой костерок, собрав сухого плавника на косе, и запёк рыбу на углях.

Хорошо пахнет, похвалил «главный», он сел спиной к костру, снял берцы, аккуратно сложил длинные шнурки внутрь.

Я подозревал, что он не спит, а наблюдает, смотрит из-под руки, не сбегут ли, и зачем-то показывает мне наколку рецидивиста. Люди, прошедшие много времени за решёткой, почему-то считают, что значение их татуировок известно всему мужскому населению России, особенно, «воры», высшая тюремная каста. Люди эти очень аккуратны и вежливы, как советские академики, разумеется, до поры до времени, пока их ненароком не заденешь. В гневе они просто безумны. Или делают вид.

Прежде чем приступить к еде, «главный» сполоснул руки в реке, пригладил бороду.

Рыба получилась вкусной — жирная, сочная. Только, нагулявшись, поднялась в реку с Охотского моря и успела на нерестилищах отведать икры горбуши и чавычи.

Ну что, Якут, признал меня, спросил «главный», улыбаясь в бороду.

И как только он произнёс моё тюремное *погоняло*, я сразу вспомнил его. Точнее будет сказать, он мгновенно оживил те два года, они возникли передо мной разом, как одна картина, одно полотно, детали которого открылись во всех мельчайших подробностях, хотя ещё секунду назад, казалось, они были безвозвратно похоронены в завалах памяти.

Я вспомнил двухъярусные кровати, заправленные тонкими мышинового цвета одеялами, их синие исцарапанные металлические стойки с изображением грудастых женских тел, серые, в отвратных ухмылках, гнилозубые лица, смердящее близкое дыхание, длинный стол с брошенными на нём запретными потрёпанными картами, длинные тяжёлые отполированные скамьи, прикрученные к бетонному полу, густой вязкий влажный запах перенаселённой камеры — немытых тел, мочи и пота. И этого двадцатипятилетнего, всегда хорошо выбритого, мускулистого Смотрящего, боксёра или борца. Это он сообщил на волю о следователе, давшем команду на издевательства и доведение до самоубийства, в сущности, он был единственным, кто во всём этом враждебном мире встал на мою сторону и спас, это я почему-то понял только сейчас, через тридцать лет. И это значит, что тогда *они* и я оказались на одной стороне — против системы и её законов. *Они* это знали всегда, а я — понял почему-то только сейчас.

Да, Смотрящий, узнал, сказал я. Но благодарить не стал, только понизил голос, — нельзя признавать, что ты им чем-то обязан.

Ну и хорошо, просто ответил он, долго жить буду.

Конечно, Смотрящий помнил, как они мне помогли, но им это ничего не стоило, им было *в кайф выступить*, как они говорят, против *следака*.

И что, все стойбища обложили данью, самодеятельностью занялись? почти утвердительно спросил я.

А то ты не знаешь, ответил он, внимательно вглядываясь в меня. И не только стойбища, на Киче наш и колхоз «Труженик», — в голосе его я услышал почти юношеское бахвальство. Так хвастаются своими достижениями приятели, которые очень давно не виделись.

Не знаю, вздохнул я, на пенсию давно вышел, поделки для туристов строгаю. Вот только не понимаю, зачем вам это, если колхоз ваш?

Ну, это, как говорят политики, другое... А я думал, ты в администрации опятьправляешь... заметно разочаровался Смотрящий.

В какой администрации? удивился я.

И что, даже не шаманишь, не лечишь? не поверил Смотрящий.

Сын у меня на войне погиб... перевёл я разговор.

В каком звании? равнодушно спросил он.

Подполковник, морская пехота.

Смотрящему поворот разговора не понравился, он стал поспешно обуваться, как будто звание моего Иннокентия принизило его.

А у тебя дети есть? спросил я.

Рыбинспекторы тоже под нами, вместо ответа сказал Смотрящий, вас трогать не будут, ловите, сколько надо... Будут напрягать только пришедших, левых, в его голосе просквозила непонятная мне обида.

Все рыбинспекторы? удивился я.

Ну, почти...

На реке не всё так просто, сказал я, в этом году переловишь, через четыре года рыбы вернётся мало, ещё переловишь — совсем не придёт. Капец реке через несколько лет.

Смотрящий промолчал.

У японцев на Хоккайдо когда-то тоже был лосось, теперь нету, теперь они в океане ярусы ставят, нашу рыбу на путях миграции берут, продолжил я.

Ладно лечить, усмехнулся Смотрящий.

Айна обиженно и коротко залаяла совсем близко, наверное, Максим взял на поводок, не пускал.

Смотрящий ничего не сказал, только покосился.

6

На «базу» доехали под утро, её поставили, как я и предполагал, за широкой болотистой низиной, километрах в трёх от Тропы, съезд замаскировали несколькими высокими кустами шиповника — их подрыли и сдвигали вместе с тяжёлыми комьями земли. Кто-то из местных научил браконьеров прятать свои тайные тропы. Нужно было только раз в неделю подливать воды под корни, чтобы листья не вяли.

Я помог Смотрящему передвинуть кусты и незаметно подкинул фантики от конфет Максима, чтобы Айна сразу же нашла проход. Тропка развернулась почти на сто восемьдесят градусов, потом под прямым углом свернула в густые, высокие, почти по плечи всаднику, пахучие заросли шеломайника, скрывавшие широкий перешеек в болоте. Мы прошли несколько километров на запад, углубились в лес и упёрлись в натянутую в высокой траве проволоку с часто навешенными на ней пустыми консервными банками.

Смотрящий свистнул несколько раз, проволока, гремя банками, упала на землю. Из-за толстого, как бы скрученного из нескольких стволов *дывэда*, берёзы Эрмана, в чёрных чешуйках бересты вышел вооружённый «калашниковым» человек в камуфляже и лениво, должно быть со сна, махнул рукой. Смотрящий кивнул ему. Я скинул ещё один смятый в шарик фантик.

Мы въехали в густые заросли однолистного папоротника-орлятника и шиповника, потом спустились в сухое широкое галечное русло, заваленное деревьями с завядшей листвой и ручейком на дне, и поднялись на большой остров.

Я не сразу вспомнил это место, прежде оно было высокой поймой противоположного берега реки, густо заросшего *дывэдом* и *имукэчем*, а в этом году, после сильного паводка, Кича вдруг изменила русло, сильно ушла на юго-запад, под самый высокий, густо заросший кедровым стлаником, непроходимый увал, углубив и расширив мелкую протоку. И теперь Тропа оказалась километрах в пяти от Кичи, и была отсечена обширной заболоченной низиной.

Минут через десять подошли к лагерю в лесу — пять зелёных военных палаток разного размера, поставленных по периметру широким кругом, и одна большая, в центре. Под туго натянутой между деревьями маскировочной сетью стояли длинный стол, собранный из тонких стволов *имукэта*, и две скамьи. В отдалении виднелся синий генератор, ещё дальше, под зелёным навесом из того же тальника, почти у самой кромки берега, заросшей высокой травой

и шиповником, на отлитой узкой бетонной площадке с бортиками стояли стальные разборные кухонные столы, крепко сцепленные друг с другом, вдоль них был навешан коричневый пластиковый водосточный желоб, уходящий в реку. Рядом находились пластиковые парамушки для ястыков и двадцатилитровые контейнеры.

Это был настоящий цех для обработки рыбы, к нему шлангами насосом подавалась проточная вода, а отходы по желобу скатывались в реку. И столы, и большие грохотки для икры, и бетонная площадка со сливом были чисто вымыты, но запах тухлой рыбьей крови, пропитавшей лесную подстилку вокруг, был неистребим, и на него слетелись тучи синих жирных мух. Они облепили всю прибрежную траву и деревья в ожидании очередной добычи.

Ниже, на примыкании старого, теперь уже сухого, русла пятеро рыбаков в темно-зелёных просторных робах заводи́ли сеть на клиновидную песчаную косу, она была тяжёлой от бившейся в ней крупной сильной кеты в чёрно-бронзовом полосатом брачном наряде.

Над рекой, над уходящей на запад излучиной низко висело подвижное облако тумана, над ним плыли плоские верхушки зелёных увалов, а ещё дальше, слабо освещённые восходящим за горизонтом солнцем, торчали снежные острия Срединного хребта и возвышался священный седой двуглавый вулкан *Хоашен*. Золотистый в свете разгорающейся утренней зари.

Я лёгким поклоном приветствовал его.

Из ближней палатки вышла в розовом спортивном костюме высокая, с почти сросшимися длинными широкими бровями, очень худая и красивая узбечка и стала разводить огонь в большой сваренной из бочки печи. На печи, ближе к короткой трубе, стоял в прорези огромный казан, полный воды, рядом — большой алюминиевый чайник.

Увидев нас, узбечка приветливо улыбнулась и неразборчиво поздоровалась. Она, вероятно, хотела ещё что-то сказать или спросить, но не знала как, и потому подождала в вопросительном наклоне, не скажет ли ей чего-нибудь Смотрящий. Тот ничего не ответил и пошёл к соседней палатке, откуда вышел и сел у входа огромный, с телка, молодой маламут. Он позволил потрепать себя между ушей, коротко лизнул руку Смотрящему и неторопливо, слегка выворачивая наружу задние лапы, направился ко мне.

Я невольно напрягся, маламут обнюхал меня в паху и, удовлетворённый чем-то, улёгся на проплешины в траве, привалившись тяжёлым задом к моим ногам.

Балу! — строго сказал ему Смотрящий, показывая на меня. *Охрана!*

Балу посмотрел на него, вывалил язык и громко задышал, он безо всяких указаний знал, что ему делать со мной, незнакомым человеком.

Смотрящий расстегнул до верха вход в палатку, приподнял полу и кивнул мне, приглашая.

Изнутри она была для термоизоляции сплошь обшита серебристой подложкой под ламинат, кроме раскладного туристического столика и туристического же кресла в ней стояли вдоль стен три заправленные яркими китайскими пледами раскладушки.

Будешь жить со мной, сказал Смотрящий и указал на кровать в глубине палатки, возле стола, *если ночью подвалит Балу, есть у него такая манера, ты его ногой пихани, не стесняйся.*

Я отпросился расседлать Зорьку и привязать её возле старицы, там, где хорошая трава. Смотрящий сказал, чтобы я взял и жеребца.

Лошади охотно пошли со мной, я разделся, и мы зашли в старицу, но она оказалась мелкой, мне по пояс, я горстями плескал воду им на спины, мыльные от пота, и натирал мочалкой из травы. За мной некоторое время наблюдали рыбаки и Смотрящий, потом разошлись. Я громко посвистывал, приговаривал *Зорька, Зорька*, изображал лошадиное ржание, а потом тихо, но протяжно позвал Айну, издав несколько раз индейский клич, которому меня научил Максим. Она, мокрая, вскоре прибежала с западной стороны, это означало, что они обошли болото, пройдя под берегом по воде, встали в начале нового русла, там, где сильнее всего слышен запах протухшей рыбьей крови. Я написал записку: лагерь за большим болотом, на острове, не подходить, в лагере собака, вокруг сигнализация на крупного зверя.

Айна взяла записку в рот, как это делала, забирая поверх калитки у почтальона местную газету, и я, показав на тропку, сказал: *Максим!*

На повороте она оглянулась, низко прыгнула вперёд, и трава сомкнулась за ней.

Я пошёл в лагерь, жеребец шагнул за мной, но верёвка натянулась, он замотал головой, всхрапнул, будто просил взять его с собой. Наверное, соскучился по хозяину.

Вокруг стола толпились человек пятнадцать, в основном узбеки, они брали тонкие, как блин, лепёшки, смазывали сливочным маслом, ложкой стряхивали на неё икру и, свернув в трубочку, равнодушно жевали. Было видно, что эта непривычная им еда порядком надоела, так же неохотно они брали с противня куски запечённой в майонезе рыбы. Каждый раз, когда я встречался с рабочими-узбеками, удивлялся, как же они уже который год сдают экзамен по русскому языку, если даже не знают ни «здравствуй», ни «прощай»? Вероятно, кто-то там, в педучилище, крепко на этом нагревается.

Узбечка, разливавшая чай по кружкам, призывно замахала рукой и повторила несколько раз с неумышленной грубостью, приветливо при этом улыбаясь: *Кушать давай!* Я потянулся за лепёшкой, но стоявшие ко мне спиной узбеки и не подумали расступиться. Заметив это, узбечка что-то им крикливо сказала. Один, высокий, за два метра, почему-то в чёрной поварской куртке с красиво вышитым на груди красными нитками именем Бохадыр, обернулся и, улыбаясь, сказал по-русски, без акцента: *Давай, дядя, бери рыбу*. При этом он подался назад, бесцеремонно отодвинув спиной нескольких своих товарищей, и повторил: *Давай-давай!*

Судя по правильной интонации и хорошему произношению, парень был киргизом.

Узбечка, загрузив коричневый столовый поднос лепёшками, икрой, маслом, сыром и кружкой чая, вошла в соседнюю с нашей палатку. Выходя, она откинула полу, привязав за верёвочку к стойке, должно быть, там было что-то вроде склада — виднелись оранжевые коробки с корейским дошираком, майонезом «Оттоги», ящики с бурятской тушёнкой, мешки с мукой или крупой. Сбоку, в проходе, сидел на раскладушке в тени... Сергей Макарович, шурясь, рассматривал толпу вокруг стола, остановил взгляд на мне, но тотчас же отвёл и поднял левую руку, пригладил волосы, показав наручники и тонкий стальной тросик, уходивший под кровать.

Я свернул себе шаверму, напихав побольше икры, взял кружку со сладким чаем и сел в траву, прислонившись к бамперу квадроцикла, стоявшего между палатками, заметил, что тросик от лебёдки уходит под склад и на всякий случай незаметно повернул маленький рычажок блокировки. Теперь вал вращался свободно, и Сергей при желании мог легко смотать тросик и освободиться, но, подумав, вернул рычажок на место. За квадроциклом стоял ярко-зелёный мотоцикл с кроссовой резиной. Я видел его в селе в конце весны, он с треском и хлопками отъехал от магазина, привлекая внимание, за рулём была крепкая девушка в чёрной кожаной куртке и в голубом закрытом шлеме.

Когда узбечка вышла от Смотрящего с пустым подносом, я громко спросил у неё, показывая кружку: *А без сахара можно?*

Нета, расстроилась вдруг она и стала тыкать рукой в чайник, — *там!*

Сергей услышал, что я сижу рядом, за стенкой палатки, и тихо, так, что некоторые его слова были неразборчивы, рассказал: *...работать на них... отказался, они... в палатку с наручниками... подумай... чего мне думать... с бандитами не по пути... угрожают завтра утопить... сына похитят... сообщи в прокуратуру или Росгвардии в Город, ментам не надо...*

Я сам заложник, если убегу, они стойбище разгромят... оленей постреляют, разгонят, вот, думаю, что делать, пожаловался ему.

...Везде сигнализация... медвежья... бежать можно под левым берегом... по реке, ночью... прошу... помоги... Балу... придётся убить... охраняет... лает, продолжал Сергей, будто не слыша меня.

Пообещал ему до ночи что-нибудь придумать.

Хорошо, сказал вдруг Сергей громко, с надеждой, и, снова понизив голос, добавил: *а то, боюсь, до следующего утра мне не дожить... у них начальник охраны... конченный фашист какой-то...*

От его слов, в которых вдруг прозвучала трогательная жалоба, похолодело в груди, он заставил снова вспомнить те два года в тюрьме, беспомощное одиночество и отчаяние... и безнадёжную мольбу, не к людям обращённую, потому что от них я ничего уже не ждал, а к Богу, к высшим силам...

А ведь у него, в отличие от меня тогдашнего, был выбор, он мог перейти на сторону этих бандитов, как легко переходят другие, да и требовалась от него самая малость — не замечать их существования, прикрыть глаза. Но Сергей, знал я, не мог дать им такого обещания, не мог пойти на эту военную хитрость, чтобы потом, получив свободу, сдать их. Или перед лицом смерти он всё-таки пойдёт на это?

Нет, Сергей этого не сделает.

Я помню его нагловатым задиристым мелким пацаном, жившим с бабушкой в бараке под снос, мать и отец были староверы, утонули зимой в полынье на Быстрой, затянуло течением под лёд. Он никогда не сдавал своих товарищей по детским, но опасным, почти криминальным играм, и он всегда напоминал мне того пацанёнка из «Честного слова», которого поставили на пост, но забыли снять. Сергей не мог дать слова, которого не собирался держать, потому что это до сих пор противно его мальчишеской душе, потому что это для него предательство, это против тех простых правил, по которым он живёт и от которых не может отступить. Также, впрочем, как и я, старый дурак.

Бандиты сделали большую ошибку, Сергей не из тех, кого можно подкупить или сломить угрозами.

Я почувствовал тяжёлую усталость от бессонной ночи, от ответственности за Сергея, казалось, не хватит сил дойти до постели, упаду и мгновенно провалюсь в сон, а когда очнусь, подумал я с надеждой, выяснится, что всё разрешилось чудесным образом само собой, — к примеру, прилетел вертолёт с хабаровским или магаданским, главное, не нашим, камчатским, купленным рыбнадзором и ментами. Сергей мне не оставил выбора, я обязан защитить его, а не трястись за своё хозяйство, своих оленей.

В палатке с откинутым входом сидел за столом Смотрящий, голый по пояс, руки у него, вдруг заметил я, перевитые венами, со времён тюрьмы потяжелели, мощные грудные мышцы слегка сгладились, покрылись жирком.

Перед ним стояла полноватая грудастая крашеная блондинка.

Я спросил разрешения войти.

Заходи, заходи, разрешил Смотрящий, ты как раз нужен, я тут Аню, технолога, направляю, как бы нам расширить ассортимент и делать балык!

Аня обернулась, и я увидел её тонкокожее лицо, по краям в мелких частях, как сыпь, прыщиках, что-то у неё с почками, она была далеко не молоденькой, за сорок, и при этом весьма высокого о себе мнения, упрямой, несговорчивой, судя по выражению её больших серых и сердитых глаз. Она заговорщицки усмехнулась мне, как будто я был того же негативного мнения о предложении Смотрящего, и сказала неожиданно низким голосом: *Петрович, мясо у нашей рыбы маложирное, и копилки нет...*

Я ответил в тон ей, будто бы соглашаясь, но по смыслу напротив, в поддержку Смотрящего, что рыбу для этого необходимо разделять иначе, не вдоль брюха, как делают их узбеки, а по спине, и получившиеся пласты надо будет, как говорят хирурги, иссечь на кубики, не отделяя от шкуры, а коптить можно и в маленькой палатке, только поднять её повыше, дымокурню же разместить внизу, к примеру, под высоким берегом, трубу сделать в земле, чтобы дым остывал и рыба не сваривалась.

Аня удивлённо посмотрела на меня и сказала, что это очень старый способ приготовления и теперь так никто не делает, и он возможен только при наличии специального оборудования.

А мы попробуем, обрадовался Смотрящий.

Мы вышли из палатки, Смотрящий пронзительно свистнул, рабочие, столпившиеся у разделочных столов, разом оглянулись. Аня поморщилась и подозвала Бохадыра, я вспомнил, что это имя означает на тюркских языках «богатырь». И он действительно был богатырём.

Я указал им место возле старицы, на западной оконечности острова, где лес подступал почти к самому полутораметровому обрыву. Когда возвращались в лагерь, я подчёркнуто порекомендовал Ане рыбу солить в тузлуке, а перед копчением отмачивать и подвяливать. Она промолчала, только неохотно кивнула, вероятно, ей не понравилось, что в моём лице она получила если не ещё одного начальника, то советчика, близкого к Петровичу.

7

Самое странное, как только я вытянулся на раскладушке, сонливость прошла. Я вдруг задумался, и не о Сергее, и даже не о тюрьме, а почему-то о той женщине, что меня родила. С тех пор, как перед самой смертью отец рассказал

мне её историю, я старался не думать о ней. Мне казалось, что эта наша семейная тайна не имеет никакого значения, неважно, кто тебя родил, главное, с кем ты жил и кто помогал тебе идти по этой жизни. Но с возрастом я стал замечать, что во мне прорастают странные желания и предубеждения, открыл вдруг, что мне всё более неприятен вид и вкус мяса, что я не люблю холод и часто мёрзну, в то же время люблю воду, особенно тёплую, люблю купаться и мыться, люблю овощи, яблоки, каши, особенно рис, люблю чистую стираную и глаженую одежду, а мех и шкуры раздражают мою кожу, и в детстве я долго не мог освободиться от какой-то непроизвольной, злившей меня жалости к убитым мною живым существам, особенно к уткам и куропаткам, ещё мгновение назад доверчиво летевшим ко мне на криканье манка, и вот они уже в моих руках, и я чувствую, как из них уходит тепло и вместе с ним — сама жизнь... А главное, я стал вдруг осознавать свою страсть к учёбе, неистребимое стремление узнать всё об окружающем мире, понять суть происходящего вокруг. Это началось с первой попавшей мне в руки книги: Евангелие от Матфея на эвенском языке. Это было как бы нечто отделяющее меня от моих товарищей, моего народа. Ведь эта страсть увела меня из стойбища, от родного очага, от оленей, родни и отца.

И стали оживать рассказы об этой женщине, от которой осталась только крохотная потёртая любительская фотография, переданная отцом незадолго до смерти, с полустёршимся японскими именем и фамилией, коряво, но с вензелями написанными по-русски на обороте: Ногаи Мисико, 19 декабря 1947 года. Это была женщина с необыкновенно нежным и тонко очерченным лицом.

Она оставила нам по себе странную боль: я чувствовал себя отверженным ею. И когда думал о том кривоногом рахитичном малыше, неуверенно ковылявшем в своём эвенском детском меховом комбинезоне к *важенке*, присасывавшемся к её соску, соревнуясь с телёнком, — плакал от обиды. Видимо, я так же, как и отец, почему-то любил её и тосковал, особенно в старости.

Впрочем, я не чувствую себя старым или больным, у меня ничего не ноет по утрам, кроме, может быть, правого бедра, сохранил своё зрение и выносливость.

Проснулся я оттого, что меня скинули с постели, рывком опрокинув раскладушку, я выкатился из палатки к мотоциклу и вскочил. Тотчас же ко мне подошёл Борец и, захлёбываясь от гнева, заорал, что моё место не в палатке начальства, а у параши и в наручниках, при этом попытался ударить ногой, но я машинально выдвинул навстречу свою, развернув коленом вперёд, и он больно ударился в неё костяшкой голени. В глазах Барановича, а это точно был он, мелькнуло удивление — не ожидал такого от пожилого *терпицы*. Он мгновенно перестроился и в прыжке двинул меня не каратистским, а боксёрским боковым правым, я успел только слегка откинуть голову, смягчить, а так бы лежать мне в нокауте. Он подскочил и стал умело обрабатывать меня своими сильными ногами, приговаривая: «Ах ты, падла черножопая, подлюка сраная... стрелять в меня...»

Его оттащил Петрович, обхватив своими длинными мощными руками со спины. Баранович попытался освободиться, ударив локтем, тогда Петрович швырнул его на землю борцовским приёмом через себя, навалился на него, безжалостно припечатал лицом в траву.

Ты руку на своего поднял! Это Якут, его Хозяин определил в положенцы после бунта в тюряге, прошипел он в ухо Барановичу.

Ладно, понял, согласился тот, *пусти!*

Нас окружили узбеки, Бохадыр помог мне подняться.

Положенец, говоришь, негромко, но злобно, угрожающе сказал мне Баранович, *а по мне — падла ты черножопая.* Он вытянул руку в сторону Смотрящего со словами: *Да не трону его... пока.*

Во-первых, Баранович, я быстро приспустил штаны и показал ему свою белую незагорелую задницу, *у меня она такая же, как у тебя и у других!*

Люди сзади меня засмеялись, особенно громко, с причитанием, хохотнула Аня.

Значица, фамилиё моё тебе известна? приблатнившись, выговорил язвительно Баранович.

Во-вторых, ты нигде не сидел больше пятнадцати суток, даже в Коре, так что не придуривайся блатным, *знай своё место. И мне известна не только фамилия, но и происхождение твоё! Мать у тебя украинка, это да, ничего не скажу, а отец у тебя тигильский эвен, но ты не «падла черножопая», хотя даже танцевал в «Мэнго» и научился там махать ногами, пока тебя не попёрли оттуда, а обыкновенная фашистская гадина,* с чувством сказал я.

Вот что, Петрович, ты слышал, чё он базарит, хочет опустить перед всеми, мать мою приплёл, и мы теперь должны решить между собой, без схода, кому из нас жить, Баранович достал свой широкий тяжёлый нож, и я тотчас же вспомнил, что раньше он всюду ходил со складной «бабочкой», открывая и закрывая её. Баранович повернулся к Смотрящему: *И пусть кто-нибудь попробует нам помешать,* он с разворота швырнул в меня клинок, но что-то не рассчитал или сделал это умышлено, — тот с силой ударился в мою грудь почти плашмя и лишь рассёк кожу, я почувствовал струйку крови, стекающую к животу.

Баранович тотчас же кинулся на меня, я почувствовал, как кто-то сзади вложил в мою левую ладонь мокрую рукоять лёгкого ножа, и выкинул вперёд руку, сделав вид, что хочу ударить его в правый бок. Баранович перехватил клинок двумя руками, а я в то же мгновение резко, насколько мог, ударил его в кыдык. Этот удар в спортзале Академии нам показывал тренер по боевому самбо, мы его часто имитировали, но никогда не применяли, и вот теперь, спустя почти тридцать пять лет, я его каким-то чудесным образом воспроизвёл, но переусердствовал, противник мой схватился за горло, захрипел и боком повалился на землю, суча ногами. Я растерялся, отступил, испугавшись крови, проступившей из-под ладоней, но быстро сообразил, что это он порезался о шкелечный нож, который я по-прежнему сжимал в руке.

Баранович продолжал хрипеть, хотя должен был уже отдышаться и встать, и тут стало ясно, что я вдавил ему гортань и нужно это как-то исправить, иначе человек задохнётся, и кинулся на колени. Смотрящий неправильно меня понял и схватил за руку, я кивнул ему и отпустил нож, попытался отнять ладони Барановича от горла, но тот не дал, тогда я просунул под них пальцы, нащупал трахею, сматое место, и с усилием сжал с боков, почувствовал, как два или три хрящика встали на место, и поверженный враг мой свободно вдохнул.

Очевидно, никто не понял смысл моих манипуляций, разве что Петрович и сам Баранович, он, посеревший, отдышался, взглянул с облегчением своими

налитыми кровью глазами, сел, но тотчас же несильно пнул меня ногой. Я опустился рядом с ним и обнял за плечи, Баранович не сопротивлялся — даже небольшое усилие должно было отдаваться в горле резкой болью.

Через пару дней пройдёт, сказал ему, осмотрев горло, *только ничего не трогай.*

Узбеки разочарованно вернулись к рабочим местам, Бохадыр подобрал нож, который я обронил, — это он мне его подсунул. И мы обменялись понимающими взглядами.

Смотрящий, придерживая под локоть, отвёл Барановича, семенящего на полусогнутых, в палатку.

Я попросил у Ани пластырь, и она сказала, что аптечка у них «дома».

Майка на груди пропиталась кровью, Аня, причитая, сняла её через голову, велел поднять руки. Рана оказалась глубже, чем я думал, и её следовало зашить. Аня обработала спиртом иголку и нитки, в четыре стежка прихватила края раны, грудная мышца, когда она притрагивалась к ней пальцами или губами, откусывая нитку, непроизвольно дёргалась, и женщина удивлённо взглядывала на меня. Закончив, она машинально чмокнула меня в грудь, потом, подумав, стёрла поцелуй ваткой со спиртом. При этом она как-то искоса серьёзно взглянула на меня. Я даже слегка смутился.

Аня предложила прилечь у них, для спокойствия и пока просохнет майка и курточка, которые постирала и подлатала Маша, так звали по-русски повараху. Они указали мне на раскладушку, но, вспомнив Барановича, я сказал, что лягу на земле, сходил к лошадям и взял керемат и спальник. Зорька мирно стояла рядом с жеребцом, положив ему голову на спину.

Разбудил меня мужской приятный баритон, в палатке горел фонарь, подвешенный на сук центрального столбика рядом с мотоциклетным шлемом.

Значит, был уже поздний вечер, я проспал часа три.

Петрович полулежал поперёк раскладушки, глубоко продавив её, Маша пристроилась сбоку, на самом краю, в неудобной позе, чтобы не съехать к начальнику, держалась за дюралевую трубку под матрацем. Аня сидела напротив, откинувшись на локтях, тоже поперёк постели.

Петрович, посмеиваясь, говорил им о том, как мы сидели в тюрьме, как я вёл переговоры с *беспредельщиками* во время бунта, что благодаря мне никого не убили, под конец он рассказал, преувеличив мои успехи, историю лечения нескольких сидельцев, отметив, что особенно успешным было исцеление, когда больные прикладывали свои нездоровые места к моему животу, лбу или заду. Я чуть не расхохотался, вовремя прикусил капюшон спальника. Аня засмеялась, видать, поняла шутку. Маша с любопытством поглядывала на меня, очевидно, плохо зная русский, не могла оценить юмор Петровича и всё приняла за чистую монету.

Уходя, Петрович вновь пошутил: *К старому не приставать, а то так залечит, на работу не встанете!*

Разберёмся, засмеялась Аня и застегнула вход на деревянные шпильки.

Я немного полежал, потом, нарочито кряхтя, выполз на улицу под стенкой палатки и сходил по-маленькому на колесо квадроцикла, чтобы не шуметь. Шёпотом окликнул Сергея, он радостно отозвался, велел ему ждать, сообщил, что снял лебёдку со стопора.

Подошёл и обнюхал лужицу мочи Балу, махнул хвостом.

Теперь ничего не оставалось, как бежать, — если Баранович оклемается раньше времени, нам несдобровать. Он был в своё время правой рукой Хозяина, потом крышевал русских предпринимателей в Пусане, скрылся от южнокорейской полиции и несколько лет отирался в Москве, наверняка у него большие связи в преступном мире, он имеет свою долю в легальном бизнесе *общака*, а сейчас вместе с Петровичем разрабатывает браконьерскую *тему*, не исключено, что это их собственная, *левая*, тема, без участия «воров». Судя по всему, хотят *сесть* на рыболовные участки нацменов, обложить данью, а потом и вовсе оттеснить или, в лучшем случае, выкупить лимиты на улов.

Засыпая, вспомнил Лизу, последние месяцы перед её смертью мы вместе не спали, и после похорон мне снилось, что жена за это меня корит, я думал тогда, что так она зовёт к себе, не хочет быть одна.

Разбудила Маша, голая, бесстыдно забралась ко мне в спальник, стянула с меня трусы, отвернула и стала тереться тощим горячим животом о мою задницу, приговаривая: *Мужик моя не люби, детей она нада, помогай, доктора*, потом забралась на меня и принялась старательно тереться волосатой сухой промежностью о мой лоб. Я чуть не расхохотался. Сползая с меня, нечаянно коснулась моего вспухшего члена, вскрикнула по-своему и захихикала.

Тихо, шикнула на неё Аня, *разбудишь всех!*

О-ё-ё! Не старая, доктора, в ответ засмеялась Маша.

Чего?

Сама попробовай давай! снова засмеялась Маша.

А ну, слезай!

Маша благодарно поцеловала меня в щёку и быстро переползла на свою раскладушку, зашелестела одеждой.

Аня неуклюже навалилась на меня в темноте, она была в длинной плотной рубаше до пят, расстегнула до конца спальник, попутно легонько, как бы невзначай, тронула меня в паху. Она хорошо ориентировалась в темноте, да и, вероятно, устройство мужского тела ей было хорошо известно.

Она легла рядом, потрогала пальцами пластырь, спросила: *Болит?*

Я сказал, что нет.

Хочешь? грубовато спросила она, тронув меня внизу.

Да не совсем, сказал, *я жену люблю*.

Надо же, ласково удивилась Аня, обнимая меня за шею, *а где старушка твоя, дома ждёт?*

Я почувствовал, как она улыбнулась в темноту.

Можно и так сказать, а вообще-то она умерла девять лет назад. И ждёт меня там.

А ты ещё и романтик у нас, Аня снова улыбнулась, продолжая трогать своей тёплой мягкой ладонью, *мне сперма твоя нужна, господин доктор, говорят, от прыщей помогает, верно? Замучилась с ними.*

Не у кого больше взять? Мужиков бесхозных вокруг полно.

У кого, у мигрантов, что ли?

А они, что, не люди? Обезьяны? удивился я. *Бохадыра попроси.*

Да я не к тому, нашлась Аня и сжала ладонь, *разболтают...*

Ну, не знаю... жареного, жирного не ешь...

А я знаю, сказала Аня и стала механически двигать рукой, приблизив тесно своё лицо, я почувствовал её тёплое чистое сбивчивое дыхание, так приятно пахнет от людей со здоровым желудком и поджелудочной.

Через минуту она слегка запыхалась и попросила меня перелезть на другую сторону: *Рука устала, поменять надо*, сказала она. И когда я, подчинившись, переползал через неё, она быстро раздвинула и подняла ноги, взяв их в замок у меня на спине, обнаружив изрядную гибкость, обхватила и шутиливо крепко и одновременно нежно прижала к себе тёплыми руками. Засмеялась, тихо, ласково, в самое ухо: *Попался!*

И мне вдруг на какое-то распахнувшееся бесконечное мгновение открылась ночь в нашей спальне, тихий близкий шёпот Лизы, смутный блик от окна в глазах, сонный приглушённый смех, переплетенье рук и ног, родное тёплое объятие, и меня подхватила, понесла нежная мягкая благодарная волна забытого телесного счастья...

Я проснулся от шороха, рядом, на боку, поверх спального, привалившись ко мне, ровно, тихо дышала Аня. Айна лизнула меня, а заодно и девушку, и выползла из палатки, я услышал поскуливание и неясные звуки какой-то возни, быстро оделся.

Убегаешь? спросила Аня.

Да, пока Баранович не очухался, невольно признался я.

А-а, я думала на своё место идёшь, а ты совсем. Тут ты прав, этому убить человека в удовольствие, верно ты его обозвал. А ты живёшь где, в Городе?

В Эссо будешь, заходи...

Заеду, если не шутишь, в начале сентября только, фамилия как?

Я сказал и посоветовал ей маску с лица смыть, а то может быть от свежего белка раздражение, а то и ожог.

Она встала, при этом ударилась головой о мотоциклетный шлем и, засмеявшись, выругалась, освободила на ощупь шпильки из петель и выглянула из палатки, было очень темно, генератор выключили, тенями нависали деревья. Айна стояла рядом, у входа, с палкой в зубах, вплотную к ней, опустив голову, — Балу тянул за другой конец. Айна всегда так делала, если хотела подружиться с чужой собакой. Но это было очень редко.

Никого, сказала Аня и, обхватив на мгновение, подтолкнула меня.

Сергей меня ждал, тросик намотал на руку, но от лебёдки не отцепил, не смог в темноте.

Я повёл его почти на ощупь вдоль берега, через лес, Айна с Балу шли рядом. Лошади так и стояли возле старицы, выщипали всю траву вокруг. Быстро оседлали их, Сергей, забывшись, ударил тросиком о стремя, оно коротко зазвенело. Мы замерли. Затаились. Кто-то вышел из палатки, громко зевнул, зажурчал. Мне показалось, что это Смотрящий, сделав своё дело, он окликнул Балу. Пёс подбежал, но к палатке не поднялся, заскулил. *Охраняй*, приказал человек и ушёл.

Вывели лошадей к реке, спустились в воду и пошли под самым берегом, низко пригибаясь в седле от нависавших гибких веток *имукэта*, вверх по течению. Река сильно шумела на мелких перекатах, скрадывала шаги.

Иван нас ждал, моргнул в траве фонариком. Максим спал, сидя на свёрнутом керемате, привалившись к лежащему белому оленю и обнимавшему

его Арсению. Балу стал обнюхивать всех, но Айна оттеснила и повела вдоль берега.

Балу шёл с нами по Тропе до самого съезда к лагерю, там остановился, принялся, я понял, что он нашёл фантик.

Айна постояла с ним, отдала ему палку, которую несла от самого лагеря, потом догнала нас. Балу ни разу не залаял, только дружелюбно поскуливал и помахивал своим пышным хвостом. Не пришлось убивать. Спасибо Айне, умнее её нет никого.

Два часа мы скакали галопом, ещё два часа — рысью. Арсений вырвался вперёд, сидел в седле по-спортивному, как влитой. Река ушла вправо, нас разделяла очередная широкая заболоченная низина, кое-где, островками, заросшая берёзой Эрмана и кедровым стлаником. Тропа, обходя болота, поднялась на широкий тёплый ещё увал, и мы оказались в лесу, по низу густо заросшему орлятником и шиповником. Остановились. Айна спустилась с Тропы, сделала круг, нашла холодный ручей у подножия увала, вернулась мокрая. Я несколько раз сходил с котелком за водой, напоил лошадей и Ваську. Арсений быстро, умело их расседлал. В отличие от нас, четыре часа езды совсем не утомили его.

С плоской вершины было хорошо и далеко видно, почти до браконьерской тони. На Тропе ни впереди, ни за нами никого не было. Я смотал с руки Сергея тросик, Иван, поковырявшись шилом швейцарского ножа, умудрился открыть наручник.

Сразу за пологим поворотом, перед подъёмом, мы натянули этот тросик — наискосок — поперёк Тропы, спрятав в высоком шеломайнике, на уровне руля квадроцикла, я настоял выше не поднимать — могут заметить, сказал; на самом деле просто не хотел, чтобы им головы оторвало, во всяком случае, Петровичу, да и так, если врежутся на скорости, аварии не избежать. Ну что ж, нас они точно не пожалели бы. Если догонят, то убьют — к примеру, Сергея — а потом и нас как свидетелей.

Расстелили керематы и легли отдохнуть, Иван остался дежурить. Я вновь не мог уснуть, странным образом думал об Ане и одновременно поглядывал на Ивана. Максим спал беспокойно, вертелся, выпростал руки из спальника, я обнял его...

Иван, перед тем как прилечь, прошёлся с Арсением по увалу и сказал, что это *самое место* для засады: справа крутой спуск к реке через болото, быстро не обойдут, слева лес, но редкий, старый, хорошо просматривается, возле откоса два упавших друг на друга огромных тополя, там укроемся. Я сказал, что эти деревья когда-то спилили люди, пришедшие снизу, с берега моря, хотели баты для туристов строить, но почему-то передумали.

Максима решили отправить в стойбище с запиской, чтобы поднимали народ, готовились, отогнали оленей, позвонили в часть военным, а если придут бандиты-охранники снизу, из «Труженика», не пускать до нашего прихода.

Я приготовил завтрак из тушёнки и риса, еле добудился Максима, накормил его, сонного, и Айну, дал еды с собой на два дня, банку тушёнки. Иван разложил оружие на керемате: четыре автомата, включая два браконьерских, пять магазинов, маленькая сума с патронами и два ружья, два полных поясных патронташа, один с дробью, один наполовину с пулями, наполовину с картечью.

Максиму дали ружьё с пулями и автомат с рожком — для Саши. Автомат засунули в сумину, примотали к подпруге, чтобы не выпал. Я объяснил внуку,

что к ночи, если не будет останавливаться, дойдёт до охотничьей избушки, она отмечена у него в навигаторе, там он должен обязательно переночевать, в темноте идти по лесу очень опасно, Ваську надо на ночь взять с собой в избу, на реке много медведей, могут испугать оленя, а если он сбежит, то пешком Максиму идти до стойбища ещё полтора дня, а так доберётся завтра к обеду, в крайнем случае, если шагом, к ужину. Главное — что бы ни случилось с Тропы не сходить.

Я проводил внука до конца увала, посмотрел, как он спускается по откосу, исчез за бугром и появился снова, уже в лесу. Максим ушёл охотно, был оживлён, ему нравилось, что его отпустили одного в лес с таким важным заданием. А я переживал, что он может уснуть на Ваське, упасть или сойти с Тропы по какой-нибудь надобности — мало ли какая фантазия придёт ему в голову, — упадёт в яму, их там полно, неизвестно кто и для чего когда-то нарыл их, и не сможет выкарабкаться... или Васька испугается медведя и убежит, или потеряет шляпу с накомарником и его одолеют комары. Издалека он казался совсем маленьким, беззащитным несмышлёным ребёнком, и хотя я понимал, что это совсем не про него и лес ему — родной, он знает Тропу с четырёх лет, продолжал волноваться.

Айна стояла возле меня, переступала лапами, как лошадь на старте, нетерпеливо поскуливала, ждала команды.

Айна... — начал я и не договорил, она уже неслась по склону за Максимом.

Ангел хранитель. Я спокоен, когда она с ним.

Пока меня не было, Иван и Сергей крепко поссорились. Иван настаивал, требовал первыми начать стрельбу на поражение, сразу же, как только *бракуши* въедут в тросик.

Сергей упирался: *Так нельзя, это не война и это не враг, а такие же граждане, как и мы, и мы не можем стрелять без серьёзных оснований. Это будет превышение пределов самообороны, и нас ещё и посадят.*

У них боевое оружие, и они взяли тебя, старшего инспектора рыбоохраны, при исполнении своих должностных обязанностей в заложники, как и Ильича, грозили убить к утру, сына похитить, — это что? Не основание? возражал Иван.

Это основание для задержания, но не убийства! Угрожать — это одно, а делать — другое.

А кто сказал, что мы собираемся убивать? Мы хотим их задержать, отнять у них оружие! А они оказали сопротивление. И я тебе, Серёга, скажу, не для прессы, при этом он взглянул на Арсения, я эти рожи уже видал на войне, это и есть настоящие враги. Им только дай волю, этим нацикам, они же нас за людей не считают! И хера им! Я буду их убивать, пока патроны не кончатся! А если ты и в бою собираешься перечить, то пулю точно поймаешь. Такие правила на войне, чтоб ты знал, закончил Иван, окончательно выйдя из себя.

Сергей промолчал, только растерянно улыбнулся мне.

Ильич, — обратился Иван ко мне, дай трубку курнуть твою, псих меня накрыл, страдаю этим, афганский синдром называется, только курево помогает или двести грамм.

Трубку не дам, у нас так не принято, а вот сигарету — пожалуйста, припас на всякий случай, я достал из сумины пачку сигарет и бросил Ивану.

Иван всё-таки осерчал на Сергея, да и на меня тоже, велел костёр больше не жечь, чтобы дымом не пахло, чай варить на газовой плитке. Потом спустился вниз, бродил там по кругу, что-то высматривал, говорил сам с собой.

Через полчаса вернулся, подобревший, но сосредоточенный, напряжённый, изложил план предстоящего боя. Арсению он определил место на левой стороне откоса, за берёзой, будет стрелять дробью, отпугивать, если бандиты рванут к болоту, но это маловероятно. Мы с Сергеем должны укрыться в тополях, стрелять начнём, как только бандюки сунутся к нам на увал и откроют огонь. Укрыться им будет негде, сто процентов начнут палить и залягут на откосе, или пойдут справа, а там, снизу, по ним ударит Иван. Есть, конечно, небольшой шанс, что всё-таки кто-нибудь из них, когда начнётся стрельба, пойдёт в обход слева, вдоль болота, и если они не испугаются ружья Арсения, то их должен будет отсечь Сергей, он, стало быть, заляжет в самом углу, между тополями, чтобы контролировать и левый, западный, откос. А мне следует перемещаться вдоль бревна и стрелять с разных мест, показать врагу, что нас больше, чем четверо. Поскольку мы не знаем, есть у них гранаты или нет, надо следить и, если прилетит, прыгать за второе бревно. Отступать будем в лес, на запад, все трое, там есть ещё упавшие деревья, можно залечь и отстреливаться, а Иван будет бить по ним с тыла.

Дежури́м по очереди, меняемся через два часа, первым — я.

Иван и Сергей уснули почти сразу, сказала́сь бессонная ночь, а я прилёг с Арсением на тёплом откосе и смотрел вдаль, на великий *Хоашен*, на ветвистые заснеженные его складки — отроги, спускающиеся к зелёной подошве, и ниже, на плоские вершины утюгов, туда, где укрылась в лесу браконьерская тоня. И с неудовольствием чувствовал, что Арсений хочет что-то сказать или спросить о Кристине, и когда он повернул ко мне своё лицо, я слегка нахмурился и сказал ему: *Давай спи, потом будет некогда, ночью, после боя, будем пробиваться к стойбищу.*

На открытых, свободных от леса местах, угадывалась Тропа, иногда мне казалось, что я вижу вихри пыли, и тогда слышал, как часто, неровно начинает биться сердце. И не мог освободиться от этого навязчивого переживания предстоящего боя, так наглядно, с экскурсией по указанным местам, обрисованного Иваном. Раз за разом этот бой прокручивался перед глазами, и так же сильно, отдаваясь в ушах, билось сердце.

Но в душе моей теперь был мир, я смирился с тем, что потеряю стойбище, оленей, но спасу Серёжу Вахрина и свою честь.

Я не боялся смерти, не боялся расстаться с этой жизнью, с близкими людьми, ведь рано или поздно встречу с ними в другой вселенной, но не мог, отчаянно не хотел оставлять в этом мире одним своего внука, своего Максима, как оставил его отец, мой сын Иннокентий.

Никто, кроме меня, не знает, какая трудная жизнь уготовлена ему. Какая открытая у него душа, как тянется к другим людям, а они не понимают и отвергают его, и как легко обмануть этого маленького, не ведающего зла человека. И не будет мужской руки, которая поддержит его на этом пути.

Нет ничего ужаснее войны, а если она справедливая, священная, то и забирает самых лучших.

Я должен был остановить Иннокентия, встать у него на пути, неподъёмной гирей повиснуть на его ногах, ведь он отдал свой воинский долг ещё в Сирии, когда был серьёзно ранен. А я не сказал ему ни слова, знал, что не услышит меня.

Слишком поздно. Всё было предопределено ещё в то время, когда он осознал своё предназначение быть вождём эвенов. А значит, для него народ уже тогда стал важнее семьи.

Часть четвёртая

«Ты Иннокентьевич был?»

...И вот конь белый, на нём всадник...
и вышел он как победоносный, и чтобы победить.

6—2, Откровение, 96 г.

1

«Я должен рассказать о своём лучшем друге — это известный на весь район Иван Окольчишин. Он тоже из Эссо, его все звали Полтора Ивана за высокий рост и широкие плечи. После школы его не взяли в армию, он обиделся, запил водку, стал драчливым, будто хотел помериться силой со всяким, кто сомневался в его способности защитить себя и тех, кто в этом нуждается.

Он всегда заступался за кого-нибудь, в одиночку бился за правое дело и чуть не угодил в тюрьму за драку с важными туристами из Города на дискотеке возле центрального бассейна. Один из них оказался помощником депутата заксобрания края и сыном “авторитета”, разбогатевшего на легальном экспорте нерки, а второй — гендиректором финансовой и риэлторской компании, поднявшейся на *прихватизации* рыбацких и сельскохозяйственных предприятий.

Мне пришлось вмешаться, так как местная полиция просто трухнула, и уговорить этого помощника забрать заявление, иначе девушка-официантка, к которой он приставал, напишет встречное и обвинит его в попытке изнасилования, а в свидетелях недостатка не будет. Он вынужден был согласиться, но, подонок, добился через краевое МЧС, чтобы Ивана “попросили” из пожарного депо, где он работал водителем.

А когда началась война, Иван первым пришёл ко мне в военкомат и попросился на фронт. В детстве он переболел туберкулёзом, потому и не был годен к службе в мирное время, но ситуация изменилась, и медики разрешили подписать с ним контракт. Я определил его во флотскую учебку во Владивостоке. Потом командование меня отпустило на СВО как имеющего боевой опыт, и там через полгода мы с ним встретились, он был водителем на бронемашине, я его взял в разведроту. Мы с ним частенько вдвоём ходили через линию фронта, я знал, что он не проболтается, потому что мне, как комбату, это не очень положено — не только потому, что мог погибнуть, главное — мог попасть в плен.

Разведка похожа на охоту, надо быть осторожным, много и легко передвигаться, уметь обращаться с ножом, хорошо знать боевое самбо и метко быстро стрелять с глушителем. Многому меня ещё в детстве научил мой отец, Степан Ильич.

В разведке адреналина даже больше, чем на охоте за злобным хищником: постоянное чувство опасности, близость хорошо вооружённого и многочисленного противника, и ты должен перехитрить его, захватить в плен и притащить в штаб. Всё это делало походы за линию фронта незабываемыми, и ты потом уже не мог устоять, чтобы вновь и вновь не переживать это ночное смертельно опасное приключение.

Без разведки на войне нельзя, надо точно знать, кто там напротив тебя, сколько бойцов, какие у него и где орудия и танки и что он замышляет. Да и линии фронта как таковой нет, она постоянно меняется, и без разведки об этом не узнаешь, а если и узнаешь, то слишком поздно.

Я передавал координаты по радиации нашей артиллерии и авиации, и они успешно выбивали вражеских бойцов, командные пункты и технику. Враги узнали наши позывные, мой был Эссо, а у Ивана — Анавгай, и стали охотиться за нами: подсылали снайперов, дроны, били из миномётов. Тогда я позвонил нашему военному, который пришёл вместо меня, попросил направить к нашим артиллеристам добровольца-корректировщика из Эссо или Анавгая, знающего эвенский. И он прислал воспитателя-математика из интерната, он до сих пор на войне, позывной его Ата, не знаю, почему он решил зваться бабушкой, может быть, ради краткости.

Наша последняя вылазка была за Новопокровку, недалеко от железной дороги, по ней, говорили, ещё недавно бегали электрички, село было с журавлём на окраине, — это такой колодец с высоким длинным коромыслом. Мы прокрались по сосняку, увидели на подходе грузовики с бойцами, танки и бронемашину, готовые к бою французские пушки и почти триста бандеровцев, поляков и других хорошо обученных наёмников, мы передали Ате их координаты и стали отходить. Со всех ног бежали в Новопокровку, чтобы предупредить ополченцев и бойцов народной милиции, там стоявших. Это означало, что бандеровцы идут бронеклином прямоком на наши позиции — туда, где их не ждут. И тут наша артиллерия обрушилась на врага, мы успели скорректировать огонь и оказались в самом аду: по нам били бандеровцы, которые решили, что мы стреляем по ним из Новопокровки, зацепили краем и наши.

Прилетели вертолёты и перепахали зелёнку, в которой успели окопаться фашисты, но техника противника укрылась в боковой берёзовой рощице, примыкавшей к дороге. Я дал по радиации команду нашим выдвигаться, скорректировал огонь артиллерии, минут через пятнадцать-двадцать к нам примчалась на броневиках и “буханке” почти вся разведрота с замполитом. К этому времени противник пришёл в себя, ударил из лесополосы и пошёл при поддержке своих миномётов на нас: танки, БТРы, но не в лоб, а обходя по флангам, по краю леса, с юга и с севера. Мы заняли несколько кирпичных полуразрушенных домов на краю села и большой бетонный то ли склад, то ли бывшие мастерские. Враг подошёл совсем близко, по нам стали бить из миномётов, пробили плиты перекрытия над ополченцами, завалили их. Я послал Ивана к ним, а сам вместе с замполитом продолжил отстреливаться, подбили из ПТУРов несколько броневиков, танк и самоходку, одновременно я брал бинокль и корректировал огонь наших гаубиц и “Градов”».

И тут в окна влетели одна за другой две мины. Меня отшвырнуло на середину склада, сильно ударился грудью, потерял сознание. Когда очнулся, увидел смутно, что Иван вытащил из завала замполита, он был в крови, мина, должно быть, ударила рядом с ним, и его посекло осколками, — мёртвый, он продолжал держать РПГ, не отпускал. Я поднял руку, подал голос, и хотя всё вокруг было затянуто дымом и висела плотным облаком белая пыль, Иван увидел меня, откопал, я ухватился за него, но идти не смог, что-то было с ногой, Иван взял меня на закорки, и мы выбрались наружу, за склад. Там сидели на коленях, пригибаясь до земли от взрывов мин несколько наших и ополченцы,

почему-то врезалось в память: один пожилой, в глубоких морщинах на чёрном лице, а другой молодой, гладкий и новенький, даже пыль и грязь к нему не пристала, его сын, — всего человек пять, все раненые, перетянутые жгутами и бинтами, на траве лежали ещё пятеро — живые, но со страшными ранами, без глаза, без лица, с дырой в плече, из которой был виден край розового живого лёгкого, в пыли и крови, стонали, а один, без ноги, то выл, то плакал. У всех закончился боекомплект, только несколько гранат осталось. Для себя, сказали.

Я связался с «бабушкой», сообщил координаты и добавил: Ата, земляк, вызываю огонь на себя. Приказал своим людям отходить, они переглянулись и сказали: нет, мы как ты, комбат. И тут, прямо за их спинами, встала чёрным широким веером земля, и всех нас разметала мина, перелетевшая мастерские, а потом, сразу же, ещё не упали клочья травы и грязи, в нескольких метрах — снаряд.

Маленький, меньше сантиметра осколок попал мне в сердце. Мне кажется, я не потерял сознание, временами я всё видел и чувствовал, только почти оглох и не мог говорить.

Иван, его ранило в ногу, перебинтовался, сделал волокушу из тента — не знаю, где взял, и, опираясь на палку, потащил. Он не знал, жив я или нет, видел, что пробило грудь, перетянул меня бинтом, хотя крови было мало — раскалённый осколок, вошедший в меня, спаял кровеносные сосуды, рану в сердце, Иван не хотел думать, что я умер, и тащил из-под огня, посреди разрывов, мёртвыми деревьями поднимавшимися вокруг, изо всех сил, не оглядываясь, повторяя только: комбат, свои не убьют, комбат...

А я не мог ему ответить, потому что не в силах был шевельнуть языком, да и даже не пытался, я знал, что у меня пробито сердце, я умер, и это всё уже происходит в какой-то другой жизни, после смерти, только похожей на прежнюю. Мне показывают зачем-то, как меня волокут через зелёное тихое поле, и сквозь пальцы скользит шелковистая в росе трава, и я вижу над собой край рассвета.

А ещё я видел жену в белом платке, покрывавшем её склонённую голову и плечи, а Максим сидел у неё на коленях, как всегда сердитый, молча тянул куда-то руку... И потом, когда в госпитале мне монашка-медсестра подарила по случаю моего чудесного спасения деревянную икону, сказав, что это Богоматерь для сирот, я увидел на ней женщину с ребёнком в таком же, белом с перламутром, покрывавшем её платке...

Я без надежды обещал им тогда, в поле: вы больше никогда не будете одни. Я понял, что всем своим пробитым сердцем ненавижу войну, убившую меня, и хочу, чтобы все люди на земле так же её ненавидели, и тогда она никогда не встанет между ними.

Потом прилетел коптер, стал жужжать над нами, зависая, ныряя на нас и снова жаворонком взмывая в высокое небо, и Иван орал на него матом, грозил ему большим своим кулаком, а потом встал на колени, заслонил меня, и когда дрон снова близко завис над нами, упал на спину рядом и ударил по нему густой бесконечной очередью, осыпая меня горячими гильзами, и дрон вдруг косо соскользнул куда-то и затих.

Почти сразу за этим — перелётом — упала мина, за ней другая — недолётом, земля снова поднялась двумя чёрными огромными деревьями и не падала, всё остановилось, третья должна была упасть на нас и взорваться,

но так и не прилетела, а Иван лежал на мне, втянув голову, заслонив её правой, с автоматом, рукой.

«Бабушка» хорошо нацелил наших, и они накрыли всех этих нацистских миномётчиков.

Иван волок меня, прихрамывая, по мокрой траве, как по камчатскому снегу, до наших, уже бежавших к нам, и не сразу отдал им волокушу, только когда они потащили меня в «Рысь».

Отдал и осел на подкосившиеся разом ноги.

Он потерял два литра крови, и это было чудо, что не только оставался в сознании, но и нашёл в себе силы тащить меня — обычный человек в таком состоянии не способен даже просто поднять голову».

2

Мы быстро дошли до охотничьей избушки, гораздо быстрее, чем говорил деда, ещё до темноты. Потому что мы не шли, а бежали.

И всё это время Айна чуяла зверя. Она поднимала голову, ловила его запах, иногда громко грозно лаяла и даже рычала — предупреждала: уходи, мы знаем, ты идёшь за нами. Иногда она теряла запах и возвращалась назад, даже убегала с Тропы, нюхала землю, траву и кусты. Отбегала и лаяла где-то очень далеко, почти неслышная. Это *Апача* уходил в сторону и делал круг.

Айна не давала ему догнать нас. И, думаю, он — подранок, потому что не так хорошо бежит. И поэтому очень опасный, голодный. Настоящий Зверь. Только раз она подпустила его близко, лаяла долго, до хрипа, кидалась и теснила нас вперёд, заставила Ваську снова перейти на рысь.

Дров под навесом не было, наверное, чужие люди, браконьеры, их сожгли, ничего не оставили. Пришлось запрячь Ваську. Он не хотел тащить сучковатый *дывэд* — три перемотанных альпинистским шнуром высохших дерева, — стоял не шевелясь, даже отошёл назад, поднял белый ягель. Айна залаяла на него, стала хватать за ноги, и Васька, упираясь копытами, сдвинул *дывэд* и потащил к домику. И так несколько раз. Потом сгоняли за сухими ветками, валежником и берестой. Айна снова пошла с нами, забежала вперёд, принюхивалась, лаяла, но не зло — весело, звонко, и её слышно было далеко, по всему лесу. Я сделал последние четыре вязанки из валежника, закинул по две на Ваську, и мы вернулись к избе.

Айна вдруг сорвалась с места и, так же звонко лая, побежала вдоль высокого берега, меж старых берёз и кустов шиповника. Впереди неё катились, обгоняя друг друга, два коричневых шара, это были медвежата, родившиеся этой зимой. И я закричал: *А ну ушли, а ну ушли!* Так делал на рыбалке папа, отгоняя любопытных малышей за высокий берег, чтобы Айна не догнала их и не напугала.

Изба стояла почти на краю редкого старого леса, возле поляны. В высоком с берёзками и *имукэтом* берегу были вырублены ступеньки — ещё прадедом Ильёй Иннокентьевичем. И он первый выложил их берёзовыми поленьями, приделал перила из жердей. Его чурбачки, разрубленные пополам, и стойки жердей давно сгнили, вместо них были другие, сначала заготовленные Ильичом, а потом папой. Когда сгниют и эти, то будет моя очередь ремонтировать лестницу, — так сказал деда.

Я побоялся, что Айна, играя, убежит за медвежатами слишком далеко, и на неё нападёт медведица, подал индейский клич, но она сама быстро вернулась, и не по верху, а по воде — мокрая; наверное, стояла на течении под берегом, пила, остывала. Не знаю, почему она в этот раз не погнала малышей, ведь они будут ходить рядом, а медведица заляжет в лесу, за поляной, тоже близко, чтобы защитить, или выйдет на косу ловить рыбу для них.

Эта медведица, говорил папа, нам не чужая, она потомок тех, кто жил здесь ещё до прихода эвенов, и наши запахи им знакомы с детства.

Здесь очень удобное для ловли место: длинная широкая загнутая галечная коса, бурлящий до противоположного берега перекат с двумя огромными чёрными вулканическими глыбами, одна за другой, посередине, и неглубокая, но просторная заводина-нерестилище с обратным течением и песчано-галечным дном, там иногда купался папа. И то, что люди построили рядом избу и часто живут в ней, нашим медведям не мешает, напротив, отпугивает пришлых зверей.

Деда рассказывал, что Илья Иннокентьевич выкормил здесь, ещё шестьдесят лет назад, медведицу — брата её и мать убили охотники, потому что они совсем перестали бояться людей. А малышка была пугливая с самого рождения, но к избе тоже привыкла, и прадед стал отгонять её, чтобы она не подходила к нему на выстрел. Еду — рыбу — он оставлял ей на косе, а осенью и весной — на льду, и отпугивал других косолапых, если они пытались занять эту территорию.

Весной, в апреле 1959 года, на прадеда напал медведь-подранок, ударил его лапой в ухо, когда он ставил капкан на соболя в лесу, поляны тогда не было, и потащил в чащу. Илью Иннокентьевича спасла та самая медведица. За пять лет она выросла на «кормном месте» в огромного, почти трёхметрового зверя, напала на этого самца — у неё были медвежата — и задрала насмерть.

Илья Иннокентьевич очнулся, когда она притащила его к избе и стала фыркать на него, облизывать и ворочать лапой. Во второй раз он очнулся от холода, уже в избе, на полу, должно быть, как-то заполз, но дверь закрыть сил не хватило. Или потерял сознание. Кое-как растопил печь, сварил кашу и ел её два дня. На третий выполз из избы и увидел возле навеса мёртвого подранка и медведицу с медвежатами. Она сразу увела детёнышей в лес.

Дед натопил медвежьего жира, вырезал желчный пузырь, отрезал и съел лапы. Так, вчетвером, они ели медведя почти полторы недели. Илья Иннокентьевич разбавлял самогоном и пил жёлчь, мазался на ночь жиром. На этом же жиру жарил потроха и кровь. Потом спасители его ушли вниз, к устьям, ловить красницу. А дед к тому времени почти выздоровел, даже голова перестала болеть и кружиться, рваная рана над ухом зажила, только волосы на этом месте перестали расти. И он совершенно оглох на правое ухо.

Голову медведя дед выварил и закрепил на вершинке молодой берёзки глазницами на восток, чтобы его в другой жизни слепило солнце, не давало охотиться на людей. Берёзка выросла в большой *дывэд*, а голову на ней видел даже папа, когда был маленьким, потом она куда-то пропала... то дерево стоит до сих пор за избой, и никто его не трогает на дрова.

Решил наловить медвежатам рыбы — они так смешно и дружно наблюдали за мной сверху, когда я спустился за водой: один, с белым пятном на груди, держался лапкой за дерево, а второй просто стоял рядом с ним, готовый

откатиться в лес. И в этот раз Айна не погнала их. Должно быть, мать была недалеко.

До темноты поймал им штук двадцать горбуш и кетин на серебристую колебалку, разбросал на косе, пусть думают, что рыба сама выпрыгнула из воды. Хватит и медведице, да и отдохнёт сегодня от рыбалки.

На ночь я развёл эвенский костёр: подтащил к колоде возле старого кострища, она служила скамьёй, стволы мёртвых *дывэдов*, сложил их поперёк толстыми концами, тесно выдвинул в сторону избы, а тонкие концы, наоборот, раздвинул веером, чтобы не горели зря. Перед колодой, вплотную, сложил костёр из бересты и валежника. Когда совсем стемнело, поджёг. Вскоре загорелись и концы выдвинутых над огнём *дывэдов*. Положил поперёк них сверху валежину, и когда она тоже загорелась, поставил чайник — закопчённую литровую банку из-под яблочного повидла.

Айне скормил кашу с тушёнкой, она съела всё и вылизала стальную миску — вот что значит целый день бегать, дома она обычно кашу не доедает.

Айна вдруг грозно залаяла в темноту, не туда, где скрылись медвежата, а в сторону Тропы, откуда мы пришли. Васька подошёл к нам, захоркал. Я завёл его в избу, пришлось голову ему повернуть на сторону, чтобы рога прошли, и дал травы, но он есть не стал, стоял в углу, склонил голову, чтобы ничего не зацепить, и вздрагивал спиной, стучал копытом.

Айна убежала в темноту и лаяла так громко и грозно, как будто там стояла стая дворняг. Посветил фонариком в её сторону, но никого не увидел и позвал индейским кличем. Айна прибежала сразу, будто выросла из-под земли, я даже не понял, с какой стороны, похоже, она сделала большой круг вокруг поляны. Взял её за ошейник, в другую руку — чайник и отвёл в избу.

Мне очень не хотелось возвращаться одному к костру, боялся, что Айна вырвется и убежит к Зверю, погибнет. Потом я подумал, что папа смотрит сверху, и вышел без неё.

Под навесом что-то треснуло, я не сразу понял, что наступил на сухую ветку — замер, зажмурился, от страха похолодело в груди — и я услышал позади себя кого-то огромного, тяжёлого, кто поджидал меня, и в несколько прыжков оказался у костра, оглянулся, но никого не увидел. От облегчения сразу стало пусто и весело в голове, выхватил несколько толстых валежин, подкинул в костёр и сверху на *дывэд*, пламя поднялось, осветило поляну до леса, и мне снова показалось, что кто-то огромной тенью отпрыгнул за деревья, к Тропе. Сверкнули в темноте два страшных круглых маленьких зеркала.

Боясь смотреть в сторону леса, продвинул по колоде *дывэд*, навалил сверху ещё два, и попятился к избе. Задом, водя перед собой фонарём, заскочил в избу и задвинул широкую железную шеколду. Вдохнул глубоко, оказывается, я забыл дышать. И увидел на столе котелок. Захотелось есть, достал чипсы из рюкзака, упаковка зашуршала, когда разрывал её, и это меня разом успокоило, как будто я уже дома. Съел всю пачку, потом конфеты, потом чай вприкуску с вафлями... Подошла Айна, попросила конфету, но я не дал, от сладкого у неё течёт левый глаз.

Костёр должен гореть как можно дольше, тогда звери не станут хозяйничать на поляне: рыть ямы, оставлять метки, искать еду и спрятанную на холодке рыбу. В прошлом году я видел ночью, в свете фонарика, как на столе стояла

чёрная с рыжими подпалинами росомаха и сверкала своими круглыми белыми глазками.

И Зверь, пока будет гореть костёр, из леса не выйдет.

В избушке, и особенно на столе, было много старого мусора, каких-то жирных бумажек, мышьиной чёрной крупы. Я нашёл веник из берёзовых веток и подмёл, как это всегда делал Ильич, — сначала со стола, потом с нар и пола. Поднял пыль, Айна стала чихать, а Васька улёгся в углу, подвернул зад, невнимательно пощипывал траву и ягель. Временами замирал, шевелил ухом, поднимал голову, почти упираясь рогами в потолок.

В избе Айна сразу успокоилась, легла на нары, положила морду на лапы и всем своим видом говорила: я теперь за поляну, лес и реку не отвечаю, пусть даже все лесные звери вокруг соберутся, буду спать, вот если кто-нибудь подойдёт совсем близко и толкнётся в окно или дверь, тогда посмотрим... Так же она ведёт себя и в машине, сразу же укладываясь спать.

А если её оставить снаружи, она встанет на охрану и будет бродить вокруг всю ночь, убегать в лес, на берег и лаять, не даст толком поспать.

Я размотал керемат, вспомнил, что Иван называет его почему-то пенкой, а в магазине на нём пишут *керемат*, это английское слово, сказала мама, надо говорить «керемат». Я расправил спальник и лёг примериться в одежде, ботинках. Вместо подушки придвинул свой твёрдый школьный ранец. Было удобно. И душно от крыши, её нагрело солнцем за день, надо менять мох на чердаке, говорил папа.

Я вспомнил, как мы с мамой ездили в Город в психушку за справкой о моём здоровье, её требовала учительница, ей не нравится, что я ничего не делаю во время контрольных, и я слышал, как она говорила завучу, что у меня ЗПР и она за это должна получать доплату. ЗПР — это значит задержка психического развития, объяснила мама, например, синдром Аспергера, как у меня. Мама сказала, что справку надо обязательно взять, может, Светлана Сергеевна побреет от прибавки.

Учительница меня не любит, никогда не спросит, когда я поднимаю руку, но спрашивает, когда я не поднимаю, чтобы поставить двойку, и я теперь не отвечаю, даже если знаю. Она вообще никого не любит, кроме своей дочки и отличников, кричит на всех, называет бестолочью. Я школу ненавижу.

Светлана Сергеевна приехала с Украины, мама говорила папе, что её там сильно обижали, хотели посадить в тюрьму, и поэтому у неё самой «нестабильная психика» и она «имеет манеру чуть что жаловаться в прокуратуру». Мама просила папу поговорить с учительницей, он должен сказать ей, «как отец, как участник СВО, наконец», чтобы она не цеплялась ко мне и другим эвенским детям, не была такой стервой, ведь у меня всё-таки Аспергер, со мной надо по-хорошему. А папа считает, что это мама должна с ней говорить, как коллега. А мама не может, она начальник районо, и это будет «злоупотребление служебным положением». А папа ругается, что «они с директором школы не могут договориться с простой учительницей, нельзя быть такими беспомощными, а он всего лишь солдат и с женщинами не воюет, тем более с Украины, которая не знает местных национальных особенностей».

Я спросил у психиатра, как её зовут и когда родилась. Она подняла длинную бровь и ответила неохотно: Лидия Ивановна Костылёва, 28 августа 1973 года рождения. И спросила сразу: а что значит выражение «волчий

аппетит»? Я засмеялся и сказал: как у волка. А золотые руки? Я сказал, что рук из золота не бывает. Тогда она спросила: если тебе нужны три тетради по семь рублей, сколько у тебя должно быть денег? А я не мог ответить, потому что никак не мог перестать думать о золотых руках.

Лидия Ивановна сказала маме, что «у неё нет полномочий ставить Аспергера», дала нам справку с диагнозом ЗПР и предупредила: школа должна теперь предоставить мне бесплатного *тьютера*, тем более что мы живём в национальном районе, где у многих детей есть особенности в психическом развитии, и *тьютер* не будет давать мне бездельничать на уроках, и зачем-то мне подмигнула. А мама очень расстроилась, стала хвастать, что я помню все известные даты и столицы мира, дни рождения великих писателей и политиков, сразу запоминаю и не забываю любые слова на любом языке. А я не помню, например, когда была французская революция, всё забываю спросить у Алисы. А в России она случилась 7 ноября 1917 года, когда родился мой прадед Илья Иннокентьевич.

Перед тем как заснуть, я потушил свечку, чтобы не отсвечивало, и посмотрел в окошко на костёр. Горели все четыре брёвнышка, и схватился, дышал и мигал жёлтыми углями плоский бок берёзовой толстой колоды. Но в нескольких метрах стояла такая темнота, что не видно было даже деревьев и неба. Ночью надо будет встать и сдвинуть *дывэд*, иначе он прогорит и упадёт с другой стороны колоды. Если просплю, огонь погаснет.

И придёт Зверь.

Чёрный, с плоскими горящими глазами.

Нашупал ружьё, заряженное тяжёлыми круглыми пулями, и придвинул к себе. Я помогал деду катать их на сковородке.

Я обязательно дойду до стойбища, передам записку от деда дяде Саше. Он поднимет по рации эвенков и вызовет вертолёт с морской пехотой, папиными лучшими друзьями. И поскачут на помощь, и все вместе *порвут* этих бандитов. И деда будет рад за меня, что справился, не испугался, дошёл.

Мама стояла под елью и махала рукой, белый с перламутром платок сполз ей на локоть...

3

В избе кто-то ревел, как гудок лесовоза. Лаяла и рычала Айна. Что-то упало и зазвенело. Я тоже закричал изо всех сил и включил фонарь.

Медведь выдавил стекло, просунул лапу и шарил ею по столу, подцепил когтем и сорвал клеёнку. Ему не давала пролезть в избу тонкая перекладина, и он почему-то только касался её своим огромным медвежьим плечом, но не ломал, ревел и загребал лапой. Айна упиралась передними лапами в край стола и кидалась на медведя, несколько раз успела цапнуть, вырвала кусок шкуры. Лицо у неё было в крови. Медведь рванулся к ней, перекладина отлетела вместе со вторым пластиковым стеклом, но одно плечо застряло в узком окне, и Зверь схватился обеими лапами за стол и вырвал его, кинул в потолок, потом стал протискиваться в избу, извиваясь всем телом. Я дёрнул в сторону щеколду и выбежал на поляну, к тлевшему костру. Уже светало.

Мне ужасно хотелось бежать дальше, но я увидел, что Васька не пошёл за мной, остался в избушке, а Айна выскочила наружу, подбежала к окну, рвёт

медведя сзади за лапу — он уже наполовину был в избе. Мне так хотелось бежать дальше, что я не мог остановиться и бежал на месте. В руках у меня был мой школьный ранец, а я думал, что ружьё. Ружьё осталось на нарах!

Вспомнил, что в рюкзаке у меня лежит фальшфейер, на самом дне. Я вытряхнул всё, схватил фальшфейер, открутил пробку, выпало кольцо на шнурке, я дёрнул, он сначала шипел, брызгался искрами, как будто злился, потом вырвалось пламя, свирепое, огромное, как джин, и я снова заорал, заскочил в избу и стал тыкать им в разинутую жёлтую пасть, прямо в огромные жёлтые клыки, и тут меня накрыло, я упал, кричал, бился о доски. Айна, вся в крови, вернулась тоже, подскочила ко мне и стала лизать в лицо. И тут я увидел, что Зверь в одно мгновение исчез из окна вместе с фальшфейером, будто его кто-то вырвал, как пробку из бутылки. Айна выпрыгнула за ним, и вдруг сильно, так сильно, что у меня похолодело в груди, коротко заскулила.

Я вышел из избы, потому что ещё не мог бежать от слабости, и увидел огромную медведицу. Она боролась со Зверем, который был меньше её, но не поддавался, крепко стоял на задних лапах, упирался, хотя медведица толкала его изо всех сил.

И он таки не устоял, развернулся, упал на четыре лапы и побежал боком, медведица как-то вся затряслась, шкура на ней пошла толстыми волнами и догнала его в один прыжок, навалилась, схватила сверху поперёк всей страшной пастью за шею и рванула так, что захрустели кости, и он сразу обмяк, замер. Медведица мотнула несколько раз головой, встряхивая его, потом выпустила, сильно злобно толкнула лапой так, что он перевернулся на бок, неподвижный, как мешок с картошкой. Медведица ткнула его носом, фыркнула, встала, сделала несколько шагов, виляя тяжёлой жопой, упала на передние лапы и, оглядываясь на меня, мой бесполезный уже фонарик, пошла к краю поляны, где стоя жались друг к другу двое испуганных, взъерошенных, мокрых от росы медвежат. Один был с белым пятном на груди, лапой он прижимал к себе второго, а другой неуклюже взмахивал перед собой, будто отбивался.

Я смотрел на них, пока те не скрылись в лесу, в низком густом утреннем тумане.

Айны нигде не было, я позвал её индейским кличем, но она впервые не пришла, и я вспомнил, что последний раз видел её, когда она прыгнула в окно за медведем.

Она лежала в высокой примятой траве, на боку, в крови, и тяжело часто дышала. Я позвал её, она только слегка, почти незаметно, шевельнулась, кровь была и на земле, просочилась... И тут увидел на ней ошейник, и снова у меня похолодело в груди: я должен был снять его, чтобы медведь не подцепил когтем и она могла отскочить, так меня всегда предупреждал Ильич, а я забыл, и из-за меня пострадала Айна! Я закричал изо всех сил, приподнял Айну и увидел, что у неё от шеи и почти до глаза вырвана шкура. Она повисла большим кровавым толстым лоскутом, и я понял, что моего лучшего друга из-за меня ударил медведь.

Одной рукой поправил, приложил к голове вырванный кусок шкуры, чтобы не видеть огромной голой раны, снял с себя рубашку и постелил Айне под голову.

У меня в сумине была запасная автомобильная аптечка с бинтом и перекисью водорода, которой мама всегда обрабатывала мне ранки, чтобы

не случилось заражения. Мне было очень страшно снова увидеть открытую рану, кровавое живое мясо Айны, и я даже закрыл глаза, но понял, что с закрытыми глазами не смогу ничего сделать, тогда просто прищурился и залил перекисью сначала рану, а потом лоскут, и снова приложил его. Меня чуть не стошнило от кроваво-белой пены, которая сползла мне на руку. В аптечке нашёлся лейкопластырь и ножницы, и я подумал, что можно будет приклеить оторванный кусок кожи, чтобы он не сдвинулся, когда буду бинтовать.

Нарезал ножницами полоски пластыря и хотел наклеить прямо на шерсть, но вспомнил, что, когда Айне вырезали опухоль на ноге, хирург, Игорь Владимирович Дорошенко, 15 апреля 1970 года рождения, выстриг всю шерсть вокруг. Я выстриг только там, куда приклеил потом пластырь.

Я плотно обмотал бинтом шею и голову Айны, но он сразу промок от крови, и я забинтовал ещё раз, приклеил кончик пластырем. И потом обмотал своей рубашкой, стянул рукавами. У меня получилось ровно заклеить и перебинтовать рану! Не зря так долго учился в интернете делать из пластилина детей-монстров — пальцы мои трудились сами собой, как будто давили смесь и лепили разноцветные фигурки.

Васька спокойно стоял в дверях — зацепился рогами и не хотел думать, как освободить голову, ждал, когда поможет ему.

Я закинул на него перемётную сумину, подтянул ремни покороче — Айне на ней будет удобнее лежать, потом попросил Ваську, чтобы он лёг и затащил на него Айну. Когда он встал, стянул шнуром через свободную петлю передние ноги своего раненого в бою друга, потом пропустил под животом Васьки и связал задние. Теперь Айна может съехать вниз, под живот оленю, или на бок, но уже не упадёт, не ударится, и рана не откроется, и она не умрёт от кровотечения.

Ружьё я закинул за спину, поверх рюкзака, и Васька сразу же побежал.

Деда говорил мне, что у каждого эвена есть два существа, два друга, их дарят ему в год рождения, души которых, *ханин*, связаны с твоей. И если кому-то из них плохо, то будет больно и тебе, и ты должен его спасти или вылечить, иначе тоже можешь погибнуть.

Это Айна и Васька. И помочь нам может очень сильный шаман с двенадцатого неба — *Марха*. Есть ещё обыкновенные шаманы, с девятого и седьмого неба, *Эбикээ* и *Ичээн*, но они не смогут подняться к началу небесной реки, где растёт наше родовое древо, на ветвях его обитают души живых родственников — *оми* — и нерождённых детей в виде синичек. Но ещё ты сам можешь дойти, если преодолеешь себя, потому что, сказал деда, у каждого человека, как и у шамана, есть своя дорога к верховному Богу *Хэвки*, своя судьба — *оони*, и он даст тебе Силу, забыл как по-эвенски, спасти Айну.

У неё непростое имя, его придумал деда, он сократил эвенское слово *айинна*, что значит Природа, оно стало похоже на имя удивительного народа айны. Получилось очень сильное слово, существо с таким именем просто так не сломить, сказал деда.

Наше родовое древо корнями уходит в нижний подземный мир, где обитают умершие предки, туда я и должен сопровождать папу, сказал деда. Туда течёт с двенадцатого неба река, путь этот по воде, потому я должен высыпать пепел в нашу Кичу.

Деда сказал, что эвены уже четыреста лет православные, и Христос наш бог тоже, но мы не должны забывать свои корни, своих шаманов. Поэтому папа и завещал не хоронить его, а сжечь. Все мы — *перерожденцы*, сказал деда, те, в ком возродилась душа — *ханин* — тех, кто был до нас.

Папа рассказал, как деда спрашивал меня, когда я был ребёнком и только начал говорить: *Ты Иннокентьевич был?* Потому что малышей об этом могут расспрашивать только старики. И именно этими словами: *Ты такой-то был?*

А я в ответ заплакал. И теперь никто не знает, я — *реинкарнация* прадеда или кого-то ещё. Папа думает, что, похоже, я и есть Илья Иннокентьевич, крещёный шаман двенадцатого неба, потому что плачу по той трудной жизни, которая была и которая мне снова предстоит.

Мой прадед был последним эвеном из тех, кто пошёл против власти и не отдал свои святыни и своих оленей — их у него забрали в совхоз только в 1962 году, — у него было больше тысячи, три стада.

Он прятался с ними в тайге и отрогах Срединного хребта, и когда их увидели с вертолёта, осталось восемьсот, но самых крупных. Его долго уговаривали, угрожали, что заберут, потому что он укрыл оленей от советского государства, где всё общее, потом пообещали хороший дом в Эссо и безбедную старость, но обманули, дали развалюху, забрали детей в интернат, а пенсию в 1992 году уменьшили в десять раз.

Может быть, папа прав, потому что мне часто снятся узкие тропы на краю пропасти в снежных горах, зелёные трещины в леднике, куда падают, ударяются о стенки копытами мои олени, потом мы скачем на зелёные склоны по волнам мягкой травы, и я жгу костёр в узкой тёмной пещере... и рядом со мной мой лучший друг...

Была половина шестого утра по навигатору. Деда сказал, что мы должны прийти в стойбище, *край, в половине четвёртого*, но мы выехали на два с половиной часа раньше. У меня с вычитанием значительно хуже, чем со сложением, но я почему-то сразу понял, что мы будем на месте в половине второго, если не останавливаться.

Я отпустил поводья, потому что мне нужно держать Айну — она стала сползать под Ваську. Наш олень побежал слишком быстро, и я придвинул её и держал, прижимая к себе двумя руками.

Через два часа Айна стала шевелить головой и дёргать задними ногами, я остановился, вдруг она захочет пить. У меня была бутылка с водой — налил её вместо сладкой газировки, — отлил в миску. Айна несколько раз лизнула, но пить не стала. Наверное, она только пришла в себя и не понимала, почему вокруг темно, ведь я перебинтовал ей и глаза, и почему у неё связаны ноги. И хотя руки у меня стали деревянными оттого, что держал её, и дрожали, я погладил Айну и сказал: *Не волнуйся, это я сделал, всё будет хорошо, мой лучший друг, мы скоро придём в стойбище, и дядя Саша тебя вылечит...*

Когда дядя Саша ушёл из школы работать в стойбище, он на год уезжал в Хабаровск на ветеринарные курсы. Олени, как люди и собаки, иногда болеют, и вызывать к ним врача за двести километров «накладно и долго», можно не успеть, вот он и научился лечить их, делать прививки и даже принимать «сложные роды», и теперь его приглашают в другие стойбища и прозвали Оленным Доктором, не зря же он сын и внук шамана. И у него есть кожаная сумина с инструментами и лекарствами, и он обязательно спасёт моего друга.

А если Васька устанет и ляжет, я сделаю волокушу и буду тащить, пока хватит сил, и даже если они кончатся, я не брошу моего лучшего друга и буду просить Богоматерь и *Хэвки* дать мне «мочи» и потащу через силу, как дядя Иван моего папу.

Я предложил воды Ваське, и он её выпил, а потом ещё две миски. Дал ему ягеля и травы, он немного поел и снова побежал, хотя я не просил его об этом.

Дядя Саша всегда хвалил Ваську, передавал от него приветы и говорил, что у него «хорошая кровь», его мать всегда возила *бэбэ* — колыбельку, а его отец был самым сильным в стаде, и когда кочевали на зимнюю стоянку, на нём ехали верхом.

На Ваське ездил только я, когда был на каникулах, и ещё он всегда возил на перекочёвках в чехлах из оранжевой ровдуги и берестяных коробах родовые иконы, их сохранил в своих тридцатилетних таёжных прятках Илья Иннокентьевич: Пресвятой Богородицы, родилась в конце I века до нашей эры — умерла в 48 году нашей эры, и Николая Угодника, 270—351 год нашей эры, покровителя кочевников, и, главное, Евангелие от Матфея, его перевёл на эвенский язык в 1889 священник Стефан Попов, 1877—1949 годы, и отпечатал в Казани в 1892 году, а берестяной оклад резал, вываривал и собирал Ильич в 2000 году. Деда говорит, что Евангелие от Матфея — это правила жизни для всех людей, и тот, кто не следует им, не воскреснет после гибели человечества и будет вечно гореть в атомном аду.

Васька всегда был белым, красивым, очень послушным, умным, и ещё он скучал по мне и Айне. Его второе, эвенское, имя — *Нэнурук* — «перевозящий святыни», ему дали это имя, хотя он не был *посвящённым*. Ему никогда не подпиливали рога, как другим, и они были у него большие и ветвистые, не проходили в дверь. И ещё на кочёвках ему давали *торсук* — суму для перевозки коробочек с душами кочевников семьи.

Деда говорит, что у наших душ есть три части: *хинян* — воздушная, *оми* — мать-душа, и *бзен* — телесная. Первая возвращается в верхний мир, вторая в мир мёртвых, а третья остаётся на месте захоронения.

Какая часть души папы говорит со мной? Или все три? Или душа его ещё жива, и она с нами?

Я просунул ноги под Айну, подтянул её к себе, и она оказалась у меня на коленях, и рукам стало легче держать её.

И мы бежали ещё два часа.

У меня сильно затекла спина, потому что я откидывался назад, так мне было легче удерживать Айну на коленях. Потник под седлом потемнел, от оленя пахло кислым, он задышал часто, хрипло, раздувая и роняя изо рта пену. И я чувствовал, что Васька тоже знает, как Айне больно, и её боль он передавал мне, ведь наши души связаны друг с другом.

А боль — это и есть страдание, сказал деда, но я пока не знаю, что это такое. И наш олень хочет быстрее добраться до дома, в стойбище, где он живёт, где нашему лучшему другу помогут.

Из нас троих только я могу решить, когда ему остановиться, а если его не остановить, он упадёт на скаку и уже не встанет. И я хотел остановить Ваську, но он остановился сам. И он не мог больше ни бежать, ни идти.

Он стоял, опустив голову, бока его раздувались и опадали, а в красивых глазах стояли слёзы. Я тронул его за голову, и он как-то криво опустился

на колени. И когда я снова заглянул, уже близко, в его большие глаза, то увидел в них усталость, боль и ещё что-то, чего я не мог понять, но почувствовал, что наш друг отдал все свои силы и теперь уходит от нас один — куда-то далеко, откуда уже не возвращаются, и если бы он мог, то сказал бы об этом. И мне снова стало холодно, как будто я прикоснулся к чему-то огромному и ледяному. Я погладил Ваську и сказал: *До свидания, друг... теперь моя очередь спасать Айну.*

Я знаю, как болит палец или голова, но ещё не знаю, как болит и страдает душа, говорил мне папа.

Я вынул из перемётной сумины свои вещи и накрыл ими Ваську, Айна почти наполовину поместилась в левой сумке, а правую я надрезал по бокам и снизу, надел на Айну, продел штанины вейдерсов в боковые надрезы и связал их на груди моего лучшего друга, в эти же разрезы просунул сложенный вдвое шнур и сделал широкую петлю, обмотал её запасными штанами и майками, чтобы не резало плечи, получилась волокуша с автоматом и ружьём по бокам.

Ранец тоже освободил, оставил только кувшин с папой, патроны, нож, кружку, конфеты и тушёнку. Налил в миску воды для Васьки, вдруг захочет пить. Когда мы уходили, он поднял голову и глубоко вздохнул.

Сначала я попробовал бежать, как Васька, но сумина стала съезжать с травы на землю и тормозить, а по траве она ехала как по снегу. Тогда я сильно наклонился и пошёл на носках, иногда цепляясь пятками за сумку.

Я посчитал: Айна весит чуть больше тридцати килограммов, семь килограммов весят ружьё и автомат, килограмм — сумина, всего — тридцать девять или тридцать восемь, это на семь килограммов тяжелее меня. А муравей тащит груз в двадцать раз тяжелее себя. И я должен справиться: чем я хуже муравья.

Но мне становилось труднее с каждой минутой, и через час пути ноги стали тяжёлыми, волокуша всё чаще скатывалась с травы и останавливала меня, голова вспотела, пот заливал глаза, но стирать его со лба мешала антимоскитная сетка на шляпе, а я знал, что если подниму её, комары сожрут.

Я вспомнил, скоро будет низина и ручей вдоль Тропы с черемшой по берегам, а вода в нём — ледяная. И прибавил шаг, но низины всё не было, я не сразу понял, что одно дело ехать верхом и совершенно другое идти пешком и тащить тяжёлую волокушу, это уже не пять минут, а двадцать пять. И я сказал себе, что через двадцать минут сделаю привал и окуну голову в холодный ручей.

Прошло тридцать минут по навигатору, а мне показалось, все сорок, и вода, когда я сполз в ручей по пояс, была для меня тёплой. И я лежал так, пока она не стала холодной, тогда я набрал её в кружку и полил на нос Айне. Потом схватил пучок черемши и стал жевать, чтобы она стала жечь во рту, ударила в нос и стало легче, но она почему-то не ударила, или я не почувствовал, но всё-таки стало легче.

И так было несколько раз, пока не посмотрел в навигатор и не увидел, что за последний час прошёл расстояние в два раза меньшее, а идти ещё пять километров, то есть три часа. И я перестал спускаться к ручью и шёл не останавливаясь, хотя пот заливал глаза, а тяжёлые ноги заплетались. И когда мне хотелось просто упасть на траву и лежать, я поднимал к глазам навигатор и смотрел, как медленно, почти невидимо движется стрелка... А потом она остановилась совсем, и я понял, что тоже остановился и не могу больше сделать ни шагу.

Я вспомнил, как дядя Иван тащил волокушу с папой, и тоже стал просить Богоматерь дать мне ещё чуть-чуть мочи, всего-то на три километра — уже пахло стойбищем, дымокурором и оленями. Я навалился на шнур, но волокуша уже не двигалась, тогда я изо всех сил дёрнулся вперёд, поскользнулся и упал. Поднимаясь, я оглянулся и вдруг увидел дядю Арсения на Красотке. И тут услышал, как часто бьют тяжёлые копыта, сотрясают сухую твёрдую землю, как бубен. Это из стойбища мчался галопом навстречу дядя Саша, и я протянул к нему руки...

Вчера вечером, когда все чаевали, от костра отвалился уголёк, и моя маленькая двоюродная сестричка Лиза стала его катать палочкой, и мама, тётя Света, Светлана Марковна Кояркова, 28 августа 1994 года, наругала её, потому что этот маленький уголёк показывал на молодого гостя, который едет к ним, а она наваяла его, и он теперь может заболеть.

Так и получилось. По этой примете они ждали меня до обеда, а я не приехал, и дядя Саша помчался встречать меня и нашёл на Тропе больным, с температурой. И я сказал им, что Лиза не виновата, а это я лежал в холодном ручье и немного простудился.

Айна, связанная, лежала у входа в чум, услышала меня и стала дёргать лапами.

Дядя Саша спросил, что случилось, и я рассказал. Дядя Саша похвалил меня и сказал, что перебинтовал Айну, намазал мазью и сделал укол антибиотика, развязывать её не стал, чтобы она не размотала лапами повязку.

Я стал искать записку от деда, но её не было, спросил у дяди Саши, не видел ли он, дядя Саша удивился и ответил, что записку я дал ему ещё в лесу, и они вызвали военный вертолёт и выставили охрану на Тропе, там собралось уже человек тридцать эвенов с карабинами, никого не пропустят. Дядя Саша дал мне таблетку-шипучку, а тётя Света напоила нас с Арсением лечебным иван-чаем с вареньем из княженики. Потом дядя Саша собрался за Васькой, Лиза с Кириллом стали прыгать и кричать у входа — ближе их не подпускали, чтобы они не заразились от меня, — *мы тоже поедem за Васькой*, но их не взяли, и Кирилл заплакал, потому что он у нас плакса. Я попросил детей отойти от Айны, лёг возле неё на шкуру и обнял, она ткнулась носом мне в ладонь, лизнула. И я сразу уснул.

Мне снова приснились горы и пещера, а внизу, под нами, тысяча оленей бьют копытами по снегу, добывают ягель, и когда над ними зависает вертолёт, они поднимают головы, потом срываются с места вниз широкой пёстрой рогатой лавиной по белому склону...

А в пещере мигает костёр.

«В тринадцать лет я решил поступать в суворовское училище, это случилось в апреле 1997 года. Должен сказать, в голове моей на ту пору созрело странное представление, что если у эвенов есть вождь, а им был твой дедушка Степан Ильич, то должен быть и генерал, и им буду я.

Единственное, чего я не понимал тогда, кем был мой дед и твой прадед — Илья Иннокентьевич. И вот, летом я отправился к нему в стойбище на Кичу. И прибыл я туда утром 22 июня, то есть ко дню летнего солнцестояния. Мне не удалось сразу же поговорить с ним, он был окружён нашими родственниками, включая самых отдалённых — троюродных и четвероюродных, — и просто близкими и знакомыми, съехавшимися со всех

стойбищ и рыбалок. В этот день обычно устраивались соревнования — гонки верхом на оленях, по борьбе, — в которых играючи побеждал мой отец, Степан Ильич, и неудивительно, ведь он был мастером спорта и чемпионом Дальнего Востока по самбо. Были всевозможные конкурсы, танцы и даже свадьбы, хороводы, и почти до утра пылал костёр-чум на нашей большой поляне, а когда он прогорал и оставались одни угли, покрытые толстым слоем пепла, через них прыгала молодёжь, включая, конечно, и меня, а потом выходил Илья Иннокентьевич в шаманском облачении из белой и чёрной ровдуги и шаркал босиком по углям, бил в бубен и камлал: он восхвалял верховного бога Хэвки, Иисуса, первого вождя и шамана Эмгени, открывшего путь в Счастливую долину, и других наших великих предков, просил благоденствия нашему народу, много детей, оленей и хорошей путины.

Это продолжалось недолго, его подхватили на руки и унесли в чум, ведь ему уже тогда было восемьдесят лет, и люди боялись, что он может упасть и сгореть.

Илью Иннокентьевича наш народ почитал как великого шамана и хранителя наших христианских святынь, которые сжигали большевики в годы коллективизации, в годы, когда забирали в совхоз наших оленей.

К обеду, когда все спали, я решил проверить, не обжёт ли дед пятки, и нашёл его на берегу Кичи: он курил свою длинную деревянную трубочку и разговаривал с белым Нэнуруком, перевозящим святыни, можно сказать, твоим Васькой — он его перерожденец, праправнук, может, не по крови, но по духу, что для эвенов одно и то же.

Я присел рядом. Дедушка долго молчал, жевал листья подорожника и этой кашцей натирал пятки, потом сказал: *Я тебя позвал, чтобы сказать — ты не станешь генералом. Я очень удивился, ведь я никому не рассказывал о том, что хочу стать военным. А дедушка продолжил: Тебя сильно ранят, и ты не пойдёшь воевать.*

Как же меня ранят, если я не пойду воевать? ответил я.

Если ты пойдёшь, тебя ранят, поэтому ты не должен идти тропой воина.

Я засмеялся и сказал, что ещё ничего не решил, и вообще, где же меня ранят, если Россия ни с кем не воюет?

Я не знаю, сказал дед, воюет Россия или нет, в стойбище нет телевизора, но тебя ранят, если пойдёшь учиться на военного. И я позвал тебя сюда, чтобы предупредить.

Деда, сказал я, ты меня не звал, я сам приехал.

Это ты так думаешь, сказал дед.

Мы долго молчали.

И я увидел слёзы в глазах деда. Я удивился и спросил, почему он плачет.

Ты меня не слушаешь, сказал дед, ты думаешь, что я полуграмотный старик, который верит в духов, который только и делал, что читал одну и ту же книгу. Я не хотел говорить, а теперь скажу: тебя не ранят, а убьют, если ты встанешь на тропу воина.

Кто тебе сказал?

Ты же знаешь, что эвены читают будущее по углям.

И это тебе угли сказали?

Не только. Я сначала узнал об этом из священной Книги. В ней есть ответы на все вопросы.

Из Евангелия?

Там сказано: не думайте, что Я пришёл принести мир на землю, не мир пришёл Я принести, но меч.

Но это сказано о человеке по имени Иисус.

Это сказано обо всех, кто хочет устроить мир по своему разумению. И тот, кто поднимет меч, от меча и погибнет.

Деда, ты не веришь в Бога?

Нет, по-прежнему верю, но я пережил и царскую, и большевистскую власть и не верю, что можно переделать этот мир. Он останется таким, каким его создал Хэвки.

И что же, Зло победит?

Этого не знаю, я только знаю, что ты погибнешь, как погиб Иисус. А я не хочу, чтобы ты погиб. Очень давно твоя бабушка, увидев, что я каждый день читаю священную Книгу, сказала, что от меня родятся люди, которые пойдут вместе с другими — такими же — воевать со Злом, и погибнут сами, и погубят других. И поэтому было бы лучше им не родиться. Я ей не поверил, потому что она родила мне сына. И он ушёл, но вернулся. И до сих пор жив. А вчера он мне сказал, что ты хочешь пойти в суворовское училище и стать генералом. И у него плохое предчувствие. И я вспомнил предсказание бабушки. И я спросил у духов. И угли мне ответили, что если ты встанешь на тропу воина, то погибнешь.

Он мне никогда прежде не говорил о бабушке, и я подумал, что Илья Иннокентьевич всё это выдумал, чтобы я не уезжал из дома. И я попросил рассказать о ней. Он запел мне родовую песню. Когда я спросил, почему я её никогда не слышал, он ответил, что никогда раньше её не пел, потому что бабушка не только не нашего рода, но она из другой страны, где не бывает снега и дальше них на востоке никого нет, только океан, и потому первым восходит солнце над ними, и они называют свои земли страной Восходящего солнца.

Когда в Счастливую долину пришли большевики, у эвенов стали отнимать оленей и святыни, которые им дали русские. И эвены не считали их русскими, хотя те говорили по-русски, но ведь по-русски тогда говорили многие: коряки, чукчи, ительмены и даже якуты, нивхи и приамурские племена. Эти люди не верили в Бога, не крестились, не были православными, и они отнимали у эвенов не просто оленей, а жизнь. И ещё они пытались отнять у них главное, что дали русские, — веру в Бога, Господа нашего Иисуса Христа. И они хватали, сажали в тюрьмы и даже убивали посланцев Бога, русских священников, которые учили добру, прощению и состраданию.

И эвены решили не подчиняться Антихристу, но и воевать с ним не стали, откочевали из Долины. Но ушли только две семьи — остальные вернулись. Они привыкли к соли, патронам и ружьям, чтобы охотиться, а в тайге, в тундре, в горах этого нет. Многих выследили. А мы ушли в глухую тайгу, кочевали в отрогах Срединного хребта и по горной тундре. И жили, как научили нас русские: с молитвой два раза в день и с Богом. И праздновали Рождество, и высчитывали по ветхим дощечкам дни Пасхи. И женились, как сыновья Ноя, на сёстрах, родных и двоюродных, или, самые смелые, уходили на север, до Коврана и Тигиля, и даже Пенжины, выменивали на соболя и белку местных эвенок.

А Илья Иннокентьевич нашёл свою жену в рождественскую пургу. И понял, что она послана Богом, ведь он почти пятнадцать лет не видел женщины, если не считать сестёр. Она отстала от большевиков, которые везли

её на собаках в райцентр Соболево как шпионку, но заплутали и проехали мимо села. Милиционеры сидели на нартах, а она шла за ними на привязи, верёвка распуталась, женщина не смогла их догнать, застряла в сугробе. И её нашли дедушкины олени, отбившиеся от стада. Они залегли, прижавшись друг к другу и к ней.

Так их и нашёл Илья Иннокентьевич. Она совсем замёрзла, он долго растирал её медвежьим жиром, потом отогревал в своём кукуле, накрывшись шкурами.

У эвенов есть такой обычай: если ты коснулся женщины до её сокровенных мест, то должен жениться на ней. Она была очень красивой, он не удержался и женился той же ночью.

К утру пурга закончилась, и, как всегда, наступила оттепель. Дедушка привязал жену в кукуле поперёк седла, оседлал другого оленя, и они отправились в путь. Очень скоро Илья Иннокентьевич услышал собачий лай и увидел нарты. Он сначала испугался, но потом понял, что люди на них мёртвые, заледеневшие.

Это были большевики, они уснули и так, сидя, замёрзли, дедушка отвязал собак, они облаяли оленей и убежали, он бы их взял с собой, но у него не было рыбы, чтобы кормить их.

Жена в кукуле стала сильно дёргаться, и дедушка развязал её. Она закричала на незнакомом языке, но тут увидела большевиков и тотчас спрятала голову. Илья Иннокентьевич по-русски объяснил ей, что эти люди замёрзли насмерть, и она снова высунулась из кукуля и больше не кричала, только жестами потребовала свою одежду. Дедушка показал ей в сторону леса, над ним высоко поднимались в ясное небо седые дымки села. Жена снова нырнула в кукуль.

Дедушка усадил скрюченных большевиков в сугроб, а жену уложил на нарты, запряг в них двух оленей, и они помчались прочь через тундру в сторону гор. К вечеру въехали в заледеневший берёзовый лес и остановились на ночёвку. Илья Иннокентьевич разгрёб снег под берёзовым остолопом и разложил большой эвенский костёр, чтобы просушить одежду жены — без неё она не соглашалась пускать его к себе в кукуль.

Голубые трусы и сорочка высохли быстро, а телогрейка и стёганные штаны никак просыхать не хотели.

Жена, опустив глаза, строго сказала, что два дня не ела. Илья Иннокентьевич подогрел на огне варёное мясо и напоил её берёзовым чаем. Она крепко уснула.

А дедушка спал, завернувшись в шкуру, ночью вставал, поправлял костёр, чтобы жене было уютно спать. К рассвету разгорелся изнутри остолоп, дым выходил из него, как из трубы, прозрачный и тонкий, было так тепло, что они проспали до полудня, пока он не выгорел и не осел.

Через три дня снова замело, но они уже добежали до зимнего стойбища на краю горной тайги, и родственники сообща поставили им чум из сухих жердей молодой лиственницы, накрыв его дымлёными шкурами.

Дедушка захотел, чтобы старейшина повенчал их, но тот не смог, совсем стал старым и не поднимался со своего места у очага. Тогда дед взял жену за руку и повёл к старейшине, чтобы он сказал им: *Господи, Боже наш, славою и честью венчай я их.*

Так они делали с тех пор, как бежали от большевиков, и в отсутствие священника эти слова произносил и задавал вопросы о согласии на брак

всегда дедушка, как самый набожный и продвинутый в знании церковных обрядов шаман.

Мисико же решила, что дед привёл её знакомиться со старейшиной, стояла покорно, склонив голову, пока дело не дошло до целования креста. Ей было известно значение этого действия, и хотя она тронула крест губами, подчинившись ожиданию собравшихся дедушкиных родственников, но в глазах её отразился протест. И когда они вернулись в свой чум, она, с трудом подбирая русские слова, заявила, что дед обманом совершил над ней, некрещёной, обряд венчания, и потому она не считает себя принадлежащей ему, к тому же она пять лет назад вышла замуж за офицера, он умер в военном госпитале в Пхеньяне у неё на руках, и у них в Наре остался сын, но она не успела вернуться к нему — город захватили советские солдаты, и ей, чтобы не попасть в плен, пришлось завербоваться на Камчатку. Но, сказала она, готова делить с ним ложе, хотя и любит своего мёртвого мужа и тоскует по сыну — ведь дедушка её спаситель и кормилец. И если у них родится ребёнок, она отказывается от прав на него и оставит дитя ему.

Она исполнила своё обещание, каждую ночь, если дед не уходил в табун, Мисико в слезах принимала его, но после сразу же прогоняла на своё место и, кажется, потом так же тихо плакала.

Илья Иннокентьевич нежно любил её и сочувствовал ей, но не мог устоять и молча забирался к ней в кукуль, не спрашивая позволения, потому что знал, что она этого не хочет. И ему было так горько, что впору тоже плакать, и он утешался тем, что читал при свете очага единственную свою книгу. Через девять месяцев она родила ему сына, который, выйдя из утробы, долго не подавал голоса, и повитуха, старшая сестра деда, пощекотала ему нос вороньим пёрышком, чтобы он чихнул и начал дышать. И потом рассказывала всем, что ребёнку не понравилось у нас, он хотел синичкой ускользнуть в мамину страну Восходящего солнца.

Всем показалось, что мать не любит своё дитя: когда новорождённый плачем требовал покормить его, она безмолвно стояла у колыбельки и печально смотрела в его сморщенное личико, хотя грудь её была так переполнена молоком, что сорочка вокруг сосков была мокрой. А потом, когда она нехотя брала младенца на руки, старалась не давать ему грудь, а сцеживала молоко прямо в жадно открытый ротик, проливая при этом ему на щёки или шею добрую половину. Однажды Илья Иннокентьевич не выдержал, присосался к её груди и дал молоко ребёнку, и тот впервые напился досыта, сразу же уснул с улыбкой на устах. И с той поры они его так и кормили. И Мисико уже не плакала, когда муж приходил к ней ночью, и обнимала его до утра, чтобы он не ушёл, как привык.

И никто не удивился, когда ребёнок, едва встав на ноги, выбрался из чума и нашёл *важенку*, мать подаренного ему телёночка, чтобы разделить с ним её молоко.

Ребёнок всюду ходил за отцом и безутешно плакал, когда не находил его. И вот тогда-то Мисико исчезла. Илья Иннокентьевич успел рассказать ей, что их семья с 1935 года скрывается от большевиков, которые хотят отнять у них оленей, не общаются с другими эвенками и потому ничего не знают, что происходит на свете, а Мисико открыла свою тайну: нет, она не была шпионкой, поскольку не обладала какими-либо полезными для её родины

сведениями, но узнала от мастера консервного цеха прибрежного рыбзавода, что икра и крабы изготавливались для правительственных учреждений и отправлялись прямым путем в Москву.

Она не смогла освободиться за эти годы от чёрного, разъедавшего её душу желания отомстить за смерть мужа, заколотого штыком советского солдата, за насилие, совершённое над ней на причале Инчхона, где она спряталась ночью в свёрнутом бухтой канате, опоздав на последний японский пароход, и когда её зимой перевели на работу в заводскую котельную, она так разогнала паровой котёл, что взорвались, не выдержав давления, два автоклава и погиб пожилой слесарь.

Илья Иннокентьевич не пошёл её искать, он знал, что она ушла в Соболево с оленем, которого прикармливала все эти два года, и сдалась властям в надежде вернуться в Японию. Но, с горечью думал Илья Иннокентьевич, скорее всего, в глубине души она знала, что не увидит больше ни своей родины, ни сына. И всё же должна была попытаться.

Её обвинят в смерти милиционеров и слесаря, без суда расстреляют в тесном дворе сельской тюрьмы, а труп сбросят с самоходной баржи в мутные штормовые волны Охотского моря с тяжёлым камнем на ногах. И Мисико до весны простоит в густых и высоких зарослях морской капусты, как в лесу, охваченном холодным зимним солнечным светом, пока её не съедят милые, в чёрных пятнах, золотистые нерпы, которые позже, может быть, и приплывут умирать в тёплые воды японских островов и выбросятся на чужой берег.

Мисико предпочла страшную смерть от большевиков жизни с нелюбимым мужем в горной тундре.

И Илья Иннокентьевич тогда ещё понял, что бесконечно устал от одиночества среди близких людей, в семье, он не мог разделить с ними свою беду и почувствовал невыразимую любовь к чужим людям, о которой проповедовал святой Матфей и которую узнал только сейчас, в горе.

И тогда же он решил вернуться в родную долину, но утекло ещё много воды, прежде чем он сделал это».

Часть пятая

*Ковбои тундры,
так называли эвенов, потому что они ездили на оленях верхом
и метко стреляли*

Ковбой не должен стрелять первым.

Джин Отри. «Ковбойский кодекс»

1

Я увидел в прогалинах на Тропе мелькающий светло-зелёный, почти жёлтый мотоцикл, но ещё раньше услышал треск его выхлопной трубы. Он мчался, оставляя сизый дымок, подлетая на берёзовых толстых корнях, кое-где пересекавших лесную дорожку.

Это была умелая, предусмотрительная и красивая езда, байкер не давал колесу тыкаться в препятствие, а еле заметным движением тела отрывал его от земли, раскачиваясь затем, слегка привстав в седле, почти летел над вечерней в жёлтом свете Тропой. Манера, чем-то напоминающая жокейскую. Это было похоже на езду Арсения, вдруг понял я, когда он подтянул стремяна и, развлекаясь, пустил лошадь в галоп. И как бы я не настраивал себя против него, против их *отношений* с Кристиной, не мог не осознавать, что есть в этом *парне* располагающие к нему, привлекательные черты. Это прежде всего его тактичный и осторожный ум. Он как бы касается тебя, твоей души, но без нажима, бережно. И тебе хочется впустить его, открыться ему. Может быть, это свойственно всем писателям, опытным журналистам? Я почувствовал его душу, ещё мальчишескую, молодую, близкую мне. Вероятно, мы могли бы стать хорошими друзьями, если бы не Кристина, не обида за Иннокентия.

И как он тонко, не торопя событий, отодвинулся от неё, напросился с нами в стойбище, сказал, что когда-то, в конце восьмидесятых, был там, познакомился с Ильёй Иннокентьевичем. Он даже сослался на свою публикацию о нём «Судьба кочевника» в центральной молодёжной газете, которая во многом определила и его журналистскую судьбу. И тем самым объединил нас всех во времени — Иннокентия, Кристину, Максима, меня и себя, — и теперь мне тоже кажется, что мы и в самом деле связаны с ним, — историей и судьбой. И он, может быть, сможет заменить нам Иннокентия.

Кажется, это была Аня, я почувствовал радость, даже гордость за неё и одновременно тревогу: с чем, с какими новостями спешит она к нам?

Не торопясь спустился по откосу, прошёл метров двадцать и встал в шеломайнике — а вдруг это не она, а кто-то из бандюков вырядился в её шлем?

Оглянулся и увидел на увале, на краю откоса, рядом с Арсением, Сергея. Махнул ему, выйдя на Тропу.

Мотоциклист замедлил ход, остановился. Оружия у него не было, из-под шлема виднелись соломенного цвета волосы.

Аня сняла шлем и пошла навстречу, обняла меня, на мгновение прижавшись всем телом, сказала торопливо, тревожно: *Они скоро будут, шесть человек, с автоматами и ружьями, уходите!*

Из шеломайника следом за мной неслышно вышел Иван, спросил: *Кто такая?*

Свои, сказал я.

Прячьтесь, повторила Аня. *Их шесть, все с оружием, вся наша охрана.*

Нет, мы их встретим, сказал Иван и слегка встряхнул автомат, висевший у него на шее. И я только сейчас почувствовал, с какой нежностью он держит оружие — словно домашнего любимого питомца. *А она пусть едет в стойбище, предупредит, вдруг Макс не успевает.*

Вы глухие? Их шесть бугаёв, с автоматами и ружьями. Настоящие бандиты, сказала ему Аня.

Петрович с ними? спросил я.

Нет, с узбеками остался.

Ильич, скажи ей, чтобы ехала в стойбище, повторил Иван.

Только вместе с вами, сказала Аня.

Вы нам будете мешать, по-прежнему не глядя на неё, возразил Иван. Нам некогда вас охранять.

Делайте что хотите, упёрлась Аня, но я уйду с вами.

Аня, тебе лучше уехать, сказал я, мы будем биться с бандитами, и тебя могут убить.

Какое страшное слово — убить, усмехнулась Аня, но они в меня стрелять не станут.

Вот тут вы, девушка, ошибаетесь, я знаю эту породу, ещё как станут, даже если вы с кем-то из них спите, Иван сел на мотоцикл и по откосу, дав газу, объехал трос, и резво так, что полетели клочья травы с землёй, заскочил на увал.

Хороший аппарат, сказал он вернувшись.

Это кто? ткнув в его сторону скрюченным пальчиком, небрежно спросила у меня Аня.

Иван, с СВО, друг моего погибшего сына, сказал я.

Я им крикну, что вы меня в заложники взяли, сказала Аня Ивану, крепко, до боли, сжав мне руку, они не станут в меня стрелять.

А вот в этом что-то есть, пробормотал Иван, давайте обсудим.

Мы поднырнули под трос, подошли.

А это зачем? спросила Аня, показав на трос.

А это чтоб остановить их, ответил Иван. Они на чём?

На двух квадраках, с багажниками, скоро будут здесь. Я им сказала, что поеду в колхоз за консервантом для икры, у нас кончается, а рыбы много.

Когда они придут, вы им скажете, что мы взяли вас в заложники и постреляем всех, если попробуют проехать к стойбищу, сказал Иван. Пусть назад поворачивают, если жить хотят. Мы тут все охотники, дичь и коптеры на лету сбиваем, не промахнёмся!

Сказать-то скажу, да не поверят, что убьёте!

Ваше дело сказать. А не хотите, тогда вам лучше в колхоз ехать. Вы нам мешать будете.

Нет, я останусь, сердито сказала Аня. Я с ним останусь. Она тронула меня за плечо, ища поддержки.

Иван посмотрел удивлённо.

Аня, вам лучше уйти, сказал я неловко, не смогу и с ними биться, и вас оберегать.

Да пошли вы... выругалась Аня. Я сама за себя постою. И достала из кармана куртки ракетницу.

Спрячь, сказал ей, улыбнувшись, Иван, а с ружьём дело имела?

Позавчера по куликам стреляла! Меня папа научил, охотиться и на байке гонять, обрадовалась Аня.

Ну, тогда нас не четверо, а пятеро, подытожил Иван и чему-то рассмеялся.

А что смешного? нахмурилась Аня.

Да не над тобой, отмахнулся Иван, я за Ильича рад, такая девушка пришла за него биться.

Аня улынулась мне.

Я, честно говоря, против, а как подстрелят её?

Не подстрелят! Аня приобняла меня за плечи. Я не буду сильно высовываться, она хихикнула, но как-то вымученно, и мы переглянулись с Иваном, поняли,

что она всё-таки боится. Иван развёл длинные руки, отвернулся, слегка ссутулившись.

Какие всё-таки они большие, Иннокентий и Иван.

Не женское это дело, сказал я тихо, без надежды быть услышанным. *А если убьют? Ни за что себе не прощу.*

Ну, заладил, убьют да убьют... А чего ты мне про сына не сказал? Он офицер?

Подполковника получил, комбат.

Странно, удивилась она, *подполковников обычно не убивают, у меня папа полгода на СВО был.*

Он в разведку сам ходил.

А я почувствовала сразу...

Что почувствовала?

Ну, что у тебя какая-то тяжесть в душе... или горе большое.

От её невысказанного сочувствия у меня вдруг сжалось сердце и выступили стариковские слёзы, и я сказал ей с чувством, как будто поделился горем:

Мы несём его прах в стойбище, он завещал развеять над Кичей...

Она обняла меня.

Иван отогнал мотобайк к лошадям, было видно, что он с удовольствием гоняет на нём, и принёс Ане пояс с заводскими патронами, моё ружьё.

Аня переломила его, заглянула в стволы, спросила у Ивана, кучно ли бьёт.

Тот усмехнулся чему-то, кивнул, потом неожиданно ласково сказал:

Если что, целься ниже пояса. Помолчав, добавил: Или под ноги, в человека стрелять трудно, обида нужна, а так ты его остановишь, а мы разберёмся, что с ним делать. В голову лучше не целься, вдруг попадёшь. Иван засмеялся: Шутка!

Смотря в кого, возразила Аня, ответно улыбнувшись, *у них есть один, начальник охраны, так я бы этой сволочи и в лицо, в поганую его фашистскую рожу долбанула бы. Он на первом квадрике поедет, с левого края багажника всегда сидит. Если что, его валите. Есть ещё один заядлый, лысый, он на втором. Остальные — так себе, и нашим, и вашим, договориться можно, они вообще-то на рыбу нанимались, охранниками подрабатывают.*

А говорила — все они бандюки конченные, усмехнулся Иван.

Я понял, кого Аня имеет в виду, и прислушался к себе, есть ли у меня злость к Барановичу, и ничего не почувствовал, разве что жалость. Я помнил его совсем юношей, когда за жестокою драку погнали из «Мэнго» и он пришёл наниматься в наш «Нургенек»: жёсткий подловатый пацан. Возможно, если бы я дал добро, он не переметнулся к Хозяину, стал бы хреновеньким, но человеком, не уголовником.

Сели чаевать. Аня и Иван оживлённо переговаривались, было видно, что они, в конце концов, понравились друг другу. Что ж, парень он ладный, богатырь голубоглазый с орденами, и у него, судя по всему, давно не было женщины.

Сергей молчал, о чём-то угнетённо думал, видимо, переживал свои отношения с бандитами, да и обещание Ивана, односельчанина, подстрелить его, если будет перечить в бою, тоже не из самых приятных.

И он первым, ближе к вечеру, услышал квадроциклы.

Мы с Аней и Арсением укрылись за тополями: Аня — в самый угол лежавших друг на друге огромных деревьев; рядом, за зарослями *шеломайника*,

под правым краем округлого начала увала, стоял старый сквозной лес; я — посредине, ближе к Тропе; между нами — Арсений с ружьём Иннокентия, а Сергей залёг с другого края, за берёзовым, ещё крепким, нетрухлявым остолопом у левого склона; за ним, за *шеломайником* и кедрачом, открывалось болото. Иван, скороговоркой повторив задание каждому, спустился вперёд по Тропе и спрятался в лесу, в яме, метрах в двадцати от тросика. Я увидел его, приподнялся, одобрительно махнул ему сверху, он кивнул в ответ, напряжённо улыбнулся.

Сидевший за рулём рыжебородый, которого слегка, рикошетом, подранил Иван ещё на Посту гидрологов, заметил тросик в самый последний момент, затормозил и успел завалиться в траву, вывернув руль влево. Бандит справа повис на тросе, забарахтался. Баранович успел спрыгнуть и откатиться, показав хорошую реакцию. Он сразу же, едва вскочив на ноги, выстрелил очередью в нашу сторону, но его тут же задел краем багажника второй квадрик, тоже отвернувшийся влево. Пока все шестеро барахтались, выбираясь, к краю откоса подбежала Аня, закричала: *Меня в заложники взяли, поворачивайте назад, а то убьют!*

Я ослушался Ивана, побежал за ней и встал рядом, целясь в Барановича, который наклонился за автоматом.

Поворачивайте, прошу! повторила Аня.

Краем глаза я увидел, что в нас целится из-за второго квадроцикла некто лысый, и нырнул к ногам девушки, дёрнул на себя, придавил. Аня упала в траву, ударившись всем телом. Пуля зацепила что-то, не меня, подумал я с облегчением, но через мгновение почувствовал жжение в ухе и кровь, просочившуюся за воротник. Порвали ушную раковину. Тотчас же, почти одновременно, выстрелили Сергей и Баранович, оба промахнулись, но при этом пуля Вахрина расщепила сиденье багажника рядом с лицом лысого. Все присели — открыл огонь из ямы Иван и ранил рыжебородого. Четверо бандитов дружно откатились и нырнули в *шеломайник*, а потом вбежали в лес.

Я оттащил Аню от края откоса, наклонился к ней, к её побледневшему лицу и наткнулся на взгляд серых глаз, полных боли: *Женька, сволочь, попал*, сказала она мне удивлённо и тут же закричала, приподняв голову: *Женька, сволочь, ты убил меня совсем!*

Я в коряка целил, не в тебя, думал, он тебя зарезать хочет! был ответ.

Так ей, подлюке, и надо! Это она их предупредила, не понял, дурик! Под черножопого легла, вот и старается теперь, отозвался кто-то, должно быть, рыжебородый.

Я быстро осмотрел Аню, ничего не нашёл.

Нога, простонала она, *в ногу попал*.

Поднял её кожаную штанину, ничего.

Ботинок расстегни, прошептала Аня.

Пуля задела высокий борт зашнурованного ботинка и каким-то удивительным образом ударила по ноге, оставив только ссадину и огромный синяк. У неё была белая, тонкая, просвечивающая синеватыми венами молочная кожа. На ощупь — как у ребёнка.

Я подхватил её за подмышки и оттащил к тополям.

Я действовал машинально, не раздумывая, — время то замедлялось, то ускорялось, и всё происходившее я видел сквозь прозрачную, как марево,

пелену и в то же время — отчётливо. Слышал пули: то далеко слева, то над головой. И вдруг раздался, как гром прозвучавший, словно выпали пробки из ушей, одиночный близкий выстрел, крик боли, маты, и спустя несколько секунд ещё один, а в ответ — несколько очередей. Пелена вдруг спала, и я увидел всё с оглушающей ясностью и вновь обрёл способность анализировать, понимать, испытывать радость, боль, страх.

Такое со мной случалось и раньше, в молодости, на соревнованиях, в финале: я впал в транс, время так же то замедлялось, то ускорялось, казалось, я ничего не видел и не слышал, но тело при этом само откликалось на выпады противника, на его тяжёлое близкое дыхание, а я только наблюдал за ним, за собой, как бы отделившись, приподнявшись над ковром ринга...

А это, подумал я, стреляют бандиты, решили обойти увал по лесу, а там Иван.

Я посмотрел вниз, но Ивана в яме не было. Он стоял метрах в пятнадцати от неё за пятиствольным белым *дывэдом* с низкой густой кроной, на голове у него — скрадывавший лицо венок из длинных узких листьев *имукэ́та*.

Когда он успел сплести этот венок и накидку на плечи? Вероятно, когда я спал. И как же точно он распланировал места для засады. Как он предугадал, куда побегут браконьеры.

Трое бандитов обходили увал через лес, я увидел их, бегущих гуськом, пригнувшихся, они мелькнули метрах в пятидесяти. А где ещё один? Остался в лесу, и это он только что звал и верещал от боли. Иван их тоже увидел, сдвинулся вокруг *дывэда*, втиснулся между стволов. Да, а ещё двое? Может быть, они проскочили вперёд к нам под самый откос и залегли? Один из них, скорее всего, ранен, а может быть, и оба.

Я вскрикнул по глухариному, Сергей обернулся, я выставил два пальца и показал на откос, вопросительно пожав плечами. Сергей утвердительно кивнул.

Иван тоже обернулся, я выставил три пальца и показал в лес, Иван сморщился недовольно, показал жестами, что я должен был стрелять, когда увидел бандитов.

Это было разумно, ведь они знают, что мы, четверо, в засаде, на увале, а где пятый, они точно не знают, и если Иван снова выстрелит, то обнаружит себя. И его могут подстрелить и те, что в лесу, и те, что на откосе. Нужно обезвредить хотя бы этих, которые рядом.

Их больше, и они первыми начали стрелять.

Я издал глухариный зов, но очень тихо, чтобы слышал только Сергей, и жестами показал, что собираюсь спуститься справа по откосу к этим двоим и чтобы он кинул палку вперёд, рядом с Тропой. Сергей изобразил знак дружбы, взяв в замок ладони. Я показал ему жестами, что пойду только я, а он должен ждать.

Аня всё поняла без слов, схватила меня за руку и не отпускала. Тогда я крепко обнял её и поцеловал. Впервые. Губы у неё сухие, запёкшиеся. Перехватил взгляд Арсения, показал ему открытой ладонью в землю: *Лежи, жди. Не лезь, это не твоя война*, сказал ему мысленно. Аня вдруг оттолкнула меня, отвернулась к тополю. Я прощально сжал её безвольные пальцы и прополз под деревом.

На самом откосе, на переломе, в нескольких сантиметрах от меня ударила в землю пуля. От испуга я замер, не в силах двинуться. Это был уже не транс, в который я впал в самом начале боя, а что-то вроде секундного паралича. Такого со мной никогда не было, потому что стреляли именно в меня, и во второй раз, и чудом промахнулись. Я со страхом, сковывающим, обездвиживающим, ждал третьего выстрела и вместо того, чтобы откатиться, только смог крепко стиснуть зубы. Не знаю как, но это помогло мне почувствовать мышцы живота и ног, и я, всё перепутав, не откатился, а нырнул вниз лицом с откоса — навстречу третьему выстрелу. Соскальзывая по траве, как-то извернулся, чем и спас себя, и упал на больное бедро. Вспышка боли.

Но пуля ударила в то место, где я только что лежал.

Тотчас же началась стрельба, это кто-то ударил с откоса в сторону Тропы, куда упал брошенный сук, и тут же сверху раздалась короткая очередь, ушедшая в *шеломайник* — это стрелял Сергей вдоль увала, не давал подняться, прижимал; следом, дважды, на всю окрестность ахнуло моё помповое ружьё — в ту сторону, откуда стреляли в меня, определил я по осыпавшимся листьям. Это всё-таки встрял Арсений, прикрывал меня, я не успел предупредить, что патроны у него с мелкой дробью, для испуга. Надо отдать ему должное, быстро сориентировался, без указа, в бою это не у каждого получается. *Как у тебя*, сказал я себе.

Я, опираясь на левую руку и злясь на себя, в несколько косых коротких скользящих прыжков по-обезьяньи метнулся по закруглённому откосу к лежащим, как мне представлялось, бандитам и чуть было не наскочил на них: один, тот, что оказался ближе, лысый, сидя накладывал жгут на предплечье, а второй, рыжебородый, повернулся боком и, опираясь на колено, стрелял наугад из карабина в сторону Тропы, туда, где повис на *шеломайнике* берёзовый сук, брошенный Сергеем.

Бандиты оказались у меня на прицеле, мог ударить обоих одним выстрелом. Они никак не ожидали, что я выйду из засады и нападу.

И тут я встретился с ними взглядом, они были в три раза моложе, да и, скорее всего, сильнее, быстрее, но в их глазах всплывал страх, отчаянное желание жить — страстная нечаянная мольба не убивать их. Это длилось несколько секунд, достаточных для того, чтобы несколько раз нажать на курок или развернуться вполоборота и убить меня. Рыжий бы и убил, если бы от резкого поворота не потерял равновесие.

Мы одновременно нажали на курок. Я услышал только свой выстрел.

Моя пуля ударила его в плечо, вероятно, раздробив сустав. Это спасло ему жизнь. Он закричал так, будто кто-то огромными клыками рвал его на куски.

Лысый же от испуга упал на спину, приподняв согнутые в локтях руки, бросив фиолетовый жгут, зачем-то показывая мне, а потом подбежавшим Сергею и Арсению, пустые ладони. Но в то же время в его лице, непрерывно бегающих глазах было теперь какое-то подленькое, не контролируемое им выражение, как будто он чего-то ждал или искал, что могло изменить его безвыходное положение и дать шанс справиться с нами.

Я поискал глазами вокруг, автомата не было, тогда схватил лысого за простреленную, истекающую кровью руку и рванул на себя, он вскрикнул, привстал. Оружие лежало под ним, и он готовился при первой возможности выхватить его. И когда я дёрнул на себя ремень, он инстинктивно, не глядя, схватился за него, выдав себя, и я безжалостно и зло ткнул ему в грудь стволом

своего калаша. И если бы он попытался оказать сопротивление, я бы ещё раз, не сдерживаясь, уже от души, с размахом ударил, развернув автомат прикладом к нему.

Этот тип, притворившийся безоружным, готовый при случае без всякой жалости расстрелять нас, вызывал такую ненависть, какой я никогда прежде не испытывал. Он в одно мгновение стал для меня воплощением всего подлого, низкого, что я видел в своей жизни, и мне хотелось не просто убить его, а выместить на нём все свои обиды, всё то зло, какое этот мир приготовил для меня, и тыкать, и тыкать в него своим автоматом... Почему-то вся моя ненависть была сосредоточена только на нём и не распространялась на рыжебородого, продолжавшего вопить и сучить ногами.

И мне было наплевать, что это всего лишь маленький бой, первый в моей жизни, но он и был моей маленькой войной с подлостью и злом.

И не сразу, но исподволь во мне созревала простая — страшная и простая — правда о себе, о других, взявших оружие в руки, чтобы убивать: готовы ли мы выстоять в Большой войне, не заразившись этой большой подлостью и этим большим Злом?

3

Я остановил кровотечение, залил раны хлоргексидином, и мы с Сергеем примотали их руки к туловищу по локти и отвели к тополям, и там уже связали ноги, а головы накрыли тряпьем, которое нашли в багажниках квадроциклов, чтобы не заели насмерть комары.

Охранять их и следить за Тропой и окрестностями оставили Аню — на случай, если Баранович с бандой вернётся за квадраками. Она не упустила случая по-свойски, на матах, снисходительно «побеседовать» с лысым. Я, по-прежнему испытывая ненависть к этому знакомому ей лысому Жене, но теперь холодную, остывшую, трезвую, резко сказал ей, чтобы она ни в каком случае не только не развязывала их, но и даже не пыталась расслабить верёвки. Аня удивлённо взглянула на меня, и я понял, что она сочла мои действия и слова чересчур жёсткими по отношению к раненым. И я сказал ей, снова, как в самом начале боя, почувствовав сердцебиение, что эти парни, если бы мы оказались на их месте, давно бы и без всякой жалости расправились с нами, потому что всё, что она увидела, — это не уличная драка до первой крови, а настоящая война. Они пришли убить нас, а мы ещё церемонимся с ними. Убить и тут же закопать. Да так, чтобы никто и никогда нас не нашёл. Вот для этого у них сегодня в каждом квадроцикле по лопате.

На всякий случай, поддавшись какому-то неясному тревожному предчувствию, я забрал у неё дробовик с картечью, оставил ей помповое ружьё с дробью.

Аня молча притянула меня к себе, вытерла с моей шеи кровь, просунула руку в мой рюкзак, достала пластырь и заклеила ранку на ушной раковине. Я совсем забыл об этом.

Повезло ж тебе, сказала она, *кто-то пытался тебя убить.*

Я давно понял, что это был Баранович.

Мы, низко пригибаясь на открытых местах, прошли до лошадей, они мирно, обмахиваясь хвостами, объедали траву вокруг деревьев. Жеребец Сергея, увидев хозяина, замотал головой, фыркнул.

Решил отправить Арсения на Красотке в стойбище: *Надо подстраховать Максима*, сказал ему.

Найду? засомневался он.

Держись Тропы, не сворачивай, она приведёт куда надо.

Следовало вывести его из боя, я почувствовал его азарт, излишнее усердие, и что-то подсказывало мне, что добром это для него не кончится. *И это не его война, чтобы он там ни надумал.* Ещё было как-то жалко Арсения. Или Кристину.

Как и планировал Иван, засаду устроили на втором съезде с увала. Сергей — на левой стороне, в берёзах, а я — возле низины, за огромным ветвистым тополем, из таких наши братья-ительмены строили баты. Вниз разбегалась целая толпа тополей — до самой реки, она просвечивала, проблёскивала между ветвей. Здесь Тропа сворачивала, уходила вместе с рекой на запад, вправо.

Слева, из леса, ахнул с долгим эхом выстрел, в ответ крик боли и две длинные автоматные очереди. Сколько ж у них патронов? Было похоже, что Иван снова кого-то выследил и подстрелил. И как бы мне ни хотелось пойти к нему, помочь в охоте на бандитов, остался на увале высматривать их, чтобы, если они решатся атаковать нас, дать отпор, как говорил наш командир, наш Иван.

Я услышал зов глухаринного самца и выдвинулся из-за толстого тополиного ствола. Сергей призывно махнул мне рукой, показав три пальца в сторону съезда с увала.

Значит, теперь их трое.

Низко пригнувшись, засеменял к Сергею, встал за соседним деревом.

Да они бегут от него, сказал он с усмешкой. *Страху нагнал на них, слышишь, стреляют куда попало, даже про нас забыли.*

Я увидел сначала Ивана, он быстро, прячась за берёзами, наискосок шёл к нам. Бандиты бежали по Тропе, время от времени кто-нибудь из них оборачивался и стрелял всером в лес, вероятно, они думали, что он ещё преследует их.

Первым, сгибаясь, бежал Баранович. И хотя я легко мог подстрелить его, медлил, не хотелось никого убивать и даже тяжело ранить, как рыжего.

Он, наконец, остановился, но я снова не выстрелил — охранники обогнали его и прикрыли, а он ударил очередью из-за них по лесу, левее Тропы. И в это время одиночным снова ахнул Сергей, обнаружил себя, и Баранович упал, схватился за бедро. Его дружки вдруг побросали оружие и бросились прочь, не обращая внимания на приказы и окрики Барановича. К нему, нацелив автомат, быстрым лёгким шагом — от дерева к дереву — приближался Иван, весь в длинных узких листьях *имукэта*, похожий на медведя или *чучунаа* — снежного человека. И почти одновременно я услышал другой выстрел, гулкий и густой, из ружья, даже как будто почувствовал отдачу в плечо.

Это стреляла Аня. И я испугался за неё, крикнул Сергею: *Что-то с Аней!* И побежал к ней.

Аня сидела на коленях, прислонившись лбом к лежащему тополю, из плеча у неё торчал короткий якутский охотничий нож. Рядом сидел лысый с расстёгнутыми штанами, шарил руками по траве, лицо его было забинтовано, марля вся пропиталась кровью.

Должно быть, она выстрелила почти в упор. У него непроизвольно дёргалась нижняя челюсть.

Услышав мои шаги, Аня обернулась, протянула ко мне руки и, встав на колени, силилась что-то сказать сквозь рыдания.

У-у-би-и-ть, убить, догадался, наконец, я. Она пыталась повторить то, что сказала мне раньше: какое страшное слово — убить.

Аня хотела сказать, что не её убили, а она убила. И это ещё страшнее.

Аня обняла меня за ноги, прижав лицо к животу. Её сильное тело сотрясало от рыданий. Я машинально осмотрел рану: нож пробил сверху вниз плечо и упёрся в лопатку, не задев крупных кровеносных сосудов. Достал из *ина* бинт, пластырь, пальцами прижал ей плечо вокруг лезвия и выдернул нож. Аня замерла и спросила вдруг будничным, без следов плача голосом: *Что ты делаешь?*

Показал ей окровавленный нож. Она хотела отстраниться, встать, но я не дал, снял с неё кожаную куртку, майку, обработал рану хлоргексидином, приложил марлевый томпон, закрепил его крест на крест пластырем и перебинтовал через чисто выбритую подмышку, с каким-то странным, почти нежным чувством подняв её левую руку, потом несколько раз пропустил бинт через правую подмышку, под бретельку застиранного лифчика, коснувшись её тёплой тяжёлой груди, — теперь повязка не сползёт.

От неё пахло потом, но не резко, тяжело, а как-то чисто, легко, возбуждающе, и я, подняв её с колен, осторожно обнял, ощутил ладонями ложбинку позвоночника, мягкую, тонкую, нежную, слегка влажную кожу и одновременно крепкие твёрдые мышцы спины байкерши, не удержался и поцеловал в губы. Она послушно приникла ко мне и всхлипнула.

Я оглянулся: лысый теперь пытался куда-то ползти, а рыжий, лежавший у него на пути, пристально смотрел на полуголую Аню, пришлось поправить сползшую с его лица тряпку.

Аня медленно, неохотно надела окровавленную майку и куртку и, с трогательной лаской взглянув на меня, дрогнувшим голосом попросила воды, как может только женщина, просящая любви. Фляжка оказалась пустой, и я пошёл к ручью. Ложе его было выстлано поникшей и бьющейся в быстрых чистых струях зелёной травой и нежными нитями свежей яркой тины. От ледяной воды слегка заломило зубы.

Я хотел Аню. Её запахи, ещё не знающая увядания нежная кожа, мягкие сухие губы, да и всё её сильное плотное тело, приликавшее ко мне ночью, быстрые скользящие объятья её рук и ног, эти нежные, сжимавшие меня кольца, пробуждали во мне такое нетерпеливое телесное желание, что я был готов сейчас же, прижав её к тополи, на глазах у раненого рыжего, рядом с окровавленным телом лысого взять её... И я знал, чувствовал, что это было бы безумным и до крика страстным завершением, финалом этого кровавого боя, нашей маленькой войны...

4

Поднялся от ручья на увал и увидел Сергея Вахрина, нёсшего два ружья и два автомата, за ним шёл Иван, уже освободившийся от своего маскировочного облачения, он волок повисшего у него на плече раненого Барановича, правая нога у которого была зажгутована под самый пах.

Я спросил: *Где остальные?*

Двое слиняли, да и хрен с ними, а третий, подстреленный, прячется в лесу, ответил весело Иван, искать — себе дорожке, на пулю можно нарваться, жить захочет — сам приползёт.

Слышь, начальник, обратился он к Барановичу, ты крикни ему, что мы сейчас вниз поедем, а то ему поплохеет, куда он пешком пойдёт? А искать его никто не будет, МЧС далеко. Сдохнет тут. Пусть к нам ползёт! Война закончилась.

Баранович, морщась от боли, кивнул, закричал в лес: Лёха, давай сюда! Война закончилась! В больничку поедем.

Не, братан, я в аквариум добровольно не ходок! Сами идите, я как-нибудь перекантуюсь!

В какой ещё аквариум? удивился Иван.

В тюрьму, подсказал я, в камеру предварительного заключения.

Это не факт! крикнул Баранович. У нас адвокат правильный, бывший начальник отдела по ОПГ! Заметь, мы никого не подстрелили! он с усмешкой оглядел нас.

Подстрелишь тут, рэмбы какие-то образовались! отозвался Лёха.

Ну так выползай!

А верно говоришь, они нас всех поубивали! Меткие, суки, по копытам бьют. А могли бы — насмерть. Так что мы пушистые! с этими словами на Тропе, сильно напирая на суковатую палку, подпрыгивая на одной ноге появился... Борис, которого мы встретили возле ледника.

Привет, Борис, или ты Лёха? спросил его Иван.

Лёха, Лёха, отозвался Борис.

А где твой калаш? поинтересовался Иван.

Я напоротник собирал, зачем мне оружие? сказал Борис, с трудом поднимаясь на увал.

Я решил осмотреть рану Барановича, она была снаружи левого бедра, как мы и договаривались стрелять, чтобы нечаянно не задеть артерию.

Ещё чего! Что б ты... жопа, в этом понимал? удивился бандит.

А то, что с жгутом можно максимум два часа ходить, если больше — придётся ампутировать, засмеялся вдруг Иван, я на войне насмотрелся, можешь и заражение крови схлопотать.

А сколько до колхоза пилить?

Если сейчас выедем, то к следующему утру доберёмся, ответил я.

Ну, тогда смотри, согласился Баранович.

Я осторожно ослабил жгут, вытекло немного крови. Надавил слегка на бедро. Рана была сквозная, кость, судя по всему, не задета.

Зачем ногу зажгутовал? спросил я.

Ютуба насмотрелся, видать, засмеялся Иван.

Ты делай, что надо, прошипел мне нервно Баранович.

Заставил бандита спустить штаны, обработал рану, соорудил два тампона и крепко забинтовал, потом обмотал ещё поверх штанов, чтобы повязка не сползла при ходьбе.

Горло болит? спросил у него.

Отвали, буркнул Баранович.

Я, в отместку за грубость, крепко связал ему руки.

5

Что случилось? спросил Иван Аню.

Она встала с тополя и, указав на перебинтованную голову лысого, рассказала:

Женька попросился по-маленькому, освободила ему руку, он и вывалил свою балду, я тупо отвернулась, а этот скот меня в спину... ножом, потом схватил за ружьё, хотел вырвать, видать. Ружьё и выстрелило... как-то само собой получилось... прямо в лицо ему... шкура у него отвалилась от костей... на пол-лица, кровища, я ему назад приложила со страху... перебинтовала. Повезло, что дробь была... на птицу.

А кто вязал его? спросил Иван, повернувшись ко мне.

Я замялся — лысого связывал Сергей.

Я вязал, ответил виновато Вахрин.

А обыскать — не судьба? уточнил Иван.

Я вздрогнул, это было выражение Иннокентия, он всегда так говорил, когда что-то не сделали: *не судьба было?*

Моё упущение, признался Сергей.

Я подошёл к рыжему, похлопал по карманам и нашёл у него такой же нож и ключи от квадроцикла.

Обыскали и Барановича, ножны на поясе были пусты, вероятно, кто-то из узбеков после драки припрятал, люди его побаивались — у Барановича была манера чуть что доставать и поигрывать кинжалом, даже во время обычного разговора. А в карманах нашлись только ключи от сейфа, сигареты и красивая бензиновая зажигалка. На безымянном пальце у него красовалось дорогое белое кольцо с крупным бриллиантом — тысяч на двадцать долларов, что за понты в тайге?

Сергей попросил бинт, выяснилось, что его тоже ранили, дробь попала в левую ногу. Стрелял в него один из тех, кто бросил ружьё и сбежал.

Я спустил ему брюки, заряд дробы попал чуть выше бедра, стреляли издали, целились, похоже, в туловище, хотели серьёзно ранить. Свинец засел неглубоко, но ранки кровоточили. Я аккуратно достал дробины и перебинтовал. Заметил у него ниже колена несколько старых шрамов — круглых и продольных, скорее всего, от аппарата Иллизарова, и вспомнил эту давнюю историю: Сергей поймал двоих браконьеров, и один из них выстрелил ему в ногу, перебил кость, а Вахрин попал ему в пах. По удивительному совпадению браконьер оказался первым мужем его жены, и на суде стал доказывать с помощью адвоката и подельника, что он никакой не браконьер, ружьё взял для защиты от медведя, Вахрин же просто мстил ему за жену, за то, что, якобы, продолжал спать с ней. Это было непростое дело, перестрелка случилась на границе заповедника, подельник стал свидетельствовать против Сергея, и оба доказывали, что он выстрелил первым. Его даже отстранили от работы — начальник рыбоохраны Сергея недолюбливал за несговорчивый характер. Но как-то обошлось, то ли браконьеры проболтались по пьяни, то ли нашлись свидетели. И Вахрин вышел на службу с аппаратом Иллизарова на ноге, бегал за браконьерами по увалам и тайге, натянув на спицы чехол, и получил в селе прозвище Рыбакопа.

Вспомнив всё это, я понял, почему Сергей отказывался стрелять первым. Выехали ближе к вечеру, вздремнули, чтобы не уснуть за рулём. Дежурила Аня.

Мы с Сергеем сели за руль квадроциклов, к нему на скамейку багажника усадили рыжего и лысого тот на удивление оклемался и даже попытался подняться, что-то говорить, но только шепелявил беззубо и заваливался на бок, как пьяный. Сергей примотал обоих к багажнику, каждого отдельно, да так ладно, что они не съезжали и не елозили спинами по скамье.

Барановича и Лёху-Бориса посадили ко мне, связали руки и примотали к скамье так, чтобы не падали вперёд и не могли дотянуться до меня, соорудив им что-то вроде автомобильных ремней безопасности.

Аня поехала на Зорьке — из-за раны в плече и ушиба ноги ей было трудно управлять мотоциклом, к седлу с двух сторон привязали на поводу жеребца и лошадь. На байк сел Иван. Он то обгонял нас, то трещал сзади, несколько раз пристраивался к Ане, но Зорька, напуганная громкими выхлопами, шарахалась от него, да и Аня, переживавшая за лысого, отвечала невнимательно, невпопад.

К ночи добрались до охотничьей избушки Ильи Иннокентьевича.

Дверь была распахнута, — судя по царапинам от когтей на раме, окно выдавил медведь, да и его самого нашли на краю поляны с обожжённой пастью и выеденным брюхом. Это был, скорее всего, тот самый подранок, который шёл за нами почти от самого ледника. Должно быть, схватился, дуралей, с матухой, не отступил, она его и задавила, защищала медвежат. Или Максима. Он её подкармливал рыбой, до трёх лет, должна его помнить. Каждый день спускался на косу, ловил летом полосатую кету, а под осень черноголового зимнего кижуча, оставлял под берегом, а она наблюдала за ним сверху, стояла, держась лапой за берёзу, с белым пятном на груди. Я предупреждал Максима, чтоб не приманивал медвежонка, вот он ловил ей рыбу и оставлял под корягой.

С ним, должно быть, всё хорошо. Если бы она напала на него, то не унесла бы, они знакомых людей не объедают — убьют и бросают, но, чтобы убить, для неё нужны очень веские основания: к примеру, напасть на медвежат. И это удивительно, ведь своих сородичей они съедают. И всё-таки кровь под окном меня встревожила, и мы не стали чаевать, просто попили холодной воды, отпустили лошадей. Аню посадили к Ивану и помчались по следам оленя.

Я видел их в призрачном свете полной ясной луны: какое-то время они скакали за нами, потом сзади остался только жеребец Сергея, но и он вскоре выбился из сил.

Всегда так трудно смотреть за теми, кто спешит за тобой со всей мочи, не может догнать и, в конце концов, остаётся за поворотом.

6

Запахло стойбищем: шкурами, юколой, костром.

Мы остановились — навстречу, вихляя в седле, скакал всадник, неизвестно, с какими вестями, может, «наехали» охранники из колхоза и надо пробираться в обход, с тыла.

Это был Саша, сын. Он обнял меня, успокоил: *Максим добрался, передал записку. Айну сильно подрал медведь, но всё должно быть хорошо с ней, кости,*

глаза целы. Флотские прилетят к вечеру, ребята забьют оленя, наварят мяса, замаринуют для запекания на углях.

Максим притащил Айну на волокуше, сам сделал из перемётной сумы, обессилел, да ещё простудился, охлаждаясь в ручье, теперь спит. Снизу, из колхоза, никто не приезжал. В колхозе бунт, уже несколько дней, путина встала, людей не устраивает председатель, принял сторону учредителей, зарплату платит через раз, охрану завёл, работников притесняют, даже бьют. Как рабов. Колхозники требуют перевыборов, сейчас там комиссия от Законодательного собрания, но, скорее всего, ничем хорошим для бунтарей не закончится, ведь известно, что один из учредителей — зампред Заксобрания, бывший рэкети́р и самбист. Ты должен его знать, сказал Саша, он тоже мастер спорта, чемпион Дальнего Востока, как и ты, только тяж.

И верно, я его знал, этого Пашу Загинайло, возможно, он приложил руку к моему освобождению, ведь тогда вся областная федерация самбистов за меня поручилась, но с тех, девяностых, я с ним не виделся, хотя даже приглашение на свадьбу от него получил... Высокий такой, голубоглазый и речистый, любил длинные тосты произносить за столом, бывший пограничник, неудивительно, что до зампреда дорос. С другой стороны, активничать сильно не должен, прокуратура может признать конфликт интересов.

Мы слышали эхо, чужие много и плохо стреляли, сказал Саша, разглядывая моё ухо. По реке звук далеко идёт.

Саша с возрастом всё больше походил на эвена, на Илью Иннокентьевича, перенял пастушьи ухватки, ходил так же широко расставляя ноги, стал цокать и говорить с интонациями человека, для которого русский — второй. Перенял эвенский говор, как будто слегка картавил, камешки перекачивал во рту — от жены и её родни.

Со смертью Лизы они стали ему ещё ближе. И это неудивительно: жена и её родня разве что не боготворили Сашу, во всём полагались на него. Что и говорить, он взял в руки и умело вёл всё наше непростое хозяйство: почти полторы тысячи оленей, которые требовали охраны, учёта и лечения, своевременной смены пастбищ; работа с десятком пастухов, организация отёла, забоя. Да и рыбалка: заготовка лосося, ремонт и обновление сетей — всё это требовало личного присутствия, хозяйского пригляда, и ему пришлось уйти из школы, отказаться от беззаботной сельской жизни учителя, переехать в стойбище за двести километров от села, дом в прошлом году достроить. Он чем-то напоминал мне доброго работающего барина, какого-нибудь озабоченного героя Толстого или Чехова, увлечённого заботами и жизнью помещика.

А по-эвенски он говорил так же плохо, неточно, хотя и быстро.

Жена не раз упрекала меня, что я критически отношусь к младшему сыну. Но ведь это не значит, что не люблю его, и Лиза это знала. Саша крепко стоял на земле, брал то, до чего мог дотянуться. И я был за него спокоен. А Иннокентий стремился за горизонт, вдаль, и о нём у меня всегда болело сердце, как будто я предчувствовал, какая судьба ему уготована.

Я только после смерти Лизы понял, что она, эта русская городская женщина, закончившая переводческое отделение Литературного института, незаметно стала для меня связующим звеном со всеми: с роднёй, соседями, жителями села, сыновьями и, что удивительнее всего, — с эвенами, этим немногословным, ценящим одиночество, гордым православным племенем.

Надо вызывать вертолёт МЧС, сказал я, два браконьера серьёзно ранены.

Ну, так военные прилетят, я же сказал, удивился Саша моей невнимательности.

Я извинился: Ночь не спал, ничего в голове не держится. И мы троих коней на Тропе оставили, надо забрать, если не придут.

Нас вышли встречать люди со всех стойбищ: старики, женщины, дети. Почти все в яркой городской одежде. Шли, поднимая руки, пританцовывая, как на праздник. Только пастухи были в военном камуфляже, с карабинами, и несколько человек, из Коерковых, со старыми потёртыми винчестерами, переделанными под наши пули. У них прадед долго жил на Аляске, и жену там взял.

Пришли даже те, сказал Саша, у кого рации нет!

Значит, в бубны били, догадался я.

Ты в это веришь? удивился он. До Коерковых семьдесят километров.

Я не верю, я знаю, засмеялся я. И на сто, даже на сто пятьдесят километров можно достучаться.

А ничего, что сегодня Новый год по-эвенски, засмеялся в свою очередь сын, 22 июня! Поздравляю!

Люди обступили меня и Ивана, снявшего свой синий рабочий халат, открыв ордена, оттеснили Аню и остальных, все хотели коснуться нас, поддержать за руку, посмотреть в глаза, особенно дети. Были так рады нам, что у меня снова по-стариковски навернулись слёзы. Встречают как героев.

Никто и не сомневался, что мы дадим отпор бандитам, ведь со мной был друг нашего Иннокентия, великий воин Иван Окольчишин, и другие морские пехотинцы.

Держась за руки, стояли в сторонке Лиза, Кирилл и Максим, мои родные... Максим, как всегда, не поздоровался, смотрел в сторону, опустив голову. Он никогда сам первым не здоровался, отводил глаза, знаю — это Аспергер, но почему так же делала Айна, мне неизвестно. И я всегда знал, что они давно и первыми видели, слышали меня и рады мне, как никто.

Мы оставили браконьеров в бане, даже не прикрыв дверь, но пришли старики, сказали: *Председатель*, это они меня так звали по-русски ещё с тех времён, когда я был главой района, *их надо выпустить, они должны видеть, как мы будем праздновать нашу великую победу, ведь мы — эвены и любим своих врагов, как учил нас святой Матфей и Илья Иннокентьевич. И ясак им платить теперь не будем.*

Мы выпустили их, и они сели в траву на высоком берегу, где выдувало комаров, подальше от горячего большого огня, прислонившись к берёзовой колоде. Женщины принесли на большом блюде варёное жирное мясо, обложенное черемшой, варёными клубнями саранки и прошлогоднего картофеля с брусникой, морошкой и шикшей.

Ровно в четыре над поляной с оглушительным грохотом закружил зелёный краснозвёздный вертолёт и сел в отдалении, рядом с Тропой, из него выпрыгнули четверо автоматчиков в чёрных беретах с красным флажком и бронежилетах, плотненский майор и худой скуластый капитан в камуфляже, следом за ними тяжело спустился по короткой лесенке гражданский в сером пуловере и с портфелем.

Я с трудом признал в нём своего следователя, почти два года продержавшего меня в СИЗО. Он отвёл глаза, значит, узнал, гнида. Они подождали, когда винт перестанет вращаться, от них отделился майор, он был совсем небольшого роста, но голос имел зычный, звонко прокричал:

Окольчишин Иван! Долганов Степан Ильич!

Мы подошли. За нами подбежали дети, столпились у люка вертолёт.

Иван отдал честь.

Доклаживайте, приказал майор, слегка втянув своё кругленькое пузцо.

Иван по-военному кратко и чётко, как будто всю жизнь прослужил старшиной, доложил, даже упомянул кто и куда был ранен. Выслушав Ивана, майор сказал «вольно», подошёл ко мне, отдал честь, потом неожиданно обнял и сказал: *Командование Тихоокеанского флота подало на пересмотр наградное дело вашего сына Иннокентия Степановича Долганова на присвоение ему звания Героя России, посмертно.*

Вся поляна откликнулась неожиданно аплодисментами, как на концерте, не знаю, когда они научились этому, но потом резко дружно ударили бубны, и люди, собравшись в змейку, держась под руку, призвали меня, подхватили, пришлось прервать общение с моряками, топтать со всеми по солнечному кругу, постепенно смыкая огромное просторное кольцо вокруг большого огня, в которое вошли уже женщины, дети, двинулись от вертолёт, притопывая и выкрикивая, переключаясь, опустив вниз головы: *издье... иуруйа... йанди... би и эм, йинмач... йинмач — быстрее... быстрее...*

Это длилось минут десять, потом хоровод распался, но движение не прекратилось, мы горделиво подняли головы и перешли на бег, похожий на олений, — высоко поднимая колени, и, наконец, завершили всеобщим победным хорканьем... и... снова аплодисментами, улыбками на вспотевших лицах.

Люди подхватили моряков, отвели к большому огню, усадили на траву и стали угощать варёным и запечённым на углях мясом.

Ко мне подошёл капитан в камуфляже, с крохотным щитом и мечами в петлицах, представился: *Виктор Петрович Лабунец, помощник военного прокурора*, и пояснил, что *поскольку в перестрелке с подозреваемыми принимал участие военнослужащий, участник СВО, то расследование всех обстоятельств дела относится к юрисдикции военной прокуратуры.*

Также капитан Лабунец представил мне и старшему рыбинспектору Сергею Макаровичу Вахрину господина с портфелем — адвоката подозреваемых Семёна Аркадьевича Соловейчика.

Семён Аркадьевич, не подав виду, что мы знакомы, энергично и даже как бы добродушно тиснул мне руку. Потом Сергею, который недоверчиво при этом взглянул на него.

Нас пригласили в вертолёт, в самый хвост, где стоял жёлтый бак, более метра в обхвате, выдали каждому бланк военной прокуратуры с протоколом допроса и предложили изложить всё, что нам известно по этому делу. Мы заполняли бланки, приложив их к баку. Аня, пристроившись рядом со мной, постоянно спрашивала, кого и как зовут, фамилии, отчества. Писала она довольно-таки связно, но со странными ошибками, хотя в графе образование

значилось «высшее», особенно меня удивило слово «коммуфляж», это означало, что она считает его однокоренным со словом «коммунист». Я ей ничего не сказал, просто вдруг почувствовал почему-то нашу огромную разницу в возрасте.

Бандитов завели, точнее, занесли в сопровождении автоматчиков. Рыжий и лысый писать не смогли, или не захотели, а Лёха-Борис заявил, *что он никакого отношения к этой кампании не имеет, трудится поваром в Петропавловском кафе «Маккам», а здесь временно, устроился на период отпуска рыбаком.*

Баранович, пошептавшись с адвокатом, написал, что работает начальником охраны в колхозе «Труженик», ездил в Эссо, на обратном пути попали в засаду, их обстреляли и ранили неизвестные им люди, впоследствии представившиеся инспекторами Камчатрыбвода.

Сергей Вахрин, услышав об этом, изменился в лице, подошёл к Соловейчику с очевидным намерением то ли схватить его за горло, то ли ударить, но я встал между ними.

Я-то выполняю свою работу, а у вас, господин инспектор, с едкой улыбкой сказал адвокат, нисколько не испугавшись, входит в привычку стрелять по мирным гражданам...

Я повернулся к Соловейчику, продолжая спиной теснить Сергея, и спросил: *А давно ли вы обслуживаете бандитов, помнится, ещё недавно успешно ловили их...*

И, не дожидаясь ответа, предложил помощнику военного прокурора слетать на браконьерскую тоню, опросить работников, а точнее, рабов-узбеков, и на месте убедиться в правоте наших слов.

Капитан тотчас же согласился, переговорил с майором, все погрузились в вертолёт. Меня оставили, как сказал Лабунец, *чтобы не отвлекать от праздничных мероприятий.* И по доброжелательным улыбкам и взглядам майора, капитана и автоматчиков я понял, что эти морские пехотинцы всецело на нашей стороне, они и прилетели, чтобы поддержать нас, а прихватили из городского представительства колхоза адвоката, чтобы соблюсти все правовые формальности.

И за всеми этими военными в чёрных беретах, чисто выбритыми молодыми лицами, бронежилетами, автоматами, за этой огромной летающей машиной, чувствовал я, незримо стоял Иннокентий.

Аня забралась в люк последней — стояла, крепко захватив мой локоть, и потом, когда её за протянутую руку легко подняли в вертолёт военные, освободили место у двери, — долго и весело помахивала мне в иллюминаторе, пока медленно, а потом всё быстрее и быстрее разгонялись тяжёлые лопасти, поднимая тёплый разметающий мусор, ураганный ветер и заставляли падать на него.

Часть шестая

Максим, Степан Ильич и Арсений

...И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребёнок
О том, что никто не придёт назад.

Александр Блок, 1905 г.

1

Я сказал деду, что прах папы нужно высыпать в Кичу не здесь, в стойбище, а с утёсов, над лесом, куда мы с ним и мамой ходили смотреть на закат. Там солнце заходит всегда почти на полминуты позже, говорил он.

Не знаю, почему я так подумал, может, это папа мне подсказывает, но оттуда так хорошо видно всё вокруг. И вулкан Хоашен — от белой двуглавой вершины до коричневого подножия. И тайга за ним в отрогах Срединного хребта. И дым стойбища, и тундра в зелёных шкурках кедрача и оранжевых огоньках саранки по всему урочищу, ложу реки, — до самого хмурого Охотского моря на горизонте.

Вся наша родная сторона.

Не надо рая, дайте родину мою, кричал кому-то папа, разводя руки над простором. Как будто вчера.

Степан Ильич сел на берёзовую колоду возле реки, набил трубку табаком, но раскуривать не стал — задумался о чём-то. Спрятал трубку в кулаке.

Из чума, пятясь, задом подняла полог и вышла Айна, повернула к нам забинтованную голову. Прислушивается. Я побежал к ней, обнял, хотя она этого не любила.

Я был виноват, не снял с неё ошейник в лесу. Медведь зацепился когтем за него, и Айна не смогла вовремя отпрыгнуть.

После десяти пойдём тогда! крикнул вслед Ильич.

Это место на Киче эвены называют *Ньулкы*, что значит «утёс над рекой», а русские — Аквариумом, потому что под утёсом глубокая прозрачная зелёная вода со стаей чёрных гольцов у дна. Они поднимаются, когда вылетает тучей подёнка, и только тогда их можно поймать. А туристы не знают, суют им, как в колодец, червя или икру.

Степан Ильич называет это место просто Чёртовым мостом — когда-то, рассказывал он, на этом утёсе росла одинокая лиственница. Она стала такой большой, что не могла удержаться на скале. И её ветром с моря стало клонить поперёк узкой здесь реки, выдирая корни из камней. Это началось ещё до появления здесь эвенов. А когда они пришли, лиственница уже лежала с берега на берег, сохла, и стала совсем опасной. И по ней ходили только мыши, белки и местные духи.

Лиственницы давно уже нет, но холодными лунными ночами её можно ещё увидеть. И, говорит Степан Ильич, странное дело, она не лежит на утёсах, а висит над рекой, серая, голая, изгрызенная короедом, цепляется своими прозрачными сучьями за лёгкие облака. Колыбель духов.

Вершину Ньюлки видно из стойбища. И когда я смотрю на неё, — вижу над лесом и лиственницу, она похожа на облако, вытянутое под самое небо.

По реке до неё километр, но это против быстрого течения. А по тропинке, вокруг густого кедрача, — почти три. Но мы всегда ходим пешком, и только раз с папой пошли на бате. Он хотел похвастать, как хорошо управляет им. С нами была мама, она испугалась медведя — тот плюхнулся выше нас с берега и поплыл-пошёл через реку. Мама вскочила, качнула бат, а папа как раз перекидывал шест на другой борт и подтолкнул её. Мама упала в реку, папа поймал её, и они стояли на течении по пояс в холодной воде. Мама заплакала от страха, а папа смеялся и обнимал одной рукой, другой держал за корму длинный бат, его вместе со мной разворачивало течением. А медведь перешёл на другую сторону, по пути схватил зубастого алого горбыля нерки и стал есть на берегу. И чёрная его жопа лежала в реке.

Под берегом всегда глубже, и папа с мамой поплыли, держась за борт, папа стал плескаться в меня водой, и я засмеялся. Мама сказала: *Могли ребёнка простудить!*

Мы вышли на косу сушиться. Разделись, разложили одежду на горячих камнях, разожгли костёр для дыма. Мама обняла меня, и я заснул. Я часто засыпаю, когда мама обнимает меня, и когда смотрю на дым. Он как облако и поднимается к небу. Лучше бы я смотрел на папу, чтобы хорошенько запомнить.

Папа принёс огромную охапку цветущего иван-чая и вывалил на нас. Я проснулся, а мама только улыбнулась, так и лежала на солнце без одежды, но в розовых цветках. И папа поцеловал её.

Мама очень красивая.

Мама и папа часто ссорились, потому что папа «не ревнует маму только к фонарному столбу». Но почему при этом больше всего кричит мама? Если они начинают ссориться за столом, то она может *кидануть* тарелку в пол. И папа потом собирает осколки.

Я не сразу убегал в свою комнату, хотя мне становилось страшно, просто закрывал глаза и зажимал уши. Я боялся, что от злости кто-нибудь из них превратится в зубастого Зайца. А вдруг Заяц меня съест? И не хотел, чтобы они бежали за мной, хватали и тормозили.

Они решили даже *разойтись*, но у них не получилось, выяснилось, что не могут жить друг без друга.

Однажды, я был тогда совсем маленький, приехал Степан Ильич и стал ругать их: *Запугали своими криками ребёнка, и поэтому он не говорит. Хотя ему уже три года.*

Я хотел сказать Степану Ильичу, что давно уже разговариваю, только сам с собой. И для разговоров мне никто больше не нужен. Я любил разговаривать с Аркадием Паровозовым, с Зайцем из «Маши и медведь», с Верой Павловной из «Простоквашино». Ещё я любил разговаривать с Хрюшей, но потом увидел старую заставку к «Спокойной ночи, малыши» с ужасным зубастым Зайцем и понял, что Хрюша и есть тот Заяц. Его нарисовал художник Юрий Норштейн в 1999 году. Правильнее будет сказать, что тот страшный Заяц притворяется розовым Хрюшей. Самое ужасное в той заставке — когда Заяц в конце оглядывается, смотрит и прикладывает палец к губам. Это он так приказывает никому не рассказывать, как он приходит ночью и смотрит из темноты. Я попросил подарить мне этого *Пятачка*, и сразу же отправил его на холодный

балкон в нашей городской квартире и никогда к нему больше не подходил. И перестал смотреть в ю-тубе «Спокойной ночи, малыши» со старой, 1999—2001 годов заставкой.

Мама до сих пор этому удивляется, спрашивает, не боюсь ли я Хрюши, раз отправил его в *ссылку*. Я молчу, если скажу о нём кому-нибудь, этот человек превратится в Зайца и станет приходить ночью, прикладывать палец к губам и смотреть из темноты.

С того дня Степан Ильич забирал меня на лето в Эссо и часто разговаривал со мной. Обо всём. Просто сидит рядом в избе, точит пеликенов и говорит. Я молчал-молчал, а потом вдруг спросил у него: *Откуда взялась эта книга, Евангелие от Матфея? Кто и когда написал, я должен это знать*. Он мне её часто пересказывал на ночь. А Степан Ильич вдруг заплакал и обнял меня, потому что стал плаксой на старости.

Ты знаешь такие взрослые большие слова! удивился он.

Я знаю всю эту книгу! сказал я. *И ещё знаю и могу рассказать все части с Аркадием Паровозовым, все серии «Кунфу Панда», «Домашних животных», «Монстров на каникулах», «Мифы Древней Греции»...*

С тех пор я разговаривал со Степаном Ильичом, а потом мне стало интересно разговаривать и с другими знакомыми, и особенно незнакомыми людьми. Узнавать от них новое и делиться с ними *своей информацией*. Так я оказался в компьютерной школе. Там изучаю языки, на которых пишут игры. И Сергей Васильевич Коробов, наш преподаватель по информатике, 9 апреля 2000 года рождения, сказал маме, что я *хватаю всё на лету*. Это значит — запоминаю сразу, как услышу.

Я понял, что, когда всегда молчишь, люди думают, что ты ЗПР.

2

«Пора мне рассказать о нас с мамой, и я обращаюсь в будущее, к тому, кем ты станешь через много лет и постарайся понять нас. Я хочу, чтобы ты знал, за что я воевал и за что погиб.

Меня рядом не будет, и сейчас это самое сильное испытание — невозможно смириться с тем, что я оставляю тебя одного в нашем охваченном войной мире. Без отцовской защиты, без поддержки. Если бы было возможно говорить с тобой бесконечно, и эта моя книга стала бы разговором с тобой без конца.

Я не знаю, есть ли жизнь после смерти. Хочется верить в своё бессмертие. Или его нужно заслужить? Чем? Верой? Тем, что ты предан своей стране и готов защищать её до последнего своего смертного часа?

На войне нет людей, которые не верят в Бога. Вера даёт солдату силу и надежду. И многих она спасает. Даже если враг хотел убить именно его, ему предназначал эту мину или пулю.

В Апокалипсисе Иоанн Богослов, родившийся в 11-м и умерший в 100 году, обещает, что все святые в час сражения с восставшим Зверем и гибели старого мира воскреснут и станут новым человечеством, и я знаю, что он говорит и о тех, кто отдал жизнь за свою страну. Пусть они не были праведниками при жизни, но умерли святыми. И потому незримо присутствуют в этом мире, помогая своим близким.

Вот эта мысль и делает меня почти бессмертным, потому что быть с вами, протягивать вам руку — это нескончаемое счастье. И если это и будет так, я спокоен.

Я солдат, и война для меня — это жизнь. Другая — полная риска, страха, даже ужаса. Это жизнь рядом со смертью. И когда я побеждаю этот страх смерти или иду ему навстречу, я почти счастлив. И иногда мне кажется, что я не могу без этого жить. Как не может рыбак без моря, охотник без тайги, а солдат без братства людей, повенчанных со смертью.

И я ещё в Сирии понял, что мирная жизнь — не для меня, и я становлюсь обузой для родных, потому что проявляется мой скверный характер, я становлюсь сварливым, мелочным, ревнивым, и этим достаю твою маму. И мне очень повезло, что она любит и понимает меня, не отталкивает.

Но это не значит, что я люблю войну, я, как и все, как твоя мама, как твой дед Степан Ильич, её ненавижу, ненавижу разорванные тела, трупы врагов, гниющие в цветущих полях, заросших сорняками оврагах, кровь...

И в то же время я — человек войны, винтик огромной государственной машины. Человек с ружьём. Над нами — депутаты, правительство, командующий. А напротив, через границу, такие же, как я, винтики, армия, народные избранники... И вот мы стоим друг против друга с шуточками, насмешками: год, десять, тридцать лет. И за это время у них становятся героями фашисты — те, кто ненавидит людей другой национальности, кто убивал евреев, поляков и русских. И их правительство объявляет врагами своих граждан, которые не хотят подчиняться фашистам, называют их сепаратистами, и винтикам приказывают убивать других винтиков, а заодно и их жён и детей, чтобы они не плодились, и не надо было бы их убивать. А мы стоим и смотрим на всё это, потому что нам говорят, что мы не можем вмешиваться, это не наше дело. И это значит, что мы тоже винтики.

Но они начинают защищаться, они уже не хотят быть винтиками, они поднимаются с колен и бьются почти голыми руками — со своей армией, своим фашистским правительством, своей страной — за своих родителей, своих жён и детей, за свою землю, за своих предков и свой язык.

И мы встаём рядом с ними.

Твоя мама — человек удивительной красоты. Её преданность своему делу и своим близким не знает границ. Она пошла в прадеда, лингвиста, знатока тунгусских наречий Асмуса Фёдора Иогановича, 1880 года рождения — год его смерти неизвестен. Он был прибалтийским немцем, чья семья насчитывает почти 200 лет службы у русских царей — генералы, министр и губернатор, учёные и военные. Он поддержал революцию 1905 года и после её разгрома эмигрировал в Германию. В 1917 году вернулся в Россию, женился на приёмной дочери иркутского купца — эвенке Марии Спиридоновне Шелиховой, 1895—1950 гг., преподавал в Петербургском университете, за верную службу новой России был обвинён в 1932 году большевиками в призывах тунгусских племён к мятежу во время коллективизации и отправлен на золотые прииски, откуда бежал, поскольку хорошо знал те места и умел выживать в тайге. По версии властей — погиб, по семейной легенде — его подобрала кочевавшие в тех краях эвенки, они и сохранили записки профессора и передали в краеведческий музей, не указав своих имён, а автора назвав просто профессором.

А твоя мама нашла в архивах донос на своего прадедушку и добила его реабилитации. Ей помог в этом муж, сотрудник секретной службы, он, к несчастью, погиб на сплаве в Карелии. После этой трагедии она уехала на Камчатку, в наше Эссо, встретила в музее твоего дедушку и полгода прожила в нашем стойбище. Видимо, судьба была тебе родиться, мой дорогой сын, потому что мама вышла замуж за меня!

Она пожертвовала ради нашей семьи своей наукой, оставила Институт Севера, поехала со мной в Сирию, а потом, когда меня ранили, моталась по госпиталям, приехала на Камчатку, куда я, после ранения, получил назначение военкомом.

Мама против войны. Это не просто её убеждение, которое разделяют миллионы людей в нашей стране, ещё помнящие самую страшную в истории человечества битву, это основа, сердцевина её личности. Нельзя нападать на слабого, а тем более на соседнюю братскую страну, с которой мы связаны тысячей нитей и были и есть один народ. Надо было найти другое решение, не войну. И это понимание разъедает её душу, разрывает нашу семью.

И этим пользуются наши враги, они пытаются возбудить ненависть к нашему правительству, ко мне, к таким, как я.

Я — солдат, и мой долг защищать и беречь Россию, и когда мне какие-то *наши* люди говорят, что Крым не наш, я не понимаю их, не понимаю, как может русский человек, какой бы он национальности ни был, так истово не желать своей стране возвращения исконной территории, как он может забыть, сколько русских солдат пролили кровь за эту землю, сколько их там полегло. Ты ведь помнишь, как об этом писал наш гений Лев Николаевич Толстой!

Я знаю, такие люди были всегда в России. И в своей ненависти к её царям и вождям они готовы открыть врагам ворота в нашу страну, отдать её на растерзание.

Возможно, у них была и есть какая-то своя правда, но я никогда не предаю свою страну, как бы кого-то в ней ни ненавидел.

Господи, благослови наших детей, не дай обмануть их! Господи, благослови нашу Россию!»

3

Мы никому не сказали, только своим — дяде Саше, Светлане Марковне, Лизе и Кириллу.

Это наше семейное дело, сказал Степан Ильич.

Почему же, возразил дядя Саша, *может, они тоже захотят попроситься с Иннокентием?*

Ну, пусть идут, согласился неохотно Степан Ильич, *просто я хотел тихо, по-семейному. Устал уже от людей.*

Придётся потерпеть, теперь он не только наш, он герой всех эвенов.

Степан Ильич махнул рукой, отвернулся с мокрыми глазами, все решили, что он загордился сыном до слёз, и только я заметил, что он обиделся, потому что я тоже не хотел, чтобы папа был героем *всех* эвенов. Он только *мой* папа. И сын моего деда. И всё должно быть по-нашему.

Но деда не мог запретить им идти с нами. И когда пришло время заката, мы все тронулись в путь. Цепочка людей вытянулась на целый километр, и ещё много их осталось в очереди на поляне, чтобы ступить на тропинку.

Мы несли кувшин по очереди не потому, что я устал, просто знал, что деда тоже хочет нести папу, и потому уступал его ему.

За нами шёл дядя Саша со Светланой Марковной, Арсений, а Кирилл и Лиза, вприпрыжку, — впереди, за ними — Айна. Я освободил ей от повязки один глаз — вырезал ножницами дырку в бинтах.

Она сильно прихрамывала на левую сторону, там, где болью отдавала рана. А Васька с нами не пошёл, он не любит уходить от стойбища, остался лежать у входа в чум, возле дымокура. И я не стал его заставлять.

А в нескольких шагах от нас — остальные: Долганские, Делянские, Уяганские, Кокерковы, Адукановы...

Бабушки, ещё на поляне, завели песню для ходьбы, простую и без слов: *ойе... а-а, ойе... о-о... ойе... о-хо-хо, ойе... а-а...* И её подхватили дружно, в такт шагам, некоторые, это были женщины, при этом раскачивались и взмахивали руками по-чаячьи, другие — мужики и парни, — притоптывали, приседали слегка, как в танце охотников.

Тропинка всё заметнее поднималась в гору, и когда я оглядывался, мне казалось, что за нами ползёт огромная живая пёстрая змея.

Когда деда передавал мне кувшин, я чувствовал на гладких боках тепло его ладоней, и ещё я чувствовал, что папа рядом, близко. А когда отдавал кувшин, папа как бы отстранялся вместе с ним от меня, и к лицу, к груди, к которой я прижимал кувшин, прикасался лёгкий холод. И чем выше мы поднимались к Ньюклы, тем сильнее был этот холод, и мне совсем не хотелось расставаться с папой. И деда сказал мне: *Всё, Максим, неси до верха сам!*

Я сначала сильно обрадовался, но потом, почти сразу, испугался, и так сильно, что чуть не уронил кувшин и закричал: *Деда, не надо, давай вместе нести!*

Деда улыбнулся мне, подставил свою большую ладонь под дно кувшина, и мы пошли совсем рядом, прижимаясь друг к другу, по тесной тропинке. И я забыл обо всех, кто шёл за нами, забыл и о Кирилле, о Лизе, и только хотел, чтобы и Айна была вместе с нами, рядом, смотрела на папу одним своим грустным глазом из-под повязки. И я думал о маме, о Ваське, чтобы и они были с нами.

Мы подошли к самой вершине утёса, туда, где когда-то росла одинокая лиственница. Деда хотел отпустить меня, но я ещё теснее придвинулся к нему, посмотрел в глаза, и он подхватил меня и поставил на вершину, свободную от старых высохших корней лиственницы. Они захватили и обвили весь утёс.

И мы огляделись. Солнце легло на морской горизонт. По фиолетовой тундре бежали к нам длинные плоские тени.

Деда распустил марлю на горловине кувшина и вновь подставил свою ладонь под дно. Ветерок, поднимавшийся от реки, подхватил пепел, я закрыл глаза, почувствовал лицом теплое лёгкое прикосновение, затем пепел густой струёй упал в Аквариум, за ним со дна поднялись гольцы — сначала мелкие, потом крупные, почти чёрные, в красных плавниках и красных точках по светлым бокам. Они хватали пепел с поверхности, ударяли хвостами, думали, что это мелкие вкусные мушки или мошкара и их надо сбивать брызгами,

гнались потом вниз по течению, в шумных струях, сильные, свободные и весёлые, наверно...

И я вдруг почувствовал, что остался один, папа, который был всё это время со мной, уплыл с гольцами к Охотскому морю.

Теперь он один, и поднимается из-за горизонта холодная, ледяная, в колючем инее на траве ночь.

4

Всё это время — до подъёма на Ньюклы — Арсений ощущал окружавший его мир как чужой, немного опасный и одновременно фантастический, сказочный и привлекательный. Он не заметил, когда именно это произошло, когда открылся некий портал в другое измерение и деревья, эти устрашающе перекрученные, в изломах, но живые каменные берёзы, эта пахучая дурманящая трава трёхметровой высоты и с молодой бамбук толщиной, со странным именем *шеломайник*, уводящим в средневековую Русь, эти непроходимые толпы молодого тальника, копьями поднимающиеся на песчаных косах быстрых притоков Кичи, эти розовые просторные луга буйно, выше человеческого роста, цветущего кипрея, обрели здесь иную, противостоящую ему, сущность.

Этот волшебный процветающий мир у подножия kloчущих вулканов населён удивительно стойким к ударам судьбы племенем великих кочевников, тысячи лет с боями пробивавшихся сюда через стылые враждебные просторы Сибири. Это и есть Земля Санникова, думал Арсений, не плод фантазии академика Обручева, а реальная земля с реальными людьми, словно шагнувшими сюда с киноэкрана. И даже вождь, Степан Ильич Долганов, чем-то похож на шамана в исполнении Махмуда Эсамбаева, — так же точны и по-кошачьи вкрадчивы его движения.

И потом, когда эти люди дали ему ружьё, но разрешили стрелять только для того, чтобы защитить свою жизнь, он их послушался и стал биться вместе с ними.

Его отослали к Максиму, он согласился с ними, согласился с тем, что *это не его война*, и если он убьёт кого-то, то станет убийцей. Никто не хотел, чтобы он стал убийцей.

Он это почувствовал, как и то, что это война эвена Степана Ильича, и Сергея, и Ивана, хотя те не были эвенами. Но это была их земля, их деревья, их река, и они все — земляки. И они бились за свою землю.

Это значит, что он для них — чужой. Для них, для Максима и Кристины. А хотел бы стать своим. Это непросто. Просто — умереть за них.

Они поднимались в гору, вслед за солнцем, которое ещё стояло на кромке горизонта, освещало их лица, а тропинка, отделившаяся от Тропы, была уже в тени.

Арсений оглянулся, люди, шедшие за ним, пританцовывали, по птичьи взмахивали руками. Так они провожали Иннокентия, прощались. Не плакали — пели.

Они были — как одна огромная змея, с песней неспешно ползущая в гору.

И Арсений вдруг почувствовал своё одиночество, как тяжёлый камень в руках, хотя знал, что глубоко одиноки — они, идущие за ним.

Но их одиночество было другим, это было одиночество целого народа, и он ощущал их как кочующее во времени одинокое племя.

И он запел, вплёл свой голос в общий хор.

Теперь он не один, и поднимается из-за горизонта холодная, ледяная, в колючем инее на траве ночь.

Максим позвал, провожая взглядом уходящее солнце, самую его слепящую горбушку над горизонтом, красную дорожку, бегущую к урочищу через всё море, прозрачную жёлтую полоску заката под низкими тёмными облаками, и великий Хоашен на юге, и родную тайгу за ним, уже в синей тени ночи.

Он стоял и звал, обращаясь к родной реке, траве, деревьям и облакам, и холод в груди отступал, таял, и впервые к глазам его поднялась тёплая влага.

Степан Ильич встал за спиной, положил тёплые сильные руки ему на плечи.

Максим услышал, как тихо, осторожно вскочила на вершину Айна, села близко, подняла к нему голову.

Степан Ильич обнял, прижал их к себе, чтобы они не упали со скалы.

Айна вдруг крикнула, так сильно, что Степан Ильич почувствовал, как напряглось и вытянулось на миг её тело. Она вздохнула и... запела.

Это не вой, не волчий долгий стон, думал Степан Ильич, а её родовая песня.

Айна звала кого-то, как зовут уже бесконечные тысячи лет оленные люди, волки, дикие звери и перелётные грустные гуси и белые лебеди, идущие клином над вечным Парапольским долом, зовут, даже если они не одни.

Кого же они зовут? Кому кричат? И кто должен отозваться?

Тот, кто уже никогда не вернётся, кто не придёт назад.

Станислав Минаков

Сашкин лес

Стихи для псалтериона

Памяти сына

...это за пределами литературы —
как и должно быть. но не бывает.
один раз в жизнь. и в век. так надо.

Ю.Кабанков

Семнадцатой кафисмы чтение

1

Исходища водная изведосте очи мои,
понеже не сохраних закона Твоего.

Пс. 118:136

я с крика перешёл на вой
а после перешёл на хрип
я деревянной головой
к железу памяти прилип

от жизни остаётся клип
солёной сладости глоток
от смерти остаётся всхлип
колючей совести моток

от этой участи уволь
не в силах я искать ответ
от света остаётся боль
от боли — остаётся свет?

Минаков Станислав Александрович — русский поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Родился в 1959 году в Харькове. Автор многочисленных журнальных публикаций, книг стихов и прозы. Лауреат ряда литературных премий. В 2014 году был исключен из Национального союза писателей Украины и был вынужден уехать из Харькова. Живёт в Белгороде.

постичь не значит превозмочь
над твердью остаётся твердь
у жизни остаётся дочь
у сына остаётся смерть

2

Очи мои исчезоште во спасение Твое
и в слово правды Твоея.

Пс. 118:123

Измученная горем,
утомлённая трудами дня,
она, далеко за полночь,
зажигает свечу
и снова склоняется над Псалтирью...

На среде кафисмы она засыпает.
Он трогает её плечо:
«Ложись. Я дочитаю».
«Я сама. Уже скоро», —
отвечает она
словно из пакибытия.
Она молится и во сне.

* * *

...яко грядетъ часъ,
въ онѣже всїи сущїи во гробѣхъ
услышатъ гласъ Сына Божїя.

От Иоанна, 5:28

Душа дрогнула, поднялся вихорь.
Сказали: умер. Но я ж — не видел,
как ты ложился в земельный выдел
у кромки леса, в посёлке Жихорь.

И снова скажут. Но я — не верю.
И впредь — не стану. И с тем — пребуду.
Пусть в Лету хмуро впадают Уды
и власть дана человекозверю,

но светят сосны из бездны синей,
их тишина — всё нежнее, пуще,
и мне лелеют в небесной пуще
во гробе суща
живаго сына.

* * *

лес прорастающий в сон
сын прорастающий в лес
сосен безвременных сонм
внуки растущие без

море волнуется раз
горе ночнее чем ночь
вещих письмён парафраз
не успевает помочь

шорох безгласных венков
синь несогласных осин
сень безутешных веков
скоро увидимся сын

Зыбка

Одновременность
качания
зыбки с Младенцем,
стеблей терновых —
под треск набухающей плоти
в древе Креста предстоящего,
произрастания руд
для грядущих гвоздей или копий
<и черноземокипения
в неотменимом нутре,
что откроет объятья свои для Сыновнего тела>.

Ношу и Чашу,
и всхлип над тайгой Гефсиманской
кто
с Материнскою долей сравнит-соизмерит?
Там-в-колыбели рассвечена ночь пулевой трассировкой,
с хлюпом
меж рёбер впилась разрывная. Ма —
— ма!..
Что ты, Сыночек?

Зыбки качанье,
качание зыбки над миром...

Любовь —
это вечный изгиб,
где приникшей щекою
укрыта меньшая щека,
и света ладонь
из вишнёвых одежд
вне зла, вне любых берегов
приходящим речет:
У м и л е н и е

Игорь Малышев

Три рассказа

Короткое путешествие на юг

Он встретил меня возле проходной моего завода.

Чёрная льняная рубаша, чёрный, пусть и старый, BMW.

— Знакомься, это Йоган, — сказал Даня после того, как мы обнялись.

Он указал на машину.

— До этого у меня был Штирлиц — «Мерседес», но его пришлось оставить Диме Филиппову. Им там сейчас нужно быстро передвигаться, эф-пи-вишек у хохла немеряно. Пришлось оставить. Теперь вот мотаемся с Йоганом. Полностью — Йоган Вайс. «Щит и меч» помнишь?

Даня — крепкий, седой, седобородый. Питерский, точнее, с Кронштадта, островитянин.

Середина сентября, но жара такая, какая не каждое лето случается.

Летим. Темнеет. Музыка.

На летнее ночное небо выкатывает огромная, чуть размытая по краям луна. Поля залиты лунным светом, цилиндры скатанной соломы тускло отливают золотом.

Останавливаемся в гостинице городка М. на половине дороги.

Даня меряет давление.

— Ух ты, сто шестьдесят на сто десять, — говорит он с удивлением. — А так и не особо чувствуется.

Сели ужинать, оказалось, что не захватили походных ложек и вилок. Даже одноразовых пластиковых не захватили.

«Надо будет купить по дороге», — решаем.

Выпиваем водки.

— Вот так и поедем, — говорит Даня время от времени. — Так и поедем.

У него это уже семнадцатая поездка на Донбасс, у меня — вторая. Первая была с концертной бригадой в Луганск полгода назад.

Малышев Игорь Александрович — прозаик, драматург, поэт. Родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование. Печатался в журналах «Новый мир», «Нева» и «Дружба народов». Автор восьми книг прозы и нескольких пьес. Финалист ряда литературных премий. Живёт в Ногинске Московской области.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 2.

Я дарю Дане фонарь, замечательно приспособленный ко всяким дорожным приключениям. Его можно использовать и как фонарь, и как лампу дневного света, а кроме того у него есть магнит и, плюс, он может служить пауэр-банкой.

Я ложусь и тут же засыпаю, а Даня, как он сам мне потом сказал, ещё некоторое время не мог заснуть и играл с фонариком. Есть поговорка, что мальчишки не вырастают. Не вырастают. Подари мне кто такой фонарик, я бы сам с ним играл полночи.

Выезжаем довольно рано. Утро жаркого дня, росы почти нет, улицы готовы к пеклу.

Едем какой-то глухоманью. Скоро бывшая граница с Украиной. Мне приходит сообщение из Московской Центральной Городской Детской Библиотеки, где я выступал несколько лет назад: «Здравствуйте. С вами уже связывался майор ФСБ В.Коновалов?» Мошенники. Схема довольно известная. Старательно переписываюсь с ними, мешая разводить тех, кто действительно может повестись на этот приём.

Потом мы въезжаем в места, где интернета нет совсем да и связь только кое-где, и моя переписка с мошенниками обрывается.

Даня достаёт прибор, похожий на переговорное устройство.

— Детектор дронов «Булат», — поясняет он.

Включает.

Блокпосты. Один, другой.

Предъявляем раскрытые паспорта. Просят открыть багажник.

— Гуманитарщики?

— Да.

— Проезжайте.

На горизонте Донецк.

Совсем рядом с Донецком «Булат» пищит. Даня удивлённо, но вместе с тем с определённой тревогой смотрит на дисплей, произносит некую загадочную аббревиатуру — тип беспилотника.

— Странно, откуда он здесь?

Некоторое время едем молча, слушая писк детектора дронов.

— Хотя, может, тут полигон дроноводов рядом? — сам с собой говорит Даня. — Тогда это всё объясняет.

Наконец, звук смолкает.

— Сейчас приедем к очень хорошему человеку. Доброволец с четырнадцатого года. Позывной — Бабушка. Ей сейчас около семидесяти. Зовут Клавдия Петровна.

— У меня маму так зовут, — говорю.

— Вот видишь, как удачно. Точно не забудешь. Бабуля мировая. С четырнадцатого года и поварихой была, и медсестрой, а когда надо было, и с автоматом управлялась. Спрашиваю её: «А хохол попрёт, что делать будете?» Отвечает: «А пусть прёт. У меня тут кое-что припрятано на всякий случай». Мировая бабуля, увидишь.

Зовут как мою маму. Я такого сочетания имени-отчества не встречал за всю свою жизнь. Честно.

Закупились в супермаркете, не с пустыми же руками являться.

Дома Клавдия Петровна и её дочь. Обе обрадовались Дане как родному. Мне тоже, но пока скорее авансом. Хотя Даня плохого не привезёт.

Будят Валентина, мужа дочери. Тоже доброволец, тоже с четырнадцатого. Приехал из России. Три тюремные ходки за плечами. Выглядит человеком кое-что повидавшим.

Обедать сели во дворе. Над нами какие-то фруктовые деревья. Рядом шныряют кошки. Их тут, кажется, три с половиной. Половинка — это новорождённое существо, без остатка умещающееся на моей ладони, трогательный подслеповатый комочек.

Пью осторожно, помалу. Во-первых, мы в дороге, во-вторых, не хочется опростоволоситься перед новыми людьми.

Шашлыки, соленья, салаты...

— Сам-то я с Калуги, — говорит Валентин.

Я пью водку, он коньяк.

— Я тоже там жил четыре года в восьмидесятых, — сообщаю.

— Я с Кошаков, помнишь таких?

В восьмидесятые-девяностые Калуга была довольно жёстко поделена меж молодёжными группировками, которые периодически устраивали побоища меж собой.

— Конечно, — говорю. — Кошки, Апачи, Периметр, Ягодка...

— А ты где жил?

— На Малинниках.

Окраина города, неблагополучный район.

— О, да я тут земляка встретил, — радостно сообщает всем Валентин. — Слышь, слышь, — обращается он к Клавдии Петровне, жене и приятелю, захавшему на огонёк. — Это с Калуги пацан. С Малинников. А я с Кошаков, прикинь?

Валентин подсаживается ко мне, и с этой минуты я облечён его безоговорочным доверием.

Время от времени доносятся сильно приглушённые расстоянием звуки взрывов.

— ПВО работает, — буднично обсуждает Даня с донецкими.

— Ага. В районе аэропорта, похоже.

В России к звукам грома прислушиваются с большей тревогой.

Утром Даня меряет давление.

— О, сто восемьдесят на сто. Сегодня никуда не поедем. Надо денёк передохнуть.

Мне вызывают такси, и я еду в город. Клавдия Петровна записывает мне свой и дочери телефоны, заставляет пообещать, что обязательно позвоню, если будут трудности.

Водитель, то ли размякший от жары, то ли мягкий от природы, говорит охотно, но неторопливо и гладко.

— Поехал сейчас сюда народ. Поехал. Бизнес растёт. Цены на квартиры вверх поползли.

Мы обсуждаем несостоявшееся метро в городе-миллионнике Донецке.

— Тут, понимаешь, шахты кругом, грунт подвижный. Начали строить в восьмидесятые, бросили, рискованно.

— Ну, с восьмидесятых сорок лет прошло. Технологии вперёд продвинулись, может, и построят.

Я попросил отвезти к стадиону «Шахтёр».

— Стадион — вот он. А вон гостиница. Там многие команды останавливались, когда с «Шахтёром» играть приезжали.

Сейчас остроугольная стеклянная крыша гостиницы разворочена прямым попаданием. Осколки остро щерятся и сверкают разбойным светом.

Я помню этот стадион по матчам Лиги Чемпионов и Лиги Европы. Одно время я много смотрел футбол.

Стеклянные стены стадиона в пыли, местами посечены осколками.

Огромные фотографии футболистов, некогда, десять с лишним лет назад, блиставших здесь, смотрят на меня, как на крошку на столе.

Я обхожу чашу «Донбасс-арены» по кругу.

Всё пронзительно залито солнцем. На плитке дорожек сухие листья. Я вдруг понимаю, что вокруг никого, причём уже довольно давно. Ни на дорожках возле стадиона, ни в парке, разбитом вокруг, — никого. Я понимаю, как будет выглядеть мир после ядерной катастрофы. Или, скорее, после того, как исчезнут люди.

Никого. И только гигантские футболисты смотрят на меня со стен стадиона.

Не по себе.

Я иду парком к возвышающемуся неподалёку монументу. Здесь тоже безлюдье.

Монумент огромен. Почти такого же размера, как футболисты, но сделан из металла, и оттого куда более реален. Я фотографирую, фотографируюсь, пока не замечаю лоскуток пламени в уголке, чем-то похожем на рождественский вертеп. Вечный огонь. Неожиданно вижу рядом вход в музей. Ощущение, что эту дверь не открывали уже несколько лет, но я тяну, и она поддаётся. Музей Великой Отечественной. Беру два билета: один из разделов экспозиции идёт за отдельную плату.

Музей — советское наследие, хорошо спроектирован, хорошо оборудован и освещён. В конце экспозиции — раздел современной истории обороны Донбасса. АКМы всех видов и модификаций, пулемёты, «джавелины», «Баба-Яга» и куча других в меру изуродованных украинских коптеров.

Девушка, смотрительница зала, предлагает:

— Если есть вопросы, задавайте, не стесняйтесь, я расскажу.

Вопросов, в общем-то, нет.

— Плохо, когда экспозиция давно окончившейся войны получает вдруг продолжение, — говорю я и показываю на «Бабу-Ягу» и другие чудовища.

Большая часть музея находится под землёй, там нет связи.

Выхожу на свет. Телефон пищит: пришло сообщение от Дани.

«Тут есть замечательный дядька — Владислав Русанов. Он председатель местного Союза Писателей. Я с ним созвонился. Вот его телефон, он покажет тебе город».

Я тоже созвонился с Русановым. Мы встречаемся в здании Союза Писателей Донецка.

Председателю за шестьдесят. Он высок, строен, представитель.

Разговариваем.

Помещение только недавно отремонтировано, — мне кажется, я всё ещё чувствую запах стройки.

— Ремонт сделали после того, как сюда рядом «Точка-У» прилетела, — с какой-то удивительной смесью благодушия и тихого оптимизма говорит он. — Дверь прошило насквозь, один осколок пробил батарею. Это было во время отопительного сезона, кипятик залил всё. Ещё несколько осколков потом достали из стен.

Он показывает мне свежоштукатуренную стену и батарею, поставленную взамен разбитой.

Мы идём гулять по городу.

— Вот здесь стояла очередь к банкомату, когда прилетела «Точка-У», — показывает он.

Стены там до сих пор в выщерблинах.

— Бабульки стояли, мужички... Многих выкосило.

Он показывает мне кафе «Сепар», где взорвали Захарченко.

— Пренебрёг требованиями безопасности. А ведь ему говорили, что нельзя часто ходить в одно и то же место.

— Уважали его?

— Да. Это была фигура. Личность.

Гуляем.

Донецк полон людьми, машинами, голубями.

— После обстрелов голубей оглушает, они летать не могут. Ходят как пьяные, их кошки ловят, — указывая на урурукающих сизарей, говорит Русанов.

Его останавливает девушка с растрёпанным старичком.

— Вы же писатель Русанов? — говорит старичок. — Я вас знаю. Дайте автограф.

Девушка смущённо улыбается. Красивая. У меня мелькает мысль, как хорошо было бы завести здесь лёгкий роман, но я вообще фантазёр.

— Это университет, где я преподаю, — указывает Русанов, когда старичок и девушка остаются позади.

— С этого балкона, как гласит предание, читал стихи Маяковский. Или, возможно, с того. Хотя я считаю, что ни с одного из них он ничего не читал.

— Мне надо купить каподастр, — вспоминаю я.

Следующим пунктом нашего с Даней путешествия будет позиция на Херсонщине.

— Споёшь бойцам? — спросил Даня. — Гитара у них есть.

Спеть не проблема, но для некоторых песен мне нужен каподастр.

Колесим по городу. Находим каподастр.

По пути проезжаем Дом Пионеров с колоннами, гипсовыми фигурами подростков в галстуках и иным советским великолепием. У нас, в Большой России, я ничего подобного не встречал.

Утомлённо пью пиво в крохотной пивной. Мне неловко, что я измотал человека. И тут Даня пишет: «Игорь, ты где? Скоро приедет Дима Филиппов».

Я извиняюсь — надо идти. Мы допиваем пиво.

Дима Филиппов неразговорчив, чуть скован, устал, улыбается словно через силу.

Разговор у нас не получается. Я не знаю, о чём спрашивать, он тоже не знает, о чём со мной говорить. Хорошо, рядом есть общительный Даня.

Я видел Диму в Питере, издалека, на церемонии «Нацбеста». В 2021 году. Сейчас он уже два года как доброволец. У него не хватает впереди одного зуба, тогда был.

Толком не поговорили, но ощущение всё равно как от хорошего разговора. Так бывает.

Накануне Даня забросал меня сканами с гугл-карт, обозначающими наш маршрут. Я всё одно ничего не понял.

Давление утром стало немного ближе к норме — сто пятьдесят на сто. И мы едем.

Дорога длинная. Йоган немилосердно жрёт масло и бензин. Кажется, мы топим его двигатель купюрами.

И всё равно хорошо. Хорошо! Свобода. Мальчики едут на машине куда хотят. Ну, почти. Мальчики снова мальчики. Сбросили пресс семьи, рутины, обязательств.

— Через Мариуполь поедem, — решает Даня, и вот, после бесчисленной смены зелёных, жёлтых, чёрных полос и пятен за окнами, мы в Мариуполе.

— «Азовсталь», — указывает Даня.

Оттуда на нас таращатся окнами в полуразрушенных стенах остатки цехов, изуродованные железные конструкции, солнце играет на рёбрах покорёженных балок, светит сквозь проёмы.

А в остальном Мариуполь производит неожиданно бодрое впечатление. Всюду строительная техника, краны, грейдеры, трактора, грузовики.

— Обрати внимание, сколько питерских номеров, — говорит Даня. — Как бы я ни относился к Беглову, но тут он отрабатывает по полной. Вот если б и дома так же...

Я следил по сводкам за тем, как брали Мариуполь. Ожидал увидеть руины вроде сталинградских, но нет, город лишь изредка оскаливается цингой развалин. Много домов посечённых, будто ствол берёзы, но в целом — жив.

— Смотри, — удивлённо указывает Даня на квартал сияющих крахмальной белизной двухэтажек. — Ещё полгода назад их здесь не было. И вон... Вон того квартала, — он показывает на сгрудившуюся кучку пятиэтажек, — тоже не было. И вон, — он показывает на бетонные остоны будущих десяти-шестнадцати-двадцатиэтажек, — их тоже весной я не видел.

— Живём, — говорю я.

Ну, надо же было что-то сказать.

Выезжаем из Мариуполя. Дорога широкая, гладкая, новая.

— Как жаль, что ты не водитель, — зевает Даня и смотрит на меня со смесью доброты и досады.

— Там дальше всё будет запутанно в плане трассы, — говорит он. — Я что-то помню, но так, плюс-минус.

Мы смотрим прогноз. Он обещает жару и какой-то совершенно невозможный ветер.

Местность здесь плоская, как часовой циферблат, и ветер летает, не встречая препятствий.

Останавливаемся, спускаемся с насыпи. Всего несколько шагов, но ощущение такое, словно идёшь по быстрой реке против течения. Естественно, расстёгивая штаны, нужно очень чётко выбрать направление.

Мелкий песок летит и сечёт лицо. Будто попал в учебный тренажёр по подготовке к буре.

Едем. До ЛБС не так далеко. Это заметно по появлению блокпостов. Один, второй, третий...

— Давай поспорим, сколько блокпостов будет, пока мы до точки доберёмся.

Точка — это место расположения подразделения, обслуживающего ТОС «Солнцепёк» в одном из сёл Херсонщины.

— Десять, — говорит Даня. — Нет, пусть одиннадцать. Одиннадцать.

Я прикидываю, сколько блок-постов мы встретили, сколько нам ещё ехать.

— Пятнадцать.

— На что спорим?

— На бутылку.

Бьём по рукам. Рука у Дани чуть менее твёрдая, чем мне хотелось бы. Устал. Плюс давление.

Едем.

Один, два, три...

— Этот пустой. Будем считать? — показывает Даня на покинутое убогое подобие блокпоста.

— Нет.

Четыре...

Показываем паспорта.

— Гуманитарка?

— Да.

Нам кивают:

— Проезжайте.

Где-то нас встречают молодые, полные сил парни, обвешанные оружием, где-то уставшие мужики с одним калашом и распущенными завязками шлемов.

То тут, то там попадаются «зубы дракона» — ряды бетонных пирамид, уходящие вправо и влево от дороги к горизонту. Иногда встречаются уходящие к горизонту только в одну сторону и обрывающиеся у насыпи нашей трассы.

— Не достроили? — синхронно задаёмся мы вопросом.

Но поскольку такие оборванные линии встречаются периодически, мы не знаем, что думать.

Ветер, лёгкая бурька, создаёт ощущение угасающего дня, но до заката ещё далеко.

На одном перекрёстке едем прямо, потом понимаем, что надо было свернуть. Возвращаемся.

— Этот блок-пост будем учитывать?

— Нет, конечно. Мы же его уже проезжали.

Даня спросил из вежливости. Каждый блокпост приближает меня к победе. Но я не прочь поиграть в благородство.

Подсчёт блокпостов заканчивается на цифре тринадцать. Ни вашим, ни нашим. Договариваемся, что купим друг другу по поллитре.

Поплутав по посёлку, находим дом, который сняли «солнцепёкари». Даня обнимается с каждым бойцом. Он тут не в первый, не во второй раз. Я просто здороваюсь.

Разгружаем «подарки». Чему-то парни особенно радуются, что-то воспринимают более спокойно, но не равнодушно, нет.

Во дворе человек пятнадцать. Пока одни занимаются разгрузкой Йогана, другие сдержанно развлекаются и время от времени подтягиваются на турнике.

Я — сын военного, но не очень люблю «казарму» как тип взаимоотношений. Однако здесь нет «казармы» в том виде, в каком я её помню с детства. Есть сдержанность и даже интеллигентность. Нет, я не ошибся с последним словом.

В этом доме живёт командир подразделения с женой. Ему около тридцати, ей немного за двадцать. И он, и она наполовину чеченцы.

«То есть из вас двоих можно сделать одного чеченца?» — пошутит потом Даня. «Вроде того», — согласятся они.

Я мастер по попаданию в нелепые ситуации. Нет, серьёзно, выбросьте меня в открытый космос, в пустоту и вакуум, я и там найду вариант впутаться во что-нибудь глупое.

Иду мыться в душевую кабину. Про то, что дверцы этих кабин вечно готовы к более или менее жестокой шутке, я всегда помню. Но нет, сейчас заклинил замок внешней двери. Ручка поворачивается — дверь не открывается.

В доме никого, все во дворе. Звоню Дане, не берёт трубку. Звоню снова — «абонент недоступен». Тут плохая связь.

Неожиданно с той стороны двери слышится голос жены командира подразделения Марьям.

— Не можете открыть дверь?

В замке щёлкает.

— Выходите.

Выхожу.

Во дворе жарится на кирпичах шашлык, под навесом накрыт стол.

Даня умудряется помыться за какие-то три минуты и при этом не попасться в ловушку двери.

Командир водку не пьёт, но бойцам не препятствует.

Возникает обещанная гитара, я достаю купленный в Донецке каподастр. Пою. Песни на стихи Есенина, Саши Соколова, свои. Слушают.

И снова меня удивляет в парнях отсутствие «казармы». Не чувствуется гадости, которой хочешь не хочешь обременён каждый из нас.

Может, тут подобрались уникальные парни. А может, что скорее всего, спрятали всё своё человечье «дерьмо» душ глубоко внутри, понимая, что здесь и сейчас, когда твоя жизнь во многом зависит от товарища, нельзя пачкать друг друга, нельзя мучить друг друга, издеваться.

Парни играют, поют. Лучше меня.

Один, самый активный и горластый, говорит:

— Я сейчас прочту стихотворение. Только оно немного... хулиганское.

За столом сидит Марьям, но она благосклонно кивает.

И он читает стихотворение Гафта:

Мамаша, успокойтесь, он не хулиган,
Он не пристанет к вам на полустанке.
В войну (Мамаев помните курган?)
С гранатами такие шли под танки.

Читает от начала до конца, не сбившись.

На ночь ложимся с Даней на угловом диване, который в разложенном виде оказывается большим, как футбольное поле. Правда, Даня ужасно храпит, и это слышно даже с другого конца «футбольного поля».

Утром встаю. Возле печи навороченный АК, броник, шлем. На шлеме шеврон «Мама сказала надеть».

— Едем смотреть «Солнцепёк»? — спрашивает, заглядывая в дверь Даня, уже умытый и выбритый.

— Ну, естественно.

Командир вкладывает пистолет в кобуру, пластиковую, приспособленную для быстрого извлечения оружия. У моего отца была совсем другая, кожаная.

Выдвигаемся.

Даня за рулём Йогана.

Поля, посадки, поля, посадки...

Ныряем в посадку. Оставляем машину, идём пешком. А вот и ТОСочка. Укрытая противодроновой защитой и маскировочными сетями, со струйками цепей, чтобы дрон не залетел под брюхо.

— Фотографируйтесь, — приглашает командир подразделения. — Все обычно фотографируются.

Я отказываюсь.

— А у меня уже есть такие фото, — пожимает плечами Даня.

Чего, спрашивается, приезжали?

На обратном пути начинает пищать «Булат». Даня смотрит на дисплей. Произносит всё ту же аббревиатуру, которую я не запомнил, но знаю, что это серьёзно.

«Булат» пищит долго, потом замолкает. Даня смотрит на дисплей. Если прибор ошибается, то так и пищит: «Извините, ошибка». Но нет, это не наш случай. Кто-то тут летает. Может, наши.

— А может, хохол нас ищет, — замечает командир.

Обратно мы отправляемся вместе с Марьям.

— Она тут с середины лета, а ей в Россию надо, — говорит командир.

Они женаты всего несколько месяцев. Возможно, ей уже нужно периодически видеться с врачом, домысливаю я. Дело молодое, скорое. Тем более война. Говорят, дети на войне зачинаются быстрее и охотней.

Нас провожает всё подразделение. В полной экипировке их сложно узнать.

Обнимаемся, прощаемся.

Дальше едем втроём.

Конечный пункт — Феодосия.

Я обожаю Крым. Я прожил здесь год, попав сюда в олимпийское лето 1980-го. С тех пор тихо болен этим полуостровом.

Когда один мой друг уезжал по контракту в Симферополь с прицелом «поработаю года три и уйду на повышение в Подмосковье», я ему сказал: «Крым тебя так просто не отпустит». Я оказался прав, он там уже десять лет, уезжать не собирается.

Трасса «Таврида», как и все эти дороги, построенные после 2024 года, чистый восторг.

Гостиницу нашли через интернет. Трёхэтажную, в пятидесяти метрах от моря, в пяти метрах от музея Грина.

Туристический сезон заканчивается. Возле ресторанов стук молотков — разбирают летние веранды.

Мы с Даней заселяемся на третий этаж, Марьям — на второй.

Идём в ресторан морской кухни в ста метрах от гостиницы.

Дорого, но ужасно вкусно. Барабулька, ставридка... Сидим на открытой веранде. Железная дорога проходит вплотную к стене ресторана. В трёх метрах от нас время от времени проезжают электрички.

Снаружи собирается дождь. Покупаем вина, идём гулять по набережной.

Почти физически можно ощутить, как город остывает от туристической лихорадки.

Начинает накрапывать. Стоим под навесом, пьём креплёное вино. Беспочинно рады, почти счастливы.

Я, мне так кажется, особенно счастлив. Я не был в осеннем Крыму уже сорок пять лет. Я так рад видеть его остывающим, несуматошным, обезлюженным.

Пьём вино, много смеёмся. Когда темнеет, катаемся на колесе обозрения. Оно тут маленькое, почти игрушечное, но с него видны Феодосия, море, огоньки в море.

Это какое-то внеплановое, свалившееся неизвестно откуда и неизвестно за что счастье. Так и пьём его вместе с морским влажным ветром и крымским креплёным вином.

Как же хорошо, что иногда радость сваливается вот так, внепланово.

Утром Даня меряет давление.

— У, сто восемьдесят на сто двадцать. Не, давай я сегодня здесь поваляюсь. Ну а ты... Смотри сам.

«Посмотрев», иду в музей Грина, он напротив гостиницы.

А, нет, перепутал. В музей мы отправились вместе с Даней, и только потом он пошёл отлёживаться.

Я хотел пойти в музей Айвазовского, благо он тоже тут, в двух шагах, но святилище мариниста, как назло, именно в этот день не работало, выходной.

А снаружи музей хорош. Свежеотреставрированный, эффектный.

Иду купаться. Солнце нежаркое, ласковое, будто кошачья шерсть.

Я не купался в сентябрьском море никогда. Надо же когда-то начинать.

Волны довольно большие, но я доволен. Море могло бы быть и почище, но мне всё равно.

Ощущение, будто выиграл в лотерею. Не бог весть сколько, но достаточно, чтобы стать... Не хочется опять произносить слово «счастливым», но получается, что произнёс.

В городе неожиданно встречаю Марьям с чемоданом.

— Позвонил муж. Мы решили, что я поеду в Ростов. Уже билет взяла.

Обнимаемся на прощание и расстаёмся.

Назавтра снова трасса «Таврида», снова простор и скорость.

Виноградники, виноградники, виноградники...

— Проезжал здесь в начале двухтысячных, — говорит Даня. — Тут кругом были пустыри.

Йоган бодро жрёт бензин и масло. Мы едем домой.

Крымский мост. Соревнуемся в скорости с поездом, идущим по параллельной секции. Мы «делаем» поезд.

Где-то в южнорусских степях покупаем на бахчевых развалах арбузы и дыни, так что Йоган крикает, и снова катим домой.

Даню выбешивает вереница дорогих машин с чеченскими номерами, ведущих себя на дороге совершенно по-хамски. Я успокаиваю его. Человека с давлением сто шестьдесят на сто двадцать надо беречь от стресса. Особенно если ты едешь с ним в одной машине и руль не у тебя.

Останавливаемся на ночёвку снова где-то на полдороге. В гостинице много парней в камуфляже, некоторые на костылях.

Я выпиваю. Даня отказывается и завидует. Мы почти дома.

Тепло

Антонина Петровна вышла в обычные свои семь утра, чтобы выгулять дворняжку Матрёшку, а заодно насыпать семечек в кормушку, что висит на свешивающейся за забор палисадника ветке.

Кормушка ветхая, но пока держится. Внук сколотил на трудах пять лет назад.

В кормушке лежали двести рублей. Семечек, как и ожидалось, не было совсем.

— Двести рублей... — подумала Антонина Петровна. — Не бог вещь что, но приятно.

Деньги она, конечно же, забрала. Выглядело так, как будто кто-то заплатил ей за семечки. Но, во-первых, откуда у птиц деньги? А во-вторых, семечки были дармовые, Антонина Петровна собирала, ну, как собирала — воровала, — «решётки» с соседнего поля. Дома вылущивала и так набирала корм для окрестных птиц почти на всю зиму.

Её дом с палисадником стоял совсем рядом с Ясной Поляной. Туристов тут хватало. Понятно, что один раз какой-нибудь любитель Льва Толстого мог в качестве разовой шутки оставить деньги в кормушке. Но деньги — небольшие, сто, двести, пятьдесят рублей — появлялись регулярно.

* * *

Он очнулся, лёжа на снегу. Тело не просто замёрзло, оно превратилось в лёд, в снег, в пустоту, в холод. И только кисть левой руки осталась чуть тёплой. Он шевельнулся. Из левой руки с чириканьем выпорхнул и унёсся вверх, в белое небо, тёмный комочек.

Вокруг лежало нечто, больше всего похожее на село, пропущенное через мясорубку.

Он поднялся со снега и, едва понимая, что делает, пошёл. Так же не понимая зачем, взял наполовину закопавшийся в чёрный снег автомат.

В голове шумело. Тело почти не гнулось, и только левая кисть худо-бедно сохранила чувствительность.

Разрушенные дома, снег в саже, обломках, обугленных досках.

К своим вышел случайно.

Сотрясение мозга, воспаление лёгких, обморожения. Ничего серьёзного.

* * *

Он увидел эту кормушку, когда возвращался с ночной смены. К тому моменту он уже с неделю ходил возле этого дома. С тех самых пор, как устроился на работу, через два на третий, в котельную больницы, где смена заканчивалась в шесть утра.

Схваченный морозом снег скрипел под ногами.

Из пустой кормушки, мало различимой в темноте, вылетел воробей.

Человек заглянул в кормушку — пусто. «Но если воробей искал тут что-то, значит, здесь что-то периодически бывает», — логично рассудил он и положил в кормушку двести рублей.

С тех пор так и пошло. Время от времени после дежурства он опускал в кормушку мелочь, какую находил в карманах. Иногда купюры, иногда монеты.

Потом шёл и, хотел или не хотел, вспоминал, как вылетел с чириканьем воробей из его наполовину сжатой ладони. Видно, грелся. Грелся и, так получилось, грел.

Шелуха от семечек на снегу напоминала пересыпанный чёрным снег там, на войне, но он гнал от себя эти воспоминания и опускал в пустую кормушку сколько мог.

* * *

В кормушке лежали сто рублей, оставленные им три дня назад.

На входной двери белел в темноте свеженарисованный мелом крест.

Снег во дворе истоптан, отпечатки ножек двух табуреток под вишней.

У закрытой калитки — рыжая собачка-дворняжка. Смотрит на него тёмными глазами. По глазам видно, что хочет скулить, но не скулит.

Опёрлась спиной о закрытую калитку и сидит, смотрит тёплыми глазами.

Он забрал из кормушки свои сто рублей. Вытащил из джинсов ремень.

Уселся перед дворнягой. Та отвела глаза.

— Вот так, девочка, — сказал он Матрёшке, не зная, впрочем, что собаку зовут Матрёшкой.

Протянул вперёд руку, осторожно коснулся выпуклого собачьего лба. Собака посмотрела на него грустно и насторожённо.

Погладил её по голове, по спине.

— Ну, вот так. А что поделаешь...

Продел ремень под ошейник. Собака следила за его движениями, не сопротивлялась.

— Пойдём, — сказал, выпрямляясь. — Я тут недалеко живу.

Птицы вскоре позабыли кормушку возле заброшенного дома и перестали прилетать к ней.

Вечные вопросы

Он полицейский, но я по старой привычке всё равно зову его ментом. Да, он мент. Причём циник до мозга костей. И я даже не знаю, служба его таким сделала или же он изначально таким был.

Много курит. Практически прикуривает сигареты одну от другой. По кухне бегают тараканы, но они для него не помеха и не предмет раздражения, а что-то вроде домашних животных.

Долго жил холостяком. Потом, уже сильно за тридцать, женился. Лет через десять развёлся.

Он всегда хорошо пил. Жена оказалась тоже выпить не дура. Но он мужик крепкий, она — баба. Начала спиваться, терять человеческий облик. Выгнал.

Он начитан.

Периодически ходит в чём попало, стирает одежду нечасто, обтрёпанные рукава на свитере за проблему не считает. Но всё время элегантен как чёрт. Смотришь на него и видишь не лохматые рукава, а общий образ. Образ эффектен, элегантен, и нет нужды смотреть на детали.

Он ошибся с профессией. Ему надо было идти в актёры. Он не обладает грацией кота, но в нём есть обаяние большого пса. Мастино, дог... Что-то такое.

— ...Он пришёл в дежурную часть в полтретьего ночи. Наклоняется к окошечку, дежурный смотрит — вся рожа в красных крапинках. Первая мысль — потерпевший. А тот суёт в окошко книгу и шепчет: «Вяжите меня, я человека убил». Книга вся измочалена и натурально в крови. И руки у «потерпевшего» тоже в кровище. Орла — в наручники. «Кого убил? Где убил?» — «Я покажу».

— Что за книга? — я улыбаюсь. — «Преступление и наказание»?

— Почти. «Братья Карамазовы», первый том.

— Да ладно...

Он затягивается и кивает.

— Первый том. Советское издание. Твёрдый переплёт. Жёсткая... Но измочалена вдрызг, будто под поезд попала.

— Под поезд попала Анна Каренина.

— Не умничай. Я всё-таки педвуз окончил.

— И что дальше?

— А что дальше... Отправляется группа на место преступления. Приезжаем. Входим в квартиру. «Где он?» — «На кухне». Заходим. Там сидит чел. На роже живого места нет. Один глаз полностью заплыл, второй еле видит. Сидит, курит, аккуратно стряхивает пепел в стеклянную пепельницу, смотрит на нас единственным глазом. Спокойный...

Этот увидел его, кинулся вперёд, на колени упал, лицо и руки в наручниках ему в колени упрятал и говорит: «Брат, прости меня. Прости...»

Мы смотрим на эту сцену. «Что, правда, брат твой?» — спрашиваю. «Нет, — говорит. — Друг».

Рожа, конечно, из тех, что краше в гроб кладут.

Этот завывает: «Брат, простишь меня?» — «Я не знаю», — отвечает. «Заявление писать будете?» — спрашиваю. «Нет», — отвечает побитый.

На столе литровая бутылка водки, под столом такая же, но уже пустая.

— Вы подумайте, — говорю. — А то, может, завтра решитесь. «Нет», — говорит. И спокойный-спокойный при этом. Курит, дым вверх и в сторону выпускает. А это хороший признак: человек настроен позитивно. Я наручники с задержанного снял. «На нет и суда нет», — говорю. «Логично», — соглашается побитый. Сажаем бывшего задержанного за стол...

Рассказ моего приятеля прерывает пришедшая на кухню собака Муха, дворняга с густой блестящей чёрной шерстью и висющими ушами.

Тычется в ноги моему приятелю. Поднимается, кладёт на колени большие короткие лапы, поскуливает.

— Муха, не пойдём сегодня гулять. Писай там, на пелёнку, — он показывает в сторону большой комнаты.

Муха, виновато взглянув на нас, убегает.

— Завтра уберу. На чём мы, бишь, остановились?

— Задержанного усадили за стол, сняли наручники...

— А, да! Из-за чего, спрашиваем, сыр-бор? И далее следует совершенно замечательная история. Выпивали эти два орла и, конечно, стали гутарить за политику. Ну, русские ж люди. Взгляды разошлись. «Россия не способна существовать как государство мононациональное, — говорил побитый. — Государством его всегда делали другие нации — варяги, немцы, евреи. Русские неспособны к самоорганизации и существованию, опираясь только на собственные силы». — «Да чёрта с два». — «И если б нас завоевали, неважно кто, французы в тысяча восемьсот двенадцатом, немцы в тысяча девятьсот сорок первом, хуже не стало бы, уверяю тебя. Что варяги Рюриковичи, что немка Екатерина Вторая, что грузин Джугашвили... Кто угодно! Пришёл русский Горбачёв, и что? И всё покатилося в пропасть». Его собеседника стало трясти: «Да хватит!» — заорал. «*Придите и владейте нами*. Вот в этом и вся суть русской государственности. Тут её исток, отсюда и все последствия». — «Но это же... Это же смердяковщина! — закричал тот, обрадованный точно найденным словом. — Смердяковщина». Побежал в комнату, вернулся с книгой. «Вот, смотри, — кричит. — “Я всю Россию ненавижу. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы. Умная нация покорила бы весьма глупую” и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки». Слово за слово, и наш задержанный, а ведь на вид мозгляк, повалил его и принялся охаживать книгой. Первый том «Братьев Карамазовых», советское издание. Твёрдый переплёт. Очень твёрдый. «То есть, он тебя прямо тут, на полу и лупил?» — спрашиваю потерпевшего. — «Да». — «Почему тогда пол чистый?» Спрашиваю ни для чего, из профессионального оперского любопытства. «Это я, когда очнулся, всё протёр», — говорит пострадавший. «Вообще-то, ты улики скрыл», — говорю. «Так это если б меня убили, нужны были бы улики, а так — нет заявления и улики не нужны». — «Логично». — «А вы к нам зачем побежали?» — спрашиваю бывшего задержанного. У того руки трясутся, смотрит в пол. «Я испугался. Думал, убил». — «Там у Достоевского интересно то, — говорит побитый, — что он выводит Смердякова как человека с однозначно неприемлемой позицией. Пошляк, на гитарке убогие куплеты дворне играет. Отвратителен. Да потом к тому же ещё выясняется, что он убийца.

Но приглядитесь, он умён и логичен. И в России всегда будут люди, способные оценить простоту и безотказность его логики. Смердяков... Омерзительнее фамилии и не придумаешь. Но вслушайтесь в его слова. Спокойно, без предубеждений, используя только разум. Да Смердяков самый разумный из всего этого паноптикума персонажей «Братьев Карамазовых»! Его наполовину заплывший единственный зрячий глаз сиял. «Послушайте себя, послушайте его. Не чувствуете, насколько он прав?»

На кухню прибежала Муха, радостно виляя хвостом. Не скулила, легла посреди кухни, стала смотреть в один из тёмных углов.

— И что было дальше? — спросил я.

— Не знаю, честно говоря. В сводках происшествий ни тот, ни другой больше мне не попадались. Видимо, как-то продолжали сосуществовать. Хотя... Оба одинокие. Завали один одного, спрячь труп, никто и не заявит, что человек исчез...

Евгений Топчиев

Зло блуждает где-то рядом

Рассказы

Оранжевая рябь

Быстро сговорились по цене, ударили по рукам. Пять с половиной миллионов — на эти деньги в Белграде можно целый год жить и ни в чём себе не отказывать. Артёму на приличную школу хватит, и даже Маше первое время необязательно работать.

Что до него самого, то на удалёнке код ваять даже сподручнее: никто не будет отвлекать. После ковида вообще непонятно, зачем нужен офис.

Николай с покупателем вышли из калитки. Знакомо, точно в детстве, стукнул металл; створка закусил побег разросшейся малины. Ну вот и всё. Неужели в последний раз он тут?

— Тогда во вторник к десяти у нотариуса?

— Договорились.

— Вас подвезти? Жарковато! — Будущий владелец дачи, тридцатилетний холёный бородач с румянцем трезвенника, кивнул на громадный китайский «Танк», сверкающий хромированной мордой.

— Спасибо, прогуляюсь до станции, — отмахнулся Николай.

Когда внедорожник исчез за поворотом, Николай позвонил Маше.

— Привет... Ну всё. Задаток взял. Если ничего не сорвётся, во вторник оформим, и деньги упадут на счёт. Да, за пять с половиной... Более чем! Я тоже тебя поздравляю! Буду через пару часов... Пока, целую!

Сбросив звонок, впервые за сегодняшний день ощутил жару. На голове — будто шлем из воска, который вот-вот начнёт плавиться. Сейчас бы холодной колы!

За поворотом, на перекрёстке дачных улиц, — маленький магазин с продуктами. На счастье, в холодильнике нашлась запотевшая банка — параллельный импорт родом из Ирана.

Топчиев Евгений Леонидович родился в 1980 году в Москве, где и живёт. Печатался в журналах «Наш Современник», «Аврора», «Новая литература». Автор двух книг прозы. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Повременив открывать, решив оттянуть удовольствие, Николай двинулся было по пеклу к станции, но вдруг остановился: увидел справа над покосившимся штaketником густую, неяркую под ослепительным солнцем оранжевую рябь. Ба-а! Да это же тот самый сад... Вытянутый, заросший сорными кустами участок у подножья песчаной горы. Щитовой домик в глубине, развалины на месте стоявшего некогда сарая, косматые кроны старых облепих, обсыпанные золотистой ягодой.

Поразмыслив, Николай шагнул к изгороди, отодвинул-оттолкнул ногой незакреплённую секцию штaketника, ступил во владения давно покойного Семёна Павлова. С трудом пробрался сквозь розги малины в запущенный облепиховый сад.

А вот и ванна... Перевернутая, на треть вросшая в землю, но зато прекрасно сойдёт за скамейку. Положив на траву сумку с документами, Николай устроился в светотени на тёплом, приятно-шершавом чугунном горбу. С сочным пшиком открыл колу, сделал первый обжигающий глоток: ка-а-айф! Осмотрелся: трогательный дачно-советский пейзаж, вполне постапокалиптический. Истлевшая бочка с выпавшим дном; почерневший мальчик Володя Ульянов с отбитым носом смотрит из сорняков... Рука сама потянулась к ближайшей шипастой ветке за оранжевой ягодой — и сразу *вспомнилось*.

Такой же точно жаркий день тридцать с лишним лет назад.

Они с папой собирают облепиху. Застряли у одного-единственного дерева и никак не могут перейти к следующему, а тут целый сад!

Дело нелёгкое: у обоих занемели плечи и горят подушечки пальцев. Когда отрываешь ягоду, обязательно натыкаешься на колючку, острую, как «пёрышко» в кабинете у врача, берущего кровь. В ранку попадает маслянистый едкий сок, и начинается жечь. Но всё-таки Коле почему-то приятно: здесь, в саду, папа какой-то другой — спокойный и совсем нестрогий. Они переползают с места на место, перетаскивают за собой низенькие деревянные стульчики. Разговаривают только по делу, когда надо помочь: пригнуть ветку, чтобы другой смог добраться до золотистой россыпи. Молчание их очень доброе, не тягостное, так хорошо у Коли на душе давно не было. Они ходят гусиным шагом, пыхтя, дотягиваются до гроздьев и восклицают «тысяча чертей», когда попадают пальцем на шип...

Папа Женя служил. Работа у него была секретная. Никто не знал, на какую ветку метро он пересаживается с родной фиолетовой. Он спускался под землю на «Октябрьском поле», но где выходил в город, было тайной. По обрывкам разговоров взрослых Коля сумел очертить треугольник, где мог проводить большую часть жизни отец — «Площадь Ногина», «Кировская», «Дзержинская». Опять же, по каким-то хвостикам фраз Коля догадывался, что папа работает под землёй в секретном военном бункере. При этом Коля знал, что папа — не настоящий военный, в смысле у него нет каски и автомата, он не вонзает в живот врагу блестящий штык, похожий на рыбку.

Хотя по виду ему подходило быть «настоящим» — у папы была внешность могучего красноармейца из книжек: каменное лицо, твёрдый квадратный подбородок, крепкие, как сталь, безволосые руки и большие кулаки, которыми он мог бы запросто ломать кирпичи, если бы захотел.

Коля считал, что папа на работе создаёт роботов. Воображение рисовало огромный подземный зал наподобие стадиона: в центре стоит большой компьютер, куда папа загружает команды, и тот, в свою очередь, отдаёт команды станкам, которые механическими руками делают терминаторов, умеющих бегать, прыгать, стрелять, как в фильме «Робокоп».

Почему Коля именно так представлял папину работу? Возможно, отец когда-то сам её так описал в ответ на Колины расспросы. А может, Коля нафантазировал, глядя, чем папа занимается дома.

Тот вот уже два года собирал компьютер — для Коли. По ночам, в выходные, в отпуске, в квартире и на даче. Он возил его с собой в багажнике жигулёнка, пока автомобиль в один прекрасный день не украли.

Отец постоянно паял, и в квартире вкусно пахло канифолью; Коля любил смотреть, как отец погружает дымящийся паяльник в кусочек олова, и тот словно по волшебству превращается в белую переливающуюся каплю, которую папа не дыша переносит по частичкам на микросхему.

Кое у кого в классе уже были ЭВМ — «бэ-кашки». Коля ходил к ребятам в гости, ему давали играть. Игры загружались с магнитофонной кассеты, и пока шла заливка, из динамика магнитофона доносился электронный скрежет и треск — как будто марсиане передавали землянам зашифрованные сигналы. Коля мечтал, что скоро у него будет компьютер получше.

Однажды в августе — они жили на даче с мамой, а папа приехал к ним на выходные, — Колю никто не разбудил. Обычно папа поднимал его на зарядку.

Он проснулся и услышал, как папа сказал маме, что у них угнали машину. Её увели ночью прямо из-под окон дачного домика. Мама заплакала, а у отца странно скрипел голос. Коля никогда не слышал, чтобы папа так говорил, точно старик. Он испугался и не хотел спускаться к родителям, и так лежал, пока папа не ушёл, сказав, что поедет в посёлок подавать заявление в милицию.

Папа вернулся днём и сообщил ещё одну тревожную новость: у Семёна Павлова, соседа по даче, случился инсульт, его увезли на «скорой».

Семён Павлов был старше папы. Лицо маленькое, морщинистое, как пожухлое яблоко, а тело — сухое, перевитое мышцами, как у монаха Шаолиня. Он вечно ходил по своему участку голый по пояс, и все мальчишки в дачном кооперативе могли заценить его рельефный пресс, длинные руки, похожие на корабельные канаты, обгоревшую до мяса жилистую спину, на вид твёрдую, как доска.

И в тридцатиградусную жару, и под проливным дождём — в любую погоду — Семён возил тачки с песком; никто никогда не видел, чтобы он отдыхал, лежал в гамаке, пил чай на веранде; он даже не присаживался на скамейку возле дома — мог только ополоснуться из бочки и снова хватал тачку.

Семён Павлов был сибиряк и настоящий коммунист в том смысле, в котором Коля себе это представлял. Он трудился как проклятый, но не для себя — для всех людей.

Участок Семёна Павлова был расположен прямо под обрывом, у подножия песчаной горы. За много лет он в одиночку отодвинул склон на десяток метров,

освободив несколько соток, и на отвоёванной у горы территории разбил облепиховый сад.

Его сын, с которым Коля играл в индейцев, посмеивался над отцом. Рассказывал, что у того есть наивная мечта — сделать сад *общим*, накормить облепихой весь дачный кооператив.

Семён разносил ягоды по всем участкам, а если облепихи урождалось слишком много, — предлагал людям самим набрать сколько им нужно. Поначалу желающих было много. Приходили с бидонами целыми семьями. Но скоро все поняли, что обирать облепиху — тяжкий труд, и стали отлынивать.

Но Семён всё равно продолжал ухаживать за садом, поливал каждое деревце, по ночам сторожил с фонарём, чтобы урожай не поклевали птицы, и не прекращал отдавать даром картонные пакеты из-под молока, полные рыжих бусин, — это был его пусть несовершенный, но коммунизм. Ведь если коммунизм можно построить в отдельно взятом дачном кооперативе, то можно и на всей земле когда-нибудь.

Нельзя сказать, чтобы папа и Семён особенно дружили. Но Коле всегда казалось, что они чем-то похожи и относятся друг к другу с особенным уважением.

Другие отцы уже жили новой жизнью: говорили одно, а делали другое, не верили в книжки, которые читали своим детям — про Ленина, про равенство всех людей, — а эти двое продолжали верить и жить так, как учили книги.

Папа Женя, например, отдал всю свою сетку-рабицу (огромную ценность!) на общий забор, в то время как у них самих на участке забора не было — только заросли шиповника.

Когда Семёна затаскивали на носилках в машину «скорой помощи», он увидел папу Женю. Они встретились взглядами. Семён показал глазами вглубь своего участка, туда, где росли облепихи, и папа понял его без слов.

Он сказал:

— Всё сделаем, товарищ!

Папа, мама и Коля обирали сад у Семёна Павлова три дня с утра до позднего вечера. В том году был небывалый урожай. Руки у них распухли и стали похожи на хоккейные краги. На четвёртый день мама уже не могла собирать, и Коля с папой работали вдвоём.

Они трудились молча, полностью сосредоточившись на ягоде; весь остальной мир стал им неважен, у них были только этот сад и песчаная гора над ним.

Когда наступало время есть, папа доставал термос, наливал в алюминиевые тарелки горячие щи, вручал Коле кусок «рижского» хлеба с маслом, и они молча жевали, сидя на деревянных стульчиках под колкими ветвями.

И было у них ещё кое-что — непочатая бутылка «Пепси», одна на двоих. Она плавала, как поплавков, в старой чугунной ванне, установленной посреди сада, а возле ванны, задумчиво глядя в зелёную воду, стоял гипсовый мальчик с кудряшками — Володя Ульянов, постоянно живший тут.

Вдруг отец вскрикнул и повалился на бок.

Коля испуганно склонился над ним:

— Что с тобой, пап!

Отец, сморщившись от боли, пробормотал, что ему защемило спину. Коля не знал, что делать. Он хотел бежать за мамой, но отец запретил ей говорить. Он шёпотом попросил постелить на земле куртку и улёгся на неё, пообещав, что скоро пройдёт. Коля продолжил работать один. Через час папа смог встать и при помощи Коли сесть на стул. Теперь они снова обирали ягоду вдвоём. Коля старался изо всех сил, чтобы отцу досталось меньше.

Папины руки были огромные и жёлтые, как будто их накачали йодом. Под глазами легли глубокие, страшные тени — он был похож на усталого солдата с картины, что висела в школе в пионерской комнате, за плечами у него ярко желтел закат.

Скоро оранжевый сад кончился.

— Ну что, дуй за «Пепси». Неси её сюда, — подмигнул отец.

Коля сбегал, выудил из зелёной воды скользкую бутылочку с сине-красной этикеткой. Та отклеилась, и Коля украдкой прилепил её на ладонь, сохранил.

Они выпили «Пепси» на двоих. Сначала папа отказывался, но Коля всё равно оставил ему два глотка. Отец с удивлением и благодарностью посмотрел на него и, закинув голову, вытряс последние капли в рот.

Папа посмеивался, глядя на Колино лицо.

— Ну что, наелся облепихи? Будем теперь варенье варить.

— Куда столько? — удивился Коля.

— Как — куда? Людей угостим! Всех! Баночку варенья каждый с удовольствием возьмёт, о-го-го, что ты!

Папа Женя, папа Женя... Николай ощущал, что отец где-то рядом. Руки его горели и чесались. Во рту чувствовался солёный, кислый, ананасовый вкус солнечной ягоды. За шторками век — красно, празднично, чудно...

Тысяча чертей... он заснул на чугунной ванне!

Насилу разлепил глаза, посмотрел на часы: кошмар — уже пять! К пяти обещал Маше вернуться. Огляделся по сторонам, как пьяный. Банка колы валялась на земле: почти всё вытекло в траву. Рыжий сад пружинил и качался перед глазами... Всюду, всюду облитая солнцем полынью ветвей и неяркая оранжевая рябь. Нет, невозможно отсюда никуда деться! Как же он уедет, когда тут — *так*? А там *так* никогда не будет? Он встал с ванны и, шатаясь, побрёл ещё глубже, ещё дальше от дороги, к песчаной горе. Воздух впереди зыбился, точно над раскалёнными углями. Дошагав, присел на корточки, запустил руку в нагретый песок, сжал ладонь и поднёс захваченную горсть к носу. Песок, вытекая, щекотал руку, как будто пёрышком водили меж пальцев...

— Алло, Машка... — вышло хрипло. Он проснулся, но словно всё же спал. Прокашлялся, попытался придать голосу твёрдости: — Я ещё здесь... Не ругайся... просто электрички отменили. Слушай... давай никуда не поедем? Подумаем ещё... Ты пойми: нельзя вот так с плеча! Давай, я приеду и поговорим? Просто надо ещё немного подумать... хорошенько обмозговать! Слишком серьёзное решение. Послушай... тебе привезти облепихи? Тут шикарная!

Бурштин

Яма напоминала раскоп древнего города, часть археологического лабиринта. На глубине два с половиной метра стали обваливаться стены; когда песок обрушился в третий раз, на ребят упала фортуна. Алёша сунулся в глубь провала и стал выхватывать лопатой из пазухи большие чёрно-рыжие куски окаменелостей, похожие на угли, выпавшие из печи.

Это был бурштин. Много. За несколько взмахов Алёша вывернул на свет больше этой прелести, чем за три предыдущих дня. Янтарь выходил из окаменелостей легко, с гулким треском, как спелый орех из скорлупы. Алёша бросил лопату и пошёл звать Олега.

Олег так и знал, что Алёша найдёт, а он — нет. Он по-военному приказал себе радоваться. Перебежал к другу, схватил Алёшу и стал кружиться с ним на дне ямы. В глазах у Олега было мокро. Несмотря на все уговоры, переходить он отказался наотрез.

Уплёлся на свой край и продолжил рыть.

Ткнул лопатой в стенку, и лопата отскочила. Ударил плашмя: дребезжит, хлопает. Он перехватил лопату как штык, пырнул, порвал холстину. Пошла такая вонь — хоть нос зажимай. Ухватил за край, рванул — на него полезли кости — рёбра, позвонки — полусгнившие скелеты вперемешку с чёрным песком.

Схрон заражённой скотины! Тут с ним стряся припадок ярости. Он набросился на могильник, выворачивая из него длинное, вонючее — ломал о колено, топтал, крошил сапогами. Маленькие собачьи черепа с дырками от пуль посредине лба крошил.

— Ты что? — удерживал его сзади Алёша. — Ты что, Олежка!

— Что, что?! Хотел Олежка бурштин найти... Вот тебе бурштин! — он перегнул руку в локте, показав грубый жест.

Они слышали хлюпающие шаги наверху. Олег поднял глаза и увидел ствол, смотрящий ему в лоб.

— А ну, кони, вылезай, — приказали сверху.

На краю ямы ощетинились стволами два кадра лет восемнадцати, в камуфляже, в новеньких берцах, на рукавах нашивка — английские буквы в жёлтом круге.

— Вы чего, хлопцы? — буркнул Олег, выбираясь из ямы. — Мы вас не трогали, а вы нас — зачем?

Щенки... Молодые совсем... А ведь запросто могут убить, просто по глупости.

— Джип чей?

— Мой, — ответил Олег.

— Давай ключи. А ну! — заорал птенец и вдруг, сноровисто прицелившись, расстрелял конвейер на уровне Олеговой головы.

Брызнул металл; горячие «мошки» впились в лицо. Олег перестал слышать на какое-то время.

Он вспомнил, как под Донецком ходили в дачный посёлок пошуршать на предмет жратвы и бухашечки: дачники с началом боёв туда носу не казали; в домах остались водка, крупы, масло подсолнечное. Они с Саней Грачом вломились в дом на окраине, свалили в мешки всё, что было на кухонных полках, в холодильнике нашли вискарик. Разлили по чашкам, залпом выглотали граммов по двести. Внутри — словно яркий цветок распустился.

Полезли наверх за одеждой, постельным бельём. А там две спальни. Гардеробы, бабские вещи, пухлые кровати. Всё там пахло чистенькой бабой, женскими духами. Бродили с Сашей по второму этажу, выворачивали шкафы. Оба стеснялись говорить, что у них на уме. Саша первый предложил разойтись по комнатам, поспать полчаса. Стыдно было об этом думать, но так хотелось в эти кровати, в эти чистые простыни, бляха муха...

Олег закрылся в спальне, разделся, дрожа, до трусов и кинулся под одеяло. Бельё — с египетскими иероглифами: пирамиды, сфинксы, голые юноши и девушки с собачьими головами. В постели было ледяно, но казалось — там пышет египетским теплом сладкий рай.

Он быстро согрелся, сам себя согрел. Хватал и нюхал эту постель, как сливочный торт, скрутил одеяло в толстый жгут, зажал между бёдрами, как девочку.

Сильными, голодными пальцами впился в подушку, как в волосы женские, нырнул в неё лицом, уцепился зубами за край и стал драть, как собака игрушку.

Поднялся на спине сказочного кита, расписного индийского слона к потолку из вагонки, заплакал всеми своими резервами, кончил бороться, размазал по простынке густую, приторную тоску по дому, по супруге Наденьке.

Валялся потом... Кажется, заснул...

Проснулся от того, что по дому гулял ветер. Потом что-то хлопнуло, и ветер стих.

День катился к закату. Видать, он намертво тут заснул. Когда они с Саней пришли, было два, а сейчас солнце — красное и едва сечёт сбоку, из-за леса.

Он слышал внизу голоса. Кто-то скрипел половицами, переговаривался.

Олег почувствовал такое страшное одиночество, какое бывает, наверно, у зверя, когда он попал в капкан.

В панике натянул штаны, схватил «Макаров» — единственное оружие, бывшее при нём, — и высунулся в коридор.

Сколько их там, внизу? Вроде один, говорит по мобиле...

Где Саша? Дверь в другую спальню была закрыта, через щель свистел ветер.

Олег лёг на пол, подполз к провалу лестницы, опустил голову, заглянул вниз.

Голос — из кухни. Слов не разобрать. Олег чуть сполз, прижимаясь к лестнице грудью.

Просунул руку с пистолетом между ступеней: лестница «сквозная», без подступёнков. Навёл пистолет на дверь кухни. Лучшей позиции для стрельбы не сыскать.

Он весь дрожал, как будто у него температура сорок один.

С кухни вышел бородатый мужик в камуфляже и шапке-пидарке, с автоматом, упёрся взглядом в лестницу, прямо в Олега. Он уже не разговаривал. Засовывал мобилу в карман на груди.

«Не видит, — мелькнуло у Олега. — Может, уйдёт?»

Но мужик заприметил лестницу и двинулся прямо на Олега.

Кто-то другой, не сам Олег, взяв напрокат его рот и его лёгкие, заорал:

— Стоять, оружие на пол!

Мужик стал приседать, будто хотел станцевать «Яблочко», одновременно вскидывая ствол, как это делал в боевиках Брюс Виллис.

Олег понял, что сейчас его убьют.

Тогда он ударил из «Макарова».

Пуля попала мужику в щёку, прошла навывлет, хлестнула по дверному косяку, выбив толстую щепу. Бородатый выронил автомат и выбежал из дому на снег. Побежал наискосок по двору, пятная белое. Олег вышел за ним и встал на крыльце, целясь. Совместил мушку и целик на прыгающей спине... Нет... Не может убить... Дождался, пока уйдёт. Опустил руки.

Вернулся, прихватил автомат и как пьяный пошёл в другую сторону, откуда они с Саней приплыли. Вспомнил про Саню. Вернулся. Сани не было, окно было открыто, внизу — следы. Видно, Саня дал дёру ещё раньше, когда услышал, что в дом наведлся гость.

* * *

Мальцы забрали весь янтарь — Олег не рыпался. Жизнь дороже. И Алёша ведь тоже тут... Что если его порешат? За Алёшу он в ответе как старший.

У друга нема детей, он только женился. Если Алёшу убьют, он сгинет с этой планеты, как стружка, что смахнули с верстака, — и следов не останется.

И всё же он не мог допустить такого провала. Такой позорной капитуляции у него ещё не было. Весь сегодняшний день убил на то, чтобы примириться с неудачами предыдущих дней. Ему удалось переплавить позорные позывы души — обиду, зависть, слабоволие — в самозабвенный труд на благо дружбы.

Он уже смирился с тем, что славы первенства ему не видать, но тут пошла такая пьянка, что вроде и вовсе справедливости на свете нет!

Алёша, бледный как мел, стоял, задрал руки кверху. Пока один его шмонал, другой держал их на мушке. Паскуда! И никак не получится вырвать у него оружие, по-любому успеет прошить тебя строчкой.

— Мужики, где вы служили?

— Где надо, — усмехается, — поговори у меня! — И снова вскидывает калаш.

От этого движения у Олега позывы в паху, вот-вот струйка потечёт. За такое унижение хочется волчонку кадык вырвать. Но как? С голыми руками на автомат не попрёшь.

— На фига вы так с нами, мужики? Мы же свои.

Переглядываются, молчат, есть у них внутри какое-то колебание.

— Пехота... Мотострелки. Своих, что ли, не узнаете? Той зимой из окружения выходил... — Олег делает шаг, но пацан берёт его на мушку.

— Стоять, дядя!.. Зараз в коленку стрельну.

Олег в отчаянии кусает губы. Что делать? Может, показать им «гостинец»? Мешочек с «гостинцем» лежит у него в багажнике, в нише, где домкрат.

— Что ж вы за народ такой? На тех, которые воевали...

— Кто тут воевал? — насмешливо интересуются.

— Я! А тебе смешно? — вскидывается Алёша. Ресницы его трепещут, в глазах — огонь и гроза. — Я убитых вытаскивал, когда их снайпера с крыш били! А ты где был?

— Слышь, таскальщик, завали хлебало!

— Як ты сказал? — наступает на него Алёша.

— Не надо, — тихо говорит Олег.

— Як ты сказал, — «таскальщик»?!

Алёша медленно идёт на парня — тот, отступив шаг, перехватывает автомат и щедрым движением угощает Алёшу по лицу. Алёша садится на землю и гнусаво ругается. Громко оскорбляет эту шпану, называет их по-всякому. Сейчас они обидятся и убьют их обоих.

Олег садится на корточки возле Алёши и обнимает его, зажимает ему ладонью рот. Рукой ощущается, будто поймал что-то живое — какого-то зверька там, воробья...

И в то же время что-то другое волнует его, какое-то сильное чувство затапливает ему грудь — от этого чувства и радостно, и щеотно, и куда-то уходят страх и робость, а вместо них просыпается достоинство, которое всем человекам от рождения дано.

И он встаёт, и показывает мучителям киндер-сюрприз. Олег объясняет: це — граната. А в другой руке — чека. Как ещё объяснить, чтобы поняли? У него не осталось выбора. Янтарь забрали, деньги забрали, а машину зачем? Эта машина — его хлеб. В прицепе — помпа, генератор и шланги. Где он возьмёт деньги, чтобы заново всем этим разжиться? Дальше сносить издевательства они не будут.

Пока Олег это говорил, ей-богу, видел перед собой восхищённые глаза сына Фёдора. Ясно, что Федьки тут не было, но вместе с тем он каким-то макарон понял, что Федька его обязательно увидит и запомнит *таким*. Ему стало вольно и радостно. Впервые за эти дни он зажил, задышал.

Он не смотрел на этих удальцов с автоматами. Лицо его было повёрнуто к ним, рот его произносил слова, а смотрел он вбок и наискось — на верхушки леса.

Олег ощутил жгучий удар в правую руку — ту, что держала гранату. Он удивлённо посмотрел на ладонь. Там, где только что была целая кисть, из мясного ошмётка торчали вкривь и вкось четыре пальца. Самое плохое — гранаты в них уже не было.

Она отлетела к сидящему на земле Алёше.

Олег с внезапной острой болью понял, что этот шарик сейчас изуродует его друга, его красивое хулиганское лицо, пушистые ресницы, сочные губы, смелую улыбку. Он прыгнул в песок, проехался по нему грудью и накрыл металлический шарик от мира, словно это было чьё-то живое сердце, крепко-крепко прижал к себе.

Алёша тронул его за плечо...

Олег вознёсся над ямой, над соснами, над рыжим песчаным полем; над дорогами, лесами и реками; над большими городами и угожьями, над шоссе, бегущим на север, в Россию; и он летел на север, в Москву, — в город, где он

однажды побывал: отец взял его, восьмилетнего, с собой в командировку — в парк аттракционов, в кудрявую от зелени страну чудес, где пахнет сахарной ватой, липовым цветом и шашлыками; на колесо обозрения, на самый верх; и вот уже он сидит в малиновой кабинке, а рядом — батя, Игорь Алексеевич, добрый, выпивший две кружки пива с пеной, и ласково гладит его по растрёпанному вихрам; а внизу лежит город, большой и праздничный, полный улыбающихся взрослых и счастливых детей; и сверкает устремлённая в небо ракета, и блестит широкая река, и, словно подвешенный к небу, висит над рекой мост, и бегут по нему нескончаемым потоком чистенькие разноцветные машины со сверкающими на солнце колёсами.

Синяя гантель

Около двух вышли из клуба в ясную, чуть морозную, отдалённо пахнущую балтийской рыбкой и запечённым марципаном ночь. Синеволоска, тычет пальцем в экран смартфона: «Чёрт, не работает приложение!» — тихо посмеивается и блестит глазами, как кошка. В конце концов, она вызвала такси по телефону.

Прикатилась чёрная «А6» с хмурым, одетым в камуфляж здоровяком за рулём, похожим на егеря или браконьера.

Честно говоря, Пьера напрягло то, как таксист посмотрел на Маринины синие волосы. И вид у него какой-то быдлацкий... Красные, как поджаренная колбаса, щёки — должно быть, обгорел на солнце. Челюсть как у бегемота, черенок от лопаты может перекусить.

— Странное какое-то такси, — хмыкнул Пьер и на всякий случай сфоткал номер на телефон.

— Алё, можно быстрее? — опустил стекло водила.

В принципе, этого было достаточно, чтобы послать его на хер, но почему-то Пьер этого не сделал. Иногда в жизни случается роковая тупость, и ключевое здесь слово — «роковая».

Они разместились сзади, и таксист так резво взял с места, что Пьера вдавило в сиденье. Поворот... ещё поворот, водила летел, почти не снижая скорости — и бешено раскачивался на виражах подвешенный к зеркалу заднего вида увесистый золочёный крест.

«Какой-нибудь бывший сиделец», — подумал Пьер, заметив иконку на торпедо и татуировку у амбала на правой кисти. Вот только что именно набито, с заднего сиденья не разглядеть. Вроде бы какая-то штанга или гантель...

Впрочем, близость пьяненькой, *желающей* девушки скоро заставила его забыться. Синеволоска выпустила коготки, ласково помассировала ему лысину. А потом Маринино лицо оказалась как-то очень рядом. Губы раскрылись, последовал жаркий поцелуй, насквозь пропитанный алкоголем. Это было их следующей ошибкой.

— Мне вот интересно, люди чем-то от животных отличаются или нет? — сипло протрубил таксист.

— Что, простите? — переспросил Пьер, подумав, что ослышался.

— Я говорю, сосаться не надо тут! Хер ли вы этим занимаетесь перед образами?! У тебя крест на шее, — предъявил он Пьеру, буровя его глазами в зеркало, — а ведёшь себя, как скот, желающий быстрее спариться.

— Послушай, уважаемый, — смешавшись до полной потери мысли, промямлил Пьер, — ты лучше за дорогой следи...

— Хера себе! — развязно рассмеялся водила. — Он там слюнявится с барышней, а мне на дорогу гляди? А можно узнать, кем вы друг другу приходитеесь? Глянь, волосы-то какие у неё интересные, цветные! Любишь, мужик, сладкое? А ты вообще в курсе, что только три процента баб пригодны для семьи? Остальное — шлак. Да в принципе тебе семья-то на хрен не сдалась, как я вижу! Ношу ношеное, долблю брошеное! А ведь ты, зуб даю, женат. Ишь, гладкий какой. А знаете, как в Писании говорится? *Как жена, которая связана с мужем, если будет ещё в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женою, если будет иметь ещё другую, прелюбодействует... А такой не наследует Царства, но будет ввержен в геенну огненную...*

— Так, достаточно... приятель... останови машину... — приказал Пьер, и собственный голос показался ему неуверенным и ломким, как у подростка.

— Я останавливаю, — процедил водила, не сбавляя скорости, — только вы за поездку забашляйте.

— Не будем мы ничего башлять, — возмутился Пьер. — Слышь, приятель, ты что такое творишь? — он подался вперёд, чувствуя, как сердце толкается в подушку сиденья. — Мы тебе ничего плохого не сделали. Успокойся, остановись, и разойдёмся миром.

— А кто тут беспокоен? — и ухом не повёл краснорожий. — Нехер звездеть, слоняра... Я за таких, как ты, кровь проливал и пасти людям рвал. Едем до адреса!

— Эй ты, урод, — запальчиво крикнула Марина, — ты откуда такой взялся, а? Ты местный вообще? Ты в курсе, что у нас в Калининграде так не принято?!

— Да мне по болту ваш Калининград, шалава ты крашенная. Спермоприёмник с ушами. Вертел я ваш Кёнигсберх. Я такой же россиянин, как вы...

Пьер будто попал в дурной сон. Мощная «Ауди» быстро скользила по чужому страшному городу. Мелькали косматые деревья, фары встречных машин. Мост... Строительные ограждения... Чёрт! Там, за мостом, — порт. Глушь и промзона. А вдруг это подстава? Что если этот мордоворот с синеволоской в сговоре? Ограбят, дадут по голове, повесят камень на шею и скинут в залив...

Он посмотрел на девушку, заглянул в её растерянные глаза и тут же устыдился: ну нет. Она тоже напугана. Спыхватился, обнял дрожащую Синеволоску, прижал к груди.

— Этот ушлёпок... он «культурист», — очень тихо заплетающимся языком сообщила Марина. — У него татуировка ЧВК «Гантель»... И шеврон...

Так вот откуда красная рожа. Наверняка долбонок вернулся из Африки. Надо же было так вляпаться! Перед глазами моментально встало видео — трёхлетней, что ли, давности: как отморозки из «Гантели» мучили, подвесив

вверх ногами, какого-то боевика — били кувалдами, а потом взяли и отрезали ему голову и бросили в костёр...

— Это звери, Петя, не связывайся... — шептала Марина, дрожа как в лихорадке. — Прости, что я тебя впутала...

— Не бойся, я рядом, — прошептал Пьер.

Погладил её голову. На секунду представил, что перед ним — семилетняя дочь, Оля. Едва не задохнулся от накотившей нежности. Отстранился, стиснул зубы и нащупал под курткой травмат.

Но что конкретно делать? Направить на отморозка, а-ля хенде хох? И что потом? Такая тяжесть ощущалась в руке, точно она окаменела.

Сдавленные, квохчущие звуки вывели его из оцепенения. Он взглянул на Марину и обмер.

— Останови машину, девушке плохо!

«Ауди» вильнула к обочине, свернула в какой-то проулок, миновала ангар, наскочила на бордюр, встала, скособочившись.

Марина повисла на открытой двери. Её выворотило на порожек иномарки и на асфальт. Краснорожий потянулся, достал из бардачка что-то продолговатое, подцепил пальцами рычажок на двери, вывалил своё крупное, почти великанское, тело наружу.

— Звезда тебе, шкура.

И вот он уже — у Мариной дверицы.

— Отойди от меня, удолбок, — хрипло сказала Марина. — Я в полицию звоню...

— Сейчас я с тебя, шалава, скальп сниму, — просипел «культурист».

Схватил за волосы, рванул... Марина взвизгнула, выпала из салона.

В эти секунды Пьер отчаянно пытался вылезти из накренившейся «Ауди».

Но вот он уже снаружи. Бандит ведёт-тащит Марину к ангару, наматывая её волосы на лапу: в одной клешне Марина, а в другой... Господи, *штык-нож!*

Пьер выхватил «Вальтер». Обежал машину, догнал краснорожего, держа травмат обеими руками и целясь бандиту в голову.

— Отпусти, убью!

Камуфлированный резко обернулся, выпустил Марину, кинулся на Пьера, выставив перед собой ладонь.

Помня, что нельзя стрелять в лицо, Пьер чуть опустил дуло и нажал на курок: ТАХ-Х! И ещё, и ещё. Он лупил и пятился, пока не споткнулся и не упал.

Резиновые пульки били бандита в раскрытую лапу, в плечо, в куртку... Бесплезно! Разве этим остановишь такого борова?

Пьер судорожно отползал, раскорячившись на асфальте нелепым крабом, «культурист» быстро его настиг, огромной, будто телескопической, клешней схватил за горло, замахнулся штыком...

ТАХ! Нос у «культуриста» лопнул и провалился: «Убил!» — мелькнуло в голове.

И одновременно *кракнуло*, и прямо на Пьера выскочил на жилке правый глаз... Башка чевэкашника мотнулась. Он упал на колени, повалился навзничь, агонически дрыгая ногой.

Марина, в коротком изорванном платье, выступила из-за спины «культуриста» с какой-то железякой в руках... Колун для льда! Такими дворники пользуются...

Расширенными от ужаса глазами она обвела место боя. Коротко проскулила и резким движением отбросила палку — та с противным звоном запрыгала по асфальту.

Зажала рот ладонями и попятилась к стенке ангара.

— Всё, кабздец. — Пьер медленно, словно нехотя, отполз от туши «культуриста», чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы: по себе, по Алёне, по детям, по загубленной жизни.

Поднялся на дрожащих ногах, изо всех сил сжимая сфинктер, чтобы не обделаться. У него пекло за грудиной, резало в бок.

— Ну всё, кранты нам, Марин... — пробулькал он, задыхаясь. — По тюрьмам сидеть...

* * *

Эта ночь стала самой страшной в его жизни.

В первые минуты они и не думали замечать следы. Тупо сидели у стены ангара и ждали, пока их кто-то обнаружит — дворник, сторож, какой-нибудь забулдыга, увидит труп, вызовет ментов. Минут десять провели в забытии — никто не появился. В «Ауди» иногда шипела рация: убитого, кажется, никто не вызывал, должно быть, других таксистов хватало. Окружающая тишина казалась насмешкой, издевательством. Хлопки из травмата было слышно за километр. Наверняка менты уже в пути, скоро всё будет кончено. Знай подчиняйся: сиди-вставай, протягивай руки, клац-клац, отвечай, подписывай.

Надо бы набрать Алёне, пока он на свободе. Всё-таки родной человек, мать его детей... «Надо, надо» — что толку твердить, когда это абсолютно невозможно! Легче впиться себе в руку зубами, выдрать кусок собственной плоти, чем решиться...

Он с удивлением, словно впервые заметил её присутствие, воззрился на Синеволоску, трясущуюся с дымящей сигаретой в руке. Какого хрена! *Убила ведь она, а не Пьер!* Любая судмедэкспертиза это докажет. Надо немедленно звонить Мельникову, пока не явились менты. Шеф пришлёт адвоката. Прямо здесь, в этом грёбаном порту, у этого грёбаного ангара, когда нагрянет полиция, уже должен в поте лица трудиться адвокат!

А как же Синеволоска? Кто о ней позаботится? Её-то железно упекут, и не посмотрят, что самооборона. *Девчонка била сзади.* В момент удара непосредственная опасность ей не грозила — а посему гнить ей за решёткой. А ведь *девчонка спасла ему жизнь.* Чуть бы опоздала — и...

Тот выстрел... Пуля угодила ублюдку в нос. Что если осколки черепа попали в мозг, и он так и так испустил бы дух, даже если бы Марина не вмешалась? Что если это он убил?! Пьер даже дышать перестал, его парализовало. Некоторое время ничего не соображал — горел, плавал и кувырчался в каком-то нестерпимом огне. Задыхался, умирал, глотал расплавленный свинец...

На часах — полчетвёртого. По дороге изредка проносились машины — отсюда их видно не было, только шум. Каждый раз, как до Пьера долетали

звук, в животе разливался холод: *вот оно. За ними.* Но нет, пронесило. Один раз со стороны моста закричала сирена — Пьер вжал голову в плечи и стал молиться про себя: Господи, помилуй...

Сирена промчалась мимо, удалилась в сторону судоремонтного завода. Марина затушила только что прикуренную сигарету и сказала:

— Петя, давай избавимся от тела.

Пьер подумал, что ослышался. Изумлённо обернулся на Синеволоску — та выдержала его взгляд. Она больше не тряслась.

Пошарила возле себя, поднесла какой-то предмет к носу Пьера. Кнопочный китайский «кирпич» с прорезиненным корпусом — такими пользуются охотники, рыбаки и прочие любители активного отдыха.

— Это его, — пояснила она. — Никто не звонил. Я следила. Этот придурок — залётный. Никто его искать не будет. У меня сын... Я из-за этого козла мотать срок не собираюсь. Давай рискнём, мужик ты или нет?

Пятью минутами позже, ухватившись за одежду, перевернули тело. Им повезло: натекло немного. На башку мертвецу совместными усилиями натянули продуктовый пакет Spag. *Всё ещё вполне безобидно.* Если нагрянет полиция, скажут: прикрыли, чтоб *не видеть*.

За бочками у ангара Марина обнаружила кучу песка. Принесла полведра — тару нашла там же, — засыпала кровь и собственную блевотину. Собрала песок какой-то картонкой и утилизировала в пакет на голове у мертвеца. Залезла коленями на заднее сиденье, долго исследовала салон, светя себе мобильным телефоном, наконец выбралась наружу, протёрла порожек «Ауди» гигиеническими салфетками, а потом вынула телефон и стала кому-то звонить.

— Кому? Совсем долбанулась?

Пьер подбежал, схватил за руку — Синеволоска вырвалась, резко крутнув плечом.

— Бывшему, — объяснила она. — Он кладоискатель на всю голову... Пусть выручает. Это и его сын!.. Алё, Ромчик... прости, что ночью... Я тут случайно таксиста убила... Он не дышит уже час... Как-как... — она истерически хохотнула. — Он был с ножом и хотел меня изуродовать... Чевэкашник из «Гантели» и, видимо, адепт «Мужского государства». Послушай... Не перебивай... Помоги мне! Я на Портовой... Сейчас скину локацию... Рома! Мне больше не к кому... О Дениске подумай...

Как прошёл следующий час, Пьер не помнил.

В полпятого где-то совсем близко, на заливе, взревел гудок — а спустя секунду на асфальтовую площадку, скрипя рессорами, выкатилась желтоглазая «Нива» с изъеденными коррозией дверцами. Водитель заглушил движок, сочно взвёл ручной тормоз, выпрыгнул из машины и, почти не взглянув на живых, сразу кинулся к труп. Изо лба у него бил яркий белый свет. Пьеру подумалось, что если ангелы существуют, то выглядят вот так, как этот Ромчик. Долговязый, с шахтёрским фонарём на лбу, в огромных охотничьих ботфортах. Осмотрев убитого, он почесал затылок, пуча на Марину полубезумные глаза.

— Я херею, солнце! Сколько тебя знаю, всегда ты мне апокалипсисы устраивала!

Несколько минут Ромчик и Марина обсуждали, куда транспортировать тело. Сошлись на каком-то лесе возле станции Ласкино, куда Ромчик недавно ходил на «коп». Земля там, как понял Пьер, мягкая, с хорошей лопатой — одно удовольствие. Самым обнадеживающим в их плане было то, что он вроде бы не предусматривал участия Пьера, разве только помочь загрузить тело.

И вот уже они, два мужика, рискуя сорвать спины, приподнимают, «подсаживают» покойника в «Ниву». Только уложили в багажник — жмур опять «стёк», развалился на земле, раскинув ножищи. Лишь на третий раз получилось. «Нива» просела, как будто в неё погрузили наковальню. Туда же, в багажник, сунули и колун, и штык-нож. Накрыли брезентом, захлопнули крышку.

— Быстрее, сматываемся, — кусая губы, взмолилась Марина.

— Стопэ, — крикнул Ромчик, споткнувшись взглядом о накрёнённую «Ауди». Задумчиво почесал голый, как колено, подбородок. — Тачку херово так оставлять. Ключи есть? Я припаркую чуть дальше.

Пока он отгонял «Ауди», Пьер с Синеволоской попытались было договориться о показаниях, если одного из них *возьмут*, — увы! Более безнадежной затеи было не придумать. Единственное, что с Синеволоски удалось истребовать, — обещание, что она не станет отпираться насчёт того, кто убил.

— Я, конечно, не Мать Тереза, но я не говно, поверь... Лгать и выплывать за твой счёт я не буду.

— Идея увезти и прикопать труп — тоже твоя, — на всякий пожарный напомнил Пьер.

— О'кей, — кивнула Марина и замолкла, глядя невидящими глазами на замершие клешни портовых кранов.

Она заплакала. У Пьера сжалось сердце. Он обнял её, стал наглаживать голову, утешать, а сам был не с ней, не рядом. Он отвлечённо размышлял о Зле, которое блуждает где-то рядом, в параллельных мирах, но, бывает, прорывает завесу, врывается в действительность — грубо, беспричинно, как Фредди Крюгер. Разухабится, наделает мяса, и было таково. А схватишь его, прижмёшь к стенке — хрипло рассмеётся в лицо, дохнёт могильным смрадом и испарится, превратившись в лужицу, только гнилая плоть под ногтями останется. Единственный вопрос, который у Пьера был к Вселенной, — почему именно он оказался на пути у Зла? Миллионы проживают жизни и ни с чем подобным и отдалённо не сталкиваются. Почему именно его-то выбрали? И вот тут самое интересное — не только отчаяние, не только ужас, не только обида присутствовали в его сердце. Он ловил себя на некоем новом чувстве... Оно было едва различимо. Очень глубоко и очень извращённо. Похоже, ему льстило, что на него пал выбор. Ей-богу, он сегодня сильно прибавил по части восприятия собственной ценности. Значит, его планида — особенная. Значит, его жизнь скользит по некоей экстремальной орбите. Его звезду кто-то ценит; он ещё совершит нечто поистине значительное. Ещё никогда собственный жизненный проект не казался Пьеру таким важным, как в то утро.

Сергей Попов

Илья

Скелет из семейного шкафа

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий...

М.Л.

На станции перрона не было — сразу февральский снег... С подножки мы плюхнулись в обледенелый сугроб. Дорожная сумка ушла в него целиком. Бабушка собралась выругаться, но сдержалась... Ломая колкий наст, она с горем пополам выволокла меня на дорогу и указала на несколько разнокалиберных шлакоблочных строений: «Тут недалеко...»

Шагали мы часа полтора. То спотыкались на скользких кочках, то вязли в ледяной мязге, то останавливались, чтобы перевести дух... Бабушке было за восемьдесят, и переход давался ей непросто. Но вида она не показывала — подшучивала, толкалась, покрикивала... Закалка ещё та.

...Мы опоздали совсем немного. Он умер вчера вечером. А сегодня его собирались хоронить. «С чего вы взяли, что на третий день? — удивился главврач. — Это религиозные предрассудки...» Как выяснилось, одежда на этот случай была припасена загодя. Не было только подходящих ботинок...

Мы шли с бабушкой по широкой улице. Она начиналась прямо от интерната для пожилых и уходила чуть ли не за горизонт... В посёлке она была единственной. Мы усердно озирались по сторонам в поисках промтоварного магазина — как утверждали местные, там продавали и обувь. Но отыскать торговую точку у нас не получалось... В отрочестве бабушка какое-то время жила в этом посёлке и потому всюду силилась различить прежние черты. Но прошло семь десятков лет...

Попов Сергей Викторович — поэт, прозаик. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда» и других. Автор многих книг, в том числе «Отдел теней и лавров. Стихи, проза, пьесы» (Тамбов, 2017), «Травы и тропы. Книга стихов» (М., 2020), «Вся печаль. Книга стихов» (М., 2021), «Крылья над крышами. Избранная проза» (Воронеж, 2021) и других. Лауреат ряда литературных премий, в т.ч. журнала «Дружба народов». Живёт в Воронеже. Постоянный автор «ДН».

По вечерам, укрывшись одеялом, я любил слушать странные бабушкины истории. В них говорилось об удивительных вещах, которых в жизни не бывает. Но вещи эти казались гораздо более важными, чем сама жизнь. И они становились снами — цветными, яркими, пугающе реальными... Вот Елисей ловит на лету плащ Илии, ударяет им по воде, и река расступается, позволяя перейти преграду посуху... Вот он проклинает целую толпу дерзких детей, и дикие медведицы разрывают их на части... Вот молитвой об *обильным извещении влаги* спасает от гибели стоящие в безводной пустыне войска Израильского и Иудейского царей...

Мне было лет семь-восемь. После самозабвенной игры в штандер, окрылённый победой, я возвращался домой. Взлетел по лестнице, трижды нажал дверной звонок и громко крикнул: «Это я!» Но к двери никто не подошёл... Я помялся на лестничной площадке, позвонил ещё несколько раз, спустился и сиротливо присел на лавку у подъезда. На соседней лавке сидел худой пожилой человек с коричневым лицом. Рядом у штакетника стоял грязноватый баул, окружённый липкой бордовой лужей. На кольях ограды сушились две треснутые банки из-под варенья.

— Парень, а ты не знаешь, здесь ли живут?... — и он назвал нашу фамилию.

— Да, — буркнул я озадаченно.

— А не в курсе, они куда не уехали?

— Не в курсе.

— Ну, тогда подожду ещё... Гостинцы вот родственникам вёз, да не довёз, — он с огорчением указал на пострадавшую тару, достал из кармана папиросу и закурил...

— Я, парень, в родных местах редкий гость — всё по стране мотает, — продолжил он после долгой паузы. — То севера, то Урал, то Алтай... Где-то и подолгу задерживался... В дальних краях люди другие. Не в том плане, что лучше или хуже... А о вещах судят крупнее, не мелочатся почём зря. Понятно, что не все подряд — особенно которые не по своей воле туда прибыли... Но в целом — такая штука имеется. Там сама природа диктует: по пустякам разменяешься — сгинешь...

А как на родину попадаёшь — кругом хитрожопость, возня, подозрительность... Будто в кадушку с дерьмом, прости господи, окунули. Когда жил тут, — вроде бы и не замечал, вроде бы так уж оно и положено... А как новыми глазами глянешь, — так себя прежнего в идиоты и зачислишь...

А там — кедрач роскошный, зверь наглый, воздух ядрёный... Перед этакой цельной первозданностью мельчить запаadlo. Всю широту разом принимать надо...

Мне нравилось его обращение «парень» — никакой наигранности в голосе не было. И то, что он говорил со мной о серьёзных материях — скидок на возраст не делал. К тому же я просто бредил неведомыми землями — дикими, страшноватыми, непредсказуемыми. С дальними медленными дымами, молчаливыми небритыми кострожогам, огромными тяжёлыми звёздами...

И вообще — трудно определить чем — незнакомец располагал к себе. Сухой, нервный, с лукавым прищуром... Но признаваться в родственниках с ним связях я не решился.

— Я ведь и в странствия пустился, чтобы всё в себя вместить, чтобы внутри простор был, чтобы душа утлой жизнью не стеснялась... А уж сколько умопомрачительных песен наслушался! Был в тех краях, где самая лучшая наша певица сначала лес валила, потом из него клуб строила, а потом в этом клубе концерты давала... Какой голос! Мощный, необыкновенного тембра, звонкий, резкий, пронзительный. Чудо... Диапазон — от контральто до сопрано. Ты знаешь, что такое «контральто»?

— Я и про «сопрано» ничего не знаю...

— Неважно. Когда качество грамзаписи было из рук вон плохим, такой голос был в особой цене. Его легко можно расслышать сквозь любые помехи, как бы радио ни шалило... Сила! Одни «Валенки» чего стоят... Какую-то пустяковую песенку в настоящий гимн превратила. Да ты, наверное, и не слышал?

— Слышал, — возразил я и не соврал.

На улице между тем темнело. В окнах уже загорались огни, и по странному предубеждению к шторам частная жизнь становилась достоянием всего двора. Мой новый знакомый долго взирал на детские шалости, кухонные хлопоты, семейные разборки...

— Адольф Игнатьевич после отсидки ото всего этого отошёл... С Рут отношения разладились... В Хабаровском крае с его лагерным оркестром выступала Антонина Грачёва, от которой у него родился сын Владимир... Позже был переведён на Колыму, где сошёлся с танцовщицей Маглага Мариной Бойко, которая также родила ему дочь, Ирину... А уже на свободе жил с танцовщицей Галиной Ходес... Совсем другая жизнь... Кто знает, что лучше?..

— Вы о чём?

— Это я так... Прошу прощения — забылся... Он всё равно потом умер. Потому что вернулся...

— Куда?

— В Германию.

— А почему?

— Потому что он там родился...

— Кто?

— Этот самый Эдди...

— Вы снова забылись?..

— Слава богу, нет. А по-твоему из Эдди не мог получиться Адольф Игнатьевич?

— Скорее наоборот... Но кто из кого получится, одному богу ведомо.

— Да ты, я гляжу, совсем взрослый... А Эдди умопомрачительную музыку делал... И в Берлине, и в Варшаве... А как они со знаменитой режиссёршей Идой Каминской и её дочерью еврейскую Пасху трепетно встречали! В седёр ставили на стол лишний прибор для того, кто попал на небо живым, открывали дверь, четыре раза поднимали бокалы с лучшим вином и ждали... Чтобы не числиться тёзкой Гитлера, он даже имя себе немного подправил — стал зваться Ади... Это только потом он в Эдди превратился... Уже в Белостоке... Недаром Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, главный в то время белорус, его к себе приблизил. Джаз, старая партийная каналья, любил... Он для Эдди и оркестр организовал, и целый поезд оркестру выделил. Концерты, концерты, концерты... По всей стране катались. Вся жизнь на колёсах. Прямо как у меня...

— У вас транспорт есть? — с надеждой спросил главврач.

— Какой ещё транспорт?! — возмутилась бабушка. — Мы сюда обычным паровозом за тридевять земель тащились. Личных автомобилей не держим.

Главврач тяжело вздохнул и надолго замолчал...

— Могилу соцобеспечение выроет...

— Уже вырыло, — мрачно усмехнулась бабушка. — А отчего он умер?

— Умер? — эхом отозвался главврач. — От сердечной недостаточности.

Как и все у нас...

И главврач широко вдруг разулыбался...

...Окно на нашем этаже отворилось, и из него выглянула бабушка.

— Этот тюремщик совсем ушёл? — на весь двор спросила она. —

Или грозился вернуться?..

Я задрал голову и пожал плечами.

— Иди скорее домой. А то неровён час по-новой явится...

— А как он жил тут?

— Сначала права качал, скандалил. А потом вдруг стал тише воды, ниже травы, — раздумчиво констатировал главврач. — А почему вы спрашиваете? Вы ведь при жизни не слишком им интересовались.

— Так и он к нам приязню не горел...

— Да, нынче это для родственных отношений норма...

— А что же тогда отклонение?

— Любовь...

Нам выделили крытый грузовичок и двух упитанных мужиков — электрика и сантехника, — даром, что Илья богатырскими габаритами не отличался, гроб был жутко тяжёлым... У мужиков соответствующий опыт имелся, и они, не мешкая, собрали необходимое для подобных случаев: молоток, гвозди, две табуретки...

— Ох и брательник у меня! Наградил же Господь... А знаешь, что ты едва его тёзкой не оказался?.. Ты ведь аккурат на Ильин день родился... Не случилось. Но что ни делается — всё к лучшему... Ты всё ещё не переоделся? Сколько тебя ждать? До второго пришествия?

— А что это такое «второе пришествие»?

— А это когда Иисус на землю вернётся.

— А что, это будет нескоро?

— Когда помрачение солнца и луны случится. Вообще оно уже случилось, но ещё не безраздельное... И когда проходимцы разные, вроде брата моего, души смущать начнут...

— Это знаки такие?

— И землетрясения, и разор — всё знаки... Только никто замечать их не желает... Что ты копаешься? Борщ стынет!..

У кладбищенской конторы подхватили копачей. В моём представлении могильщики должны были быть жизнерадостными, брутальными, циничными...

Но эти хмурились и всю до крайнего захоронения дорогу молчали. Судя по одутловатым их лицам, похмелье одолевалось трудно...

— Бабушка, а кто он, твой брат?

— Шаромыжник. Где-то чего-то уволок... Понятно, что закрыли. Потом ещё... Потом то там, то сям кантовался, колесил бог знает где... Кем только не был! Был даже директором вагона-ресторана... Но, ясное дело, недолго... Да ладно. Марш ужинать!

— А мы в кино завтра пойдём? — торговался я.

— Пойдём, пойдём... Ешь вон иди...

— А там перед фильмом «Хочу всё знать!» будет?..

Я очень любил этот киножурнал — неожиданный, стремительный, весёлый... Фильм можно было представить себе заранее. И предварительное ощущение, как правило, не обманывало. А журнал перед ним — это всегда фейерверк неведомого. Я ведь и в самом деле хотел всё знать...

Ветер то налетал, то стихал, снег то занимался, то прекращался... По серому насту густо шли проплешины суглинистого грунта. Вокруг торчали простые деревянные кресты.

Мужики извлекли из кузова табуретки, поставили их у вырытой могилы. Затем, кряхтя и тихо матерясь, с трудом вытащили гроб и водрузили его на импровизированный постамент и сняли крышку. Копачи безучастно взирали на происходящее и курили...

Лицо Ильи было гладким, розовым, морщины расправились... Он прикрыл глаза и слегка улыбался. В чертах его сквозили решимость и лукавство... Занимающийся снег падал на его лоб и щёки и таял...

— А почему он в плаще? — возмутилась бабушка. — Вы что, с ума сошли?

— А что? Отличный плащ. Ненадёванный почти... Выкидывать, что ли? — резонно возразили интернатские мужики. — И очень идёт, кстати... Хотите, можно и снять...

— И как вы это себе представляете? Совсем уже тронулись. Пусть будет как есть, — бабушка зло сверкнула глазами и перекрестилась.

Свинцовые тучи угрожающе нависали, ветер легко пронизывал куртку, ледяная сырость забиралась за воротник... Я вспоминал, как незадолго до этого лежал с воспалением лёгких. Необоримый озноб, горячее молоко, приторный мёд... Жар, переходящий в зримые картинки... Плоскогорье, песок, белые камни...

— Живой... — выдохнула бабушка и высморкалась в носовой платок.

Я не знал, что от меня в этой ситуации требуется. И, помедлив, подошёл к гробу, положил ладонь на грудь Ильи и долго вглядывался в его лицо, стараясь запомнить. Я подумал, что уместным будет сказать несколько слов, но слов этих не нашёл...

— Ну, вот и попрощались... — заключила бабушка и призывно поглядела на мужиков. Те сноровисто прикрыли гроб крышкой и как следует закрепили её гвоздями. — Царствие небесное, — объявила бабушка, когда первые комья земли упали на крышку... Копачи работали грамотно и быстро. Бабушка за ними присматривала и давала краткие указания.

Илья просил сделать музыку погромче и смотрел в окно. На крутом повороте состав изгибался, и было хорошо видно начало поезда — тепловоз, слабый дымок над ним, первые вагоны... Оконные огни издали казались праздничными, нездешними, свежими. И они всё убегали и убегали вперёд...

О чём вечеряющий думал? Он и сам не знал. Обрывки мыслей по причине своей мимолётности и незначительности не запоминались. Он просто смотрел. И ему хотелось видеть то, что он видел.

— Поставьте мне этого сладкоголосого педераста Козина! — требовал Илья.

— Ну что ты всякую замшелую муть слушаешь? — вздыхала пышногрудая буфетчица и вождественно глядела на Илью.

— Ох, Клавка! Во всём ты — поперёк. Уволю я тебя...

Он подливал себе по чуть-чуть и вглядывался в знакомую темноту...

— У вас свободно?

Илья обернулся и увидел мужчину в строгом костюме и при галстукке.

— Да, пожалуйста...

Незнакомец заказал себе коньку, подождал, пока Клавка принесёт графинчик и с удовольствием выпил две рюмки.

— Осень, прозрачное утро... — негромко подпел он голосу из динамика.

— Вам нравится этот певец? — оживился Илья.

— Не знаю. Но с него всё у меня и началось... Он взял меня в свой ансамбль, когда оба на зоне парились. Зёкам лишь музыка и дозволительна... Сами знаете. Вы ведь тоже там бывали? Вижу...

Илья вздрогнул и остро посмотрел на незнакомца.

— Я всё вижу... Прекрасно видел, как люди, заслышав фамилию Макаркин, беспричинно лыбились... Пришлось поменять. И когда конференсье потом объявлял «на сцене Владимир Макаров», — встречали уже вовсе не смехом... Это мне мэтр посоветовал. Я как-то заметил, что и у него фамилия не особо благозвучная. Мэтр ответил, что он — это другое дело... Что он самому Сталину аккомпанировал, когда тому на банкете захотелось частушки исполнить... Вообще штучный был человек. Та ещё штучка...

Но потом больше пришлось с Ади общаться... Какой это был эстет, дипломат, дамский угодник! Я в его лагерном оркестре такую школу прошёл... Никакая консерватория и в подмётки не годится! Ох уж этот Магадан... Что за люди там собирались! Уникально место. Точно мёдом намазано...

А через десять лет, уже на воле, Ади меня нашёл и в Мосэстраду позвал. Там его новая банда обороты набирала... Отпадные были ребята!

И почему эти сволочи так с ним поступили?! В начале семидесятых выкинули с эстрады, как котёнка... Чинуши, твари, лизоблюды!.. Он от этого и захворал смертельно...

Макаров налил себе ещё коньку и, не приглашая визави к соучастию, выпил залпом.

— Маэстро всеяден был. Это его и сгубило, — задумчиво отозвался Илья.

— В каком смысле?

— В прямом. Он всё хотел охватить — и джаз, и песни народов мира, и нашу сермяжную эстраду, и ихнюю... Ну и в переносном тоже... То «Синкопаторы Вайнтрауба» — а они работали на океанских лайнерах, из Гамбурга в Нью-Йорк ходили: ананасы, шампанское, клубничка... То варшавский еврейский театр: форшмак, синагога, семь-сорок... То компартия

Белоруссии: первач, драники, объятья... К кому угодно подкатиться мог. И с бабами та же история...

— Вы так считаете? — Макаров с интересом посмотрел на Илью. — А ведь существуют и другие определения. Широта взглядов, стремление к новому, универсальность...

— Клавка, притарань нам клубнички! — прервал собеседника Илья.

— А вы не находите, что ведем себя по другому, Адольф сгинул бы ещё в довоенной Германии?.. Да что говорить? Мне тоже досталось по самое не балуй. Творили что хотели... Если б не жена, пошёл бы по миру... Она тогда в «Берёзке» работала — шмотьё, зелень кое-какая водились. А иначе — кирдык...

— Наверное, жена — это хорошо. Тут уж не мне судить... Но если б я был султан, был бы холостой...

Макаров пожал плечами и с минуту помолчал.

— ...Я через четверть века снова в Сибирь попал. В Красноярске трудился, в филармонии... Вместе с Магомаевым и Ободзинским. Тогда этой нашей филармонической системе бабки были ох как нужны!.. А когда они не нужны? Понятно, что и левые концерты подворачивались. А кто их не давал? Высоцкий, что ли?.. Ну и, как водится, кто-то телегу по этому поводу накатал... Муслиму-то хоть бы хны... А меня от выступлений отстранили, записи размагнитили... Меня как бы и не стало... И всё вокруг дальше пошло, как и шло... Кто кому нужен?.. Понимаете, люди — это труха. Песни — это труха. А уж о прошлом я вообще молчу... Но живу всем прорухам назло... Всё время лечу куда-то... Как будто за мной гонятся...

Илья ещё выпил и обнял Макарова...

Вагон наполнялся сигаретным дымом, фигуры за столиком расплывались, превращались в несуразные пятна, таяли... Состав набирал ход, ночь безнадежно отставала, дальние огни обесцвечивались... Я открывал глаза и узнавал, что уже шесть. Пора вставать и собираться в школу...

— Какие ещё бутылки?! Вы что, не на работе, что ли?.. Сделали дело — и спасибо.

Бабушка подбоченивалась и грозно надвигалась на копачей.

— Не по-божески это, — корили её могильщики. — Плохо ему там лежать будет...

— Ему там будет как заповедано. Не вам, алкашам, Господа всуе поминать... Он всё без ваших подсказок управит. Ишь моралисты, блин... Идите с миром!

Мне всегда по нутру было препираться с бабушкой, не по делу спорить, чего-то требовать...

— Бабушка, давай походим по посёлку. Ты покажешь, где жила. Мне ведь интересно... Да и тебе, наверное, вспомнить хочется...

— Ничуть не хочется. Жила... Разве это жизнь? Да пропади она пропадом...

— Но всё равно... Что мы тут торчать будем? Драгоценные часы в доме престарелых коротать мне ещё рановато...

— Типун тебе на язык... У тебя в башке что-то вообще есть?

— Тогда пойдём...

— У нас мало времени. Мы на поезд опоздаем. А он — последний... Заляжем тут на место Ильи. Если пустят...

- Ну, пойдём... Мы ведь сюда больше и не попадём никогда...
- И слава Богу! Твоими бы устами да мёд пить...
- Если ты не пойдёшь, я уйду один. Я не хочу тут находиться...
- Накажу...
- Да? Каким же, интересно, образом?..
- Слушай, ты, наглая тварь, никакого уважения к старшим у тебя за душой отродясь не было?..
- У меня — любовь. И я надеюсь, что и у тебя ко мне тоже... Пойдём?
- А тебе наплевать, что у меня ноги больные? Что я упаду и не встану?..
- Бабушка, пойдём. Ты же сама себя ругать потом будешь...
- Ох, кровопивец!.. Пойдём.

Посёлок был серым, отсыревшим, советским... По обе стороны от пустой улицы теснились двухэтажные коробки с остатками грязной штукатурки на фасадах. Видно было, что строения не ведали ремонта десятилетиями. В одном из дворов возник вдруг обшарпанный и неприметный памятник усатому человеку в кителе. Почему в своё время не снесли? А кому он нужен... Чуть дальше начинался частный сектор и через пару сотен метров сходил на нет...

— Странно, — удивлялась бабушка, — время здесь будто остановилось, а узнать ничего и нельзя... Чудеса да и только...

Мы притормозили, чтобы бабушка отдышалась, и я услышал, как из открытой форточки выплывала мелодия. «И вновь от меня сбежала последняя электричка...» Бодрый приятного тембра голос словно специально уравнивал непрезентабельный поселковый пейзаж и давал почувствовать во всём этом неповторимую гармонию. И я с удовольствием и любопытством шагал всё дальше и дальше...

В первую и единственную нашу встречу Илья сказал, что совсем неважно, откуда он родом. Он, дескать, оттуда же, откуда и все. Так что без разницы...

— Это всё презренная проза, — пояснил он, — давай я лучше стихи почитаю. Если есть у нас такая поэзия, как же не здравствовать назло всему?..

Гремит тайга, работают машины,
Ударный труд и здесь своё творит.
Штурмует глушь, взрывая гор вершины,
И день и ночь грохочет динамит.

Где рыскал зверь да выли ураганы,
Воздвиглись ввысь железо и бетон.
Несутся дни и пятилеток планы...
В тайге растёт рудник за рудником.

Вперёд, вперёд! Грудь выше, твёрже ногу!
Тесней смыкай ударные ряды!
К богатствам гор быстрее строй дорогу,
Растёт страна и требует руды.

Эй, зорче глаз. Эй, слух острей, чекисты!
Разоблачай вредителя-рвача!
Стрелки — ударники и коммунисты,
За славный труд! За дело Ильича!

Трудна задача, но должны досрочно
Связать с тайгой мы рельсами Кузбасс.
Так дружно в бой! — И выполним мы точно
Правительства и партии наказ!

— Вот тут наш дом стоял. По вечерам у соседей пластинки крутили — им племянш из города привозил... Как тогда все Русланову любили! Колдовской голос... Ведьма эстрадная...

— А ты в нечистую силу верила?

— Нет, конечно. Мы и в бога-то не верили. Но всегда о нём помнили... И Русланова, наверное, тоже. Во время войны на свои кровные она две батареи «Катюш» прикупила и на Первый Белорусский отправила. Там её муж комкором служил... Она и на тёплых ещё руинах рейхстага самый первой концерт для бойцов дала... Но это любезную не спасло. У Советской власти — хоть умасливай её всяко, хоть палки в колёса ставь, — благодарность одна... Прямо после Отечественной певичка наша всенародная по этапу пошла как миленькая. С бравым супругом своим на пару... Картин, дескать, слишком много насобираала, квартира от антиквариата ломилась... А может, и трофеями народа-победителя не брезговала?.. Кто докажет, что ничего такого не было? Это только в присказке говорится, что война всё спишет... При желании что угодно пришить можно... Песни у нас не в счёт.

И ещё в ту нашу встречу — на прощанье уже — снова прозвучали стихи.

Наш начальник, умный вроде,
Говорил нам на разводе:
«Убегать вам нет резона —
Ведь вокруг сплошная зона.
Ни за что не убежёте,
Ни к какой едрёной тёте.
Всё равно мы вас поймаем...
Поздравляю с Первым маем!»

Праздников тебе, юноша!

В плацкартном вагоне было холодно и пыльно. Облезлый пластик угрожающе вибрировал, потолочные светильники трепетали, стёкла ходили ходуном. Казалось, эта конструкция может развалиться в любой момент...

Встречные огни бешено вспыхивали в ночном окне и мгновенно гасли. Радио почему-то не выключалось, и кругом звучало рознеровское «Мандолина, гитара и бас». Я никогда прежде не слышал эту вещь, но она мне нравилась чрезвычайно. Бабушка мирно дремала, а я думал о том, что главное живёт в прошлом. Это казалось странным, но несомненным. А жизнь между тем ещё только предстояла...

«Ты, парень, сильно-то на перспективы не заглядывайся, — говорил Илья. — Никто же на самом деле не знает, что будет, а что уже было... И сколько времён на самом деле... И как нужно жить — плотно или подробно... А потому не заморачивайся тем, что важно, а что неважно... Смотри на всё с прищуром да вовремя сигарку туши, чтобы пожар не случился... А глаза распахнёшь во всю ширь — и пиши пропало...»

За окном начиналась пурга, и ветер всё отчётливее вёл свою джазовую партию... Всё кружилось и вспыхивало, становилось непроглядным маревом. Я прилипал к вагонному стеклу, пытаюсь хоть что-то в этом безумном движении разглядеть... На повороте поезд изогнулся дугой, и я смутно угадывал его хвост — самый последний вагон, за которым неотступно стремились неведомые преследователи... Я пытался всё-таки различить их, понять, как быстро они нагонят состав. Но попытки эти были, понятно дело, тщетными — зрение при таком раскладе утрачивало всякий смысл.

Я думал о том, что родители могли в своё время назвать меня иначе. И я стал бы Ильёй. И меня ждали бы иные пути... «Не нужно нам ветхозаветных пророков, — говорила бабушка. — Жить следует нынешним днём, а кто в измышлениях увязает, тот и не живёт вовсе... Я боялась, что родители твои подумают, дескать, старая посягает на их право выбора, верховодить желает. Глупости это... Я ведь только во благо их сына хлопотала...» И бабушку послушали. И всё случилось так, как случилось, — мои несбывшиеся дороги были пройдены другим задолго до... Но никакой катастрофы от этого не произошло. И вне всякого сомнения самое интересное поджидало впереди. Ведь мы чудесным образом успели сесть в самый последний поезд, прежде чем лютая метель всё вокруг подчинила себе...

И вот я вижу Илью, поднимающегося на огненной колеснице в небо, вижу, как он сдёргивает плащ и кидает его мне... И я уже почти что касаюсь невесомой материи, но она в последний момент исчезает... «Зачем ты приходил, Илья?» — спрашиваю я сквозь дрёму. А тот хитро улыбается и отвечает: «Ты скоро узнаешь. Ты скоро всё узнаешь».

24 ноября 2024 года

Александр Махнёв

Иронические рассказы

Френдшип оф пиплз

Середина декабря в Узбекистане не самое лучшее время. Здесь восемь месяцев лето, месяца полтора очень буйная весна, а оставшуюся часть года никак нельзя классифицировать — то ли зима, то ли осень. Нечто среднее. Сырое, слякотное, мерзопакостное.

Вот в один из таких промозглых дней я и появился в термезской гостинице. Жестоко простуженный.

— Ассалом аллейкум, Рано-опа! — бодро прохрипел я, едва открыв алюминиевую дверь.

— Здравствуйте-здоровствуйте, Саша! — доброжелательно отозвался приятный женский голос из-за стойки ресепшена.

— Соскучились? — продолжил я давно заведённую у нас игру, придавая голосу максимально возможную жизнерадостность.

— А как же? — охотно согласились со мной по ту сторону.

Надо отдать должное, двухэтажная гостиница недорого, невелика и уютна. Типа — «домашняя». И мне здесь всегда рады или, во всяком случае, сотрудники заведения от уборщицы до управляющего очень правдоподобно имитируют это приятное для клиента чувство.

Вот уже два месяца я по делам службы еженедельно останавливаюсь именно в ней на два-три дня. Но в тот раз мой любимый одноместный сто одиннадцатый оказался занятым. В результате короткого совещания взамен предложили номер напротив.

— Он двухместный, но мы постараемся никого к вам не подселить, — оценив мой жалкий вид, пояснила добрейшая Рано-опа.

— Ну, что делать, — великодушно согласился я, — давайте двойной. — И отправился располагаться.

Махнёв Александр Николаевич родился в городе Комсомольске-на-Амуре в 1964 году, но практически всю жизнь живёт в Ташкенте. Печатался в журнале «Звезда Востока» и (в переводе на узбекский) в журнале «Ёшлик» («Молодость»).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 8.

Долой верхнюю одежду, миллион таблеток из бокового кармана рюкзака — на тумбочку, туда же лимон, чай, баночку с мёдом и кипятильник. Заварю себе ведро и буду отлёживаться весь оставшийся день, потя и выздоравливая. Лишь бы никто не тревожил.

Так и было. До восьми вечера. А в восемь в дверь постучали. Расслабленный, сменивший уже не одну промокшую майку, я, конечно, слегка про себя выматерился. Но, увидав на пороге Свету, здешнюю горничную, постарался взять себя в руки.

— Наше вам с...

— У нас там иностранцы, — слава богу, прервала она мой наверняка получившийся бы неуместным комплимент.

— Ну и?

— По-русски — ни в зуб ногой. Вы ведь говорите по-английски?

— Как вам сказать... — замялся я.

Мой английский оставляет желать настолько много лучшего, что я, право, сомневаюсь, есть ли в нём что-то ещё, кроме благих пожеланий. Это, скорее, язык, отдалённо напоминающий оригинал. Но именно в этой командировке я был обязан хоть изредка общаться с иностранцами и вынужденно освежил в памяти некоторые слова и обороты. Понимают меня с трудом, но всё-таки понимают.

— Давайте, Саша! — нетерпеливо ободрила меня Света. — Выходной, уже поздно, кроме вас никого нет, — выручайте. — Подтекстом шло, конечно, «на безрыбье и рак селёдка».

— Попробую, — проямлил я. — Сейчас приведу себя немного в порядок и...

В холле кроме «наших» стояли трое. Я, видимо, уже был как-то отрекомендован, потому что при моём появлении женщина и двое мужиков обрушили на меня целый каскад слов и звездопад самых широких и белозубых улыбок.

— Май нэйм из Александр, — вставил я, наконец, заранее заготовленную фразу. — Хау а ю?

Восторженные клиенты в три горла, перебивая друг друга, охотно объяснили мне, как у них там с «хау» и «ю».

— Спик слоули, плиз, — довольно холодно призывал я их говорить помедленней. После чего выяснилось, что мужчина и женщина, лет тридцати пяти, австралийские туристы, третий, помоложе, лет двадцати пяти — двадцати семи, американец и тоже турист.

«И как их только в нашу с... занесло?» — подумал я про себя, однако вслух произнёс:

— Ай донт спик инглиш велл, бат ай вилл трай. Кен ай хелп ю?

Всё оказалось не так уж сложно. Эти двое познакомились с третьим только что. Ну, вроде соотечественники почти, встретившиеся на чужбине. Решили в ресторан рвануть, вот интересуются, «иде это тут у нас».

Ресторан от гостиницы недалеко. Нужно дойти до ближайшего перекрёстка и повернуть налево. Кое-как объяснил. Заклинило меня только на перекрёстке —

почему-то втемяшилось в голову: кроссворд, кроссворд... наконец, австралиец сообразил:

— Кроссроуд?

— О, йес, йес! — обрадовался я, мрачно добавив мысленно уже на родном «йес, йес, ОбэХээС».

Всё прояснено, гости двинулись к выходу. Тот, что помоложе, замялся, и Рано-опа обращается ко мне:

— Сашенька, вы не приютите у себя туриста? — И, памятуя о своём обещании никого не подселать, смущённо добавляет: — Он тихий малый, вы его даже не заметите.

«Тихий малый» утвердительно улыбается.

— Ну, не в коридоре же ему ночевать, — смягчаюсь я и гостеприимно дополняю, — хуш келибсиз!

Между тем не заметить «малого» не так-то просто. Видок у него весьма колоритный.

В своём пальто, драных джинсах и собачьей шапке он — вылитый герой Джека Лондона. Прямо сейчас из Доусона.

Появился мой новый сосед в номере поздно. Я всё это время спал, глотал таблетки и горячий чай.

Не могу сказать, что иностранцы для меня в диковинку. Но всё же так близко, чуть не интимно, общаться как-то не приходилось. Да и у нас, советской закваски граждан, по сей день сохранилось это странное чувство по отношению к иностранцам: диковинная смесь заискивания и пренебрежения. В своё время они ведь для нас как марсиане были. И, поверьте, мои юные читатели, — в этой фразе очень незначительная доля преувеличения.

Привстаю, голова треугольная, и все острые углы этой, прямо скажем, плохо обтекаемой фигуры направлены непосредственно в мозг. С трудом леплю что-то вроде: «Май нейм из... айм вери глэд ту си... айм вери сик... сорри... эсксьюзми... велком...»

Выясняется, что парня зовут Джесси (какое-то женское имя). Далее через пень-колоду предлагаю Джесси без церемоний пользоваться верхним светом, телевизором и, по возможности, не обращать внимания на обливающегося соплями соседа.

Джесси энергично кивает, и я отворачиваюсь к стенке. Хотелось бы пообщаться — когда ещё с иностранцем в одном номере поживешь, — но сил нет.

Джесси, надо отдать ему должное, оказался очень деликатным человеком. Погасил свет, убавил телевизор «до минимума» и заперся с толстенной книжкой в туалете.

Это всё я краем своего заплывшего от невообразимого количества жидкости и медикаментов глаза заметил.

Кстати о жидкости. Пару раз я согнал Джесси с «очка», пару раз попросился в туалет к администратору (ну, блин, неловко как-то американца всё время донимать). И наконец-то вырубился.

На другой день носился по таможенным органам. Они меня вертели на них как хотели, и периодически я появлялся в гостинице, убивая время до очередного приёма. С Джесси общался только дважды: утром, естественный «гудмонинг» и всё такое, и в обед. Он из гостиницы выходил, мы с ним в дверях столкнулись.

— Гуд дей! Хау а ю? Вере а ю гоинг? — это я.

— О'кей... стронгхолд... хау а ю... артмьюзеум... Termiz... — это он.

Ага, в крепость термезскую подался. Там музей довольно известный имеется. Развлекается «турист».

Ну, а к вечеру я маленько оклемался. Джесси, верно, умаявшись днём, возник в нашем совместном жилище пораньше — едва стемнело.

Ну чё, думаю, надо как-то обозначить узбекское гостеприимство.

— Вере а ю фром? — спрашиваю для начала.

— Ю-эс-эй. Ньюйок, — откликается сосед.

— Талибан, септембер, — уж совсем не к месту втыкаю я и безо всякой связи с предыдущим присовокупляю: — Айм Александр. Алекс фром Ташкент, — почему-то нажимая в последнем слове на «а».

Джесси мягко напоминает, что это ему известно со вчерашнего вечера. Я продолжаю клепать свою речь стандартными фразами. Джесси некоторое время отвечает на все эти глупости, после чего внезапно достаёт из своей сумки бутылку местного коньяку и, по обыкновению, жуёт нечто невнятное, в котором я, впрочем, разбираю знакомое слово — «тест».

— Дринк? — уточняю на всякий случай, и после оживлённого подтверждения выкладываю свой козырь.

Пожалуй, это единственная фраза, которую я произношу не то что правильно, но даже и без акцента.

— Ок, — говорю я, — yes, of course. — И, порывшись в карманном словарики, добавляю: — Итс клир, — что, как выяснилось, означает «разумеется».

— ...Аухауваудустэндэнд и т.д., — длиннейшей очередью выпаливает он, улыбаясь шире обычного.

Джесси оживился, решив, видимо, что до этих пор собеседник придуривался, а на самом-то деле очень даже англоговорящий.

— Ай донт андестенд, — веско возражаю и...

Судя по выражению лица заморского визитёра, он был немало поражён скоростью, с которой между нами возникла прикроватная тумбочка с двумя стаканами и блюдцем, наполненным лимонными дольками. Жестом я предложил моему чужестранному собутыльнику разливать. Тот под впечатлением от предыдущего действия опасливо откупорил бутылку и слегка плеснул в наши стаканы.

— Френдшип оф пиплз! — оживился теперь уже я и, звякнув о Джессин стакан, лихо выпил.

Тот слегка замялся, перекладывая тару из руки в руку, но из вежливости выпил тоже довольно скоро.

— Итс гуд, — крикнул американец, отставляя стакан.

Далее я взял дело разлива в свои руки, и наше общение потекло гладко. Джесси вдруг вспомнил русский:

— Карашой, — сказал он.

Я тоже в долгу не остался и перешёл на узбекский.

— Яхши, — отвечаю.

Поинтересовался между прочим книженцией, что он всю ночь на горшке изучал. Оказалась справочником «Спецслужбы государств, бывших республик СССР» — что-то в этом роде. Экстремал, однако. Он себя, видимо, представляет разведчиком в тылу врага. Ну чё — молодец. С фантазией парень.

А поутру Джесси скрутило. Пища в Термезе под иноземцев не заточена.

— Фэт — очень жирный, — пояснил я, коверкая слова для удобства интуриста.

Джесси мучительно улыбнулся.

— Мэйби медикаментс? — предложил я.

— Ноу, ноу, ноу!!! — активно возразил он.

Оно и немудрено. С таким-то путеводителем будешь осторожным.

На другой день я в гостинице появился только единожды — собрать вещи. Мельком видел своего американского друга. Вроде ожил немного.

— Давай, — говорю, — брат, будь здоров! Рестор ванс хелт! (В смысле «не кашляй».)

— Тенк ю, тенк ю, — тринькнул Джесси.

На том и закончилась наша «френдшип оф пиплз».

Гуд бай, Америка!

Человек-амфибия и собака Баскервиль

Дачка была, однако, недурна. Не то чтоб дворец — именно функциональная загородная дача. Спальный домик, летняя кухня, сауна, два бассейна: открытый и закрытый. Бильярдная. Травяная лужайка, на которой хозяева и их многочисленные гости играли в бадминтон и хоккей на траве. По-видимому, это была несколько урезанная замена «гламурно-аристократическим» большому теннису и конному поло.

Обстановка внутри (невообразимое количество зеркал, картин, статуэток, прочих атрибутов «красивой жизни») явственно выдавала в хозяине слегка вульгаризированного эпикурейца-гедониста.

А сторожили этот приют двое: здоровенный пегий пёс, в чьих предках числился то ли волкодав, то ли водолаз, и Петя.

Владелец дачи, серьёзный бизнесмен, человек солидный и неплохой, охранников своих любил. Обоих. И пса, и Петю. Совершенно на равных основаниях. В хорошем расположении духа обоих слегка приголубливал, почёсывал за ушами. В скверном — мог прикрикнуть или даже примерно наказать. По сути, Петя был той же собакой. Только двуногой и говорящей. Что, согласитесь, имеет определённые удобства.

Хозяин привёз Петю (собственная Петина формулировка) на охраняемый объект лет пять тому. Выделил дежурную будочку, выдал комплект обмундирования и собаку, тогда ещё щенка, строго сообщил о правилах и велел приступать. Минимальным набором продуктов и курева сторожа снабжали регулярно. Время от времени выплачивали небольшое жалованье. О чём всегда жалели. Потому что Пётр Валерьянович наличные стремительно и жестоко пропивал.

А было, между прочим, нашему Петюше на тот момент пятьдесят четыре года.

Удлиненное лицо цвета портвейна № 26 со старушечьим беззубым прикусом. Большие руки и ноги, удивительно несуразно прилаженные к туловищу. Круглый год на Пете была маломерная болоньевая курточка. На ногах резиновые китайские тапочки или калоши. Носков он не носил. Принципиально. Из гигиенических соображений, видимо. Купался два раза в год: в свой день рождения и на День подводника.

Был когда-то Пётр Валерьянович бравым моряком-подводником. Служил акустиком на Северном флоте. А туда идиотов не берут. Была семья. Всё как положено: жена, дети. Работал на гражданке электриком. Ну а потом... В тяжёлых спиртопролитных сражениях он заслужил высокое звание «Героя алкогольного фронта». Его боевой путь был отмечен двумя медалями «Белая горячка» и большим орденом «Цирроз печени» третьей степени. Зелёный змий — со всеми вытекающими и втекающими. Сперва ушла жена, потом и дети оставили вниманием. Впрочем, не совсем, квартиру отсудить не преминули. И сделался наш Пётр Валерьянович на склоне лет банальным бомжем. Старая история.

На даче с престарелым мальчиком Петей обращались прилично. Но, конечно, несколько пренебрежительно. Какового отношения Петя отчасти и заслуживал. Паралич воли, верный спутник алкоголизма, не позволял ему поддерживать к себе хоть какое-то уважение. Каморка сторожа, будка три на три метра, находилась в совершенно потрясающем состоянии абсолютной зас...нности. Установить происхождение запахов не представлялось возможным. То ли источником был хозяин, то ли его хижина...

Здоровенный пёс по кличке Бакс был тоже далеко не комифо. Даже хозяин нечасто решался войти в клетку, в каковой его всегда при наличии на даче гостей запирали. Потому Бакс бросался на всех без разбора. Единственным исключением был Петя, искренне горящий, глядя как друг его, по существу единственный, сутки напролёт топчется в тесном вольере и жалобно подвывает на свою собачью долю. Оба с нетерпением ждали отъезда отдыхающих, после чего у Пети с Баксом и забот-то было: слоняться по территории, подыскивая, что можно продать, дабы в обмен на вырученное приобрести портвейну типа «бормотуха». Бакс, кстати, тоже был выпивающим. Чем-то он там по-собачьи болел, и в процессе лечения ему рекомендовали подливать вина. Пристрастился.

В тот год в начале мая на даче появились маляры. Ребята имели золотые руки и удачно подвешенные языки. Петю, простодушно поведавшего им

некоторые подробности своей жизни, немедленно переименовали в Человека Амфибию, а его сурового напарника, соответственно, в Собаку Баскервилей.

Впрочем, подтрунивали над обоими вполне беззлобно. И даже, справившись об отчестве Пети, стали то и дело именовать его Петром Валерьянычем. Время от времени слышались бодрые выкрики: «Вот он, наш любимый Пётр Валерьяныч — человек и пароход!» или «Равнение на младшего сержанта караульной службы! Всем встать, господа офицеры!» Пете такое непривычно повышенное внимание сильно льстило, в связи с чем он и со своей стороны выказал недюжинную деликатность и уважение к залётным мастерам: сигареты стрелял нечасто и робко. «Налить» не кланчил.

Вечерами маляры приглашали Петю к столу. Подносили рюмочку, кормили вкусным супом и охотно беседовали.

— А ты чего, Пётр Валерьяныч, хромаешь?

— Ногу ломал. Электриком работал, со столба упал.

— С бодуна?

— Не-е... со столба.

— А зубов-то у тебя сколько осталось? — любопытствовали мастера, наблюдая, как Петя сосредоточенно шамкает предварительно мелко нарубленный огурец.

— Совсем нет. Да я привык уже... Дёсны как железные. — И, помолчав немного: — Хозяин обещал сделать эту, как её...

— Челюсть?

— Ага. Говорит, давай тебе рандолевую вставим, как золотую.

— Зачем?

— Красиво.

— Шутник, однако, твой хозяин.

Подобного рода диалоги вызывали почему-то у маляров бурю восторга. И даже иной раз сопровождались выдачей дополнительной дозы наличного алкоголя.

На второй неделе расчувствовавшийся Петя охотно повествовал о своей боевой молодости. О медузах, намотанных на винты субмарины, о русалках в норвежском море, о выходах в глубину через торпедные отсеки, о долгих походах по всем мировым океанам. И трудно было понять, что в его рассказах правда, а что полупьяный бред.

Ближе к завершению хозяин, дав последние указания по производству работ, прибавил:

— Ну и будку Петину... подшаманьте, что ли. Замажьте этот срач чем останется.

Маляры тем не менее подошли к делу серьёзно.

— Вы какой колор, Пётр Валерьяныч, предпочитаете?

— Чего?

— Цвет, говорю, какой хочешь?

— Да... я... сами...

— Может, в твой любимый — цвет портвейна?

Петя, смущённо улыбаясь, махал рукой.

— Выбирайте, ваше благородие! Как скажете, так и будет.

— Есть же возможность, надо ею воспользоваться, — горячо убеждали миссионеры от строительства. — Тебе ж в этой комнате жить.

Непривычный к роскоши под названием «выбор», Петя отваливал вконец озадаченным.

Начало ремонта своей конуры Петя встретил совсем равнодушно. Зато мастерам пришлось потрудиться изрядно. Обдирка, отмывка и вывоз грязи заняли почти весь день. Вечером, злые по причине непредвиденной задержки, маляры в два горла выдали Пете пламенную речь.

— Вот он, мастер художественной охраны садово-дачных участков и крупный ценитель плодово-ягодных вин!

— Ужинать пожаловали?

— Че ж ты, Петь, так апартамент свой уработал?

— Разве ж можно в такой жопе жить?!

— Полный хаос!

Петя, слегка ошарашенный бурным приёмом, вяло оправдывался:

— Так это до меня ещё тут другой сторож раньше был...

— Но ты-то здесь который год! Ведь моряк же бывший, «с печки бряк». Уборочку бы добрую произвёл, отп..., простите за грубое слово, стены, полы.

— Ты же хомо сапиенс, а живёшь хуже собаки.

— Вон у Бакса в клетке чище!

— Деградация личности.

— Паралич воли, потеря интересов.

Напуганный экспрессивной, непривычно длинной речью, обильно одобренной непонятными словами, Петя, торопливо дохлебав суп, ретировался.

Полуночью некоторое время мрачно наблюдал издали, как маляры готовят сторожку к покраске. Потом подошёл ближе и робко сообщил:

— Я это... такой... зелёнький хочу.

На что услышал восторженное:

— Браво Пётр Валерьяныч!

— О це добре!

— Будет вам зелёнький!

— Пётр Валерьяныч. Советский Союз! Мастер-кинолог. Крупный эстет и интерьероман.

Петя, махнув рукой и застенчиво улыбаясь, вдогонку услышал:

— Ты б, между прочим, Петь, шторы, что ли, свои простирнул, а то они так грязью накрахмалились, шо об них неровён час убиться можно.

Спустя пару часов, когда стены и потолок были протравлены купоросом и кислотой, отремонтированы и загрунтованы, опять появился Петя.

— Я это... шторы замочил. — Далее было добавлено не без гордости: — Палпачки порошок насыпал.

— Зачем?

— Чтобы лучше отстирались.

На что под бурный хохот получил в ответ:

— Так-ить, чтобы лучше отстиралось, надо вашими нежными ручками поработать.

— Совсем вы хозяина не уважаете. Разорите к чёртовой матери. Порошок нынче дорог.

— В этой пересыщенной субстанции весь ваш гардероб, Пётр Валерьянович, вместе с вами можно отстирать.

Петя, судя по ответу, из всей речи понял только одно и неожиданно злобно сказал:

— А он меня уважает?!

— Оба-на!!! — переглянулись маляры.

Домик вышел на славу. По сравнению с тем, что было, — земля и небо. Петю заставили отдраить газовую плиту и выбить матрац. Потом он и сам увлёкся и совсем по личной инициативе отмыл раковину. При чистке кафеля над ней возникло небольшое затруднение.

— Он это... трещит, — испуганно сообщил Петя.

— Подожди, он щас и рухнет от удивления, к нему ж испокон веку не прикасалась рука человека с мыльной губкой!

«М-да, — подумал Петя, — разговаривать серьёзно с этими ребятами решительно невозможно».

Назавтра Петя передвигался по территории, что-то тихо про себя напевая. Полдня канючил повесить свежестиранные шторы. Самому ему сладить с такой тонкой работой не представлялось возможным. Наконец от весьма занятых мастеров услышал:

— Ну давай, давай, неси сюда свои брабантские кружева.

На самом-то деле им явно было приятно.

К вечеру Петя собрался в баню! Против всяких своих правил и сроков.

На выходе был встречен самыми восторженными комментариями и ссужен пенным баллончиком для бритья. Баллончик, внезапно выдав целую гору зелёной пены, Петю всерьёз напугал, а затем восхитил.

— Совсем дикий, — тихо перекинулись между собой улыбающиеся маляры.

Вечером, вымыв полы в своей категорически преобразившейся сторожке, преобразившийся Петя, расставшийся даже с неизменным болоньевым полуперденчиком, сияя, поедая макароны по-флотски.

— Исключительно для вас, Пётр Валерьяныч, как для старого боцмана, заслуженного лоцмана, бесстрашного волка северных морей, приготовлено.

После ужина Петя отправился в бильярдную смотреть телевизор, а маляры сидели допоздна. Смысл их разговора можно было резюмировать так: вишь, и из бедолаги-сторожа можно сделать человека. Немножко внимания только.

Через пару дней ремонт закончился. Хозяин приехал в обед принять работу, рассчитаться и забрать своих работников. Провожал их Петя, душевно. Его экзотическая фигура ещё долго маячила у ворот на фоне цветущей хурмы.

Объект (патриотическая комедия)

Да это и не история вовсе, а так... случай.

Юное солнце, едва выглянув из-за крыши приземистого строения казарменного типа, осветило Виктора Сергеевича. Он шёл. Откуда — не было известно, зато куда — понятно. Туда, куда глядели его заплывшие нетрезвые глаза. Над сосредоточенно переставляемыми нижними конечностями навроде боевого штандарта гордо реяла алая физиономия пешехода. Был он всё ещё вдрабадан, гашённый хуже извести.

Начало случилось давеча вечером, и вот мы видим Виктора Сергеевича нынче на рассвете. Между двумя временными отсечками сугубая дымовая завеса. Чеканит шаг наш герой без всякой задней мысли. Да вовсе без мыслей! Автопилотом. Количество принятого внутрь накануне для дум, идей и версий места не оставило. И тут неожиданно-негаданно...

Откуда они взялись?! Сиганули, как гильзы, из пулемёта! Камуфляж, береты, бронежилеты, автоматы... Виктор Сергеевич обязательно б испугался... Если б мог. А так, только меланхолически улыбнулся и сказал:

— Здрас-сте! Не подскажите, который час?

— Брат, ты откуда взялся? — надменно и сурово сдвинув брови, поинтересовался старшой подразделения.

— Э-э-э... — Собравшись, как мог, сказал ему Витя.

Старшой почесал прикладом штурмового АКа затылок, пошоркал штык-ножом свою широкую ляжку и ох... (да нет, не охнул, конечно, здесь о другой эмоции речь, характеризующейся крайней степенью удивления с доброй примесью потрясения).

Повязали, ведут. Виктор Сергеевич вяло пытается сообразить: чем это они так изумлены? Чего он, собственно, учудил эдакого экстраординарного? Подумаешь... уже и выпить нельзя.

Оказалось: времени теперь без десяти пять, а забрёл он ни много ни мало на строго охраняемую режимную территорию. Даже, кажется, из структуры нештутейных органов. Далеко за городом. Что занятно: начинался поход, по отрывочно прорезающимся воспоминаниям, как будто в центре столицы, где-то даже в очаге культуры...

Виктор Сергеевич, дело понятное, как его на объект угораздило — ни ухом, ни рылом, но самое смешное — группа захвата тоже не втыкается. И, судя по базару, наш герой несколько их блокпостов миновал, какие-то сигнализации преодолел, чуть ли не минные поля. Нарушил все три кольца глубокоэшелонированной обороны (тайной гордости районного главы спецслужб), и замели нарушителя непосредственно перед входом... Правда, Виктор Сергеевич, с одной стороны, был в зелёном костюме, довольно армейского оттенка, но... Ладно он сам — мало нетрезвый, которым,

как известно, «море по колено», так ещё отродясь гражданский, негодный даже к строевой службе, но *они!* Они-то должны знать! При исполнении всё-таки!

Доставили в дежурку. Дознаватели, сменяя друг друга, вырастали в званиях, силясь выяснить, с какой целью Виктор Сергеевич проник на объект. Субтильный лейтенант водил у его носа стволom твердогрифельного карандаша «Арсенал», крепко сбитый капитан нервно лязгал никелированным затвором китайского «Паркера», а майор с интеллигентной сединой на висках то и дело передёргивал плечом, отчего звезда на его левом погоне тускло и недружелюбно поблёскивала. Протокол, впрочем, составлять не спешили. Похоже, огласка происшествия в планы командования не входила. Но и проигнорировать факт боязно. А вдруг «казачок засланный»? Поползновения потенциального «казачка» вроде «а иде я, собственно, нахожусь?» бойцы невидимого фронта отражали длинными, пытливыми трассирующими взглядами, начинёнными подозрительностью, как та бомба тротилом. Последним был человек в партикулярном платье с водянистыми глазами, невнятным силуэтом и явным желанием расколоть Виктора Сергеевича с помощью универсального набора психологических приёмов. Выглядел псевдопартикулярный гражданин как несколько похудевший Штирлиц. Видимо, Виктор Сергеевич всех их расстроил насчёт надёжности охраны вверенного им объекта. Сильно, похоже, расстроил. Никак они не хотели поверить, что попал он туда — «тупо пешедралом». Охотно допускали вражий планер и парашют, подкоп, диверсионную акцию. Им несложно было представить, что Виктор Сергеевич прокрался сюда по дну местной речки-воночки с соломинкой в заднице и гражданской одеждой в непромокаемом мешке или что-то ещё в этом роде. Но чтобы вот так: пехотным шагом... Этого они решительно не могли вообразить.

— Парашюта, — оправдывался Виктор Сергеевич, выдыхая на разведчика небоевой отравляющей смесью, — не могло быть! Парашют я бы запомнил. Наверное.

Отчасти придя в себя, он наконец почти связно сообщил суперменам свои исходные данные.

Ну, в общем, навели они там какие-то справки, промурыжили без сигарет и похмелья полдня и за неимением улик вывезли на волю в закрытой машине.

Самое печальное, что иностранные разведки тоже будут разочарованы: где конкретно злополучный объект расположен, Виктор Сергеевич впоследствии припомнить не смог. Даже за выставленную к вечеру друзьями «утешительную» пол-литру. Даже за большие деньги. Которых ему, правда, пока и не предлагали. Тем более что Родина не продаётся. Ни за что!

Такой вот маленький патриотический случай. Эдаким макарон (не тем, который пистолет, а, напротив, цивильным) глубоко непризывной Виктор Сергеевич внёс свой вклад в обороноспособность страны. Выявив отдельные недостатки в системе её охраны и защиты от постороннего вторжения.

Берите, граждане, пример с патриотов!

Наталья Караева

Всё сложилось

Рассказ

В то лето я повзрослела.

«Люди, Милана, не ангелы. Учись прощать», — говорила мне бабушка, но я научилась этому много позже. А тогда я просто зажала в себе обиду, не позволив ей разметать меня.

Со временем я поняла, что чаще всего люди не такие, какими их хотелось бы видеть.

Мама ушла к чужому мужчине. Она сказала, что любит его, что ждёт от него ребёнка, и ушла. Мы остались с папой в двухкомнатной квартире, а потом и он уехал, потому что был мне не родным отцом. О своём биологическом отце я узнала от мамы уже в другой нашей жизни, где мама стала оплывшей необщительной женщиной. Но это потом. А тогда она родила Аннетку, жила в красивом доме за городом. Приезжала ко мне яркая, цыганистая, внося приторно-навязчивые ароматы, выкладывала из пакетов продукты в холодильник, мыломойку в шкафчик под ванной и ещё что-то. Шуршала, звякала, вздыхала, качала головой, а мне так хотелось прижаться к ней, обнять и просто поплакать.

Внешне я очень похожа на маму.

В то лето я поступила в педагогический колледж. Он был единственным гуманитарным в нашем городе и к тому же не чужим — в нём папа преподавал иностранные языки. И если там не знали меня, то знали нашу историю.

Я любила рисовать. И с детства пыталась нарисовать всё, что видела.

«Как солнечно, сколько света», — сказала, перебирая разложенные перед ней рисунки, преподаватель художки, куда папа отвёл меня в третьем классе.

А вот учителем никогда не хотела стать, поэтому документы подала не на «методику начального образования», а на «дошкольное воспитание и обучение».

В моей группе парней не имелось, да и странно б они выглядели на нашем «дошкольном». Не всё складывалось в отношениях с девчонками, но скучать не приходилось. Нужна была стипендия, поэтому много сил и времени уходило на учёбу. Ещё очень скоро в колледже прознали о моих художественных способностях

Караева Наталья Владимировна — литератор, педагог. Родилась и выросла в Армавире. Печаталась в журналах «Простор», «Север» и др. Живёт в Павлодаре, Казахстан. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

и посыпались поручения: это оформить, то нарисовать. Дни были заполнены под завязку.

Нестерпимо становилось вечером. Иногда из деревни приезжала бабушка, но она, если оставалась, то только на ночь. Дома у неё куры, коза, собака. У всех своя жизнь.

Перед Новым годом мне поручили оформить актовый зал, в помощники определили кудрявого Кешу со второго курса. Мы зашивались. Приходилось брать работу домой, естественно, ко мне. Кеша обалдевал от количества еды в моём холодильнике, и ещё его вводили в ступор мои картины, развешанные по стенам. Он подолгу зависал перед ними, а однажды выдал: «Миланка, хочешь верь, хочешь нет, но мы с тобой когда-то были знакомы. Мы с тобой — родственные души».

«Родственная душа» Кеша рисовал так себе, зато он сочинял стихи и пел их под гитару. Кстати, классно. Поэтому львиная доля работы по оформлению легла на мои привыкшие к ответственности плечи, а Кеша в основном аккомпанировал.

Соседи проявили бдительность, и однажды к нам нагрянула мама со своим мужем. Мама хотела устроить выволочку, но её муж, осмотрев нас и разбросанные по квартире краски, прервал её прямо в полёте короткой командой: «Поехали домой!»

Кеша же всё это время как приворожённый смотрел на мою маму, а после их ухода прошептал: «А ты, Мила, оказывается, красивая». Я засмеялась, но мне стало сказочно хорошо. Не один раз вспоминала я эти слова и выражение Кешино лица, когда в жизни приходилось тяжело. И ещё — я не сказала тогда, но поверила Кеше, что мы с ним родственные души.

Праздник получился сумбурный, шумный. Поздним вечером из колледжа вывалились гурьбой.

Ветер крутил под ногами снежные фонтанчики, пробежал по телу до самой макушки. Замахали редким машинам, равнодушно проезжавшим мимо. Выбежал Кеша, совсем пацан, долговязый, кудрявый.

— Мила! Мила! Я сейчас брата вызвоню, — закричал он.

Но тут к нам подъехала машина. Я послала оставшимся на тротуаре девчонкам воздушный поцелуй и плюхнулась на сиденье рядом с водителем. Я видела Кешино сердитое лицо, какие-то его жесты. Я и ему послала поцелуйчик. Было весело, голову вело от выпитого и от предчувствия чуда.

Я ближе всех жила от колледжа, но девчонки сразу заверещали:

— Сначала нас! Сначала нас! Тебя, Миланка, никто дома ругать не будет!

Мы развезли девчонок, севших в машину в суете и не подумавших, что живут-то они в разных районах города.

Когда возвращались ко мне, я спала, то и дело больно ударяясь головой о дверцу.

Герман, а так звали водителя, взрослый крепкий парень, когда мы подъехали к моему дому, предложил сигарету и спросил:

— А предки-то куда укатили?

Я отказалась от сигареты, сказала, что не курю. Герман одобрительно кивнул, а затем достал из кармана плитку шоколада, разломил её и протянул мне.

— Так, а родители-то где? — повторил он.

Вдруг стало до слёз обидно, что я могу прийти домой хоть под утро, что никому нет дела до того, сколько я выпила и где сейчас шабляюсь. И я разревелась...

Утром, отодвинувшись на край кровати, с ужасом смотрела на спящего рядом чужого парня. Ночью всё это выглядело как-то по-другому.

А потом... А потом я влюбилась. Я, как щенок, заглядывала Герману в глаза, вся моя жизнь превратилась в ожидание.

Это правда — чем беспомощнее женщина в глазах мужчины, тем сильнее он. Герман был для меня взрослым, хорошо разбирающимся в этой жизни.

Я вздрагивала от каждого звяканья лифта. Я бессильно плакала от нарастающей паники, боялась, что Герман не придёт.

— Господи, — умоляла я, — я не хочу его терять. Я не могу его потерять. У меня никого больше нет.

А где-то там, в неведомых измерениях, — Бог, и у него полно своих дел.

На всех моих картинах был Герман, даже женские лица смотрели его глазами.

Он ревновал меня к моему увлечению. Я рисовала тайком. Герман находил картины, ругался, рвал их.

— Ну что я сделала? — спрашивала я, а из глаз катились слёзы.

Я и по сей день не могу простить себе этих слёз. Что со мной было не так?

Что отдаёшь, то и получаешь. Сейчас понимаю, что отдавала себя как на закланье — и ничего взамен!

Конечно, нелегко любить залитую слезами и соплями девчонку.

В обязательную программу наших встреч входило: «Я люблю тебя». «И мне с тобой классно, но есть дела поважнее», — говорил Герман, а я-то верила, что он понимает, в чём смысл жизни.

Через месяц я залетела. У Германа был знакомый врач. Герман обо всём договорился.

Клацая зубами, вечером клянчу:

— Гера, а можно я не пойду?

— Нельзя, — говорит Герман и ухмыляется во весь рот. — Пять на два не делится.

Когда я вспоминаю это, мне хочется вызвать у себя амнезию.

— Ложись спать, завтра в семь я заеду за тобой, — приказывает он.

Ночью мне приснилась маленькая девочка: «Как тебя зовут?» — спросила я. «Анечка». «А почему ты здесь?» — опять спросила я, удивляясь, что такая кроха одна сидит на берегу озера. «Я твоя дочка».

И девочка заплакала.

И тогда я поняла: никто ничего мне не должен. У меня есть я и моя дочь. За нас обеих только я в ответе.

Герман уговаривал, кричал, обзывался, а затем надел куртку, поднял воротник, натянул шапку поглубже и вышел, не забыв бросить ключи от квартиры на полочку для обуви.

У меня родилась девочка. Её на весь день унесли под кислород и капельницы. Врач, пожилая женщина, раздражалась на меня, смотрела с нескрываемым осуждением, а мне так хотелось, чтобы меня кто-нибудь просто обнял и пожалел.

Когда мне наконец-то принесли дочку, я ничего не почувствовала. Вместо любви — чувство вины за то, что нет любви к этому человечку. «Какая она маленькая, совсем крошечная, — думала я, рассматривая живой свёрток на руках, — но она будет постепенно расти. Потопаёт ножками. Научится говорить. Станет мне самым родным человеком, моя Анечка». Любовь незаметно пришла позже.

Из роддома меня забрал Герман. Появлялся, исчезал, но помогал.

Самый конец октября. Нашей дочери исполняется годик. Я уже всё приготовила, накрыла стол белой скатертью. А главное — уговорила маму не приходить сегодня поздравлять внуку. Герман задерживался.

Зазвонил телефон.

— Здравствуйте, — говорит строгий женский голос. Голос очень взрослой женщины. — Вы Милана? — спрашивает она.

— Да.

— Я мама Германа.

— Очень приятно.

Женщина молчит. И я молчу, а сердце начинает покалывать.

— Что-то случилось с Германом? — первой не выдерживаю я.

— Да. Ты что же это, шалава сопливая, семью разбиваешь?

— Какую семью? — прошептала я, пытаюсь отогнать непрошеную панику.

Герман мне никогда не говорил о семье. Про маму — да, про семью — нет. Как-то я спросила его о любимой женщине, он возмутился: «Зачем это? Я ведь сейчас с тобой». Вот так.

— Оставь в покое моего сына! Отцепись от него! — уже кричит женщина.

Я шепчу: «Я сильная. Я — сильная. Я сильная. Я сильн...»

— Хорошо, — говорю женщине. — Завтра меня не будет дома, пусть заберёт свои вещи. Все.

Когда мы вернулись от мамы, вещей Германа не было. Ему так было проще. Так из нашей с Анечкой жизни исчез этот человек, но нет, не навсегда.

За день до Нового года Герман вдруг появился с подарками, фруктами и тортом. Шампанское у меня было ещё со дня рождения дочери. Мы не говорили о нас, но Герман был рад нам. Он возился с дочкой. Помогал купать её. Германа обижала её настороженность. Доченька ни с кем не хотела делить меня.

Утром пили в кухне кофе (над чашками вился парок) и разговаривали, как супружеская пара. Уходя, он поцеловал меня в щёку и исчез ещё на пару лет.

Сначала было больно. Очень.

А потом у мамы погиб муж. Как-то странно погиб.

После похорон была долгая возня вокруг дома, машины, нехилого имущества маминого мужа. Мамин муж — из бульдожьей породы, сумел оттяпать в мутное время немаленький кусок.

А я боялась только одного: вдруг мама лишится дома и они с Аннеткой переедут к нам с Анечкой.

Дом остался. Огромный дом, который нужно было содержать. А ещё маленькая Аннета. Мама опустила, обабилась, стала молчаливой. Я помогала ей, как могла.

Денег не хватало даже на продукты марки «Красная цена».

Я сдала свою квартиру юркому торгашу и его быдловатой жене, они раздолбали мне её за два года и исчезли, не заплатив за последний месяц и коммуналку за три.

Сдала и уехала в деревню к бабушке. Меня взяли в школу учителем пения и рисования. У меня не было ни категории, ни стажа, поэтому платили копейки.

В деревне нас и нашёл Герман. Опять с подарками и желанием воссоединиться (он совсем не изменился). Он даже возил меня к своему другу. Эти несколько дней Герман казался искренне счастливым, и у меня появилась надежда. Робкая такая, безголосая. Но Герман был слабым, поэтому опять предал.

Простила ли я Германа? Наверное, да, — если бы мы не прощали, жизнь имела бы мрачный вид. Но и сегодня, когда вспоминаю то время, щиплет глаза. Не могу признаться, что стала прихотью эгоиста. Думаю, он искал свою женщину и не находил. Так мне легче.

«Нужно уезжать в Германию, — сказала бабушка, — пока я ещё жива».

Бабушку с её мамой во время войны депортировали (бабушка говорила: выслали) с Поволжья.

Я не сразу согласилась уезжать — я всё ещё ждала Германа.

Попали мы в небольшой городок.

Это было в первый день после затяжного дождя. Набухшие облака провисали до самых черепичных крыш. Дворики тонули в мокрой зелени. Цветы были везде: на ювелирно стриженных газонах, перед подъездами в горшках и кадках, украшали балконы домов.

Я шла по коротким улицам, останавливаясь возле старательно оформленных витрин.

Мимо проплывали лица. Я просто шла и разглядывала людей. Некоторые мне улыбались, но я чувствовала себя чужой. И они знали, что я чужая им. Было такое ощущение, как будто вернулась с войны в мирный, но не свой город.

Мы принялись обживать: нашли с мамой работу, пытались с кем-нибудь подружиться, но люди рядом существовали по принципу «чем выше забор, тем крепче дружба».

Соседи приветливо растягивали губы в улыбке, а глаза смотрели недружелюбно.

Дни, события теряли очертание.

Через пару лет мы с бабушкой перебрались в Штутгарт, пытаюсь прижиться в этом большом, но уютном и красивом городе. Сначала была работа, а потом я её потеряла. Мы не потянули. Я сдалась, но в городок, где у мамы к тому времени появились отношения с кичливым поляком (имею ли я право судить маму?), не вернулась. Мы с Анечкой поселились в немаленьком промышленном городе, который стал нам родным. Бабулечка скоро ушла от нас в другой мир.

За работой я обратилась в русскую общественную организацию, позиционирующую себя культурно-образовательным центром. «Русская» — одно название, а так чисто еврейская организация. Предложили месяц поработать у них бесплатно, а там решат, какую работу смогут дать. И на работу приняли,

и деньги платили с первого месяца, но то были смешные деньги (120 евро!). Ещё, общаясь на русском языке, я растеряла последние крупницы немецкого. Меня засасывала работа. А работала я у них и водителем, и поваром, и праздники проводила.

Как-то зал для одного из таких мероприятий оформила своими картинами. Узнав, что у меня их полно, Шефиня загорелась устроить мою персональную выставку.

«Знаешь, как здесь это ценится! — не раз повторяла она. — Не хватает у них талантов».

Персональная выставка — громко сказано, но я её называла именно так.

И я вечерами, по выходным, прихватив Анечку и контейнеры с едой, оформляла свой вернисаж.

Я не спала ночами, у меня тряслись руки, когда развешивала свои рисунки, подолгу подбирала необходимые предметы интерьера, аксессуары, музыку. Всё распадалось. Музыка никак не становилась одним из элементов единства...

О моей выставке даже в местных СМИ написали на тему как бережно в их городе относятся к талантам.

Появился какой-то Юргис — чиновник от молодёжной организации в красных джинсах и глубоко расстёгнутой чёрной рубашке.

Юргис когда-то был Юрой, поэтому по-русски всё-таки, подбирая слова, говорил без акцента. Юргис прошёл по залу, окидывая взглядом, как товар на прилавке, картины. Постоял передо мной, раскачиваясь на носках светлых туфель.

— А чего-нибудь такого необычного у тебя нет? — спросил он.

Вдруг стало неприятно до брезгливого вздрагивания от вида оголённой, без единого волоска, гладкой его груди.

— Ну, у тебя всё так просто. Обычно, — попытался растолковать он.

И здесь взгляд Юргиса замер на картине за моей спиной. На его лице проступили растерянность и смущение. Он подошёл ближе и завис. Эту картину я писала на Вербное воскресенье, когда вернулась из церкви. Хотелось передать, почему-то непременно в оттенках серого, приглушённого, что всё жизненное — ценно, что и в обыденности можно быть счастливым. И вот сейчас не это ли чувство ненавязчивого счастья выпела из прошлой жизни генетическая память Юргиса при виде веточек вербы в стеклянной банке?

— Можно повесить мои картины вверх ногами, и тогда будет необычно, — предложила я, прощаясь с безликим представителем местной молодёжи. Он хмыкнул.

Через несколько лет у меня хватило ума сказать себе: «Нет, стоп. Лучше буду мыть полы, но у немцев и за деньги!»

Я заново лепила себя, по кусочку.

Работала райниген, — ну, это уборщицей в разных местах. Последние годы убирала в детском саду — истинное удовольствие, пусть даже в таком качестве, побыть там.

Раз в неделю ездила в немецкое общество (клуб по интересам) на общественных началах. И так восемь лет. Сейчас работаю у них официально, как общественный педагог. Каждый день четыре часа занимаюсь с ребятами творчеством. На праздники выполняю детский шминке (как это по-русски?). Макияж!

Пишу проекты, но мне не хватает профессионального уровня владения немецким, чтобы проводить по ним праздники. Я у них одна русскоязычная. Работу свою люблю.

Моя Аня открыла косметикстудию. Шминкен для невест у неё нарасхват. Живёт недалеко от меня.

Время перелистывает день за днём.

Сегодня мне почти сорок. Есть мнение, если не влюбился до сорока лет, то уж лучше не влюбляться и позже.

Я понимаю: пролитой воды не соберёшь. А жизнь продолжается...

У меня появился друг.

Он так же, как и я, с Алтая, но уже стал настоящим немцем Арнольдом (власть орла), а не Андреем (мужественным). Живёт в соседнем городке. Приезжает три раза в неделю. Мой мужчина надёжен, как плита. Приезжает в одни и те же дни, приносит одни и те же фрукты. Даже всегда одинаково раскладывает их в вазе: груши и яблоки, а сверху — гроздь винограда. Бутылка вина, мой любимый солёный сыр и пепси-кола.

Моя коллега как-то хвалилась, что с мужем у них отношения по науке: любовь три раза в неделю в определённые дни.

Пока я накрываю стол, Арнольд, как тюлень, фыркает под душем. А дальше всё как всегда. Стабильно. По науке. Арнольд иногда даже говорит, что любит меня.

Но я-то знаю, что наши души никогда раньше не были знакомы.

Вспоминаю ли я свою родину? Да, вспоминаю, но тоскую только по солнцу, которого было много. У нас здесь пасмурно.

У меня, наконец-то, всё сложилось. Есть работа. Личная жизнь.

Проклятое одиночество приходит под утро. И тогда я просто лежу и жду, когда посветлеет за окном, а иногда встану, накачу немного водочки, затем всплакну тихонько, и вроде бы как полегчает.

Хуже то, что картины не пишутся. Возьму кисть, мазну по холсту, а ничто не ведёт руку. Не звучит душа. Фальшивит.

Амаяк Тер-Абрамянц

Два рассказа

Вафельное полотенце

Доктор Кулыгин отложил сигарету и отхлебнул из фужера коньяку, в его татарских прищуренных глазах заплескали чёртики, высокий табачно-жёлтый лоб заблестел сильнее, чем обычно, и боевая мефистофельская борода, казалось, заострилась.

— Да уж, мы, психоневрологи, как детективы работаем, — говорил он не без гордости. — Исследуешь не просто историю болезни, но историю жизни больного, личность его, психологические нюансы, взаимоотношения с другими людьми. Докапываешься до того, что подчас он прячет и от самого себя. Бывает, звонят совсем незнакомые. Пришёл с работы, только лёг отдохнуть на диван, не успел расслабиться — дрэнь-брэнь! Ну, зато и работа интересная: в человеке разобраться надо. И каких только людей и судеб не бывает!

— Вот вы говорили, что Варлама Шаламова видели, — спрашиваю. Мы сидим в холостяцкой комнате доктора. Обнажённая женская натура из французского журнала (впрочем, без пошлости) соседствует на стенах с «Красным конём» Петрова-Водкина, портретом Ахматовой. На книжном шкафу с Достоевским и Еврипидом в первом ряду — батарея пустых бутылок из-под коньяка Курвуазье. Он на миг задумывается, вспоминая.

— Как-то вечером звонят в дверь. Открываю — двое. Здесь, спрашивают, живет доктор Кулыгин? «Я — он и есть», отвечаю. Пригласил войти. Сравнительно молодые, ведут себя вежливо, представились: Морозов и Григорянц. Чем могу служить? «Тут одного товарища нашего съездить посмотреть надо, не могли бы?» Из разговора, однако, понимаю: оба сидели. Ну, поехали на Планерную в дом престарелых. Туда Шаламова Борис Полевой устроил...

— Это от Союза писателей какой-нибудь?

Тер-Абрамянц Амаяк Павлович — прозаик, врач. Родился в 1952 году в Таллине (Эстония), по отцу армянин, по маме украинец, по языку — русский. Часть детства провёл в Луганске. Окончил медицинский и литературный институты, член Союза писателей Москвы. Автор девяти книг прозы. Печатался в журналах «Новая Юность», «Знамя» и других. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 6.

— Какой там! Обычная горздравовская богадельня. Лежал он там вдвоём с умирающим стариком. В палате вонь: старик тот ходит под себя, на лице сардоническая улыбка... Пошёл Григорянц, мы у открытой двери остались.

— Как он выглядел?

— Ну какой... Руки, голова дёргаются, ходят ходуном — хорея Геттингтона, простыни срывает... Длинный, худой, совсем без живота... С вафельным полотенцем на шее — колымская привычка: там шарф — это жизнь, его и ночью с себя не снимают, чтоб не украли, хоть и весь во вшах. А под подушкой и в тумбочке леденцы, кусочки хлеба припрятаны — тоже лагерная привычка.

— Да, я помню его рассказы про голод: кладёшь в рот кусочек хлеба, и он сам растаивает, жевать не надо.

— ...Подпустил к себе только Григорянца, мне не поверил: третий — всегда стукач. Уж как его Григорянц не уговаривал, мол, можно верить, наш человек, — ни в какую: «Нет — и всё!» — рукой отмахивается, а кисти широкие, жилистые — сильные...

Да тут и без осмотра диагноз на расстоянии был ясен — пляска святого Витта.

— Это старческое?

— Не только: от частых травм тоже может быть. Но всё-таки больше двадцати лет лагерей, по голове били — и охрана, и уголовники... Хотя на возрастное больше похоже.

— Ему ведь было примерно семьдесят пять тогда? Поразительное здоровье, — столько перенести и дожить до таких лет, это уж от природы.

— Один из тысяч выжил... Вообще-то он из породы людей выносливых — высокий, жилистый. Да повезло ещё: попал работать в санчасть. На лесоповале да в золотом забое никто долго не выдерживал.

Доктор Кулыгин допил коньяк и взял в рот сигарету, без которой мог жить, лишь когда спал и ел.

— В общем, видно было, что дела его плохи. Вскоре он умер...

Летом, по пути на Камчатку, я пролетал над верховьями Индигирки и Колымы. С высоты десяти тысяч метров открывалось зелёное пространство, уходящее до далёкого отсюда, с высоты, туманного горизонта, сплошь усыпанное тёмными пятнами, будто шкура зелёной пантеры. Отсюда вся земля воспринимается как плоская равнина, и лишь в следующий миг понимаю: тёмные пятна — неосвещённые солнцем склоны сопки. Вот он, «Зелёный прокурор», описанный Варламом Шаламовым. И надо же мне купить в аэропорту перед отлётом номер «Литературной газеты» с автобиографией Варлама Шаламова! Разворачиваю страницу — на меня прямым честным взглядом смотрит спокойное молодое лицо с твёрдым подбородком. Сколько же произошло всего между щелчком фотоаппарата перед юношей, ничего ещё не знающем о своей судьбе, и мгновением, когда я развернул газету!..

«Колымские рассказы»... Короткие и страшные, каждый — как залп, взрывающий грудь. Алмазной чистоты и твёрдости язык. Никогда я ещё не читал и, наверное, не прочту такой страшной Правды. И последние дни автора, мне показалось, своим колымским обличем заключили их цикл.

Полёт продолжался. В салоне появилась стюардесса с подносом. В иллюминатор была видна всё та же безбрежная, без единого признака жизни, тайга («Тайга золотая!»). Лишь вдалеке, между сопок, нарушив их монотонность, наконец, блеснула тоненькой стальной змейкой уходящая в горизонт Колыма. То здесь, то там её разрывали ослепительные солнечные вспышки.

Пассажиры угощались лимонадом.

Жил старик

Никто и не подозревал в доме — ни внучка, ни жена сына, ни, пожалуй, сам сын, — что он был когда-то молодым, уверенным в своих силах мужчиной, которого можно было любить и даже бояться; ни тем более ребёнком, которым можно было восхищаться и можно было жалеть. Казалось, он таким и пришёл, гость из бездны времени — сухой, морщинистый, со слезящимися глазами, — да так и засиделся, забыв дорогу назад.

Тем летом на даче он подолгу торчал на лавочке, греясь на солнце в своём белом летнем полотняном костюме, в старой соломенной шляпе, чтобы не хватил солнечный удар. Он мог подолгу так сидеть, ни с кем не разговаривая и ничего не делая. Впрочем, он давно уже почти ни с кем и не разговаривал, да и не проявлял ни к чему особого интереса. Порой солнце жгло нещадно, и ему только тогда казалось, что оно начинает согреть его остывшие кости. Иногда он брал с собой газету, но больше по привычке, потому что не читал её, а просто сидел неподвижно, и со стороны можно было подумать, что он погружён в воспоминания, но и они давно уже утратили яркость и лишь тенью бродили по поверхности сознания, не вызывая волнения.

Никто и не подозревал, что единственной реальностью в то время для него оставался солнечный свет. Он мог до бесконечности общаться с ним, наблюдая за игрой бликов от листвы на земле, наслаждаясь лаской лучей, обнимающих кокон его тела. Обычно за этим занятием он незаметно засыпал.

Часто он этим пугал внучку. Подкравшись сзади, она с бьющимся сердцем следила за его неподвижной костлявой спиной с торчащими лопатками, пытаясь понять, жив он или умер. Застывший с полуоткрытым ртом, он, казалось, совсем не дышал, и ей хотелось закричать. Броситься со всех ног к матери — может быть, ещё успеют что-нибудь сделать, может быть, именно сейчас надо помочь, — но что-то удерживало её.

Вместо этого внучка тихонько подходила к нему, подбирала газету и протягивала её деду, замирая от ужаса, звала его всё громче и громче:

— Де-еда, де-еда!

Он открывал землистые веки, морщинистое лицо его начинало двигаться, изображая улыбку, и он тянул, хихикая, сухим надтреснутым голосом:

— А-а, шалунья!

— Деда. У тебя газета упала, — говорила внучка, краснея, протягивая её старику; она не понимала, почему он всё время называет её шалуньей, ведь ничего такого она не сделала.

— Хорошо, хорошо, — говорил он, беря газету. — Молодец.

Считалось, что дед любил внуку, но это было не так. Окружающие, время от времени появлявшиеся в его сознании, мало чем отличались от тех же воспоминаний, они были даже скучнее, потому что не принадлежали ему и лишь утомляли.

В полдень его звали обедать, и, сидя за столом, он почти не прислушивался к разговорам, поэтому его давно перестали замечать. Сосредоточившись на пище, он молча ел, методично прожевывая и не чувствуя вкуса, лишь затем, чтобы, закончив обед, вновь устроиться на лавочке и до заката продолжить причудливую беседу с солнцем. Иногда за обедом он вдруг спрашивал «какой сегодня день?» или «который час?». Сидящие за столом удивлённо и чуть насмешливо переглядывались, и кто-нибудь, наконец, отвечал.

— Та-ак, — произносил дед и снова надолго замолкал, а общий разговор вновь возвращался к тому месту, где был прерван.

Со временем внучка перестала испытывать страх, глядя на неподвижного деда. Ей даже стало нравиться, что он её в это время не видит. Она подходила к нему совсем близко. Однажды даже провела по его спине травинкой. Он кашлянул. Девочка застыла, сердце у неё неистово заколотилось, но старик не оглянулся. Обнадёженная, она чуть не подпрыгнула от радости и, сорвав большой лист лопуха, замирая от возбуждения и еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть со смеху, привстала на цыпочки и положила его на шляпу спящему деду.

Отбежав, она стала нетерпеливо наблюдать за стариком.

Проснувшись, дед, кряхтя, встал, не расправляя сутулящейся фигуры, направился, постукивая палочкой, к дому. При этом лист лопуха смешно и нелепо раскачивался у него на шляпе в такт его шаркающим шажкам и никак не падал.

— Де-да! Де-еда! — позвала внучка звенящим голосом, схватившись за живот от хохота, готовая броситься прочь в случае чего.

Он остановился и полуобернулся, улыбаясь внучке...

— А-а, шалунья, — только и сказал дед.

Лист лопуха слетел со шляпы, мягко скользнул по плечу и упал перед ним, а он, повернувшись, снова направился к дому. Он не обратил внимания на тень, мелькнувшую перед глазами, — какое это имеет значение, может быть, ему это просто показалось, а может, это было какое-нибудь мимолетное воспоминание, навсегда его покинувшее...

Вся большая семья в этот субботний день обедала на веранде. Дед, как обычно, ел методично и молча, как обычно, никто не обращался к нему, и девочке вдруг стало так нестерпимо жалко старика и обидно за свою шутку, что она разрыдалась. Насилу уговорили её рассказать, в чём дело. И тут, при всех, размазывая по щекам слёзы, она рассказала о своей шалости.

Пытаясь успокоить, совали ей яркую мокрую клубнику, а она всё продолжала всхлипывать. Старик в это время сидел неподвижно. И тут произошёл взрыв.

— Н-никудашная! Б-бесполезная девчонка! — вдруг отчётливо выкрикнул он, вне себя от охватившего его волнения, его руки тряслись сильнее обычного, и когда он хотел положить кусок сахара в чашку, промахнулся и обжёг чаем пальцы.

За столом поднялся шум: одни защищали девочку, говоря, что она дитя и нельзя всерьёз принимать её проделки, другие предлагали ей извиниться перед дедом.

Кончилось тем, что она попросила прощения, и ей сказали, что дед её простил.

— Тоже мне «никудашная», «бесполезная», — передразнила невестка — широколицая, начинающая полнеть женщина, — закручивая банки с компотом на веранде. — Полезный нашёлся, производитель!

— Ты же знаешь, глубокий склероз, — сказал муж, словно оправдываясь.

— Склероз! — буркнула жена. — А как на ребёнка орать, так можно?

Лицо у неё было красное, в капельках пота, и муж, вздохнув, промолчал, решив, что сейчас с ней связываться не стоит.

Ночью девочке стало тоскливо. Она вдруг почувствовала страх — страх смерти её и её близких. Воображение рисовало ужасающие по своей яркости картины утрат. Дрожа, она гнала их прочь, но они возвращались, рождённые тьмой. Она видела даже выражения лиц матери и отца в момент их гибели, непривычно по-детски растерянные. То их убивала какая-то странная грузовая машина, и лица их становились страшны своей отчуждённостью, то палач, весь в ярко-алом, в капюшоне с прорезями для глаз, рубил им головы огромным топором, и била струя крови, родной крови, а она в это время смеялась... «Как я могу, как я могу так думать!? — спрашивала она себя, холодея и дрожа. — Какая я жестокая, какая я злая!»

А что если бы они узнали, что творится в ней, сколько способов казни придумала она им, сама того не желая, как это было бы ужасно, они, наверное, отказались бы от своей дочери! «И я осталась бы совсем одна!» — подумала девочка, слёзы брызнули из её глаз, и она уткнулась в подушку, чтобы заглушить рыдания — теперь ей было жалко себя.

Через минуту, встав с постели, она пробралась в комнату родителей.

— Ты что, доча? — спросила мать, проведя рукой по её мокрым щекам.

— Мам, а мам, а мы все умрём? — прошептала она. — Я не хочу, чтобы мы умирали! Пускай лучше я!

— Ах, вот ты о чём! — тихо, с облегчением рассмеялась в темноте мать. — Глупенькая, да разве можно об этом думать? Да у тебя целая жизнь впереди. Успокойся, — ласково гладила она её по волосам. — Никто и не собирается умирать.

— Всё равно я не хочу. Чтобы мы умирали, — расплакалась девочка. — Ты мне скажи, ты ведь не умрёшь?

— Не умру, доченька, не умру, я буду долго-долго с тобой, будь спокойна.

— И папа?

— И папа тоже.

— И дедушка?

— И дедушка...

Побыв ещё немного с матерью и совсем успокоившись, девочка пошла к себе. Усталая и счастливая, она сразу заснула.

Некоторое время мать лежала молча, глядя в темноту, сон не шёл к ней.

— Николай, — наконец тихо позвала она, — ты не спишь?

— Нет, — ответил муж тоном человека, который давно уже проснулся.

Она молча кусала губы, женская гордость, гордость той юной и чистой девушки, какой она когда-то была, не позволяла просить её прямо.

— Когда у нас с тобой последний раз было? — наконец спросила она.

— Кажется, недели полторы назад, — неуверенно ответил он, немного помолчав.

Жалобно скрипнула кровать, их тела сплетались, находя друг друга. Обрюзглость и угловатость тела её куда-то исчезли, и он почувствовал в ней гибкую силу и тёплую нежность. Заглубелая от домашней работы и стирок ладонь гладила ему плечо, и ему вдруг показалось, что это вновь та девушка, с которой он встретился когда-то впервые...

Наконец, она облегчённо вздохнула, и он понял, что она улыбается ему в темноте.

Перед тем как заснуть, они немного поговорили о домашнем хозяйстве.

— В этом году много помидор, надо будет сделать засол на зиму, — сказала она.

Утром мать заглянула в лицо спящей дочери, на которое уже падал солнечный свет. На нём была лёгкая свежая улыбка, верхняя губа чуть удивлённо вздёрнута, как будто в этот момент она видела во сне какого-нибудь забавного фокусника с красным носом и в шахматных штанах или фею из сказки.

На следующий день девочка сама принесла сидящему на лавочке деду газету.

— А-а, — заулыбался он, увидев её, не добавив обычного своего «шалунья». — Вчерашняя? Ну ничего, я её ещё не дочитал... — Он ласково похлопал её по спине: — Беги играть... Не шали! — погрозил он ей вслед сухим пальцем, и она, ошарашенная, вспорхнула и помчалась над лугом стремительной стрелой, только сейчас чувствуя себя окончательно прощённой.

А он снова принялся наблюдать за бликами солнца на земле, впитывая тепло, льющееся на плечи. Потом его внимание перешло на ноготь большого пальца руки. Он был потрескавшийся, сухой, с блестящими на солнце гранями

и казался чужим. Он пошевелил пальцем, удостоверившись, что это именно его ноготь.

Он подумал, что таких вот солнечных дней остаётся совсем немного, скоро придёт холодная осень сеять дождями и сырой морокой, они уедут в город, а там и зима...

«Хорошо бы переехать на юг, туда, где всегда солнце и жара», — подумал он. Это безнадежное желание слабым светом озарило его душу, вызвав к жизни полузабытое, смутное, словно о ком-то другом, воспоминание.

Где же это было? Кажется, в каком-то санатории. Много солнца и синее, как индиго, море. Да, там была женщина. Странно, неужели нет ничего более подходящего и достойного за всю жизнь, что можно было бы сейчас вспомнить? Ведь он в своё время сделал неплохую карьеру, и как-то даже, на открытии моста через Волгу, сам член правительства пожал ему руку. А то ведь была так, интермедия! Глупость. Он и имени её уже давно не помнит. Но было много солнца, было жарко, это точно... Но что же она говорила... Какие-то слова... Ах да: «Как я люблю тебя!» Надо же, он всё-таки вспомнил!

«Как я люблю тебя!» — шептала она в порыве страсти. А он смеялся, он знал, что это неправда, и это лишь обычное курортное приключение. Но ни от кого, ни до, ни после, даже от жены, он не слышал таких слов. Потом, перед самым его отъездом, она, кажется, увлеклась моряком. Всё прошло приятно и безболезненно, но всё же в глубине души осталась какая-то оскомина, словно он ждал чего-то, а это так и не пришло.

Красное солнце садилось за кроны деревьев, и становилось прохладнее. По земле змеились сумерки, а стёкла веранды засветились алым светом. Было пора. Он встал и направился к дому по тенистой аллее. Он шёл по тропинке, и овеваемая ветром листва печально шептала вслед на языке, понятном только ему и ветру, одни и те же слова, горестные в своей запоздалой искренности: «Как я люблю тебя!.. Как я люблю тебя!..»

Ветер праздно листал забытую на скамейке газету.

Это случилось через месяц, видимо, ещё до наступления рассвета. Утром его нашли в постели остывшим, лоб был холоден, словно под кожей его лежал снег. Сообщали друг другу о случившемся шёпотом, и стало слышно, как в доме под тихими шагами скрипят старые половицы. Девочку отправили погостить на несколько дней на дачу к соседям, и скоро она уже, забыв обо всём, бегала со сверстницами по лугу и лесу. Они ловили кузнечиков и бабочек и, прикалывая их булавками к ватману, составляли коллекцию. Природа стремительно исцеляла горечь. Дело шло к осени, но погода стояла ясная и солнечная, и кто-то даже в шутку сказал, что в этом году скоро наступит второе лето.

Лидия Григорьева

ОХОТНИЧЬЯ луна

Музыка

Как бы ни был мой день горяч,
Такая пришла пора,
Закрой меня на скрипичный ключ
До самого до утра.

Чтобы всю смуту в себе затая,
Утром очнулась душа,
И чтобы снова узнала я.
Как музыка хороша.

Чтобы опять зазвенела струна,
Вспыхнул огнём окоём,
Словно бы ночью была не одна,
Словно опять — вдвоём.

* * *

Ты спросил меня: зачем?
Я тебе отвечу.
Видишь, ангел за плечом
Зажигает свечи.

В зыбком свете неспроста
Обнажилось тело.
Отлетело навсегда
То, что отболело.

Ангел золотым мечом
Тьму отсёк от света.
Только на вопрос: зачем?
Нам не дал ответа.

Григорьева Лидия Николаевна — поэт, прозаик. Родилась на Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, училась в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. В 1980-е годы — автор и ведущая программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. Автор многих поэтических сборников, двух романов в стихах, а также трёхтомника короткой прозы «Роман в штрихах. Термитник» (2020—2024). Лауреат литературных премий. Живёт в Лондоне и Москве.

Голос

Ловить неуловимое. Да что ты?
Не увидеть незримое. Ведь так?
О, эти модуляции и ноты
Сияют, как начищенный пятак!

Они реально слышимы и зримы:
Рыхлёный бархат или шёлк-сырец.
Над головой твоей, неповторимый,
Нимб голоса, как золотой венец.

Охотничья луна

А прозябать кому охота...
Но повернулось время вспять.
Идёт любовная охота
В ночь полнолуния опять.

И подготовиться, и сдаться,
И от волнения дрожать.
В силки любовные попасться,
Но жертву не изображать.

Хоть небеса к нам благосклонны,
Маячит каверзный вопрос:
Не холостые ли патроны,
И гибель, правда ли, всерьёз?

Не будем нарушать обычай,
Нам лунный зов не превозмочь.
А кто охотник, кто добыча
Не столь уж важно в эту ночь.

* * *

Когда я дома не одна,
Вернее, вместе,
Бокал черничного вина
Вполне уместен.

Так эти ночи горячи...
Скажу без лести,
Нас греют лунные лучи,
Когда мы вместе.

Луны прозрачное крыло...
Под вышним взглядом
Нам даже в тени светло,
Когда мы рядом.

Тут драгоценен каждый миг,
На грани жеста,
Как будто истину постиг
Или блаженство.

Как будто лунною межой
Бредёшь по свету.
И между телом и душой
Просвета нету.

Сад

И вот, возлюбленный и нежный,
Мой сад, предвечный и безбрежный,
Поник с печалью неизбежной,
Смирился и померк.
Он словно перестал стараться,
И ластиться, и волноваться,
И новой жизнью наполняться,
Ростки взметая вверх.

Но он напоминает вроде:
Нам счастье выдано по квоте,
Как бы при всём честном народе
Поставлена печать!
О том не может быть и речи,
Чтобы иссякли наши встречи.
Не нами этот путь намечен,
Не нам и прекращать.

Ибрагим Шаов

Общий котёл

Рассказ

До того дня мы жили просто — без лишнего, но с ощущением, что всё нужное у нас есть. В доме было тесно, зато всегда тепло: от людей, от печи, от мамалыги в котле. По утрам воздух наполняли запахи кукурузной каши и дыма, по вечерам — молока и лепёшек. В комнате стоял сундук с вышитыми подушками, самодельный шкаф, кровать с высокой резной спинкой, скрипевшая при каждом движении. Я спал на топчане у окна, откуда было видно абрикосовое дерево — то занесённое снегом, то облитое солнцем, в зависимости от времени года.

Нас шестеро. Трое младших — ещё совсем босоногие. Я старший. Учился в школе и помогал — дома по хозяйству. Вечерами мы сидели у огня, и отец, уставший, но спокойный, рассказывал, какое нас ждёт прекрасное будущее, когда достроится мост через реку. Мать штопала одежду, держала в голове всё: чем запастись на зиму, как вылечить ангину и что носить зимой. Всё держалось на ней. Мы не были богаты, но были вместе. А значит — целы.

Мне уже исполнилось девять, когда отец привёл их.

Снег шёл редкий, сухой, будто кто-то тёр мел на высоте и бросал крошки с неба. Мы с матерью и младшими грелись у очага, сбившись в одну тёплую кучку. Мать помешивала в котле ужин, малыши жались ко мне, дремали, сопели. Никто не разговаривал — все слушали. Как скрипит забор. Как поёт ветер. Мы ждали — как всегда — отцовых шагов.

Он вошёл, отряхнул бурку, сдвинул шапку на затылок. За ним стояла женщина — бледная, молчаливая, с усталым лицом. И девочка — рыжая, с глазами цвета весеннего неба, в слишком лёгком для зимы платье. Таких у нас не бывало.

— Подобрал на дороге, — сказал отец.

Мать кивнула. Сняла с полки лишнюю миску. В котёл бросила ещё одну пригоршню крупы и немного соли. Женщина встала у стены. Девочка робко скользнула в тень и села рядом со мной. Мы не заговорили — просто начали жить рядом.

Звали женщину Мария. Девочку — Нина. Муж Марии где-то пропал — так она сказала. Сгинул без следа, будто растворился в зимнем снегу. Она шла

с севера с ребёнком и пустым мешком за плечами, не зная, где ляжет. Отец подобрал их на обочине, где они стояли в дорожной грязи, сбившись в комок, словно стараясь спрятаться от всего на свете. Лицо женщины было обветренным, девочка дрожала от холода. У них не осталось ни пути, ни цели — только зима и шаг за шагом вперёд, пока кто-то не остановит.

Мария стала помогать маме по дому. Молчаливая и задумчивая, она работала ловко и аккуратно — подметала полы, мыла посуду, носила воду с родника, не дожидаясь просьб. Мать кивала ей с уважением — не сразу, но с каждым днём чаще.

У Нины была необычайно светлая кожа и лёгкий смех — как будто по полу катится мячик. Мы быстро сдружились. Она показывала, как складывать лодочки из бумаги, и шептала, что, если пустить такую по воде, она, может быть, доплывёт до отца и приведёт его обратно. Мы с ней ходили к горе — смотреть, как просыпается глиняный родник. Мы ели из одного котла, пили из одного ковша. Тогда всё делилось поровну — даже бедность.

Отец был председателем колхоза. Говорил мало, ходил быстро, будто за ним всегда гналось что-то невидимое и важное — тревога, тень надвигающегося бедствия, может быть, сама власть с её списками и молчанием. По утрам он выходил на крыльцо задолго до рассвета, затягивался, мечтал, всматривался в даль гор — в ту сторону, где рождается день. Потом — сапоги, пыль, люди, списки, гвозди, крики. Вечером возвращался молча, с запахом угля и ветра. Он не спорил, не жаловался, не объяснялся. Если кто-то просил, — помогал, если требовал, — смотрел мимо.

Когда Мария немного окрепла, он устроил её на работу в колхоз. «Работящая, не пропадёт», — сказал он бригадиру. Она не сразу решилась, но согласилась. И работала не хуже других.

А потом за ним пришли. Без стука, без предупреждения, не снимая обуви. Один зажёл лампу, не спросив. Другой читал, криво шевеля губами. Отец стоял прямо. Когда уходил, — коснулся плеча матери, будто хотел поправить платок. Бурку и шапку не взял. Я потом понял почему.

Жизнь свернулась. Мать стала тоньше, как будто внутри неё что-то сжалось и больше не расправлялось. Её лицо осунулось, стало строже, черты выточились, — будто трудности отсекали всё лишнее.

Мы собирали черемшу, сушили картофельные очистки, перемалывали сушёные стебли фасоли. Стали продавать вещи. Сначала ушли часы, потом бурка и шапка, потом дедушкины трубка и трость, которыми отец особенно дорожил. Мать без звука вытаскивала из сундука одно за другим, развязывала узлы, перебирала, откладывала. Всё, что казалось прочным и вечным, уходило — за муку, за керосин, за пару свечей. Иногда я слышал, как она шепчет отцу что-то в тёмной комнате — будто он всё ещё здесь, просто не отвечает.

Весной Мария ушла. Сказала: в город, к капитану, другу покойного мужа. Говорила тихо, не глядя в глаза, будто извинялась. Мы не задавали вопросов: знали, что в её жизни, как и в нашей, больше пустого, чем полного.

С Ниной мы простились у порога. Стояли между дверью и холодом, как между двумя мирами. Она держала в руках свою набитую золой тряпичную куклу. Протягивая её мне, Нина сказала:

— Чтобы ты не был один.

Я ничего не ответил. Просто смотрел ей в глаза. Думал: как можно вот так уйти, не оборачиваясь, когда мы вместе пережили зиму? Делили не хлеб даже, а то крохотное ощущение, что мы — не одни в этом мире.

Она навсегда осталась в памяти той девочкой с куклой.

...Каждый месяц мы ходили в тюрьму. Несколько километров по глинистым дорогам, размытым дождями, по слякоти, что всасывает ноги, по ветру, что хлещет в лицо, как плеть. Узел в руках — варёное яйцо, табак, вязаные носки. Мать закутывалась в платок, я шёл рядом, шурясь от снега, от зноя, от равнодушных глаз. Охранник приветливо кивал, брал передачку и записывал имя. Мы поворачивали обратно. Ни писем, ни слов, ни знака. Только дорога туда и обратно. Так — пять лет.

Потом пришло извещение. Маленький бланк с печатью и строчкой:

«Расстрелян. Июнь 1937».

Почти сразу. Через три месяца после ареста. Мы кормили не его. Все годы мы кормили охрану или пустоту, что поселилась в тюрьме, в нас, в жизни.

Мать не знала. Или знала, но не позволяла себе верить, — иначе всё рухнуло бы сразу. Она держалась за эти походы, как за поручень над скалистым обрывом. Готовила посылки, добывала сахар, сушила яблоки, молчала, пока собирала узел. Дорога туда стала её молитвой, её надеждой, её последним делом на земле. Пока была дорога — был смысл.

А когда пришло известие, в ней будто обломился стержень, на котором держалась её душа. Она не плакала, не кричала — просто стала ещё тише, чем всегда. На следующее утро не встала. Лежала с открытыми глазами, продолжая глядеть на дверной косяк, как будто ждала — не ответа, а хотя бы тени, силуэта, случайного скрипа половиц. Но нет. Через день — тише, чем шёпот, легче, чем дыхание, — её не стало. Потухла как огонь в очаге: без вспышки, но с жаром, который ещё держится в стенах какое-то время. Без неё дом опустел. Младшие плакали, не понимали. Я — понял. И с трудом вытянул: работа, хозяйство, еда, малыши. Тишина. Так закончилось моё детство без детства.

Теперь я старше своего отца и не знаю, зачем держу в руках его Дело. Пахнет оно старыми чернилами, архивной пылью, табаком и чем-то ещё, похожим на запах заброшенного дома. Пожелтевшие листы, глухие печати, выцветшие фамилии — и вот она, подпись отца. Выведенная твёрдой рукой, не дрогнувшей ни в одной букве.

А далее строчка: «Живёт на нетрудовые доходы. В доме прислуга». И подпись.

Той, с которой мы ели из одного котла. Которая казалась своей, почти родной. Чья добрая рука гладила нас с Ниной по головам, — и ею же написала донос. Когда я вспоминаю её, в памяти всплывают не только слова на бумаге, но и её тишина у котла, и как она обвязывала руки тряпицей, чтобы не обжечься, и как поправляла Нине одеяло ночью.

Я завязал папку. Положил обратно в стол. Потому что есть вещи, которые не сжигаются, не стираются — только хранятся. Жаль только, из таких документов не сложишь бумажных лодочек — как тех, что мы складывали с Ниной, — чтобы они уплыли и вернули всех, кого забрали. Не нужно никого винить, не нужно искать правильные слова. Просто помнить. Помнить руки отца. Тишину матери. Куклу.

И голоса, которыми никто не позовёт.

Амарсана Улзытуев

«В Индию духа купить билет»

Поэма

Когда поэт из Бурятии, пишущий по-русски, Амарсана Улзытуев прислал в «Дружбу народов» поэму, озаглавленную знаменитой строкой Николая Гумилёва «В Индию духа купить билет», редакция, оценив отнюдь не журнальный объём сочинения, предложила напечатать лишь несколько глав или отказаться от публикации. Эта поэма — отдельная книга. Но автор настоятельно просил, чтобы поэма вышла сначала в «толстом» журнале и непременно целиком...

Тогда появилась идея, показавшаяся интересной и конструктивной: несколько начальных глав поэмы дать в августовской «Дружбе народов», а продолжение тоже в августовском номере пойдёт — с любезного согласия Юрия Викторовича Казарина, заведующего отделом поэзии — в журнале «Урал». Так и сделали.

Читайте «Дружбу народов» и «Урал»!

Галина КЛИМОВА,
редактор отдела поэзии

Веди меня от смерти к бессмертию...

Упанишады, Брихадараньяка, I, 4

Вступление

Влюблённый в Землю,
Велю себе восходы и закаты,
Люблю себе могучие рассветы велеть оленьим рёвом.
Любо мне, любо губы лютневой музыки цикад целовать,
Лепо, мне лепо песни старинные славян моих листьев петь,
Сладких-пресладких утренних рос хороводы водить,
Славу оратаям своим, шмелям, сердцестана рокотать...

Улзытуев Амарсана Дондокович — поэт. Родился в 1963 году в г.Улан-Удэ (Бурятия), в семье бурятского поэта Дондока Улзытуева. Окончил Литературный институт им. М.Горького, где ныне преподаёт на кафедре Художественного перевода. Публикации в журналах «Арион», «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Журнал ПОэтов», «Байкал» и др. Автор нескольких поэтических сборников, среди них «Новые анафоры» (М., 2016) и «Ая — Ганга» (М., 2023). Стихи переведены на 15 языков. Лауреат государственной премии Республики Бурятия в области литературы (2018), Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка и многих других. Живёт в Улан-Удэ и Москве.

Вечности нежной когда-то с утра
Весь я тобою, одною тобою рекою нежен,
Утро исповедимой красоты это ты —
Мудро... Праджняпарамиты¹ твои ланиты,
Могучие восходы и закаты,
Певучая, лёгким ветерком, с утра ты...

Лада, моя лада, снежных песен моих,
Ласточка-подружка нежных вёсен моих,
Ими, хмельными,
Имя твоё пить — быть навсегда или не быть...

Часть 1

I

И сотворил Я беглянку мою,
И обращалась она то в рыбу, то в птицу, то в баобаба, то в тигрицу,
Текла от Меня разноцветной волною жизни,
Тело своё от Меня в многообразии пряча.

Я же её догонял и, чтобы навеки оставить с собою, овладевал
Яростно, страстно, неистово,
То в баобаба обращаясь, то в тигра, то в птицу, то в рыбу,
То есть творя из косной живую материю...

Мать Индия, в твоей утробе
Мати-земля легка,
В ней двигаюсь легко, как в сдобе
Миров перворука.

Я чувствую себя как дома
С лепёшкой в руке,
Так вдруг бывает всё знакомо
У эволюции в витке.

Здесь мама мыла бога Раму,
И не едят коров,
Здесь человечество упрямо —
За пазухой богов,

Одеты в сари, как невесты,
И бороды из хны,
Пока пахтают боги тесто
Из мира и войны...

¹ Праджняпарамиты — священные тексты (Индия).

II

При виде этих наших родственников, Кришна,
сошедшихся для битвы,
Подкашиваются мои ноги, пересыхает рот,
трепещет моё тело, и волосы становятся дыбом...

Махабхарата. Бхагавадгита

Возможно, это был индус или непалец,
Восемь миллиардов блаженных мимических мышц его лица улыбались,
Трудолюбивая его улыбка неизвестно о чём в вагоне хмуром метро
Тронула моё иудео-христианнейшее мусульмано-даосско-буддийское сердце...

На фоне задумчивости или печали дорогих моих соотечественников
Надо же так светло улыбаться...
Русский ли ты добродушный или бурят хитромудрый, украинец весёлый,
премудрый еврей
Родина, вероятно, у всех одна — эта божественная улыбка...

Останавливающая время, — мне нравится в ответ останавливать время,
Историю завершать битв за место под солнцем,
Бесконечность дурную великих и малых братоубийственных войн,
Битв укрощать — упанишадой улыбки — свирепую махабхарату...

Те же, родные по крови, ради кого эти мечты о счастье,
Теща своё самолюбие, сегодня сошлись убивать друг друга,
Из тел своих храбрых изрывают жемчужные души в обеих ратях —
Тести и наставники, шурины и свойственники, отцы и сыны, внуки и деды,

Ты, Господь Кришна, всё-таки благословил эту войну,
Так ли это было нужно — братьям уничтожать братьев, исполненных демонами,
Возницей гнева Божия Своего — несравненного Арджуны,
Вожжи боевой колесницы отпускаешь над Курукшетрой, и любые грехи...

Не знаю, чем подсвечиваешь лица —
Какой-то незнакомый свет —
Не нужно сожалеть, не нужно злиться,
И смысла в ненависти нет.

Откуда сил берёшь на эти краски,
Бурля по площадям толпой,
Индийской неги панибратской
Покачивания головой.

И я с планшетом в радостном угаре
Смирненно волочусь за каждым сари,
А повод дай, и вправду тут
Как дети пляшут и поют...

И ларьки повсюду пёстрые,
Словно в наши 90-е,
По-над Джайпуру сам-большой
Мне слон кивает головой.

Вдоль трасс навстречу бугенвиллия,
Когда-то из Перу, не то Бразилии,
Кровавый каждый лепесток
Колонизаторам намёк...

Считается тут город малым,
Двухмиллионник — едут как попало
На мопеде всей семьёй,
Да с индийскою душой...

III

Вы, проходящие мимо прелестницы юные,
Нисколечко не тяготящиеся смыслом жизни,
Небом птичьей правоты увенчанные,
Нежные и трудные своей пригожестью,

Сколько пленить вам пребудет просто,
Лакшми кудряшек,
Зиты и Гиты ресниц...
Чистые, слёзные души.

И вот, я — мнящий себя исполином —
Совсем не из ваших фиолетовых снов,
хрупконожки, безродные дочери грусти.
Там, куда вы идёте,
величавые своей пронзительностью,
Вас ожидают многолетние руки
неумолимой Кармы.

И мне — бесконечному юноше птиц —
Уже не дарить вам цветов гималайских,
поросших дождём...

У жизни, у обветренной, спроси,
Зачем она, запрягши свиристеля,
По бездорожью ночи колесит
Вселенскою телегою — без цели.

Как будто безутешная вдова,
Как будто обезумевшая с горя,
Она вся — сон, вся — синь, вся — синева,
И бездна непосильная во взоре.

И пелена в обугленных очах,
И лик её в улыбке умиленной,
И плачущий младенец на руках,
Безумием её воображённый...

Никто, никто из нас не сотворён,
Мы только — синь, мы — Сансара¹, мы — сон,
У жизни мы несбыточные дети,
И плач души над бездною времён
Не осенит отечески бессмертье.

Невоплотимы... знаем ли о том!
Бесплотные во времени плывём,
Лишь иногда мы встаём из грёзы
И оживаем в воздухе ночном,
И льём воображаемые слёзы...

IV

Та, которую обнимая,
Ты испытывал наслаждение,
Это всего лишь скелет...

Бодхичарья-аватара, глава VIII

Применяю йогическую практику «изыди!»,
Представляю материи божественную плоть куском разлагающегося трупа,
О которой сказано — зело хорошо,
Ом, Мимолётная, не введи мя во искушение!

Фасеточным зрением буддиста вглядываюсь в Её пустоту пустот,
Фак, всё равно проваливаюсь в лермонтовскую русалку в русалке,
Главное, глаза, откуда не вырваться живым, Боже, как мне в них не глядеть,
Глади её кожи не жаждать, прекраснобёдрой, терпкие пики сосков...

Глад и мор насылаю тараканам в моей голове,
Глаз оторвать невозможно, умоляющих, алчных.
И ведь всё понимаю — Она и есть смерть, тлен несущая,
Но ведь — по образу и подобию — Она и сингулярность, и вечно сущая...

Из вчерашней жизни моей, из вчерашней жизни
Мне послал тебя жизни Всевышний,
Твои губы червивые, видишь, здесь лишни,
Сотворил тебя Вишну из вишни.

И хотя никогда, никогда не умру я,
Только дай мне такую тебя, только дай мне такую,
И от счастья и нежности смерти не чуя,
Только дай мне тебя, твои губы воружа...

¹ Сансара (монг.) или самсара (санскр.) — круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

V

Медленно протяну
ладонь протяжённостью в два дециметра,
Протяжно тебе будет
и мне,
ибо глубинная рыба она — голомянка,
что водится только в Байкале,
что только в твоей нежности может водиться,
и след её — кость лучевая
от самого что ни на есть моего локтя
до самого твоего невесть из каких
счастливых случайностей и причин
плещущего плеча...
где множество сладостных множеств
собой составляют единство Единственной,
где вечное слитно с мгновеньями,
так женщина слитна с коленями,
и где не бывает повторов
неповторимой...

Как на вершинах гор добыть мне мумиё,
Какая же Нирвана без Неё,
Как бытие без бытия живого,
Как смысл всего, где смысла никакого...

Не смея разомкнуть желанных губ,
Музыку я разъял, как труп,
Материю преодолая йогой,
Как бы коллайдером частицу бога...

Но не бывает дыма без огня,
Нирвана — это битва за меня,
Как в зверя заточённая молитва,
Как, впрочем, нежность — это тоже битва...

И ниспадая, как штора, и застывая, как рыба,
чувствительность в два дециметра
становится больше, чем просто чувственность —
самой действительности тоньше,
самой замедленности дольше,
когда, выпрастываясь из человечины,
ниспровергая материю,
уносится в терра инкогнито
свободным течением
в течении
поцелуя...

VI

И будучи пусть даже последней тварью,
Я буду жить распаду вопреки,
Обугленный, в горниле выживания,
Бабуином я буду прыгать радостно по веткам!

Страданий убегать зачем?
Желаний да буду цветущим лугом,
Причём, для счастья мне хватило бы немного океанов,
Пригоршни планет, шмеля в цветке...

Бессмертие зову —
У смерти вырвать клочок звёзд и бездн.
И как мне разлюбить ловить губами,
Стихами — материи девичий пульс...

И как мне быть с мечтами?
Пускай бессмертие меня разбудит утром рано,
Хочу шерханом полосатым бродить в тайге амурской,
Ручью студёному безмолвно поклоняясь...

Я люблю умирать на широких лазоревых зорях,
На просторной ладони земного шершавого завтра,
На пуховых до слёз горловых соловьиных раздольях,
Где пичужья и божья светло исполняется правда.

В первородных лучах высоко преломившейся бездны,
В самородных садах уносящейся прочь поднебесной,
Я люблю ощущать соловьиную трель измерений,
Сухожилья труда, голубые прожилки мгновений.

Осязать навсегда, что всего мне дороже на свете
Треугольник души, несогласный с окружностью смерти,
Когда горечь во рту, как ребёнка очнувшийся гений,
Когда мир ещё я, когда ветер ещё дуновенье...

VII

Там, где ветер дремучей рогожей, —
Ребёнка вижу пречистой росы,
Тишиною сладчайшая кожа,
Изумрудной травой власы.
Там, где ветер придуман о дали,
Где ресницы луною легки, —
То травы голубой лебеда ли,
Где волна за волною мягки.
Где ночь тончайшей работы,
О сердце, того не забудь,
Когда, неземное, могло ты
И не уставало ничуть.
И не пробуждалось собою,
Как любую пичугой сосна,
Где выдашь себя с головою,
И болью мучительной сна...

Я брезжил...
Передо мной роился хрупкобёдрый язык дьявола Мары,
Троился голубь с клыком вместо клюва, и вместо пары крыльев — один тяжкий
хлопок по плечу,
И тридцать три воина Гэсэр-хана,
Тридцать молодцев Черномора
с бегущими галактиками у ног.

И ещё прорубь, проколота где-то в неандертальском Байкале, зияя поодаль бабочкой,
И заяц из кулака о двух пальцах на безысходной, как рвота, общажной стене...

Гималайцы ещё не умели сходить с вершин,
Китайцы ещё пользовались единственной гексаграммой,
Ещё не выпулилась из яйца первая гимнософистка Феникс,
И эти тысячелетние трудности роста шеи жирафа...

VIII

Родился, весь синюшный и вечно дрищущий
Со слов покойной мамы,
Эвакуированным был в деревню, еле дышащий,
В лесостепную глушь Закамны¹.

И вспоенный кобыльим молоком,
Румяным толстощёким колобком
Катился дальше, от бабушки и дедушки,
Сюда, где с пылу с жару мамины оладушки

Улыбок местных, где цвета лис закаменских
Собаки в Индии... обычные собаки,
Но странно тихие... Среди построек сталинских
Чуть не убится с шестого этажа общаги

От безответных чувств — уж сорок лет назад, а тут,
Как дети, пляшут и поют... Наивный Болливуд
В сто тысяч раз прекрасней и мудрее Голливуда,
Вдруг понял я, проснувшийся, как Будда...

Счастливые, увидеть вы могли бы
В глазной хрусталик мудрецов,
Как бы из грёз несбыточных улов,
В нирване вод резное тело рыбы
В студёном холодце из леденцов
Работы бездн и мудрости без слов,
Играющий неведомые нимбы
По совершенству строгой чешуёй,
И намертво, и наглухо немой,
И сахарной схороненный струёй,
Крути кругов и синие изгибы
Вершащий небожитель под водой...

(Окончание поэмы публикуется в № 8 литературного журнала «Урал»)

1986—2019

¹ Закамна — Закаменский район в Бурятии.

Юрий Каграманов

Другая дорога

Строки из замечательного стихотворения Роберта Фроста «Другая дорога»:

...Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.
Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехожей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла,
А впрочем, заросшими были обе.
.....
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.

А *parva ad magnum*, от малого к большому: образ озадаченного путника применим и к нашему Отечеству. Развилка дорог в нашем случае пришлась на эпоху Петра I. Два или три поколения славянофилов, старые и новые евразийцы подвергли разносторонней критике его реформы и вынужденный ими взгляд на мир через «европейские очки», но у западников всегда находились веские аргументы в их пользу — пока слишком явно не попортились «очки»: даль в них теперь размыта или вообще исчезает, а близь исковеркана.

Пока Европа переживала период восхождения на своём пути и после, пока она ещё сохраняла некоторые свои достоинства или то, что казалось достоинствами, естественной была увлечённость или по меньшей мере заинтригованность тем, что там происходит. Нынешняя Европа «не в гору живёт, а под гору» — чего лишь тот упёртый западник может не заметить, что живёт вчерашним её образом. (Я пока оставляю за скобками Соединённые Штаты, переживающие поворотное время — о них речь пойдёт ниже).

Каграманов Юрий Михайлович — публицист, философ, культуролог. Родился в 1934 году в Баку. Окончил исторический факультет МГУ. Автор многих статей и ряда книг, в том числе: «Культурные войны в США» (2014), «Око бури. Проблемы исламского вызова» (2020), «Что ждёт Америку» (2021), «Время славянофильствует» (2022). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

Во что верил царь Пётр

Крещёный в православии, царь Пётр внешне никогда от него не отступал. Более того, всегда сохранял вкус к православной службе, сам пел на клиросе, вполне по-церковному относился к мощам и чудодейным иконам и т.п. Но в своей практической деятельности он от духа православия зачастую бывал предельно далёк.

Принято считать, что разворот к Западу вызван был непосредственными впечатлениями от европейской жизни, полученными ещё в Москве и после, во время первой заграничной поездки. Но надо принять во внимание, что разворот сопровождался и отчасти даже предварялся переменами в религиозном мышлении. А началось это ещё до Петра.

Задолго до того, как он прорубил окно в Европу, была открыта дверь, впусившая на Москву «инфлюкцию» польского происхождения. Изгнанные из Москвы в 1612-м, поляки постарались взять реванш в поле культуры. Это стало заметно уже в царствование Алексея Михайловича, когда московское боярство-дворянство стало подражать шляхетству: носить кунтуши и шапки-рогатывки, «сабли у боку», нередко даже пытались говорить по-польски или хотя бы употреблять какие-то их словечки. А при царском дворе впервые на Руси появился театр — там «учиняли комедии», переведённые с польского и с участием польских актёров.

Одновременно из Польши шло религиозное «обновление». Своего рода передаточным пунктом здесь был Киев.

К западу от Московской Руси — время религиозной борьбы и богословских споров. На территории собственно Речи Посполитой (Великой и Малой Польши) протестантство, преимущественно в кальвинистской его версии, схватилось с традиционным здесь католичеством, а дальше к востоку все версии западного христианства методически наступали на православие. Рождение Брестской унии фактически означало для православных «сдачу в плен» католикам. На волне успеха иезуиты основали в Киеве в 1633 году, по образцу иезуитской коллегии, Киево-Могилянскую академию, которой суждено было сыграть особую роль в истории России XVIII века. Формально это была православная академия, но исподволь стала проводником западного влияния, причём католическое влияние со временем вытеснялось протестантским.

В 1687 году выходцами из Киево-Могилянской академии была основана в Москве, на территории Заиконоспасского монастыря (это в начале Никольской улицы) аналогичное по своему профилю учебное заведение, названное Славяно-греко-латинской академией. Здесь Пётр нашёл созвучный его пожеланиям коллектив, преимущественно из киевлян, ставший, назовём его так, интеллектуальным штабом реформ.

О влиянии, какое приобрели киевляне в России, свидетельствуют хотя бы такие факты. Преподаватель Могилянки Стефан Яворский был поставлен рязанским митрополитом, а после, с отменой патриаршества, — местоблюстителем патриаршего престола! Стефан ранее подвизался в униатстве, затем отрёкся от него, но оставался «православным с католическим оттенком»; реформы Петра поддерживал, хотя не все. Зато ректор Могилянки Феофан Прокопович, в конечном счёте переселившийся в Петербург, стал ведущим идеологом Петра и не просто поддерживал его реформы, но стал их энергичным ревнителем и зачастую инспиратором.

Деятельность киевлян была полезной в той мере, в какой были необходимы реформы Петра. Тем более что большинство предметов, входивших в учебный план академии на Никольской, были светскими: иностранные языки, история, преимущественно древняя, и некоторые другие. Но вся эта просветительская (в ограниченном смысле — можно без кавычек) деятельность взмыла на духовном трамплине западного происхождения. Киевляне внедряли богословскую «учённость», игнорирующую ценность православного церковного опыта. Ибо «учённость» эта включала, как говорили православные оппоненты, «калвинские и луторские противности» (то есть кальвинистские и лютеранские).

Фактически был взят курс на секуляризацию, по образцу протестантской Европы, Петру особенно близкой. В частности, по европейскому примеру Церковь была подчинена государству, точнее, Государю. А Византия нам завещала единство Царства и Церкви.

В этом плане, впрочем, можно и отдать должное Феофану со товарищи. Они сохраняли память об идее Третьего Рима, ждущей более полного своего воплощения. И видели, что украинцы с их неизбежной склонностью к *казакованию*, на роли реализаторов идеи не тянут. И потому обратили взоры на северо-восток, где был силён государственнический инстинкт и проявлялась воля к историческим свершениям. Чего не могут понять в сегодняшнем Киеве, считающем выбор империи специфическим пороком «русни». Оговорюсь, что самый термин «империя» (Пётр принял титул императора после победного Ништадтского мира в 1721-м) был, возможно, не вполне адекватным. Слово «царь» тоже западного происхождения (от имени Caesar, ставшего нарицательным), но как бы породнившись с византийским «басилевсом», оно стало богаче смыслами. Царь «по-русски» явился удачливее и самого басилевса, так как обеспечивал стабильное престолонаследие (нарушенное было Петром, но восстановленное в начале XIX века), чего не было в Византии.

Пётр был двоевер: тяготел к протестантству в практических вопросах, он сохранял «привязанность» к православию. И двоевером стала страна. В делах, государственных, военных и некоторых иных, включая сферу образования, первенствовали «западные борзости», как их тогда называли. Но глубинные течения русской жизни — неторопливые, как все морские течения и, подобно морским течениям, гораздо большие в охвате, чем поверхностные течения, — из предшествующих столетий вытекающие, продолжали катить свои воды, что отражалось главным образом в нравах всех существующих сословий.

Как относиться к зажигательному образу Петра, созданному Пушкиным? По-прежнему с восхищением, если помнить о задачах, стоявших в то время перед Русским государством; и о том, сколь насущно сохранять толику его огня для каких-то будущих свершений. Но в интимной глубине русского сознания сохраняют свою ценность смиренная тихость и благостояние, свойственные патриархальным оппонентам царя-преобразователя.

Станет ли у них христианство катакомбной верой

Если и вправду сказал царь Пётр (свидетелем тому был, по его словам, канцлер Г.Головкин), что наступит момент, когда мы повернёмся к Европе задом, то этот момент по-настоящему лишь теперь, три века спустя, наступил. Потому что сегодня только сильно отставший от времени западник, который судит о Европе по книгам

Марселя Пруста или Томаса Манна или даже по фильмам относительно недавнего прошлого, может вздохнуть о «вертограде процветшем», как её называли когда-то.

Провозвестники «заката Европы» думали, что она будет «закатываться» по образцу Древнего Рима: оскудение гражданственности, порча нравов, смешение с «варварами». Всё это имеет место, но сверх того происходит нечто такое, о чём заранее догадывался едва ли не один-единственный прогнозист: австрийский историк Ганс Зедльмайр (некоторые его книги переведены на русский язык) полвека назад написал, что в её последний час Европу поразит безумие. Не менее удивительно «видение» Марины Цветаевой, вообразившей «наоборотный мир», к какому способен прийти в конечном счёте левый революционизм, где велено

Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорождённых надо поить вином,
Реки — жечь, мертвецов выносить — в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

У этого безумия есть своя система, свой логос, изначально носивший имя свободы. Понятие свободы — многообещающее и вместе опасное; «хитрость» в том, что плодотворной она оказывается только в сочетании с несвободой. Длительное время это было как вино, пленившее европейские умы и вызвавшее к жизни множество «открытий чудных». Но из-за неизбежности окисления всякое вино превращается в уксус — если не знать секрета его выдержки.

Можно ли излечить Европу? Рассуждая символически, это могут попытаться сделать те же два врачевателя, что приставлены к слепой принцессе в «Иоланте» Чайковского: «великий мавританский врач» Эбн-Хакиа и исполненный любви христианский рыцарь. Христианского рыцаря на горизонте пока не видно, а вот мусульманские «врачеватели» заполняют Европу чем дальше, тем больше. Некоторые прогнозисты, заглядывая вперёд на считанные десятилетия, уже видят простёршийся в пределах Европы Халифат.

Скрепя сердце придётся признать, что это был бы не худший выход из положения. Ислам — великая религия, близкородственная христианству, и коль скоро Европу, по моему убеждению, доподлинно ждёт кончина — а это будет некрасивая кончина, нечто схожее со «Смертью распутницы», какою её представил Иероним Босх, — конечно, жизнь в исламе куда предпочтительнее.

Но какая жалость! Вся великая Европейская культура — по своему богатству и значению уникальная в истории человечества (уникальность её — производное от уникальности христианства) — будет становиться всё менее понятной; а если здесь возобладает ваххабитская версия ислама, будет даже специально преследоваться.

Но ещё важнее: Европа, по крайней мере западная её часть, будет потеряна для христианства. В лучшем случае оно там станет «катакомбной религией» (возможность, которую предвидел ещё Достоевский).

Заповедано в свой час: «Жизнь и смерть предложил Я тебе... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор. 30 : 19). Немудрящая гигиена требует дистанцироваться от тех, кто выбирает смерть.

«Сад расходящихся тропок» и выход из него

Честь спасения западного христианства пытается поддержать Новый Свет. В первую очередь это относится к Соединённым Штатам.

Жители этой страны, как известно, всегда были религиознее европейцев. Изначальное ядро нации, от которого она «есть пошла», составили пуритане (кальвинисты), у которых религиозно продиктованные строгости и стеснения были ничем не меньше тех, которые отличают сегодня мусульман-ваххабитов. Почему ослабление и разложение началось уже через два поколения после того, как первые «пилигримы» в твёрдых пуританских шляпах высадились на берегу Массачусетского залива?

Отчасти причиной тому были жизненные обстоятельства, но нас здесь интересуют собственно религиозные причины. Главной из них было то, что с нелёгкой руки Жана Кальвина истина веры была передоверена каждому из членов общины в отдельности. «Власть имеющим» оставалось для него только Священное Писание. Тогда как авторитет пастора весил не очень; равно как и авторитет священного Предания. Толковать вычитанное в «Библии короля Якова» (популярное тогда издание) каждый получал право самостоятельно. Отсюда начавшиеся в среде пуритан расхождения, которые в дальнейшем привели к дроблению — изначально более или менее цельного объединения — на различные секты, которые утрачивали даже имя пуританства; дробление, продолжающееся по сей день.

Получился «сад расходящихся тропок», если воспользоваться образом Борхеса.

Коль скоро каждый член общины может иметь в вопросах веры своё мнение, принятая общиной доктрина фактически является для него *предварительной*, он в любой момент может поменять её на другую, найдя себе «епанчу по своему плечу». Отсюда — плывучесть, растекаемость протестантства в Америке. К чему это ведёт, писал известный протестантский богослов Ричард Нибур. Мне уже доводилось цитировать его мысль в «ДН», напомним: «Без стабилизации и консервации великие (религиозные) движения проходят, как шторм на море, ничего не оставив после себя, кроме обломков разрушенных ими институций» (Niebuhr Rich. *The Kingdom of God in America*. N.Y. 1959, p.167).

Плывучее протестантство переставало оказывать влияние на культуру, а утратившая ориентиры культура в свою очередь разъедала религиозные верования, отчего терпели урон все конфессии, но в первую очередь господствующее протестантство. Пустели скамьи в храмах, что говорило о растущем перевесе секулярности в обществе, но перевес секулярности имел следствием недовес смыслов его, общества, существования. Другой, ещё более известный протестантский богослов, уже с некоторым уклоном в католичество, брат Ричарда Нибура Рейнголд Нибур (несколько лет назад о нём вышел документальный фильм, где он назван «совестью Америки») около полувека назад, фиксируя происходящее в стране, присоединился к «теологии кризиса», которую в Европе сформулировали Карл Барт и Рудольф Бультман. Суть её в том, что Бог в последнее время перестал вмешиваться в ход истории; на земле, таким образом, воцарилась кривда, а правда вознеслась высоко за облака и станет доступна в Судный день.

Не сказать что американское католичество находится сейчас в более выгодном положении, чем протестантство: ряды молящихся в католических храмах до последнего времени редели почти так же, как в протестантских. Но на стороне католиков

обозначилась когорта воителей, движимых наступательной энергией. Таков, в частности, Шейн Шетцель, автор блогов и книг, еврей, перешедший из иудаизма в протестантство, а затем в католичество. У Шетцеля сильное апокалиптическое чувство: он убеждён, что Америка, какова она есть сейчас, движется к гибели, от которой её отделяет одно-единственное поколение, и лишь католичество способно её спасти. Будущее в его представлении подобно цунами, которое накатывает на город, где будут легко смыты постройки из дерева и глины (это протестантство), только каменные здания устоят, хотя и могут быть сильно повреждены (это католичество).

Воинствующие католики есть и в команде Трампа, более того, они задают в ней тон. Таковы Стивен Бэннон, изначальный «тренер» Трампа и сейчас остающийся ведущим идеологом MAGA, вице-президент Вэнс, тоже перешедший из протестантства в католичество и порицаемый его критиками за «средневековые» взгляды, госсекретарь Рубио, чьё католичество написано у него буквально на лбу (пепельным крестом после неких церемоний), министр обороны Хэгзет, не просто католик, но, как он сам представляется, реинкарнация крестоносца, — наколовший у себя на груди девиз крестоносцев *Deus vult!* («Так хочет Бог!») и выступающий за крестовый поход перво-наперво в собственной стране.

Кое-какие подвижки на уровне «малых сих» уже есть, что позволяет прогнозистам прикинуть, что к 2050 году католики среди верующих станут в Америке большинством (сейчас их вдвое меньше, чем протестантов). Какую-то роль здесь должно сыграть выросшее присутствие *латинос* и их большая фертильность, но главное всё-таки не в этом.

Чем привлекателен католицизм? Если коротко — тем, что он ближе к небу; когда дела на земле идут неважно или даже совсем плохо, естественно обращать взоры горе (замечу, что православие ещё ближе к небу и неслучайно число православных в Америке стало быстро расти; но, конечно, сравнительно с числом католиков оно пока ничтожно). В мире становится всё меньше понятного, всё больше непонятного, отчего самонадеянность в сложных мировоззренческих вопросах, что затребовано протестантством, становится делом в большинстве случаев оплошным. Заново набирает очки авторитет, твёрдое напоминает о своём преимуществе перед текущим, цельное перед раздробленным. Не совсем утратила своё обаяние эстетика богослужения, почти утраченная в протестантстве. Возрождается традиционная месса на мало кому понятном латинском языке, даже в старушке Европе редко где сохранившаяся.

Если в Соединённых Штатах возобладает более или менее строгий католицизм (а наступает именно такой), это будет означать выход из «сада расходящихся тропок» и переход на «другую дорогу», оставленную ещё в XVII веке, как теперь выясняется, «про запас». В этом случае едва ли не всё поменяется в стране, потому что от ответа на вопрос «како веруеши» зависит и всё остальное: политика, экономика, культура и так далее.

И это будет великое отступление секуляризма — если, конечно, наступление окажется успешным.

Есть сила, которая наступление будет тормозить, — это идеология трансгуманизма, основным носителем и рассадником которой является Силиконовая долина в Калифорнии (средоточие научных учреждений и лабораторий). Долина последнее время «топит» за Трампа (а наиболее известный её деятель Илон Маск поначалу даже входил в состав его администрации), но идеология трансгуманизма не стыкуется с христианскими заповедями, «бог из машины» противоречит Богу без кавычек. Можно понять, почему в среде трампистов смиряются также и перед первым из них: потому

что трудно «сделать Америку снова великой», не поддерживая в ней стремление к технологическому превосходству, какое отличало её в прошлом. А его невозможно достичь без помощи Большой цифры, необходимой и в военном деле, и в полётах в космос (востребованных, коль скоро речь идёт об околоземных орбитах, и показушных, когда речь идёт, скажем, о полётах на Марс), и во многом другом. Большая цифра — инословие искусственного интеллекта, что коварным образом подталкивает в сторону пресловутой «матрицы», каковая есть уже чистая бессмыслица. Будет полезно наблюдать, каким образом американцы справятся с этой проблемой.

«История рифмуется»

Не помню уже, кому из братьев Киреевских, Ивану или Петру, принадлежит мысль о том, что будущее христианского мира будет решаться в России и Соединённых Штатах и между ними ещё возможна какая-то новая перекличка. Похоже, нечто подобное сейчас и происходит: Соединённые Штаты становятся на «другую дорогу», и Россия, судя по некоторым признакам, пытается перейти на свою «другую дорогу». Для Соединённых Штатов это означает обращение к католицизму, для России — уход от «путаницы», какую, по слову В.О.Ключевского, породили, на столетия вперёд, реформы Петра, путём активации такого «ресурса», как православие.

Время последовать совету Забавы Путятишны из сказки: искать богатство не за морем, а под ногами. И прежде всего обратить взор к «малопосещаемым» векам русской истории — XIV и XV. Это время «смирненной нищеты», но и «золотые века русской святости», по точному определению А.С.Хомякова (точнее, речь идёт о периоде, охватывающем конец XIV и XV век). Вологодские и костромские леса расцвели тогда множеством монашеских скитов, прозванных Русской Фиваидой — по примеру египетской Фиваиды, великого пустынножительского движения IV—V веков. На той же волне возникла иконопись, славная именами Рублёва, Дионисия и других — искусство, превосходящее по своему заданию искусство. То же можно сказать о тогдашней музыкальной культуре, в отличие от иконописи знакомой немногим специалистам: так называемое знаменное пение — это не только искусство, это религиозное действо. В целом мироощущение той эпохи замечательно своей «собранностью», интегральностью.

Г.П.Федотову принадлежит картинное, но и спорное высказывание (цитирую по памяти): Русь XV века — «девочка с чудными глазами, но немая, всё понимает, но сказать не может». Её «немоту» Федотов объясняет слабым развитием художественной литературы. Но для Руси XV века художественная литература была необязательной роскошью. И она, Русь, вовсе не была «немой», ибо она пела. Мы можем даже услышать, что она пела, благодаря сохранившейся с той далёкой поры (сохранённой старообрядцами) крюковой нотной записи.

«Золотым векам русской святости» следовало бы стать *актуальной* частью русской идентичности. И пусть не смущает отделяющая нас от них дистанция. «Никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лука 5 : 39). В данном случае это именно так. Самое важное в «золотых веках» созвучно требованиям дня сего. Это первородство веры, а не знания. Это «стяжённость» мировоззрения, позволяющая избежать нынешней перегруженности нынешней ненужной или необязательной информацией (которая в любом случае будет аннулирована:

мы видим из истории, что человечество, начиная уже с бронзового века, периодически избавляется от избыточного знания, или псевдознания).

И вот что ещё важное завещано нам из того времени: художественность веры, в смысле выражения её художественными средствами; она изначально свойственна христианству. Что не противоречит представлению о том, что «В начале было Слово». Свт. Василий Великий писал, что Бог — Художник и свт. Григорий Богослов — что человека Бог создал *художественным* словом. А человек, такой можно сделать вывод из сказанного святыми отцами, должен «соответствовать» замыслу Создавшего его. Отсюда призыв свт. Иоанна Златоуста: «Станем же флейтой, станем кифарой Святого Духа». Ибо «жизнь нерасторжима с пением» (тот же Василий Великий).

А икона, высшие образцы которой созданы именно в XV веке, фактически заменила собою богословие (это не значит, конечно, что она сделала богословие ненужным, напротив, богословы как раз руководили иконописцами). «Умозрением в красках» точно назвал её Е.Н.Трубецкой в своей замечательной книге с таким названием. Она «говорила» не словами, а ликами, и потому была доступна всем и каждому, пусть в разной степени и по-разному.

Лики обладают свойством особой убедительности. По известному выражению о. Павла Флоренского, «Есть Троица Рублёва, следовательно есть Бог».

Стоит обратить внимание на тот факт, что «золотой век» русской духовности территориально охватил северо-восток тогдашней Руси, а не оправившаяся от татарского разорения Киевщина практически никакого отношения к нему не имела. Об этом следовало бы помнить нынешним киевским пропагандистам, третирующим русичей Северо-Востока малокультурными и едва ли не дикарями. Отдавая должное древнему Киеву, как первостолице православия, фиксируем, что *акме* русской духовности всё-таки на Северо-Востоке.

Указание на религиозные высоты, достигнутые в прошлом, не должно, конечно, вести к недооценке последующих культурных достижений лишь потому, что они связаны с культурой Запада и фактически являются их частью. Пройдя период ученичества, Россия ответила явлением Пушкина, по меньшей мере никому и ничему в Европе не уступавшего. Культура Европы, изначально настоенная на христианстве, с течением времени всё дальше уходила от него, но созданные силою необычайно развитого воображения миры склоняли и к подражанию, и к соперничеству. В терминах А.Тойнби, Европа бросала нам цивилизационный вызов, и таковой нуждался в ответе. С.Л.Франк так определил позицию Пушкина по отношению к ней: он был убеждён, что «национальный склад русского ума и духа» может на путях европейской культуры осуществить себя, своё собственное внутреннее предназначение» (<http://pushkin-lit.ru/pushkin/artikles/frank/rossiya-Europa.htm>).

Неудивительно, что в Европе долго не замечали продолжателей, назовём их так, на востоке. Даже Адам Мицкевич, несколько лет проживший в Петербурге, где он дружил с Пушкиным и Вяземским (которых, правда, он вряд ли читал по причине своего плохого знания русского языка), писал о России в «Дзядях» (около 1830-го):

Чужая, глухая, немая страна —
Бела, как пустая страница, она.

Удивительно, что и Чаадаев не заметил, что пустая якобы страница кое-чем уже заполнена и заполняется ещё. Россия для него не оставляет по себе «никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти», а то поэтическое,

что он находит в русской литературе, будто бы всегда вторично в сравнении с западными образцами.

Ещё более удивительно, что и в наши дни звучат толки о нашей будто бы безнадёжной вторичности по отношению к Европе. Это при том, что за нами — великая русская литература, на самом Западе давно признанная таковою; и на Западе, к сожалению, менее известная, но оттого не менее великая русская религиозная философия, вышедшая из русской литературы (мнение Ф.А.Степуна, думаю, оправдано) и твёрдую опору нашедшая в православном богословии.

Нам, конечно, не дано знать, как следующее поколение сумеет распорядиться всем этим богатством. Особенно трудно представить, как будут восприниматься литература и искусство XIX века, называемые классическими — слишком они связаны с тогдашним дворянским и аристократическим бытом; их пленительные образы, наверное, станут доступны лишь небольшому меньшинству читателей и слушателей. Но как бы там ни было, следующим поколениям будет чем распорядиться. И они смогут это делать с чувством если не превосходства сравнительно с другими народами, то, во всяком случае, самодостаточности.

Что касается предмета подражания, европейского наследия просветительских веков — добавим к XVIII ещё XIX и начало XX, — то его следует пропустить через фильтр, который сохранит всё, что было в них стоящего.

Выход на «другую дорогу» потребует восстановления соответствующей иерархии значений. Главизной всему надлежит быть, как оно и было в «золотых веках русской святости», «огненным языкам» веры — по традиции символизируемым луковицами на куполах русских церквей. И чтобы свет их ниспадал на все пути и перепутья общественной и личной жизни. Включая, конечно, мир всевозможных технологий. В особенности же сферу применения искусственного интеллекта, претендующего ныне на водительство в жизни человека.

Чтобы выйти на «другую дорогу», практически необходима будет воля, которую, рискну предположить, должен будет проявить некий муж, новое олицетворение «Божьей грозы» (или когорты дерзновенных, способная его заменить). И начать он должен будет, это уже легко предположить, с радикального переустройства всей системы образования.

Желанная победа в только ещё разгорающейся войне должна поспособствовать подлинному духовному пробуждению нашего народа. Знаменательно, что «золотой век русской святости» наступил после великой победы, одержанной в Куликовском сражении, на которое русское воинство благословил св. Сергей Радонежский. Казавшаяся несокрушимой сила буйных степняков была надломлена (а ровно сто лет спустя, в 1480-м, «стоянием на Угре» с ней было чудесным образом покончено уже без пролития крови), что вызвало в русичах подъём духа, внушило веру в своё предназначение и в свои силы.

«История не повторяется, история рифмуется», написал Гёте.

Надежда Бесфамильная

Душанбинские записки

Пик Коммунизма и многое другое

А вот пусть отсюда без всяких предисловий и начнётся моя душанбинская история.

...Добравшись до своего ряда в салоне самолёта, застаю в общем потоке пассажиров, как в автомобильной пробке, пытаюсь между делом взгромоздить свой компактный, но вполне увесистый чемодан на верхнюю полку для ручной клади. Слышу сзади женский голос, решительный и звонкий, из незнакомой мне речи узнаю только одно слово — «ака»: так обращаются к старшему по возрасту мужчине, старшему брату. Вижу, как стоящий впереди меня мужчина стремительно оборачивается, подхватывает мой чемодан и легко забрасывает его на полку. Я благодарю, он отвечает по-русски, благодарю и женщину — за внимательность. Она тоже отвечает по-русски: «Не за что! — И добавляет приветливо: — Вы тоже в Душанбе летите?» «А куда же ещё, — смеюсь в ответ. — Разве что посреди полёта меня высадят в небо за плохое поведение». Окружающие смеются, смеётся и она, добавляя: «Приходите ко мне в гости!» — и удаляется вглубь салона. Приглашение необязательное, но очень милое. С ребёнком на руках, второй мальчик постарше рядом, держится за маму, не девушка давно, но стройная, как газель, огонь в глазах и голосе, брови густые, чёрные, классической восточной формы, что называется, — аутентичные, доставшиеся ей от предков совершенно бесплатно и на всю жизнь — ни за какие деньги не купишь ни в одном модном косметическом салоне...

Кстати, в самолёте очень много таджикских женщин с детьми, с совсем маленькими, грудничками, и постарше. Сначала удивляюсь, но быстро смекаю: дела семейные, дела миграционные... И ловлю себя на мысли: а что я, собственно, знаю о них, об этих людях, живущих в далёкой горной стране, бывшей ещё не так давно по историческим меркам одной из республик СССР, получившей свою независимость и живущей самостоятельной жизнью? С уверенностью могу только сказать, что раньше я не встречала столько таджичек на улицах Москвы, в поездах метро, в магазинах... Почему раньше, будучи частью одной большой и общей нашей страны, они спокойно жили и работали на своей земле, а теперь устремились в уже чужую для них Россию?

...Какая удача, что мне досталось место у окна. Оба соседних места занимают мужчины, таджики, наверняка уже много раз летавшие этим маршрутом и видевшие

Бесфамильная Надежда Николаевна — поэт, прозаик. Родилась в городе Льгове Курской области. Окончила факультет романо-германской филологии Воронежского Государственного Университета. Работает переводчиком. Шесть сборников стихов, в т.ч. — «Близко к сердцу» (2025). Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 5.

всю его географию — с островками населённых пунктов, пёстрыми квадратами полей, заплатами лесов, переходящими постепенно в степной ландшафт, достаточно лаконичный и однообразный; это однообразие нарушает лишь сетка рек, порой так диковинно извитых, что удивляешься, как по ним и вода-то течёт. А дальше — суше, и вот уже реки — не реки, а высохшие русла и чаши озёр. И горы, — сначала невысокие, покатые холмы, но чем дальше, тем выше и замысловатее, и вытянутые спины их покрыты полосами ещё не растаявшего снега, и этот рисунок напоминает сверху стадо сбившихся в кучу зебр. Откуда они здесь, зебры, в Средней Азии? Никак, заблудились?

Моим соседям особо некогда смотреть в окно: почти половину полётного времени они погружены в молитву — на взлёте и посадке, перед едой и ещё по неизвестному мне расписанию они, закрыв лицо ладонями и уткнувшись лбами в спинки впереди стоящих кресел, возносят молитву Аллаху, а Творец, единый для всех, смотрит с небес в окно иллюминатора: всё ли у них в порядке, у этих неугомонных людей, которым не сидится на месте, и что делает здесь эта дамочка, любопытно всматривающаяся в горизонт?

А дамочка, то бишь я, пытается сопоставить рисунки горных хребтов с общими очертаниями Памира, предварительно изученными по географической карте. И понимает, что до Пика Коммунизма не долетит точно, — он как горная вершина находится значительно восточнее Душанбе, а как понятие — эфемерен и недостижим в принципе.

Кстати, о Пике Коммунизма. Мода на переименование городов, улиц, учебных заведений и прочих объектов, как и во все сменяющие друг друга эпохи, затронула, похоже, всё постсоветское пространство. Только сейчас по случаю узнала, что знакомый нам по учебникам географии советской поры Пик Коммунизма как был самой высокой вершиной Памирских гор в Таджикистане и самой высокой точкой СССР, так и остался ею навсегда, но теперь носит имя Исмаила Самани — самой почитаемой в Таджикистане исторической личности: именно при его правлении персоязычные государства избавились от власти арабских халифов, приобрели свою национальную идентичность. Именно при нём началась история Саманидской державы и Азиатского Ренессанса, давшего миру медицинские знания Авиценны и незабываемую литературную традицию поэтов Рудаки, Фирдоуси, Хайяма... Именем Самани (или Сомони, оба написания правильны) в Таджикистане названы населённые пункты, улицы, национальная валюта (сомони) и даже таджикская авиакомпания *Somon Air*, рейсом которой я лечу.

Вспомнилось: когда родился первый из трёх моих племянников, сыновей брата, мы, родственники, дружно называли его вытянутую макушку Пиком Коммунизма, и так он, наш Саша, жил с Пиком Коммунизма всё своё детство, пока макушка не выровнялась и не приобрела обычной своей формы. И хорошо, что выровнялась, иначе и её пришлось бы переименовывать в Пик Исмаила Самани...

В этих весёлых размышлениях я чуть не прозевала смены декораций за окном: занавес гор стал постепенно раскрываться, являя взору Гиссарскую долину — зелёный оазис в чёрно-белом ожерелье горных хребтов. Сейчас, в конце мая, это сплошные изумрудные пятна полей, садов, виноградников и дикой растительности горных склонов, по которым там и сям разбросаны соцветия кишлаков и небольших посёлков, окружающих Душанбе. И только солнечная голубизна неба спорит с этой зеленью, и небо уходит всё дальше и дальше: это самолёт идёт на посадку и приземляется почти в центре города.

Ассалом алейкум, Таджикистан! И вот тебе свежая самолётная эмоция в стихах. Пусть я не Фирдоуси, но ты ведь любишь стихи?

Полёт над Гиссарским хребтом

На то и заветна теперь высота,
Затем и светлы небосводы,
Чтоб взглядом погладить полосы хребта
У зебры гиссарской породы.

Затем и долинам цветенье лугов
И трав изумрудные фетры,
Чтоб горные спины в тисках ледников
Хранили их в пагубах ветра.

Затем и в ущельях звенящи ключи,
И рыбы в стремнинах певучи,
Чтоб можно их было на слух различить,
К подножью сбегающих с кручи.

И счастье мгновенное птицей парить
Над вечностью этой всевластной —
Неужто затем, чтоб увидев, забыть,
Что мира краса не напрасна?..

Старый Душанбе

Улица Садриддина Айни: так именем классика таджикской литературы советского периода называется одна из главных улиц города, на которой находится гостиница, где мне предстоит не раз и не два останавливаться во время моих коротких командировок. Ещё несколько лет назад она представляла собой ряды панельных домов типичной советской застройки с элементами среднеазиатского колорита; такое мне приходилось видеть раньше в Ташкенте, в Ашхабаде... Эти дома — панельные трёх-, четырёхэтажки — ещё можно увидеть за фасадами новых роскошных высоток, они теперь скромно теснятся на задворках, как бы извиняясь за непрезентабельный вид и ожидая своей очереди на снос. Получается, мне довелось попасть в Душанбе на сломе эпох градостроительства. Во всём ощущается обновление, современный архитектурный узор смело и молодо проглядывает через старую ткань города. И хочется рассмотреть поближе старину — не панельное старьё, а изначальную, корневую, восточную, — пока она не исчезла окончательно.

Стоит свернуть с широкого и шумного центрального проспекта, и оказываешься в иной жизни, в иной реальности, как будто машина времени подхватывает и переносит вглубь эпохи, когда весь Душанбе состоял из таких кварталов, формировавшихся вокруг мечетей. Одноэтажный жилой сектор, плоские крыши которого, похожие на огромное лоскутное одеяло, уже успели впечатлить с воздуха при заходе самолёта на посадку, открывается теперь во всех подробностях. Крепкие приземистые дома, обнесённые глухими заборами с массивными воротами — как маленькие крепости, надёжно защищающие своих обитателей от городской суеты и посягательств на домашний уют. Большая часть внутреннего двора в такой «крепости» перекрыта, как правило, кровлей или решётчатым навесом, сплошь увитым виноградной лозой для защиты от палящего солнца. Входные ворота — это отдельная история. Деревянные, с резными украшениями, или металлические с фигурной ковкой, они являют собой символ достатка, и уже по ним можно судить, как живётся тем, кого они

охраняют. Смотришь на ворота и на небольшие цветники перед домами (или отсутствие последних) и понимаешь: по-разному здесь живётся, по-разному.

Таких улочек и целых кварталов в центре города ещё много, и что до меня, то пусть бы они и оставались здесь, сохраняя пожившее лицо старого города, чтобы можно было всматриваться в него, вчитываться, как в простую и мудрую книгу жизни.

А жизнь идёт, можно сказать, кипит на палящем солнце.

Вот перед домом маленький импровизированный базарчик: дыни, арбузы, помидоры и всё, чему сейчас время, — налетай, подешевело!

Вот на противоположной стороне улицы на пустых ящиках из-под фруктов сидят бабушка с внучкой, продают варёную кукурузу. Лица пожилой женщины не видать под накинутым белым платком. На голове девочки лет десяти тоже белый платок, завязанный сзади. Личико её открыто, и взгляд её открыт, взрослый взгляд, добавляющий девочке лет. Видела ли она что-нибудь ещё в своей жизни, кроме двора, очага с варящейся кукурузой и этой торговой точки?

Вот мужчина едет на велосипеде. На багажнике вязанка хвороста — запасается на зиму. Такую картину здесь можно часто увидеть: все засохшие ветки, спиленные сучки деревьев не сжигаются расточительно на месте в костре, а бережно собираются на растопку — это вам не сибирская тайга и даже не среднерусская лесостепь с посадками, полными сухостоя. Здесь голые пустынные горы, дровами запасаться нелегко.

Вот самостийный магазинчик автомобильных запчастей и около него небольшое мужское толковище. Нет, мужчины сейчас здесь не ради покупок, — они здесь ради общения. Все местные, все с этой улицы.

Вот дети играют в мяч — шумно, весело, прямо на проезжей части, благо машины проезжают нечасто. Так же и мы в детстве играли в выбивного. Улица идёт в горку, и непойманный мяч катится вниз; мальчишки наперегонки бегут за ним мне навстречу. Поддеваю ногой мяч и на удивление точно направляю одному из мальчуганов под всеобщие радость и одобрение и продолжаю путь в гору: где-то там, выше и ближе к правительственным кварталам, — новый душанбинский рынок Мехргон, о котором много слышала и читала, и очень хочется увидеть его своими глазами, но сегодня уже не получится — темнота начинает накрывать город, пора возвращаться в отель.

Вот на обратной дороге на стыке двух переулков крошечная пекарня, прилепившаяся к кирпичному белёному забору, на заборе висят выбитые ковры — проветриваются. Двери и одно-единственное окно пекарни — нараспашку. Чан для замеса теста, тандыр, большой разделочный стол. И полки с готовыми лепёшками. Две женщины заняты работой, девочка — уже постарше, чем та, с кукурузой, — на подхвате, стоит у стола и вопросительно смотрит на меня, любопытную. Запах выпечки — призывный, на всю улицу. «Сколько стоит лепёшка?» — спрашиваю. «Пять сомони». (Около сорока рублей по-нашему.) «У меня нет сомони, можно я рублями заплачу?» — «Рубли не берём, только сомони», — отвечают они на таджикском, но по их лицам я без перевода понимаю, что лепёшки мне не видать. А жаль, так разгулялся аппетит на эту конкретную лепёшку только-только из тандыра... Рядом по эту сторону прилавка мужчина, местный, забирающий уже оплаченные лепёшки. «А вам сколько нужно?» — спрашивает он меня по-русски. «Да одну всего, очень уж пахнет вкусно...» Мужчина расплачивается ещё за одну лепёшку и вручает мне. Я проворно лезу в кошелёк и протягиваю ему русские рубли. Мужчина категорически отказывается брать, лишь улыбается и прикладывает правую руку к сердцу в знак приветствия и уважения. И уходит. Ухожу и я, оставив на прилавке женщинам русские деньги. Возвращаюсь на шум и огни улицы Айни уже знакомыми переулками, жуя на ходу ещё горячую хрустящую лепёшку. Всего-то мука, вода, соль и дрожжи, но вкуснее этой лепёшки на данный момент ничего не существует.

И пусть это не комильфо: рвать на куски лепёшку и отправлять в рот на ходу, но если очень хочется, то можно.

Возвращаюсь в отель уже затемно, по пустым улочкам старых кварталов. Забегая вперёд, скажу, что за все мои поездки в Душанбе я ни разу не испытала чувства опасности и страха, какой пронизывал на пустынных вечерних улицах европейских столиц. И это не только потому, что меня заранее предупредили, что здесь нет преступности, моё спокойствие идёт изнутри, я сама так чувствую этот город.

Старый Душанбе

Прохлады ждать и радоваться тени
На летнем перевале полнолуний:
Исполненное пряных вдохновений
Жарою пышет варево июня.

В заботах местных горлинок и соек,
В дремотах стариков и в женских родах
По впадинам высотных новостроек
Живёт привычной жизнью старый город.

Здесь ярче прелесть травных ароматов —
Зире, шафрану, тмину и райхону
Дворы в тенистых лозах винограда
Стократ милей дворцовости Мехргона.

Здесь жизнь проста, но жить её непросто,
Ну, разве только с мудростью восточной,
И виден в детском взгляде опыт взрослый —
Судьбы не прожевать зубам молочным.

В Тигровой балке есть, возможно, тигры,
А здесь, растя на солнце и лепёшках,
Играют дети в уличные игры,
Оставленные нами где-то в прошлом.

Наступит ночь темнее шелковичной,
Лаваш луны взойдёт над перевалом,
Заснут дворы до первых песен птичьих
Усталым сном остывшего мангала.

А далеко, к дождливым горизонтам
Гвоздём нужды надёжно приколочен,
Ата метёт дворы, стрижёт газоны
И деньги шлёт домой смартфонной почтой.

По Дружбе народов к Мехргону и про золотой унитаз

Сегодняшний Душанбе вырос из большого количества маленьких кишлаков. Здесь, как и в Москве, были свои крохотные мнёвники, матвеевские, владыкины, выхины, которые, сливаясь, образовали характерную мозаику из одноэтажных старых и «новых» кварталов советского конструктивизма, тоже успевших стать «пожилыми». Но при всём при этом сегодняшний Душанбе создаёт впечатление молодёющего

города — так много в нём строится новых современных жилых комплексов и общественных зданий. Где ни окажись — повсюду работают башенные краны, идёт строительство. Причём идёт быстро — вот уже на моих глазах за полгода поездок выросли новые дома: те, что в мае представляли собой голые бетонные коробки в арматуре, к зиме уже оделись в красивые одежды (здесь много используют натурального камня, очень популярна лепнина). Новое здание Парламента, которое из-за строительных заграждений в первый приезд ещё невозможно было рассмотреть, уже введено в строй и полностью открыто взгляду горожан: в светлых тонах, внушительное и импозантное, под бело-голубым куполом, с прекрасно оформленными цветниками и молодыми деревьями территории. Импозантность — это, пожалуй, точное определение современного архитектурного стиля Душанбе. Его можно охарактеризовать как современный сталинский ампир, эклектичный, помпезный, выдержанный в колорите среднеазиатского Востока. И обязательно роскошные, огромные деревянные входные двери, изобилующие резными орнаментами, как связь времён, как напоминание, откуда родом входящий в них. Таковы многие здания, окружающие центральный парковый оазис Душанбе — Парк культуры и отдыха имени Рудаки, персидского поэта и основоположника таджикской литературы: Дворец Нации, здание Парламента... Скоро здесь же появится ещё одно очень красивый дворец — новый Национальный театр Таджикистана, счастливый повод моих командировок в Душанбе.

Таков и Кохи Навруз, расположившийся чуть поодаль, на противоположном берегу реки Душанбинки, — один из крупнейших дворцов мира современной постройки (2014 г.), в национальных интерьерах которого широко представлены таджикские национальные ремёсла.

Мимо этих новых доминант Душанбе не пройти и не проехать — они выстроились на главных магистралях города, и даже те, что расположены не в самом центре, хорошо просматриваются в открытой перспективе городских маршрутов, а ещё лучше — с заселённых горных террас, окружающих город, и с воздуха, на подлёте к Душанбе. Все они построены уже в новом, XXI, веке. Старый центр города — проспект Рудаки и прилегающие к нему улицы — воспринимается на их фоне как история, но не древняя, а история советской поры с по-своему респектабельной и очень уместной здесь архитектурой южного города. Обилие парков и скверов при таком жарком и засушливом климате вызывает радостное удивление. Везде работают системы полива, а многочисленные цветники постоянно обновляются. Не менее радостно видеть приметы дружбы народов и литератур, например, бюсты Пушкина, Толстого и Горького в одном ряду с бюстами классиков персидско-таджикской литературы на фасаде здания Счётной палаты Таджикистана, и слышать эти же приметы в незнакомой речи, в которой то и дело всплывают знакомые укоренившиеся русские слова. Особенно забавно слышать эту смесь во время технических переговоров: многие термины переключались в таджикский язык из русского. Но ещё более интересно узнавать новые слова из чужого языка. Кстати, проспект Рудаки — это только по-русски «проспект», на таджикском это... *Хиёбони Рудаки!* И звучит это слово именно так, как вы сейчас его прочитали. Открытие подобных слов в других языках всегда вдохновляет. За кажущейся неблагозвучностью подобных слов для русского уха стоит радость узнавания привычных (кстати, пришедших к нам в данном случае с востока) звуко сочетаний, и после таких открытий чужой язык перестаёт быть чужим, он становится немного роднее и ближе. И не только язык, но и люди становятся ближе — ты улыбаешься услышанному, а люди улыбаются тебе.

Но вернусь к объекту моего вожеления: центральному рынку Мехргон. Где, как не на рынке, лучше всего ощущаются национальные колорит и характер, и в целом культурный код любой нации, в особенности восточной. Не успев дойти до Мехргона в первый день, совершаю марш-бросок по уже знакомым одноэтажным кварталам выше и выше на север, сверяя маршрут с навигатором в айфоне

и периодически спрашивая прохожих на улице «как пройти». Времени до закрытия рынка у меня час, и путь, предварительно ошибочно оценённый мной в двадцать минут, оказывается много дольше, и приходится ускорять шаг. Поплутав по кривым переулкам частного сектора, выхожу на широкую прямую улицу и упираюсь в дорожный указатель. Вау! Ещё один проспект и это Проспект (оййй!) Дружбы народов! Дустии Халкхо! Верной дорогой идёте, товарищи: я видела на карте эту улицу, ведущую в сторону рынка, и ускорю шаги. Но увы! Останавливаюсь как вкопанная: через витринное стекло магазина сантехники на меня смотрит... золотой унитаз! Впервые вижу золотой унитаз! Вот это встреча! Сразу поправлюсь: это не чистое золото, а покрытый позолотой фаянс, иначе, будь он действительно золотым, этот район города охранялся бы спецназом и простых горожан сюда бы не пропускали, да и сами они наверняка обходили бы его стороной. И тем не менее за стеклом сияет золотом унитаз и рядом с ним — золотая раковина. А что удивляться? Тяга местных жителей ко всему золотому объясняется одним словом — Азия. Одна общая древняя азиатская культура, почитающая золото как главный символ достатка и богатства. И если двигаться на юг по азиатскому континенту, то количество золота вокруг вас будет только увеличиваться, достигнув максимума в Индии, где золото — такая же неотъемлемая часть пейзажа, как вездесущие обезьяны, коровы и нищие. И золотые унитазы в Душанбе — это как первый золотой форпост на пути в Индию. Сразу же захотелось потрогать эту экзотику, посидеть на ней, поразмышлять. Интересно, сколько приседаний пятой точки способна выдержать эта позолота, пока не сотрётся до белого фаянса? А что если водрузить такое золотое чудо в центре огромной туалетной комнаты со стеклянными стенами и прозрачным полом, и чтобы вся эта прозрачная роскошь стояла на вершине горы, с которой открывается фантастический вид на лежащие внизу долины, горные реки, и чтобы вдаль было видно море, а ещё лучше океан с белым парусом, а ты сидишь на золотом унитазе, любишься этой пронзительной красотой, и нет тебе дела до судьбы этого мира, что лежит у тебя под ногами, и всё тебе до позолоченной пятой точки...

Зайти и познакомиться поближе с шедевром сантехники я не решаюсь, зная свою слабость к совершению ненужных покупок и опасаясь попасть под обаяние напористого торговца, который уже не раз прошёлся туда-сюда позади унитазного ряда, с интересом поглядывая на замершую в мечтательных раздумьях европейского вида женщину. Уж он-то наверняка обладает талантом убедить в необходимости любой покупки. А возвращаться в Москву в обнимку с золотым унитазом мне не хочется, да и на рынок нужно успеть. Лучше я куплю себе на память классное современное платье в национальном стиле, какие носят местные модницы. Оставаясь мусульманской традиции, они любят красиво одеваться и смотрятся экстравагантным контрастом на фоне своих мужчин, давно переодевшихся в скучные европейские костюмы и сдавших халаты и тюбетейки в музеи и магазины сувениров.

Стряхнув с себя оторопь от встречи с золотым унитазом, топаю по Дружбе народов, затем сворачиваю в сторону заветной цели, пульс частит, дыхание сбивается. Мимо проносится карета скорой помощи. Уж не к рынку ли она едет, чтобы подобрать там меня, бездыханную, минут через пять?

И вот, почти разувшись в том, что когда-нибудь дойду до Мехргона, поворачиваю за угол на очередную улицу и вижу его в сотне шагов. И у меня есть ещё целых пятнадцать минут, чтобы выдохнуть катарсическое «ах!», прибережённое у магазина сантехники для этого дворцового рынка. Но выдох получается весьма спокойный, а взгляд — не восторженный а скорее изучающий, сравнивающий, и вывод: да, величественно и с размахом, но лишь полюбоваться, а не купить, как делала я это в командировках много лет назад на базарах среднеазиатских столиц, набивая сумки редкими сортами риса для плова, финиками и инжиром, орехами, молодыми овощами и свежей зеленью в зимнее (и любое) время года. Всё это есть здесь, и горы восточных даров восхищают размерами и красотой выкладки, но ценники указывают

на труднопокоримость этих гор для среднестатистического покупателя. К тому же на многих товарах, особенно долгоиграющих (сухофрукты, орехи, чай), есть пометка — «Турция». И эту же самую Турцию можно купить на московских рынках, и даже дешевле, чем здесь... Продавцы скучают и роются в сотовых телефонах, а покупатели — их просто раз-два и обчёлся. Может, только потому, что я пришла к закрытию рынка, а днём всё иначе? А ещё я надеялась, что на входе обязательно будет тандыр со свежайшей самсой и казан с ароматным, горячо дышащим пловом, но увидела только киоски с банальным набором бакалеи и выпечки. Что ж, буду считать, что пришла не ко времени. Но не теряю надежды попасть на обычный городской базар, где закупаются обычные горожане. Ведь есть же они, эти небольшие базарчики, где, как и раньше, всё своё, из первых рук, доступное, так же по-восточному изобильное.

Гиссарская крепость

Осенняя моя командировка выпадает на начало ноября. В Москве уже морозы и первый в этом году снег, а здесь, в Душанбе, ещё бархатное двадцатиградусное лето, и все листья ещё на деревьях, и розы цветут, по которому кругу за сезон. И — о чудо! — один свободный от работы день на осуществление задуманного: еду в Гиссар посмотреть крепость, один из старейших архитектурных памятников Таджикистана. Когда-то здесь проходил Великий шёлковый путь, и Гиссар, насчитывающий 2500-летнюю историю, помнит разные эпохи, империи и государства. Александр Македонский, греки, арабы, монголы — богатейшая история Средней Азии... Гиссарская крепость в течение нескольких веков служила резиденцией наместника бухарского эмира, здесь же располагались и государственные войска, было развито оружейное кузнечное производство. Крепость не сохранилась полностью, отдельные её фрагменты — это современные реплики, воссозданные по историческим и литературным источникам, а то и просто по типичным образцам таджикской архитектуры, как, например, эта центральная улочка с рядами домов — музейных лавочек, в которых можно посмотреть на работу ковроткацкого станка, работу швей и вышивальщиц, а заодно и купить сувениры на память — ручной работы коврики, платя, платки, керамику, изделия из металла. Но время, та самая Вечность, ощущается в этом сегодняшнем дне не как фигура речи, а как вполне материальная субстанция. Горные горизонты, древние огромные чинары, выцветшее за лето высоченное прозрачное небо, на котором в полдень не видно звёзд, но ты понимаешь, что они есть, здесь и сейчас чувствуя над собой их присутствие. Грациозные лошади на плато у подножия крепости ожидают своих наездников или уже несут их на себе — не менее грациозных, с прямыми спинами, уверенно держащихся в седле. Последние — не актёры, это не постановочные сюжеты, покататься может любой желающий, и как прекрасна эта картина: горы, солнце, молодая женщина с маленьким мальчиком, сидящим впереди мамы... А вот свадебная пара спускается по лестнице от крепости к конному выезду. На невесте — современный свадебный наряд. Красиво! Я попала в восточную сказку, но не в Тысяча и одну ночь, а в Тысяча и один день, и этот один день — мой! Влетела в него на скакуне китайского производства, вызванном через рецепшен отеля. На этом же скакуне возвращаюсь и обратно в Душанбе, стараясь не пропустить хлопковое поле, которое проскочили по дороге в Гиссар. Утром оно пестрело платьями женщин, вручную собиравших коробочки хлопка, а сейчас они сидят вдоль дороги, обедают, разложив на траве еду и термосы с чаем. Но вот поочерёдно поднимаются и вновь расходятся по полю. Делаю несколько фотоснимков и возвращаюсь к машине. И ловлю себя на мысли: если ехать в Таджикистан туристом, то осень и весна — самое правильное время. Летом я бы уже расплавилась на жаре в этих открытых солнечных пространствах, а сейчас я на подъёме и готова ехать

далее, до Искандеркуля. Но это далеко, и сегодня уже не получится увидеть это высокогорное озеро. Но когда-нибудь в следующие приезды — обязательно! И да: я ожидала по дороге длиной в тридцать километров увидеть гораздо больше хлопковых полей, но это раньше хлопок был здесь главной сельскохозяйственной культурой и важнейшей статьёй дохода государства; в постсоветском Таджикистане его производство значительно упало, а значит, сократилась и вся хлопкоперерабатывающая промышленность, оставив без работы огромное число людей. Да только ли она...

Сплошные головоломки, включая местных птиц

Кстати, такси в Душанбе очень популярный вид транспорта, судя по тому, сколько их ездит по улицам — бело-жёлтых, на бензине, и светло-зелёных — электромобилей. В чём в чём, а по электромобилям Душанбе опередил Москву: близость и ценовая доступность китайского автомобильного рынка и бензиновая зависимость страны от импорта поспособствовали смене транспортной картинки. Старые советские «Жигули» и современные российские «Лады» здесь уже практически не встретишь, народ пересел на китайцев и корейцев, а те, у кого есть деньги, — на японцев и европейцев, новых и подержанных. Таксист, везущий меня из Гиссара в Душанбе, парень лет тридцати, разговорчивый, хорошо говорит по-русски, много расспрашивает про Россию и Москву, а я, в свою очередь, сыплю своими вопросами. Как живут здесь, по сколько детей имеют (минимум по три ребёнка в семье), какое отопление в домах, сколько зарабатывают, где покупают продукты (о Мехргон, ты не конкурентноспособен, но и в супермаркетах еда недешёвая, даже местного производства, что и говорить о привозных продуктах, например, из России. Российских продуктов здесь, кстати, много, но они дороже, чем у нас, за счёт транспортных расходов). Местных заработков хватает только на жизнь, — одеться-прокормиться, а если хочешь накопить на машину или на собственное жильё — прямая дорога на стройки России. По старой памяти. По старым оборванным связям.

Ответы на все эти вопросы, в общем-то, известны, и чтобы получить их, россиянину не нужно ехать в Таджикистан. Достаточно вспомнить свои 90-е и самый сложный выход из них. Но нам оказалось сделать это проще, чем маленькой братской республике, прожившей с нами общую советскую историю с индустриализацией, с потрясениями Великой Отечественной войны, с периодом послевоенного восстановления и десятилетиями постоянного поступательного развития даже в годы застоя. Каково оказаться вдруг в одиночестве и без привычной поддержки члену семьи, не помышлявшему о разрыве, — вам такие ситуации знакомы?

Им и сейчас очень нелегко, но... Масштабы жилищного строительства в Душанбе впечатляют, значит, есть спрос? Или же это просто инвестирование капиталов местной олигархией, как, например, в Туркменистане, где новые улицы Ашхабада мертвы, потому что там никто не живёт? Пристально всматриваюсь по вечерам в окна этих новостроек: да нет, свет горит, видно, что квартиры уже заселены или в них ведётся ремонт... (Опять вспомнился золотой унитаз!) Многочисленные точки общепита от скромной чайхоны в частном секторе до современных ресторанов таджикской и турецкой кухни, итальянских пиццерий в центре и районах массовой застройки не пустуют, душанбинцы охотно проводят в них время парами, семьями, небольшими мужскими и женскими компаниями, а ведь это стоит денег... Работа низкооплачиваемая, но она есть, достаточно посмотреть в утренние и вечерние часы, как заполнен общественный транспорт, сколько людей на автобусных остановках, сколько их спешит на работу или с работы домой. Жизнь не стоит на месте. Она идёт своим чередом под пение птиц.

Эту загадку с птицами я разгадала только в третий свой приезд. Поначалу я, не видя самих пернатых, приняла это пение в кронах деревьев за электронную музыку и удивилась: ничего себе дела, неужели здесь других забот нет, как озвучивать тротуары? Ну ладно на центральной улице Айни или на аллеях проспекта Рудаки и парка перед зданием Парламента, но чтобы везде-везде? Но потом всё же вычислила их, высмотрела в густой шевелящейся листве платанов. Расспросила местных — оказалось, это скворцы, или майны, майнушки, как их здесь называют. Их в городе огромное количество, и поют они на все лады, имитируя голоса других птиц — нежно, тихо, встревоженно и громко, и бывают моменты, когда весь город охвачен этим пением. Город цветущих парков, тихих старых кварталов и шумных новых районов, как открытая сценическая площадка с амфитеатром гор, и этот тысячеголосый птичий хор. Получить такую акустику в симфоническом концертном зале или оперном театре — сложнейшая задача, а здесь, под открытым небом, вот она, слушай и наслаждайся! Как хорошо, что театры строятся не в одночасье, а значит, я ещё не раз прилечу сюда за новыми удивлениями.

И да, я помню, что это таджикский мужчина «преломил со мной лепёшку», когда мне нечем оказалось расплатиться, и на сегодня — я его должница.

Душанбинским скворцам

То ли прения, то ли песни,
То ль игра золотых цевниц:
В пышной кроне чинары тесно
Заседанию местных птиц.

Здесь ещё не опали листья —
На расправу ноябрь не скор —
То отпустит, то сердце стиснет
Беспокойный скворцовый хор.

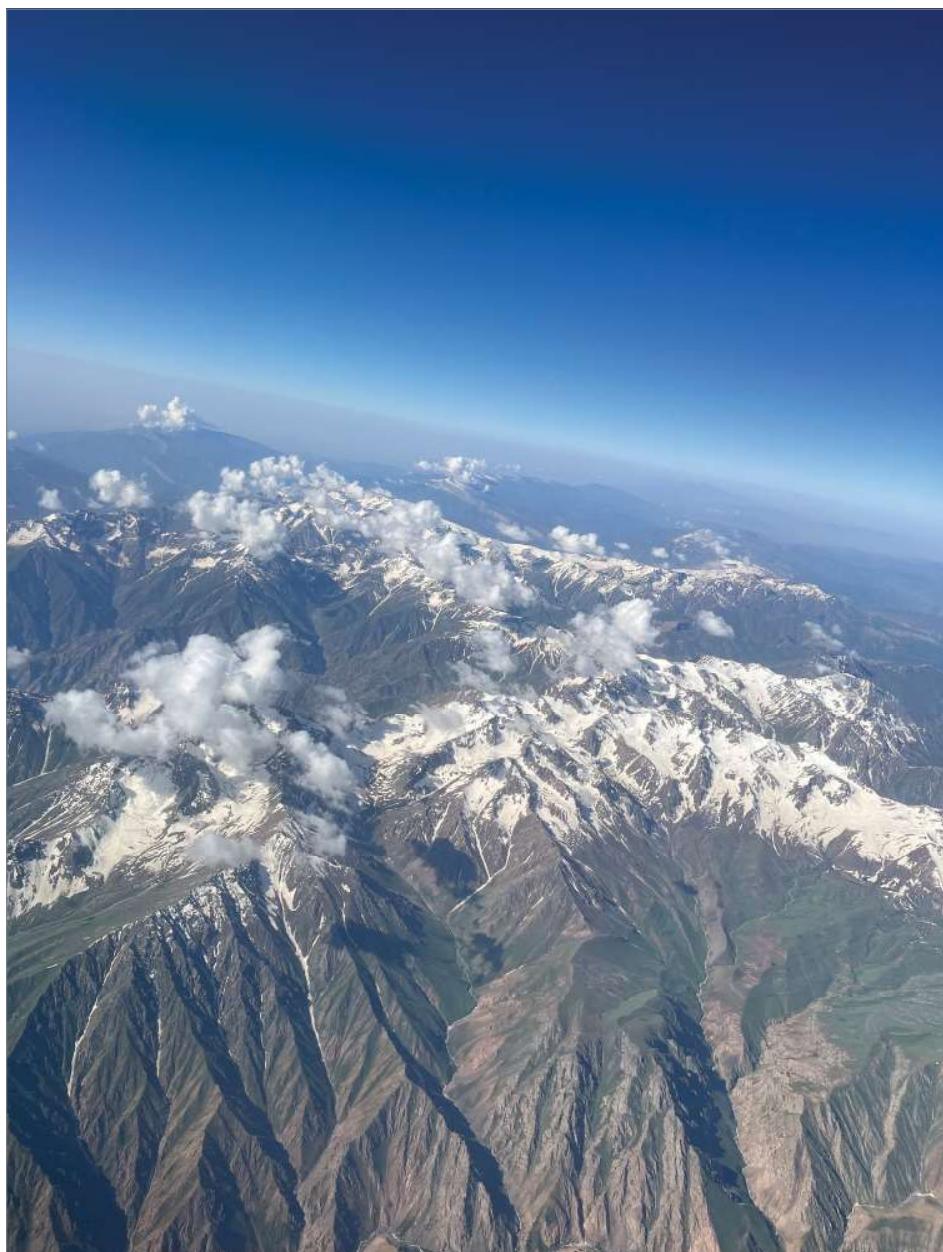
В ложах лучших театров певчих
Здесьней прелести не вкусить,
Эту музыку впишет в вечность
Вдохновенный Фирдоуси.

И не ветер повинен в странном
Шевелении жёлтых крон —
Это ноты на птичьи станы
Залетают со всех сторон.

Чуть утихнув в провале сонном,
На рассветный манок луча
Встрепенётся, пугая крону,
Эта певчая саранча.

Следом листья взметнутся роем
И падут пред зимою ниц.
...Я один привезу с собою,
Ты услышишь в нём этих птиц.

ДУШАНБИНСКИЕ ЭТЮДЫ.
Фото Надежды Бесфамильной

«Я пытаюсь сопоставить рисунки горных хребтов с общими очертаниями Памира, предварительно изученными на географической карте. И понимаю, что до Пика Коммунизма не долетим точно».

*«Мне довелось попасть в Душанбе на сломе эпох градостроительства.
Во всём ощущается обновление, новый современный архитектурный узор смело
и молодо проглядывает через старую ткань города».*

«Эти дома — панельные трёх-, четырёхэтажки — ещё можно увидеть за фасадами новых роскошных высоток, они теперь скромно теснятся на задворках, как бы извиняясь за свой непрезентабельный вид и ожидая своей очереди на снос».

«На противоположной стороне улицы на пустых ящиках из-под фруктов сидят бабушка с внучкой, продают варёную кукурузу».

«Вот мужчина едет на велосипеде. На багажнике вязанка хвороста — запасается теплом на зиму».

«Чан для замеса теста, тандыр, большой разделочный стол. И полки с готовыми лепёшками. Две женщины заняты работой, девочка, уже постарше, чем та, с кукурузой, на подхвате, стоит у стола и вопрошающе смотрит на меня, любопытную».

«Запах выпечки — убийственно призывный, на всю улицу».

«Новое здание Парламента уже введено в строй и полностью открыто взору горожан: в светлых тонах, внушительное и импозантное, под бело-голубым куполом, с прекрасно оформленной цветниками и молодыми деревьями территорией».

«Импозантность — это, пожалуй, точное определение современному архитектурному стилю Душанбе. Таковы многие здания, окружающие центральный парковый оазис — Парк культуры и отдыха имени Рудаки, персидского поэта и основоположника таджикской литературы: Дворец Нации, здание Парламента... »

«Кстати, проспект Рудаки — это только по-русски проспект, на таджикском это... Хиёбони Рудаки! И звучит это слово именно так, как вы сейчас его прочитали. Открытие таких слов в других языках всегда вдохновляет. Ещё один проспект, и это — Проспект (оййй!) Дружбы народов! Дустии Халкхо! Верной дорогой идёте, товарищи: я видела на карте эту улицу, ведущую в сторону рынка».

Рынок Мехргон. «Где как не на рынке лучше всего ощущаются национальные колорит и характер, и в целом культурный код любой нации, в особенности восточной?»

«Золотые унитазаы в Душанбе — это как первый золотой форпост на пути в Индию. Сразу же захотелось потрогать эту экзотику, посидеть на ней, поразмышлять».

«Гиссарская крепость — один из старейших архитектурных памятников Таджикистана. Время, та самая Вечность, ощущается в этом сегодняшнем дне не как фигура речи, а как вполне материальная субстанция».

«Эта центральная улочка с рядами домов — музейных лавочек, в которых можно посмотреть на работу ковроткацкого станка, швей и вышивальщиц, а заодно и купить сувениры на память — ручной работы коврики, платья, платки, керамику, изделия из металла».

Юрий Трифонов

Исчезновение

Главы из романа

Читатель, любящий творчество Юрия Трифонова и потому хорошо знакомый с его книгами, не может не заметить, что все они как бы сливаются в один огромный роман, рассказывающий о времени и о жизни в этом времени. Эта река непрерывна, судьбы переплетаются, каждая единственная. Но на некоторые падает отблеск, и по нему мы тотчас отгадываем родство этих людей.

Мне кажется, что замечательны этот эффект «переливания-перехода» одного персонажа в другой объясняется смыслом любимой идеи писателя — идеи «неисчезающих элементов». В них, в этих элементах, залог непрерывного поступательного движения истории нашей страны, залог нравственного совершенствования общества.

Какое же место занимает в этом потоке неоконченный роман «Исчезновение»? Что-то противится назвать его неоконченным, хотя и обрывается он на фразе с многоточием: «Но прошло много лет...»

Юрий Валентинович возвращался к нему всё время. Писался ли «Старик», «Утоление жажды», «Дом на набережной» или «Время и место», роман «Исчезновение» был рядом, всегда под рукой. Как дневник. Как толстая тетрадь для записи заветных мыслей. Он какими-то непостижимыми, тайными, известными только автору нитями был связан со всем, что писалось, о чём думалось, как жилось.

Юрия Трифонова волновала связь времён. Было необходимо ощущать непрерывность нити, тянущееся в будущее из далёкого, иногда уже почти неразличимого во мгле прошедших лет прошлого. Он нащупывал узлы в этой невидимой нити — узлы подтверждали непрерывность...

Ольга ТРИФОНОВА-МИРОШНИЧЕНКО

Знаете ли, я скажу вам секрет: всё это, быть может, было вовсе не сон!

Ф. Достоевский. «Сон смешного человека»

I

Когда-то я жил в этом доме. Нет — т о т дом давно умер, исчез, я жил в другом доме, но в этих стенах, громадных, темно-серых, бетонированных, похожих на крепость. Дом возвышался над двухэтажной мелкотой, особнячками, церквушками, колоколенками, старыми фабриками, набережными с гранитным парапетом, и с обеих сторон его обтекала река. Он стоял на острове и был похож на корабль, тяжеловесный и несуразный, без мачт, без руля и без труб, громоздкий ящик, ковчег, набитый людьми, готовый к отплытию. Куда? Никто не знал, никто не догадывался об этом. Людям, которые проходили по улице мимо его стен, мерцавших сотнями маленьких крепостных окон, дом казался несокрушимым и вечным, как скала: его стены за тридцать лет не изменили своего темно-серого цвета.

Но я-то знал, что старый дом умер. Он умер давно, когда я покинул его. Так происходит с домами: мы покидаем их, и они умирают.

II

Октябрьской ночью 1942 года после одиннадцатисуточного переползания с одной среднеазиатской станции на другую эшелон дотянулся до Куйбышева. Откочевали назад то знойные, то ледяные ржавые казахстанские степи, отдышала полынь в открытые двери тамбура, отмаячили навсегда старухи, сидевшие на корточках с мисками, где в тинистой жиже плавали бараньи кишки и что-то еще баранье, черное. Пошли дожди, настал холод. В Куйбышеве мертво стояли в тупике, никто ничего не знал. Разнесся слух, что на Москву отправят не раньше, чем в понедельник. Внезапно на рассвете объявили, что отправляется какой-то непредвиденный воинский эшелон, к нему прицеплено два вагона, и надо спешно, не теряя ни минуты, пересаживаться туда. Прыгали, бежали, спотыкаясь, волокли узлы в серой знобящей мгле. Игорь тащил очень тяжелый, из толстой кожи отцовский чемодан, набитый вещами, бельем, банками, фруктами, сахаром, одеялами — бабушка насовала все, что можно, чтобы ей и Женьке было меньше везти, — и мешок с двумя зимними пальто, своим и Женькиным, двумя парами валенок, и еще веревочную авоську, где лежала буханка черного хлеба и книжка очерков Эренбурга «Война», купленная в Ташкенте на вокзале. Игорь читал книжку в дороге, лежа в духоте и кислом воздухе под потолком. Чемодан и мешок Игорь связал поясным ремнем и перекинул через плечо. Сумку с черной буханкой нес в руке. Ремень лопнул, не выдержав тяжести. Спутники Игоря проходили мимо, сочувственно вскрикивали, но помочь не могли: каждый тащил свое.

Одновременно нести чемодан и мешок не удавалось, тогда Игорь решил передвигаться короткими перебежками. Оставив мешок, он перенес чемодан на пятнадцать шагов вперед, затем вернулся к мешку. Все его товарищи уже пробежали вперед. Взяв мешок, Игорь двинулся к чемодану и увидел, что высокая фигура, неясно различимая в рассветной мгле и слегка скривившаяся от веса чемодана, торопливо удаляется вглубь перрона. Бросив мешок, чтобы идти быстрее, Игорь последовал

за удалявшейся фигурой; он не побежал, не закричал, ибо и то, и другое казались ему несколько стыдным и преждевременным. Зачем поднимать панику? Человек с родным отцовским чемоданом ускорил шаги, теперь все как будто стало ясно — мысли работали затрудненно, все напоминало тяжкий утренний сон перед пробуждением, — и Игорь побежал. Не очень быстро, чтобы не выглядеть паникером. Похититель нырнул вправо, за вагоны, и исчез. Преследовать было страшновато: можно упустить эшелон. Игорь бегом вернулся к тому месту, где он оставил мешок, но мешка не было. В руках у Игоря осталась сумка с буханкой черного хлеба и книжка очерков Эренбурга. Перрон опустел. С обеих сторон чернели глухо и немо стены товарных вагонов.

Игорь побежал в страхе от мысли, что отстанет от своих. Куда они провалились? Он бежал сквозь строй вагонов и кричал, звал. Дверь одного товарного вагона с тихим визгом сдвинулась, и на уровне пола показалась голова в лохматой шапке, странная голова, лежавшая на полу, щекой к полу, и как будто не имевшая туловища, отрезанная голова, и гаркнула матом. Сейчас же Игорь услышал другие голоса, заплакал ребенок, его успокаивала женщина. Игорь бежал вперед уже не по перрону, а по земле, но с обеих сторон по-прежнему стояли не имевшие конца эшелоны, он бежал, как по дну ущелья, вдруг показалось, что плывет по реке, стиснутой узкими берегами, и тонет. Нечем стало дышать. Тело сникло, он понимал, что надо действовать, двигаться, махать руками, но сил не было: такое же мгновенное, смертное оцепенение он испытал однажды, когда тонул на Габайском пляже, в июле, шагнул и потерял дно. Он остановился — будто кто-то невидимый с силой дернул за руку, тогда, на Габае, это был Володька, — и понял, что надо вернуться к тому месту, откуда начал бежать. Кинулся назад. Вдруг подумал: «Хорошо, что нет чемодана и мешка. Я бы не смог бежать!» Он неся из последних сил, невероятно быстро, как на соревновании, внезапно останавливался, молотил в двери закрытых товарных вагонов, орал: «Эй, кто живой?»

На площадке одного вагона возникла фигура в тулупе, с винтовкой, зажатой в сгибе локтя, и хриплый голос — не поймешь, мужской ли, женский — стал незлобно ругаться: чего орешь, шалопут? Игорь объяснил, что ищет воинский эшелон на Москву. Тулуп сказал, что тут все воинские и все на Москву, но дал совет:

— Спроси вон того мужика, по той пути ходит, колеса стучает. Сигай сюда!

Игорь вскочил на площадку, протолкался мимо тулупа, так и не разобрав, мужчина в него закутан или женщина, sprygnул на другую сторону и стал оглядываться, ища мужика, который стучает колеса, но никого не было видно ни там, ни здесь. Игорь напрягал зрение, оттягивал пальцем веко — он был близорук, а очки остались в чемодане, — потом закричал с отчаянием:

— Где ж твой мужик?

В то же время раздался нежный звук стали, ударяемой о сталь, и Игорь побежал туда, на звук, все еще никого не видя, совсем ослепнув от тяжести, сдавившей грудь: отстал, отстал! Железнодорожник с фонарем, стоявший на карачках возле колеса и оттого не видный издали, выслушал и махнул рукой.

— Через два пути на третий, и бежи вбок!

Игорь прыгал, пролезал под платформами, на которых стояли накрытые брезентом орудия, ждал, пока пройдет какой-то бесконечный состав из одних цистерн, бежал, спрашивал, звал и наконец нашел, вскочил на подножку и влетел в вагон — это был темный, теплый, пахнувший жильем и махоркой некупированный вагон, полки которого были, кажется, заняты, но Игоря это нисколько не расстроило, он с радостью повалился прямо на пол в проходе.

Спутники Игоря — их было шестеро, четыре парня и две девушки, все москвичи, оказавшиеся в Ташкенте в эвакуации и так же, как Игорь, завербовавшиеся там на военные заводы, чтобы вернуться в Москву, — спрашивали, что с ним было и куда он, чертов сын, подевался? Никто не знал, что у него свистнули чемодан и мешок, да и никто не поверил бы этому, глядя на то, с каким радостным видом он растянулся на полу. Когда же он рассказал историю в подробностях, все изумились, сначала пожалели его, а потом стали хохотать. По вагону ходили военные с фонарями, кого-то искали, потом пришли два контролера — проверяли билеты и пропуска на въезд в Москву, — они тоже смеялись. Поезд вдруг тронулся, веселье стало всеобщим, хохотали незнакомые люди, лежавшие на дальних полках, и те, кто из любопытства подошел поближе и кто пробирался в другой вагон и остановился лишь на минуту узнать, почему смеются. Игорь почувствовал себя в некотором роде знаменитостью. Кто-то нашел ему место.

— Эй, юморист, полезай сюда!

Еще кто-то послал ему кусок сала с хлебом.

Игорь забрался на третью полку, положил сумку с черняшкой под голову и стал жевать сало. Он сильно проголодался. Хотя сало было не очень свежее, источало почему-то запах табака, Игорь грыз и сосал его с удовольствием. Кроме того, положение знаменитости и гусара, которому плевать на потерю багажа, обязывало есть какое угодно, пусть самое рискованное сало. Если бы Игорю предложили сейчас стакан водки, он бы хватил разом, не моргнув.

— Малый, а тебе сколько лет? — спросил кто-то, лежавший на полке напротив.

Игорь посмотрел: человек был укрыт шинелью, вроде как больной или раненый. Пристально и неприятно глядел черными глазами на Игоря, и тот ответил не сразу и без охоты:

— Шестнадцать...

— В Москве у тебя кто есть?

— Ну, есть...

— Ждут тебя?

Игорь грубо спросил:

— А вам какое дело?

— А никакого, конечно, до тебя, дурака, нет... — сказал человек и тихо закрыл глаза.

Игорь сопел, размышляя: оскорбиться или нет? Решил: не стоит. Человек был жалок. Может быть, умирал. Но гусарское самочувствие исчезло, сделалось тоскливо. Колеса стучали по мосту, проезжали Волгу. Внизу говорили о сводке, кто-то слышал на вокзале в Куйбышеве шестичасовое радио: тяжелые оборонительные бои в районе Сталинграда и Моздока. То же самое, что все последние дни. Слишком уж скупо. А что там на самом деле? Еще говорили о боях в Ливии, о том, что англичане хитрят, а американцы не умеют. В Москве, говорили, за жиры дают хлопковое масло, только не такое, как было в Ташкенте, а более светлое, обезжиренное. Чаю нет, все пьют кофе черный, желудевый или ячменный.

Голоса снизу доносились рвано, в промежутки, когда колеса стучали тише. Вдруг голоса возвысились, зазвучали сварливо, впереводку:

— А вас не спрашивают!

— Нет, я спрашиваю...

— В чужой разговор...

— Распространяете...

— Брось ты с ним! Не видишь, что ли...

Игорь думал о тех, кто его ждет в Москве. Впрочем, было неведомо, ждут или нет. Бабушка написала письмо своей двоюродной сестре Вере, еще более старой, чем бабушка, и совсем квелой старухе — поэтому не могла никуда тронуться из Москвы, — о том, что Игорь получил пропуск и приедет в октябре, но ответа ни от бабушки Веры, ни от ее дочери тети Дины пока не было, так что не знали, можно ли у них остановиться, здоровы ли они и живы ли вообще. Игорь мог, конечно, жить и один в комнате на Большой Калужской (цела ли комната?), но бабушка считала, что ей будет спокойней, если Игорь поселится у бабушки Веры. Всё это были подробности, не имевшие значения. Главное то, что он возвращается. И эта дурацкая, из чаплиновской комедии, история с чемоданом и мешком — лишь малая цена за возвращение, ничтожная цена, пустяки, не надо огорчаться. А все-таки что же там было? Ну, пустяки, барахло, ну, валенки, зимнее меховое пальто, переделанное из отцовской бекеши. Ну, какие-то кофты, одеяла, простыни, скатерти, всякая мура. Очки вот жалко. Без очков — хана. Но можно заказать новые. А вот что действительно жалко — дневники, вся школьная жизнь с седьмого класса по девятый. Три толстые общие тетради. Всё, начиная с переезда из того дома на Большую Калужскую, когда они остались вдвоем — он, бабушка и Женька, — новая школа, ребята, Дом пионеров, два лета в Серебряном бору и одно лето в Шабанове. Сколько там дорогого, ценного, смешного, изумительного! Как часто он смеялся, перечитывая некоторые страницы. Всё остальное мура. Заснуть и забыть. Завтра вечером будет Москва. И он заснул, хотя в щели маскировочной бумаги серело, загорался день.

Ему приснилась старая квартира, та, где жили раньше с отцом. Большая темноватая столовая, рядом с нею комната бабушки, отгороженная от столовой портьерой болотного цвета; в бабушкиной комнате всегда было солнечно, окно во всю стену и дверь на балкон, там стоял платяной шкаф, тот самый, из которого однажды зимой, перед Новым годом, совершенно неожиданно — никто его не трогал — выпало большое, вделанное в дверь зеркало и разбилось.

III

Елка стояла в столовой почти посередине, обеденный стол сдвинут к пианино. Комната стала тесной, запахла лесом, дачей, лыжами, собакой Моркой, верандой с белыми окнами и грязным, мокрым полом, где стучали валенками о доски, бросали рукавицы на голый стол, без клеенки — все вещи на веранде имели какой-то жалкий, промерзший вид — и, распахнув обитую войлоком дверь, вбегали в тепло, в дымный, кухонный, сухой уют с треском печи. Всем этим пахла хвоя, это был запах каникул. Через два дня Горик и Женька должны были ехать на дачу, но не к себе в Серебряный, а к Петру Варфоломеевичу Снякину, дяде Пете, старому товарищу отца и бабушки еще по ссылкам и Гражданской войне. У дяди Пети тоже были внуки, двое мальчишек, но Горик знал их мало и, хотя его очень привлекал неведомый Звенигород, называемый Русской Швейцарией, возможность покататься на лыжах с гор и пожить на прекрасной снякинской даче, про которую мама говорила, что это не дача, а дворец, а бабушка с легким неодобрением рассуждала о том, как меняются люди, было немного жаль расставаться с привычным Бором.

На елку пришла Женькина подруга, тонконогая черноглазая девчонка Ася из ее класса, очень важничавшая, но Горик не обращал на нее внимания, и пришел

двоюродный брат Горика Валера со своим отцом дядей Мишей. Из школьных товарищей не пришел никто: Лёня Карась с матерью уехал в Ленинград, он часто ездил в Ленинград к родственникам, у Марата Скамейкина самого была елка с гостями, а Володька Сапог уехал на дачу в Валентиновку. Но Горик не жалел о том, что никого из них нет. Не прочь был отдохнуть от них: Лёня Карась с его выдумками и тайнами порой угнетал Горика, он чувствовал, что впадает в зависимость, в какое-то рабство к нему; Сапог был малый компанейский, но любитель врать и хвастать, а Скамейкин — большой хитрец. Без них Горик жить не мог, он любил их, они были лучшие и единственные друзья, но от этой дружбы он уставал.

С Валерой Горик виделся редко — дядя Миша жил за городом, в поселке Кратово, — но, уж когда братец приезжал в Москву, они с Гориком устраивали такой «тарарам», такой «маленький шум на лужайке», такой «бедлам», по выражению мамы, что у соседей внизу качались люстры. Часами они могли кататься по полу, сидеть друг на друге верхом, кружиться и пыхтеть, стискивая один другого что есть мочи, стараясь вырвать крик боли или хотя бы еле слышное «сдаюсь». И чем больше они потели, разлохмачивались, растрепывались, изваживаясь в пыли, чем сильнее задыхались и изнуряли друг друга, тем радостнее и легче себя чувствовали; это было как наркотик, они делались пьяные от возни, понимали умом, что пора остановиться, что дело кончится скандалом, но остановиться было выше их сил.

Возня происходила рядом с елкой, на большом диване, от которого, если елозить по нему носом, шел слабый запах дезинфекции, и его твердая, шершавая ткань скребла щеки, и на нем было два валика, которыми братья дрались, тихо смеясь, сладострастно хрипя, норовя ударить друг друга посильней по больному месту. Девчонки по другую сторону елки играли в какую-то настольную игру. Они были сами по себе, а Горик и Валера сами по себе. Но в миг паузы Валера прошептал Горiku на ухо: «Знаешь, почему мы тут возимся?» — «Ну?» — спросил Горик. «Потому что перед этой Асей показываемся». Горик промолчал, пораженный. Горiku было одиннадцать с половиной лет, а Валере просто одиннадцать, и он не такой уж сообразительный, гораздо меньше читал, но сказал правду. Как же он так угадал про Асю? Уязвленный чужой проницательностью, Горик спрыгнул с дивана и крикнул: «Айда в кабинет!» Они побежали в отцовский кабинет, там было темно, зажгли свет, все взрослые собрались зачем-то в комнате у бабушки и разговаривали, совсем забыв о ребятах.

Кабинет был велик, полон таинственных вещей. Там в четырех шкафах теснились книги, тысячи книг, многие из которых были совершенно неинтересны, в бумажных переплетах, трепаные, пыльные, никому не нужные, старые, но были и очень красивые энциклопедии в коже, с золотыми корешками и множеством картинок внутри, с которых Горик давно уже для разных нужд поотдирал прозрачную папиросную бумагу. Там висело в простенке между одним из шкафов и окном отцовское оружие: английский карабин, маленький винчестер с зеленым лакированным ложем, бельгийское охотничье двустольное ружье, шашка в старинных ножнах, казацкая плетеная нагайка, мягкая и гибкая, с хвостиком на конце, китайский широкий меч с двумя шелковыми лентами, алой и темно-зеленой (этот меч отец привез из Китая, им рубили головы преступникам, и Горик видел в альбоме, который отец тоже привез оттуда, фотографию такой казни: отец по утрам, а иногда и днем делал специальную китайскую гимнастику с этим мечом, размахивал им, становился в позы, и однажды, когда пришла в гости тетя Дина, Горик вздумал показать ей редкостное зрелище, отца, размахивающего мечом, распахнул дверь кабинета — тетя Дина вскрикнула «ах, боже!», прикрыла дверь, а отец больно щелкнул Горика по макушке, сказав

«идиот!»). В углу кабинета стояла пика с длинным бамбуковым древком, четырехгранным наконечником и клочком сивой гривы, привязанным чуть пониже наконечника. Пик у отца подарили в Монголии, когда он путешествовал в пустыне Гоби. Этой пикой было удобно закрывать форточки, а иногда мама использовала ее для других целей: заметив где-нибудь высоко на стене клопа, мама брала пик у, нацепляла на нее кусочек ваты, смоченной водой, и клоп бывал достигнут. У мамы Горика было замечательно острое зрение. Более острым зрением обладала лишь бабушка, которая у себя на работе в секретариате занималась в стрелковом кружке и даже получила значок «ворошиловского стрелка».

Пол кабинета застилал толстый и громадный, во всю комнату, персидский ковер. Визиться на ковре было гораздо удобнее, чем на диване. Горик и Валера опустили шторы, чтобы в комнату не проникал свет даже от дальних окон, и устроили «японскую дуэль»: поединок, который происходит обычно в полном мраке. Противника надо угадывать по шороху, по дыханию. Несколько раз они набрасывались друг на друга в темноте и после короткой яростной схватки разбегались по углам. Однажды кинулись друг на друга так неловко, что стукнулись головами и оба завопили от боли. Вбежали взрослые, включили свет. У Горика был здоровенный фингал на лбу, у Валеры из носа хлестала кровь.

Поднялся шум, забегали, закричали, оказывали первую помощь и одновременно ругались нещадно. Злее всех ругался дядя Миша.

— Здоровенный оболтус! — кричал он Валере. — Чем ты думал? Каким местом? Почему не мог спокойно посидеть и почитать книжку?

— Наш тоже хорош, — сказала мать и сильно дернула Горика за руку, чтобы он повернулся к ней другим боком: она вправляла его рубашку в штаны. — Когда приходят ребята, всегда начинает беситься. Смотри, что ты сделал с белой рубашкой.

— Неужели у вас нет других, более интересных занятий? — спросила бабушка.

Их повели в ванную комнату, продолжая осыпать упреками. Дядя Миша грозил сейчас же забрать Валерку и увезти в Кратово. Было ясно, что взрослые возбуждены чем-то помимо драки (и драки-то не было), уж очень они взбеленились. В конце концов, Валера приходил в гости нечасто, сегодня был праздник, они имели право побузить. Подумаешь! Горик надулся и отвечал матери односложно. Она не должна была так сильно дергать его за руку. Тем более раненого человека. Вместо жалости подняли такой крик.

Когда вернулись в столовую и сели на диван, дядя Миша стал рассуждать о прошлом; Горик заметил, что дядя Миша любил вспоминать прошлое, когда немного выпьет, лицо его покрывалось красными пятнами, становилось бугристым, тяжелым, на лысой голове выступал пот, дядя Миша расхаживал с сердитым видом по комнате и рассуждал, рассуждал, рассуждал, грозя кому-то пальцем. Теперь он рассуждал — специально для Валерки и Горика — о том, как он и его брат, то есть отец Горика, жили в молодые годы, как они мыкались по чужим домам, зарабатывали себе на хлеб и так далее и тому подобное. Конечно, они жили плохо, никто не спорит, ведь они жили в царское время. Ничего нового он не открыл. Валера даже демонстративно отвернулся и рассматривал корешки книг на черной этажерке, стоявшей возле дивана. Горик уважал дядю Мишу, который был героем Гражданской войны, краснознаменцем, воевал с басмачами и до сих пор имел звание комполка, ходил в военной форме, в гимнастерке с широким командирским поясом, но отчего-то Горик у бывало иногда его жаль. Может, оттого, что он был уже не боевой командир, а работал в Осоавиахиме, а может, оттого, что Горик часто слышал, как отец говорил матери: «Вот черт, Мишу

жалко...» У дяди Миши непрестанно случались неприятности то по службе, то дома. То он ругался с начальством, то влезал в долгие тяжбы, защищая кого-то от мерзавцев и негодяев или выводя кого-то на чистую воду, то ссорился с женой, выгонял ее из дома, снова привозил, и Валера мотался с квартиры на квартиру.

Мать Горика говорила: «Михаил не умеет ладить с людьми. У него тяжелый характер. Вот удивительно: два брата, а совсем разные!» Но Горика казалось, что дело в чем-то другом. Однажды он видел, как дядя Миша с отцом играли в шахматы. Дядя Миша приехал тогда тоже с какой-то неприятностью, кажется, на него один мерзавец и негодяй написал донос в Общество политкаторжан, и дяде Мише надо было оправдываться и что-то доказывать — вместо того чтобы просто пойти и «натереть ему рыло», — и отец кому-то звонил по телефону насчет дяди Миши, долго объяснял, чертыхался, называл кого-то дураком, потом они с дядей Мишей оделись и пошли в соседний подъезд к одному старому товарищу, с кем отец был в ссылке, пришли через два часа и сели играть в шахматы. И дядя Миша проиграл отцу пять партий подряд. Он так разозлился, что ударил кулаком по доске, и все фигуры разлетелись. «Конечно, я тебе проигрываю! — сказал он. — Потому что у меня башка занята другим».

И вот Горика казалось, что у дяди Миши всегда башка занята другим. Поэтому у него и неприятности. Сегодня тоже наверняка случилась какая-нибудь неприятность. Дядя Миша ходил, скрипя сапогами, блестя стеклами пенсне, на щеках и скулах пунцовели пятна — не от гнева, а оттого, что выпил на кухне рюмку-другую водки, — говорил сердито и много, но было, однако, видно, что он думает о другом.

— Мы с Николаем о такой жизни, как ваша, лоботрясы вы этикие, даже мечтать не могли...

— Не знаем мы, какая у них будет жизнь, — вернул отец. И, как показалось Горика, вернул очень умно.

— Как же не знаем? Великолепная жизнь, им всё дано, — сказала бабушка, расставляя блюда и чашки для чая на столе. На нем стояли две вазы с самодельным бабушкиным печеньем и лежала раскрытая коробка круглых, в виде раковин, вафель с шоколадной начинкой. Это были любимые вафли, Женька их уже потихоньку таскала, но Горик, как находившийся под следствием, вынужден был сидеть, не двигаясь, и пожирать вафли глазами. Женька взяла пятую. Правда, две она отдала Асе. — У них все права, — продолжала бабушка. — Кроме одного права: плохо учиться. Женичка, ты же не мыла рук. Ася, Женичка, бегите в ванную и мойте руки.

Через полтора часа всех ребят, кроме Аси, которую мать Горика проводила домой, уложили спать в детской. Валера, бедняга, сразу захрапел, Женька тоже заснула, а Горик долго лежал, прислушиваясь к звукам и голосам. Он слышал, как пришел другой дядя, мамин брат Сергей, студент университета, с ним какие-то мужчины и женщины, наверное, тоже студенты, много чужих голосов, один чужой женский голос смеялся очень звонко и нахально, весь этот шум прокатился вглубь коридора, из столовой раздалась музыка, кто-то заиграл на пианино и сейчас же перестал. Через дверь с матовым стеклом сочился из кухни тонкий, свежий запах печенья. Бабушка всегда пекла одно и то же печенье, сухое, коричневого цвета, в виде ромбиков, нарезанных зубчатым колесиком, и с одним и тем же запахом. У Горика заныло сердце: ему захотелось печенья. Захотелось в столовую, где разговаривали студенты. Захотелось увидеть собаку Морку, почувствовать запах снега, побежать на лыжах через речку к холмам, и чтобы Ася увидела, как он летит стремглав с самого высокого холма, где два трамплина.

В кабинете Николая Григорьевича собрался срочный семейный совет. Как быть? Везти ли ребят на дачу к Снякиным? Сергей принес тревожный слух насчет Ивана Варфоломеевича Снякина, брата Петра. Будто бы его нет. Будто бы три дня уж, как нет. «А точно ли это? — сомневался Николай Григорьевич. — В столовке что-то не говорили. Я не слышал». Сергей сказал, что сообщил человек осведомленный, из театральных кругов. Смехота! Старый каторжанин, бомбист, согласился директорствовать в музыкальном театре. И поделом дураку: не соглашайся на постыдные предложения, не унижай себя. Так полагал рассвирепевший Михаил Григорьевич, который знал Ивана еще по Александровскому централу.

Из столовой, где собралась молодежь, слышны были голоса, запели песню. Новую прекрасную песню из кинокартины: «Крутится, вертится шар голубой...» Бабушка вполголоса подпевала.

— Сережа, ты ступай в столовую, — сказал Николай Григорьевич.

— Ступаю, ступаю. «Герцеговинка» не нужна? — Сергей взял с письменного стола коробку папирос «Герцеговина флор», предназначенную гостям, так как Николай Григорьевич уже пятый месяц бросил курить, и пошел к двери. На секунду остановившись, сделал страшные, веселые глаза и зашептал: — Вы тут недолго, бояре, а то Мотю прозеваете. Мотя такие стихи будет читать — закачаешься!

Ему было двадцать два. Михаил Григорьевич смотрел ему вслед с недоумением: какие стихи? Елизавета Семёновна, мать Горика, сказала, что надо сейчас же позвонить Петру Варфоломеевичу и всё станет ясно. Они с братом очень дружны.

— Еще бы! — сказала бабушка. — В двадцать шестом оба подписали платформу ста сорока восьми. Но Петя гораздо порядочней. Вот за Петю я могу ручаться где хотите.

— И жена Ивана Варфоломеевича всегда у них на даче, у дяди Пети, — сказала Елизавета Семёновна.

Она сняла телефонную трубку, но бабушка остановила ее.

— Лиза, постой. А что если он подтвердит?

— Как — что?

— Ты повезешь детей или нет?

— Я не знаю... — Елизавета Семёновна стояла в нерешительности. — Им, наверно, будет не до того.

— Тогда не звони. Петя нам не звонил, и нам не нужно навязываться, — сказала бабушка. — Он бы позвонил вчера или даже сегодня, если б они нас ждали. Звонить не нужно категорически!

Николай Григорьевич шагнул к телефону.

— Почему же не нужно? Глупости! — Резко двигая пальцем, он набирал номер. — Может, как раз потому, что... — Он замолк. Всем четверым были слышны гудки. — Думаю, что вранье. Давид мог знать, я его видел в столовке. Никто не подходит, значит, он на даче и всё в ажуре... — Он снова умолк. Гудки продолжались. Вдруг он спросил: — Ты, Варфоломеич? Я уж думал, вы там все перемёрли или сгорели, шут вас возьми. Да, да. Ждали, ждали, и вот. Ничего. Сравнительно да. Что? — Николай Григорьевич посмотрел на брата, потом на бабушку и сделал губами движение, означавшее «плохо». Он продолжал слушать, что ему говорили, сохраняя всё то же выражение крепко поджатых и несколько надутых губ. Потом его губы разжались, он вздохнул, выпрямился и сказал другим голосом: — Вот мы и нагрянем все шестеро, и я с Лизой. Ребята настроились. А? Давай нагрянем? Погода-то пропадает. Ну, как хочешь. Ладно. Всем привет. А я завтра зайду.

Николай Григорьевич почесал трубкой затылок, присвистнул и повесил трубку. Елизавета Семёновна смотрела на мужа, хмурясь.

— Что он сказал конкретно? — спросила бабушка.

— Сказал, что с Иваном недоразумение. Ничего конкретного. Он уже звонил Давиду, тот пытался узнать — бесполезно.

— Господи, какое несчастье! Что же у Вани могло быть? — спросила Елизавета Семёновна.

— Что-то было, — сказала бабушка. — На пустом месте такие вещи не случаются, как ты знаешь. Между прочим, Иван Снякин никогда не был мне симпатичен. Во-первых, вся эта смена жён. Во-вторых — отношение к детям. Ведь своего старшего сына, от первой жены, он не захотел воспитывать, отдал в «лесную школу». По требованию этой теперешней, артистки. Мы были тогда все возмущены: и Иван Иванович, и Берта, и Коля Лацис. Берта помогала устраивать в «лесную школу», она же в Наркомпросе, но она тоже возмущалась...

Николай Григорьевич, усмехнувшись, хотел что-то сказать, но только покрутил головой и вышел из кабинета. А Михаил Григорьевич снял пенсне — его лицо без пенсне показалось больным, усталым, под глазами мешки — и сказал слабым голосом:

— Ерунду ты порешь, матушка. Обывательские разговорчики вместо настоящей партийной оценки.

Тихо открылась дверь, и вошла мать Горика. Она постояла неподвижно в темноте, прислушиваясь и стараясь понять, спят дети или нет. Женя и Валерка спали, а Горик лежал с открытыми глазами. Он сказал шепотом:

— Ма, я не сплю.

Мать подошла на цыпочках и села на край кровати. Она притронулась ладонью ко лбу Горика, где была шишка; рука ее была холодная.

— Сынок, мы поедем послезавтра к себе, в Серебряный бор.

— Правда? — Горик обрадовался. — Ух, здорово! Мне так не хотелось ехать в этот самый Звенигород! А ты поедешь?

— Конечно. И я, и папа. И, может быть, Валерку возьмем, если Миша его отпустит и если вы дадите слово, что будете вести себя хорошо.

— Конечно, дадим! Непременно дадим! Обязательно дадим! Ура-ура-ура! Да здравствует наш любимый, несравненный, драгоценный Серебряный бор! — в возбуждении восклицал шепотом Горик. Он уснул счастливый.

На другой день, тридцать первого декабря, когда все сидели утром за завтраком в столовой, в бабушкиной комнате раздался внезапно оглушительный грохот. Было похоже, что кто-то выбил балконное окно. Побежали туда и увидели, что разбилось не окно, а зеркало. Весь паркет был усыпан сверкающими осколками. Никто не мог понять, каким образом и почему старинное толстое зеркало выпало из двери платяного шкафа, запертой к тому же на ключ. Это была загадочная история. Домашняя работница Мария Ивановна сказала, что это к войне. Отец Горика сказал, что война с Гитлером и Муссолини, разумеется, будет, но не скоро. А Горик подумал о том — и это поразило его, — что в мире происходят вещи, которые не может объяснить никто, даже отец, самый умный человек на свете, и мать, тоже очень умная и самая добрая. Ни один человек, никто и никогда не объяснил Горика, почему в то утро упало зеркало.

Леонид Бахнов

В отблесках костра

«Московские» повести Юрия Трифонова

Давным-давно, в позапозапрошлой жизни, я брал интервью у Юрия Трифонова для журнала «Литературное обозрение», где тогда работал. Задал немудреный вопрос: «На какого читателя вы рассчитываете?» «Я рассчитываю на читателя искушенного», — чуть подумав, ответил Юрий Валентинович.

— Ну и что? — спросите вы.

— Да ничего, — отвечу я.

Вот так же ответило и мое редакционное начальство. Прочитало — и отправило в набор. Искушенного так искушенного.

Это был 1977 год. Через десять лет эти «вопрос-ответ» подтолкнули меня разразиться довольно большой статьей о Трифонове. И назвать её «Семидесятник», отчего стал, кажется, первооткрывателем термина.

О, конец 80-х — это были совсем другие времена! Если прежде, в том интервью, я мучился, как бы исхитриться сказать, что человека арестовали, а потом отправили в лагерь, и в конце концов осенило словом «удалили» (Юрий Валентинович, помню, усмехнулся, дочитав текст до этого места, а я подумал: «Ваша школа!»), то теперь о репрессиях можно было писать сколько угодно.

По моему разумению, я писал о Трифонове то, что не могла написать даже Наталья Иванова, умудрившаяся незадолго до перестройки выпустить о нём целую книгу (именно не могла — кто бы ей тогда дал!).

Что же главное я хотел сказать?

В № 1 за 1987 год журнал «Дружба народов» напечатал незаконченный роман Юрия Трифонова «Исчезновение». Ясное дело, я тут же прочитал написанное (и недописанное) без надежды на публикацию сочинение.

И был разочарован. И одновременно думал, что Трифонов правильно решил не завершать этот роман.

Это и был посыл статьи. Правильно ли поступил писатель, отложив крамольное сочинение (как выяснилось, навсегда) и работая над выходящими в печать вещами?

Вот тут-то я и вспомнил про *искушенного* читателя. Позволю себе привести несколько цитат из тогдашнего эссе.

«Если, сдавая в “Новый мир” “Обмен” и “Предварительные итоги”, Трифонов (а он об этом говорил) ещё мог испытывать определенные сомнения, поймет ли его читатель, то после успеха этих первых “московских” повестей он видел: понимают! Понимают, несмотря даже на упорные (а может, и лукавые) старания критиков вогнать его в какой-нибудь строй — бытописателей ли, борцов с “мещанством”... Это читательское понимание не могло не давать ему поддержки, не укреплять сознание, что и в таких, мягко говоря, трудных условиях он может, у него получается донести до нас кое-что важное об “общей судьбе”. А раз может — значит, и должен. Убежден, именно сознание писательского долга отнимало у Трифонова право безмолвствовать перед современниками, пусть даже имея вернейшее из нравственных оправданий: пишу “для вечности” (то бишь “в стол”)).»

«Требования “времени”, если воспользоваться выражением самого Трифонова, “полярно сошлись” с принципами его эстетики. Расхождения состояли в том, что умолчания требовались в той области, о которой он как раз должен был говорить. Нет, поистине нужно было быть Трифоновым, чтобы уметь разрешить столь неразрешимую ситуацию! Писатель создал уникальную, в своем роде совершенную художественную систему, в которой умолчания вынужденные столь же органичны, столь же естественно вплетены в ткань произведения, как и умолчания иного рода. Да, слово его было подцензурно, но поразительно, как свободно, не зажато чувствует себя мысль Трифонова в этих условиях, как вольно входит в ее оборот то, о чем приказано было молчать».

Вот и отложил в сторону Трифонов «Исчезновение», чтобы продолжать писать «московские повести», «Нетерпение», «Старика», «Время и место». Увидели бы мы все эти вещи, стал бы он в самый первый ряд писателей времен застоя, решив по-другому? Сильно сомневаюсь.

Статья, уже говорил, вышла в 1987 году — в № 9 журнала «Октябрь»¹. Только что в «Дружбе народов» закончилась публикация «Детей Арбата», «толстяки» набросились на «тамиздат» и вообще на всё, что не могло быть напечатано прежде, — понятно, что эта лавина погребла под собой статью о недавнем кумире отечественной интеллигенции.

Во времена перестройки и в первые постперестроечные лет десять-пятнадцать Трифонову вообще не везло. Его словно позабыли: не переиздавали, и из критического оборота он выпал. Возможно, подумал я тогда, это оттого, что строители нового общества, бывшие советские люди, очень уж ретиво бросились расставаться с прошлым, отряхивать его прах со своих ног — неважно какой. И тиснул в той же «Дружбе», где уже работал, небольшой матерьяльчик об увидевшемся мне процессе, озаглавив его «Дети совбоды».

Поиграл, так сказать, словами (вот только корректор меня не понял, и «совбода» в заголовке обернулась-таки «свободой»).

Где-то к десяткам годам нынешнего века всё-таки опомнились. Правда, не сразу. Не так давно на Книжной ярмарке было одно обсуждение, и там очень неплохой писатель (кстати, постоянный автор «ДН») горячо убеждал всех, что надо скорее похоронить весь этот опыт советской литературы и забыть чем скорее, тем лучше.

— И Трифонова? — спрашиваю.

— И Трифонова!!!

Сегодня, думаю, он подобного уже не скажет, тем более с такой яростью. Потому как влияние Трифонова на его прозу видно без увеличительного стекла. Впрочем, и прежде было видно — может, потому так и ярился.

Как бы то ни было, сегодня рейтинг Трифонова очень высок. Чуть было не сказал «как при его жизни». Но тут же осекся.

Потому что при его жизни это был другой рейтинг. Рейтинг писателя, говорившего о том, о чем другие не говорили. При этом писателя *разрешённого*. О чем высказывалась масса предположений, в том числе и достаточно неприятных для его репутации, вроде того, что свыше ему была поручена некая тайная *миссия*, и он согласился её выполнять.

Но оставим эту скользкую тему, тем более что её несостоятельность была подтверждена много раз.

Куда важнее, мне кажется, вспомнить, как, какими глазами мы читали Трифонова тогда, когда нам удавалось заполучить его новые сочинения (а это не всегда было просто, учитывая, как их рвали из рук). Что вкладывал в написанное писатель, и что находил в нём тот самый *искушенный* читатель.

И в этом плане стоит вспомнить самих себя тех лет и взглядеться в «московские повести».

¹ Если кому-то интересно, целиком эссе можно прочитать по ссылке https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-tsivilizatsii/yuriy-trifonov-semidesyatnik-/fbclid=IwY2xjawLbuglle_HRuA2F1bQIxMABicmlkETF4YnlOZWVFMnJBclpoU01XAR6gzulap3jE8DGn-0jxi6uSAKMiyDvnrl2749gphUm0Hw9fZY5weLZZ2c7Vtw_aem_XpyB3JZeOQ02DQhJOT5qRw Спасибо Диларе Тасбулатовой, которой я показал текст тридцать пять лет спустя.

Правда — какими были читатели начала 70-х, когда к ним стал приходить «новый» Трифонов?

...Был у меня приятель по имени Юра, мой ровесник, сын хорошей знакомой Трифоновой — редактора в «Советском писателе», через которую проходили самые значительные рукописи. Он прочитал «Обмен» и сказал маме, что передумал меняться. Бедный Юрий Валентинович! Пришлось ему объяснять Юре, что его повесть вовсе не о том, что не надо меняться.

Понимаете, к чему это я?

Когда устаю, начинаю жалеть я,
что мы рождены и живём в лихолетье,
что годы растрчены на постижение
того, что должно быть понятно с рождения, —

писал поэт Наум Коржавин (сокурсник Трифоновой по Литинституту и считавшийся едва ли не самым знаменитым поэтом из молодых, пока не угодил на Лубянку). Поэма «По ком звонит колокол», откуда взяты эти строки, ходила в списках с конца 50-х.

Так вот, в первые послесталинские времена у публики возникла большая нужда *переучиваться*.

Потом началась оттепель, потом воцарился застой. «Обмен» был напечатан в № 12 «Нового мира» за 1969 год, последнем выпуске журнала, где главным редактором числился Твардовский. Про оттепель старались забыть, ещё тщательнее вымарывались из памяти общества злодеяния «культ личности». В критику активно возвращалась кондовость: литература должна была учить и воспитывать, герои должны были быть или положительными или отрицательными, писатель обязан был твердо выражать нравственную позицию — словом, «соцреализм никто не отменял». Мой приятель Юра был человек в литературном плане «продвинутый» (мама!), но и он, как видим, был заморожен ходовыми представлениями о том, что требуется от литературы.

Оттепель кончилась. Шла работа над осовечиванием классиков: Пушкин и Толстой — пламенные борцы с самодержавием, Достоевский — с Западом, Чехов — обличитель мещанства. Из литературы были выкинуты писатели-эмигранты, каких-нибудь Газданова или Набокова словно не было. Да их, и правда, не было. Разве что в «тамиздате», знакомство с которым простому человеку не сулило ничего хорошего.

И всё же — широко печатались произведения Бунина (за исключением «Окаянных дней» и особенно непримиримых к власти большевиков дневниковых записей и заметок), вспомнили Платонова, напечатали (в урезанном виде) «Мастера и Маргариту»... С трудом, но всё-таки прорывались прозаики «новой волны» (при ближайшем рассмотрении несложно увидеть, что большинство из них начинали ещё в оттепельную пору).

Вот в такого рода условиях «новому Трифонову» приходилось разрабатывать собственную эстетику и приучать к ней читателя. Его так и называли — «новый Трифонов». В отличие от «старого» — автора некогда шумевшего романа «Студенты», за который 25-летний писатель получил Сталинскую премию, долго и трудно вынашивавшегося романа «Утоление жажды», «туркменских» рассказов и большого количества очерков на спортивные темы.

Но между «старым» и «новым» Трифоновым имелась существенная «прокладка». А именно — документальная повесть «Отблеск костра» об отце писателя, герое революции и Гражданской войны, одной из жертв Большого террора.

«На мне захлопнули дверь», — с такой невеселой фразой, вспоминал друг писателя, критик В.Кардин, Трифонов в 1967 году вручил ему свеженький экземпляр «Отблеска костра». Удивительно, но повесть была напечатана в «Знамени» — журнале отнюдь не либерального направления (правда, у писателя с ним были давние связи, «Утоление жажды» печаталось именно там). Факт тем более странный оттого, что в Москве не умолкали слухи, будто это Кожевников, главный редактор «Знамени», отправил в госбезопасность рукопись романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Но оставим историю с «Отблеском костра», как и с романом Гроссмана, на совести тогдашней редакции журнала.

Вот что писал Трифонов, предвывая повесть:

«Всё началось после чтения бумаг, которые нашлись в сундуке. В них гнезился факт, они пахли историей, но оттого, что бумаги эти были случайны, хранились беспорядочно и жизнь человека проглядывалась в них отрывочно, кусками, иногда отсутствовало главное, а незначительное вылезало наружу, оттого и в том, что написано ниже, нет стройного рассказа, нет подлинного охвата событий и перечисления важных имен, необходимых для исторического повествования, и нет последовательности, нужной для биографии. Всё могло быть изложено гораздо короче и в то же время бесконечно шире. Потом я кое-что расширил, мне захотелось рассказать и о других людях, о тех, кто был рядом с отцом. И я полез в архивы. Меня заворожил запах времени, который сохранился в старых телеграммах, протоколах, газетах, листовках, письмах. Они все были окрашены красным светом, отблеском того громадного гудящего костра, в огне которого сгорела вся прежняя российская жизнь.

Отец стоял близко к огню. Он был одним из тех, кто раздувал пламя: неустанным работником, кочегаром революции, одним из истопников этой гигантской топки».

Запомним эти слова: «пламя», «кочегар», «топка». В также «отблеск» и «время». Они сильно отзовутся в «позднем» Трифонове.

Собственно, не было бы напряженной работы над этой повестью, скорее всего, вообще не было бы «позднего» Трифонова.

И ещё раз вспомним время. Ведь что происходило тогда, в конце 60-х, и тянулось дальше, практически до кончины писателя?

Ко времени публикации первой «московской» повести Трифонова (напомню, 69-й год) «дверь» была уже плотно захлопнута. Ни «культ личности», ни XX съезд — ничего такого нельзя было вспоминать. Однако вот такая штука — советская власть не только перекрывала все дыры, но была и осторожна, если не сказать, труслива. Она-то всё прекрасно помнила!

К декабрю того года, к юбилею Иосифа Виссарионовича многие ждали, что Сталина снова объявят великим вождем. Но этого не случилось. Появилась расплывчатая статья в «Правде», где отдавалось должное его заслугам, но поминались и ошибки, «осужденные партией». Это была своего рода «указивка», где признание ошибок вовсе не означало, что о них следует говорить.

Лучше молчать в тряпочку. Или хитрить с цензурой, прибегать к эзопову языку, пользоваться чем дальше, тем тщательнее скрываемыми намеками.

Публика это называла «кукиш в кармане», начальство — «неконтролируемые ассоциации».

Одни аплодировали, другие вынюхивали и распознавали.

Народ делался опытней — и с той, и с другой стороны.

Про Трифонова часто говорили: ну что он всё намеками да намеками... Шел бы с открытым забралом!

Удивительно, что ни намеков, ни эзопова языка нет ни в «Отблеске костра», ни в «московских» повестях, ни в более позднем творчестве писателя. «Неконтролируемые ассоциации»? Пожалуй, и их тоже нет.

Юрий Любимов аж два раза ставил произведения Трифонова на сцене своего театра. Вот уж где ворох «неконтролируемых ассоциаций»! Публика, правдами и неправдами прорвавшаяся в самый модный театр, понятно, что есть сил аплодировала. Но при всём том эстетика Театра на Таганке была совсем иной, чем эстетика Трифонова! Любимов, при неоспоримом мастерстве, — это все-таки театр. Сцена, публика, успех. А Трифонов — литература. Другие механизмы воздействия.

Кем он был, когда выходили «московские» повести?

«Отблеск костра» — запоздалое эхо времен борьбы с «культом личности»! — прочитали, удивились и забыли. После «Обмена» он тоже не проснулся знаменитым. «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь» — всё это читалось и давалось почитать, но настоящая слава к нему пришла после «Дома на набережной». Вот эту повесть зачитали до дыр!

Впрочем, читая «Обмен», некоторые тоже присвистывали. Ну, более-менее *искушённые*. Те, что уже могли вычитать, *что не положено*. Вникнуть зорким глазом в подтексты и контексты.

Увидеть *отблеск костра*.

Именно этого Трифонов и хотел, разворачивая перед нами такую простую, такую *бытовую* коллизию. Что в ней уж такого особенного? Пожилая женщина смертельно больна. До жены героя, вполне себе сметливой, быстро доходит, что, если съехаться с одинокой, пусть и душевно чуждой для нее свекровью, взамен комнаты в коммуналке можно получить нормальную квартиру. Дальше они будут жить в квартире вдвоем: она, муж и дочка, свекровь долго не протянет.

Практично же? Вполне практично. По нынешним временам вообще не вопрос. Да и по тем — многие бы стали напрягаться?

Дьявол, как всегда, — в деталях. А детали, как всегда у Трифонова, — зерна *времени*.

Взять хотя бы такую мелочь: сайра. Сейчас эти консервы можно купить в любом захудалом магазине, а в конце 60-х это был осязаемый дефицит. Дмитриеву, герою повести, повезло — на улице случайно купил несколько банок сайры. Счастливый, загрузил их в портфель, ведь его Лена так любит сайру! Можно подумать: да, неплохой штришок современности, тонко подметил автор отсутствие товара в широкой продаже. Однако куда направляется Дмитриев со своим трофеем? В крематорий. Прощаться с дедом. Который прежде занимал немалое место в его жизни.

«Когда вошли со двора в помещение крематория, Дмитриев быстро прошел направо и поставил портфель на пол в углу, за колонной, так, чтобы его никто не видел. И мысленно твердил: “Не забыть портфель, не забыть портфель”. Во время траурной церемонии он несколько раз вспоминал о портфеле, поглядывал на колонну и в то же время думал о том...»

Замерем на секунду, переведем дух. А теперь дочитаем фразу до конца: «...Что смерть деда оказалась не таким уж ужасным испытанием, как он предполагал».

О чем эта ситуация? Что хотел сказать Трифонов? Что Дмитриев замечательный супруг, раз мысли о любимой жене не оставляют его даже в самые неподходящие моменты?

Как ни смешно, и это тоже. Но вернее сказать будет так: не мысли о жене, а инерция мыслей. Увидел — купил. На автомате. Гораздо важнее то, что злополучная сайра не только микширует, но и вытесняет подлинное переживание. Действительно же, трудно испытывать скорбь, когда всё время твердишь сам себе о портфеле с вождельными банками.

Дмитриев любит Лену. Лена любит сайру. Любовь побеждает смерть. Штука посильнее «Фауста» Гёте, как сказал Иосиф Виссарионович, познакомившись с сочинением Алексея Максимовича.

Но если без иронии, то за этим трагикомическим мини-сюжетом разверзаются подлинные трифоновские бездны.

«Лена тоже пришла, сморкалась, тёрла глаза платком, а когда наступил миг прощания, вдруг громким низким голосом зарыдала и, вцепившись в руку Дмитриева, стала шептать о том, какой дед был хороший человек, самый лучший из дмитриевской родни, и как она его любила. Это была новость. Но Лена рыдала так искренне, на глазах её были настоящие слезы, и Дмитриев поверил».

Дмитриев-то поверил, но стоит ли верить нам, читателям?

Пытаясь нащупать ответ, мы воленс-ноленс должны будем распутать цепочку взаимных болей, бед и обид двух породнившихся семейных кланов — Дмитриевых и Лукьяновых.

Читаем дальше: «Её (Лены. — Л.Б.) родители тоже пришли в последнюю минуту, в чёрных пальто, с чёрными зонтами, у Веры Лазаревны была даже чёрная вуалька на шляпке. И они успели бросить в отплывавший в подземелье гроб букетик цветов. Потом Вера Лазаревна с удивлением говорила: “Как много людей-то было!”».

Это — старшие Лукьяновы. Сообразно оделись, соблюли приличия, заодно удовлетворили старческое любопытство на предмет количества провожающих осколок прежних времен.

А провожающие со стороны Дмитриевых: «...Приползли откуда-то в немалом числе и те, будто бы исчезнувшие, ан нет, ещё живые странные старики и старухи,

курильщицы с сердитыми сухими глазами, друзья деда, некоторых из них Дмитриев помнил с детства. Пришла одна горбатенькая старушка с подслеповатым древним личиком, про которую мать когда-то говорила, что она отчаянная революционерка, террористка, бросала в кого-то бомбу. Эта горбатенькая и говорила речь над гробом.

Совершенно иной породы люди! «Те, как будто бы исчезнувшие, ан нет, живые...» Очень осторожно Трифонов говорит, а *искушенный* читатель думает: но почему же, куда же они исчезли? И догадывается: были расстреляны, замучены, стерты в лагерную пыль. Если не все, так многие. Чуть раньше в повести сказано, что Дмитриев не видел деда много лет (куда, спрашивается, он отлучался?!), что был он «маленького роста, усохший, с сизовато-медной *дубленой кожей* на лице, с корявыми, *изуродованными тяжелой работой*, негнушимися руками», и что говорил он «о том, что всё, что позади, вся его бесконечно длинная жизнь, его не занимает. Нет глупее, как искать идеалы в прошлом». И облик деда, и мысли — выдают в нём хорошо посидевшего человека.

Вот он, *отблеск костра*! Ни разу Трифонов не сказал прямо, но он, этот отблеск, играет на каждой детали, на каждом психологическом повороте повествования. Неслучайно мать Дмитриева проводит лето и осень в поселке Красных партизан, в котором угадывается поселок старых большевиков в Серебряном бору, где проводил детство Трифонов и судьбы жителей которого во многом повторяют судьбу деда Дмитриева: арестован, расстрелян или отправлен в лагерь.

Таковы *корни* героя «Обмена»: революционеры, старые большевики, когда-то жаждавшие устроить мир на началах справедливости и добра, а позже либо уничтоженные, либо помятые новой жизнью. Ко времени, в котором разворачивается действие повести, их (или потомков) повадки стали выглядеть смешными, раздражающими, *старорежимными*. Как не утихшее с годами желание Ксении Фёдоровны, матери Дмитриева, помогать всем на свете, отчего Лена в минуты раздражения называла её ханжой. Как прямолинейность и несгибаемость Лоры, его сестры, мысли которой «никогда не гнутся. Всегда торчат и колются, как конский волос из плохо сшитого пиджака».

Понятно, что отношения предприимчивых и укорененных в жизни Лукьяновых с семейством Дмитриевых не могут не искрить. А от искры разгорается что?

Правильно. Но до настоящего костра дело всё-таки не доходит. Снова — *отблески*.

Хуже всех, ясное дело, приходится Дмитриеву — мечется и мечется между двумя кланами. Не было до Лены у него человека ближе матери, но вот что он о ней думает, уже женатый человек: «Всё правда, истинная правда: мать постоянно окружают люди, в судьбе которых она *принимает участие*... Всем мать старается помогать совершенно бескорыстно... Очень любит помогать бескорыстно. Пожалуй, точнее, так: любит помогать таким образом, чтобы, не дай бог, не вышло никакой корысти. Но в этом-то и была корысть: делая добрые дела, всё время сознавать себя хорошим человеком».

Справедлива ли такая оценка? Или на ней лежит уже *отблеск* Лены? Которую Дмитриев любит, с которой не собирается смертельно ссориться, а, наоборот, изо всех сил старается построить *нормальную* семью, растить и вывести в люди дочку?

На этот вопрос Трифонов не хочет прямо отвечать, предоставляет это сделать *искушенному* читателю.

Почему автор не дает полыхнуть костру в полную силу, а лишь скрупулёзно, как будто под микроскопом, разглядывает происходящее? Конечно, потому, что ему, как писателю чрезвычайно тонкому, совершенно не обязательно доводить дело до костра, достаточно показать, что поленья сложены. Но дело не только в этом.

«Витька, как же ты олукился!» — сказала как-то Дмитриеву сестра.

Один из очень важных эпизодов повести — когда герой Трифонов перед решающим разговором с матерью сидит на деревянном ящике и глядит на противоположный берег реки. «На противоположном берегу, где когда-то был луг, теперь устроили громадный пляж с балаганами, ларьками... Всё на том берегу было тёмно-серого, цементного цвета. За пляжем курчавилась молодая роща берез, насаженная лет десять назад, а за рощей туманно-белыми глыбами высились горы жилища, среди которых стояли две особенно высокие башни. Всё изменилось на том

берегу. Всё “олукьянилось”. Каждый год всё менялось в подробностях, но, когда прошло четырнадцать лет, оказалось, что всё олукиянилось — окончательно и бесповоротно».

Заметим, это увидено глазами Дмитриева. «Окончательно и бесповоротно...» Может, на деле всё не совсем так?

Молчит, молчит Трифонов... Но в той картине, которую он рисует, нет места для костра. Нечему разгораться. Да и искры, собственно, нет.

Поэтому нет в повести костра. Есть лишь *отблески*. Не стоит думать, что они лежат только на Дмитриевых. На Лукьяновых тоже. Иван Васильевич, глава семейства, человек, разумеется, ушлый. Но всё не так просто. «Когда Дмитриев познакомился с ним, Иван Васильевич был уже сильно стар, грузен, страдал одышкой, пережил инфаркт, всяческие невзгоды и бури вроде снятия с работы, партийных взысканий, восстановлений, назначений с повышением, клеветы и наветов разных мерзавцев, норовивших его погубить, но, как признавался сам, “в отношении этих моментов спасался только одним: был начеку”. Привычка к постоянному недоверию и неусыпному бдению втерлась в его натуру настолько...»

Дальше можно не продолжать. И на нём, и на нём лежит *отблеск* — вот это «начеку», результат привычного страха.

На первую «московскую» повесть критика отреагировала вяло. Хвалить? Но за что?.. За выверенность деталей, неожиданность характеров, за отсутствие жирной морализаторской точки в конце? Но тут — минное поле. Ругать? Опять-таки особенно не за что, разве что за мелкотемье — это хоть и привычная карта, но всё-таки не тот козырь, которым можно бить сталинского (теперь уже Государственной премии) лауреата. Критики — что «правые», науськанные унюхивать «антисоветчину» в любом, даже вполне ортодоксальном тексте, что «левые», старавшиеся подогнать «смелый» текст под «советскую» идеологию и тем самым его обезопасить, — все заняли позицию выжидания.

Требовались новые тексты.

И они появились довольно скоро — «Предварительные итоги» и «Долгое прощание». В том же «Новом мире». Хотя кое-кто из авторов прославленного журнала и призывал бойкотировать издание, из которого грубо изгнали Твардовского, не слишком многие стали это делать. В том числе и Трифонов, недавно принимавший самое активное участие в борьбе за отстаивание главного редактора на его посту.

Ушел в кусты? Сдался? Скорее — шел к осознанию своего долга, своей миссии. Отблеск прежнего «Нового мира» до поры до времени ещё маячил в сознании читателей.

...В повести «Предварительные итоги» как будто бы нет ни «костра», ни «отблесков» — чистая современность. Можно было бы даже сказать — «производственная повесть», любили в оные годы такие определения, причем именно в кавычках: известно же, что литература не делится на «производственную» и «не». Правда, герой подкачал — никакой он не производственник. Переводчик. Хотя в некотором смысле и производственник: производит стихотворные переводы с подстрочника. В промышленных масштабах. Разумеется, когда есть заказы. А с ними то густо, то пусто. Как это бывало и на некоторых других производствах. Количество стихотворных строк за день (и гордость рекордами), ушлый снабженец (он же, по сути, хозяин), из числа основных поставщиков исходного материала (республиканский поэт не самого первого ряда, но всё же одна из заметных в республике величин, может быть, сделанных переводчиками). Все данные для производственной повести! Пусть и на экзотическом материале.

Но, повторяю, герой подкачал. Каким полагается быть герою такого рода произведений? Он, прежде всего, должен быть энтузиастом своего дела. Если не гореть на работе, то по крайней мере бороться за новые, прогрессивные методы производства со всякими ретроградами и рутинерами. У Трифонова другое. Свою работу его герой не то чтобы не любит или презирает (он — профессионал, и, как всякий профессионал, умеет радоваться некоторым находкам), просто — осознает собственное место в жизни. Не всем же рождаться гениями! Но всем надо зарабатывать: содержать семью,

давать образование сыну... Его способ зарабатывания — такой. Каждый делает, что умеет.

В любом производственном произведении должна быть представлена и личная (семейная) жизнь героя, иначе — ходячая схема, а не живой человек. И здесь у Трифонова тоже затык. В смысле — растык. Потому что то, что происходит с героем за пределами его профессиональной деятельности, занимает в повести главенствующее место.

Итак, не баловень судьбы и не совсем лузер. Любимый герой Трифонова.

И опять-таки — время, время! Бесконечные приметы.

Помню, народ восторгался: как же, Бердяев упомянут! И хоть называет герой повести увлечение жены разными спрятанными от советского человека философами «белибердяевщиной» (должен же где-то герой «производственной повести» проявить профессионализм и словесную сметку!), но это не более чем, пусть и отдающая крамолой, честная примета времени.

Реагировать надо не на это (хотя почему бы и не на это тоже? спасибо цензуре, пропустила!). А на *общий состав жизни* в стране победившего социализма. О коем (социализме) в повести нет ни слова. А состав этой жизни в те времена был знаком, ох как многим! Поставленная в тупик ещё «Обменом», критика стала относить Трифонова к разряду бытописателей. Вторая повесть только подогрела это её желание. Быт, быт! — и самое первое жильё, естественно, коммуналка, с тещей, плачущим ребенком, домработницей и т.п. И всё усложняющиеся, исполненные злободневных реалий, знакомые буквально каждому читателю отношения между мужем и женой, родителями и сыном. И наполненные рефлексией и самобичеванием отношения с работодателями...Кстати, ведь и появление Гартвига с его «белибердяевщиной» среди персонажей «Предварительных итогов» тоже можно объяснить подробностями быта интеллигенции тех лет.

Но я не стану пересказывать повесть пятидесятилетней давности — кто с ней успел познакомиться в свою пору, может перечитать, а кто не успел, легко найдёт в бумажном или цифровом виде.

В следующей из «московских повестей», «Долгом прощании», «состава жизни» тоже хоть отбавляй. Но здесь речь идет не о современности. «В те времена, лет восемнадцать назад, в этом месте было очень много сирени», начинает автор. То есть действие разворачивается в самое тоскливое и беспросветное время — в конце сталинской эпохи. Из всех персонажей всё в порядке лишь у артистки Ляли, на которую вдруг свалилась известность, и пробивного драматурга Смолянова, сумевшего поймать судьбу за хвост. Остальные отбиваются от свалившихся на них бед и неприятностей: талантливый, но невезучий и неустроенный писатель Гриша Ребров никак не может найти своё место в жизни и при этом без конца вынужден мелко и унижительно ловчить, чтобы отстоять то прописку, то право числиться на работе. Его тесть, вынужденный на старости лет отстаивать дело всей жизни — собственный сад, подлежащий в связи с градостроительными планами уничтожению. И т.д. и т.п.

Изнуряющие тиски быта, вряд ли знакомые молодому поколению, но столь памятные ровесникам Трифонова, — становящиеся вполне экзистенциальной частью сюжета о не таком уж далеком прошлом.

Чуть сосредоточимся и опять увидим *отблески* того же костра. Это, кстати, тонко сумел передать режиссер Сергей Урсуляк в экранизации трифоновской повести 2004 года.

Следующая повесть — снова о современности. Уже памятные нам многие трифоновские коллизии, уже усвоили мы одну из излюбленных мыслей писателя, что брак — это не просто семейные отношения двух людей, но сшибка кланов, уже увидели самолюбие и податливость обстоятельствам трифоновских мужчин, самозабвенную любовь и воинственную нетерпимость трифоновских женщин.

«Другая жизнь» — квинтэссенция всего этого. Разве что «белибердяевщину» из «Предварительных итогов» здесь заменяет увлечение интеллигенции парапсихологией. Но, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы подальше

от идей побеждающего социализма. Не пройдет и полутора десятков лет после публикации повести, как это увлечение в разных, подчас пародийных формах охватит не только интеллигенцию, но и самые широкие массы населения. Предвидел ли это Трифонов? Во всяком случае, герой «Другой жизни», Сергей, отнесся к новому веянию более чем серьезно.

Но при всей его неустроенности, при всей....

При всей безудержной и беспощадной любви Ольги Васильевны к мужу (он очень напоминает Гришу Реброва из «Долгого прощания», особенно своими мыслями об истории, которая «многожильный провод», — подобная мысль впервые у Трифонова высказывается не Сергеем, а одним из умудренных глухим опытом персонажей того же «Долгого прощания»), — при всём том, эта печальная, со множеством тонких социальных реалий, повесть — не о вопиющей несправедливости людей, времени, жизни и так далее, не о плохих карьеристах и хороших страдальцах.

В финале предыдущей повести не ставшая знаменитой артисткой Ляля смотрит на Москву: «А Москва катит всё дальше, через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями, каменные горы в миллионы горящих окон...» — в общем, известная цитата.

Так вот, «Другая жизнь» — тоже об этом.

Человек живет, борется, не опускает рук, пытается убедить в чем-то друзей и врагов — и вдруг умирает. Занавес, амба. Но «многожильная» жизнь тем не менее продолжается.

Хэппи энд?.. Кто знает.

...Номер «Дружбы народов» с «Домом на набережной» (№ 1, 1977) буквально рвали из рук. Вот уж где отблеск костра не скрывался и виден был во всю силу. Как?! Сталинские времена?! Репрессии?! При том, что на темы «культы личности» давным-давно навешен замок?!

До сих пор не знаю, как эта вещь тогда проскочила. Говорят, разрешил сам Суслов. С одной стороны, не верится. С другой, — кто знает, что в тот миг было у Политбюро на уме?

А ргоров замечу, что имени Сталина нет ни в «Доме на набережной», ни в одном другом после документальной повести «Отблеск костра» сочинении Трифонова. Даже в романе «Время и место», где похороны вождя описываются подробно.

Хотя нет — знаменитые похороны он всё же упомянул и в «Доме»: «Никогда не было второго собрания, многолюдного, в марте, когда уже не было смысла самоугрызаться...» В марте! То есть речь о 1953 годе. Но писатель остался верен себе, имени не назвал.

Не стану пересказывать и эту повесть — слишком она знаменита. В том числе благодаря ещё и фильму (2007, режиссёр Аркадий Кордон). Но лично мне фильм совсем не понравился, прежде всего потому, что авторы изо всех сил старались оправдать сделавшего неплохую карьеру Глебова — аккуратно поперек того, что мы читаем у писателя.

Что, впрочем, вполне рифмовалось с подступающими новыми временами.

...Однако почему я сосредоточился именно на «московских» повестях?

Потому что это было *начало*. Начала совершенно нового Трифонова. Ему мучительно необходимо было понять *время*. Не сегодня, не вчера — а вот этот «многожильный провод», связывающий времена и судьбы. Поэтому он писал «московские» повести, а за ними романы «Нетерпение», «Старик», «Время и место», углубляя и расширяя пространство того, о чем думал.

Ради этого Трифонов не стал дописывать роман «Исчезновение».

Но он всё равно был напечатан. И даже издан книгой. Оказавшись предтечей и «московских» повестей, и всего позднего Трифонова.

Который все-таки воспитал читателя «изошренного». Способного увидеть, расслышать, прочувствовать и сам «костер», и его «отблеск» в нашем прошлом и настоящем.

Сейчас это вновь стало нужным.

Евгений Абдуллаев

Возвращение «частника»

Было такое слово. Появилось где-то в начале 1920-х.

«...Наступил нэп, и началась жестокая конкуренция между частником и государством, как тогда говорили: “Кто — кого?” — государство одолеет частника или частник государство» (Анатолий Рыбаков, «Тяжёлый песок»).

Одолело, как известно, государство. Так одолело, что многим бывшим частникам пришлось на него работать, бесплатно и в специально отгороженных местах.

Но частник не исчез.

Он торговал на рынке. Шил модную обувь. Занимался извозом. Фотографировал в школах и санаториях. Репетиторствовал. Сдавал угол «дикарям». Стриг волосы, вставлял зубы и лечил гипнозом. Изготавливал леденцы, кипятильники, футболки, «тёщин язык» и слоников, приносивших счастье.

За частником охотилось государство, его не любило население. Но частник был страшно живуч. Он дожил до 19 ноября 1986 года, когда в СССР был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности, легализовавший его, частника, и его деятельность.

Где-то в начале 90-х, с обвальная приватизацией, слово «частник» стало постепенно бледнеть и исчезать. Поскольку «частниками» стали почти все.

В советской литературе тоже были свои частники.

И не только в 1920-е, когда еще существовали частные издательства, и в конце 1980-х, когда их снова разрешили. Частники существовали и после, и до.

Частниками были «литературные негры». Частниками была группа писателей, пытавшаяся в конце 1950-х издавать кооперативный (!) журнал «Современник» (затея, правда, не удалась). Частниками была другая группа писателей, выпустившая в 1978 году альманах «Метрополь» (затея удалась, но имела, как известно, печальные последствия).

Но главное — не это.

Частниками — в широком понимании этого слова — были *все* литераторы, кто рассматривал свое занятие литературой как *частное* дело. И не только авторы самиздата. Даже те, кто печатался в государственных изданиях и состоял в СП.

В этом смысле частниками были поздний Трифонов, поздний Самойлов, Битов, Маканин... Частники в литературе, как и в других сферах, делали своё дело, как правило, лучше и качественнее. Лучше чувствовали то, что может заинтересовать читателя.

Это не означало, что «не-частники» были сплошь серостью или халтурщиками. «Государственником» был Симонов. «Государственником» был Рыбаков, с чьей цитаты я начал. Залыгин, Евтушенко, Айтматов...

Солженицын, кстати, тоже не был «частником» — ни до, ни после высылки. Для него литература была делом государственным. И судьба государства — как тема — перевешивала остальные.

Но в целом тон в позднесоветской литературе задавали именно «частники». И в «Советском писателе», и в самиздате.

У авторов самиздата «частничество», конечно, было выражено ярче. Например, у Пригова, в котором «казалось, не было ничего *советского*», и «наиболее ценное в том, что он сделал, связано, скорее всего, с <...> пространством частной жизни» (А.Бараш)¹. И, конечно, у Бродского, который с декларации своей «частности» и начал Нобелевскую речь. «Для человека частного, и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего...»

С начала 90-х «частность» стала уже не экзистенциальным выбором единиц, а судьбой всей словесности.

Литература стала частным делом писателей, выбиравших, о чём и как им писать. Она стала частным делом издателей и распространителей — опять же, частных, — выбиравших, кого и как им издавать и продавать. Наконец, она стала частным делом читателей, — выбиравших, кого им читать.

Это была другая крайность.

Так же, как общество не может существовать без государственных институтов, национальная экономика — без госсектора, литература не может быть только «частным делом».

Это стало очевидным уже к началу 2000-х.

И не только потому, что с «приватизацией» литературы её институтам — издательствам, журналам, премиальным, фестивальным и профессионально-образовательным проектам — начинает всё более остро не хватать финансирования. Господдержка вскоре возобновится: пусть далеко не достаточная, но позволявшая как-то выживать. Главное, литературе, почти полностью отделенной от государства, ставшей частным делом частных людей, стало не хватать другого капитала — символического.

«На закате социалистической империи главный герой актуальной литературы утверждал себя как частное лицо. <...> Только теперь, когда монумент повалили набок и, полый, увезли на грузовике, литературный герой и его двойник “из мяса и костей” стали по-настоящему одиноки. Частное лицо перестало быть частью какого бы то ни было целого и, соответственно, утратило способность провоцировать глобальные конфликты: сегодня немисливо представить книгу, которую читали бы сотни тысяч носителей русского языка», — писала в 2000-м Ольга Славникова («Знамя», 2000, № 12).

Позиция литератора как частного лица, занимающегося литературой как частным делом, имела смысл только при тотальном огосударствлении литературного дела, как это было в советское время. В ситуации 90-х, когда государство в короткий срок «ушло» из литературы, последняя потеряла очень важную часть своей востребованности. А именно — социально-политическую.

Об этом мне уже приходилось писать в отношении поэтов.

¹ Бараш А. Своё время. — М.: 2014. С. 133.

«Поэт может быть частным лицом — но лишь тогда, когда он не является поэтом. <...> Или — в более привычной формулировке: *Пока не требует поэта...* Пока не требует, поэт может быть частным лицом. Или, наоборот, публичным, медийным — что, опять-таки, не есть та социальность, которой он обладает как поэт. Как говорящий (через стихи) не только за себя и от себя. Как обращающийся (через стихи) не только к себе и двум-трём друзьям и родственникам» («Знамя», 2013, № 13).

Но именно этой социальности и поэзии, и прозе 1990—2010-х не хватало.

И не потому, что авторы избегали острых социальных тем. Не избегали. Порой даже специализировались на них. В поэзии — Дмитрий Быков¹, Всеволод Емелин, Игорь Караулов, Евгений Лесин, Андрей Родионов... И в прозе остросоциальных текстов тоже хватало — у Бориса Екимова, Шамиля Идиатулина, Олега Павлова, Захара Прилепина, Романа Сенчина, уже упомянутой Ольги Славниковой... Но не то что глобальные конфликты, а даже локальные, скромные чепё районного масштаба не провоцировали. Не было ни социального, ни государственного заказа на них.

От полного отделения от литературы проигрывало и государство. Ставка на звезд шоу-бизнеса и зрелищные искусства, сделанная ещё в 90-е, давала лишь краткосрочный эффект. И то — не всегда.

Да, с писателями чиновнику работать сложнее. «...Писатель — он ведь что-нибудь да ляпнет, скажет правду, не на то вдохновит народ, — как заметил недавно Владимир Личутин. — Вот почему возносят артистов: народ легкомысленный, веселый, недумаящий, они танцуют, прыгают, в воздухе пузыри пускают. Плотское в человеке возбуждают, а в это время душа засыпает, голова пустеет. <...> Потому их и пропагандируют, потому беспокоятся за артистов, а не за писателей» (сайт «Горький», 17 июня 2025 года).

Артисты, конечно, тоже разные бывают. Есть и думающие, и мыслящие — и наоборот, встречаются литераторы, «пускающие пузыри». Но в целом верно. Артистов гораздо легче задействовать в различные политические проекты, чем более «непредсказуемых» писателей.

Но без сложной, местами симбиотической, местами конфликтной, связи с литературой власть лишается одного из важных символических ресурсов «долгого действия». А литература — это, возможно, наиболее «долгодействующий» вид искусства. Медленнее подверженный сменам моды и медленнее, в наиболее важных своих текстах, теряющий актуальность и устаревающий.

«Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,/ Скрипучий поворот руля...»

Да, почти по Мандельштаму. Происходит поворот руля: от приватизации — снова к национализации и огосударствлению. И речь не только о национализации крупных предприятий, принадлежавших частному бизнесу. Это лишь верхушка, лишь часть гораздо более широкого процесса де-приватизации всей общественной жизни.

В воздухе снова запахло историей.

То, что прежде считалось частным делом, за несколько лет частным быть перестало. Пост в соцсетях. Одежда, в которой приходишь на вечеринку. Выбор страны для проживания. Интимная жизнь и связанные с ней предпочтения. И многое другое. Всё стало политикой, если не актуально, то потенциально. А значит, потенциально или актуально, сферой внимания государства и приложения его сил.

В том числе — и литература. Буквально за несколько месяцев.

¹ Внесён Минюстом РФ в список иноагентов.

27 февраля прошел съезд Союза писателей России (СПР). Избрано новое руководство, поставлены новые цели. Начата трансформация СПР в основной инструмент государственной политики в области литературы, аналогичный Союзу писателей СССР.

Менее чем через месяц, 25 марта, прошло заседание президентского Совета по культуре и искусству, большая часть которого была посвящена литературе. Представлявший на нем Союз писателей России Николай Иванов поблагодарил за «распоряжение о возврате Союзу писателей России имущества и в определённой степени организационных и финансовых возможностей, которыми обладал Союз писателей СССР».

В начале мая был опубликован перечень поручений по итогам Совета, составленный в том числе с учетом пожеланий СПР.

Идет, иными словами, усиление государственного патронажа на литературном поле. Одновременно и с такой же высокой плотностью событий под государственный контроль подводится «частный сектор»: частные издательства и частные книжные магазины. Но больше не патронажными, а жестко-правовыми мерами. После проверок, двум известным книжным магазинам, московскому «Фаланстеру» и питерским «Подписным изданиям», в мае был выписан штраф. В марте неприятности возникли у «Евразийского книжного агентства», выпустившего роман Максима Кантора «Сторож брата»; в мае — уже у крупнейшего книжного холдинга «Эксмо».

Вообще, с «Эксмо» какая-то парадоксальная история. В октябре на Франкфуртской ярмарке украинские издатели пикетируют стенд «Эксмо» с плакатами «Русские книги — это акт терроризма». В мае против сотрудников «Эксмо» выдвигаются обвинения в экстремизме — но уже в России.

Как в сказке: «Направо пойдешь — коня потеряешь...»

В целом, однако, всё довольно логично. Было бы странно, если бы в ситуации перехода к мобилизационной модели развития и увеличения роли государства во всех областях жизни литература оставалась незатронутой.

Пока ещё литература остается для большинства писателей «частным делом».

Как пишет Максим Амелин: «Современный писатель (если не причислять к писателям всех умеющих выводить буквы) в России — птица вольная, существует в основном вне институций, и более того — по разным причинам чуждается их» («НГ Ex libris», 9 апреля 2025 г.).

Я бы добавил — *пока* ещё вольная. *Пока* ещё может позволить себе их чуждаться.

Да, разумеется, хотелось бы, чтобы присутствие государства в литературе — само по себе важное и нужное — больше проявлялось в виде «мягкой силы». И размер пряника превышал размер кнута. И среди пряникополучателей было больше именно писателей — а не «всех умеющих выводить буквы» (только потому, что выводимые буквы соответствуют «линии партии»).

Но никаких гарантий, что это будет именно так, нет.

Хорошо всё это или нет, и для кого, и какими путями может пойти дальше огосударствление литературы, сказать сложно. И до каких пределов. Но то, что оно будет продолжаться, сомнений не вызывает. И если будет продолжаться теми же темпами, то ставки «частного высказывания» в литературе снова возрастут. И, возможно, в литературу снова вернется «частник». Посмотрим.

Борис Минаев

Реинкарнация Шарикова

У каждого поколения — свой «Гамлет» (вот только недавно писал о прекрасной студенческой постановке в ГИТИСе), свой «Дон-Кихот», свои «Отцы и дети». Ну и своё «Собачье сердце», конечно.

В 1988 году на советском телевидении вышел фильм Владимира Бортко, быстро ставший киноклассикой, а в 1987 году (за год до этого) Генриетта Яновская поставила спектакль в МТЮЗе.

И вот новое «Собачье сердце» в том же МТЮЗе (режиссёр Антон Фёдоров).

Каким же образом повесть Булгакова «вписалась» в этот ряд классических текстов, без которых не может обойтись *каждое* культурное поколение?

Эта проза Булгакова была возвращена читателю в перестроечные годы. Резолюция очень умного и много сделавшего для советской культуры Льва Борисовича Каменева, члена Политбюро и видного «вождя» ранней советской эпохи, гласила: «Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя». (Цитирую по книге М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова».) Его и не печатали... В сущности, «Собачье сердце» входило во «второй круг» тогдашнего самиздата: не Солженицын, конечно, но, в общем, тоже довольно опасно. Повесть справедливо воспринималась именно как памфлет, даже скорее как злая пародия на всё советское: советские идеи, советские установления, порядки, советские обычаи (например, запомнившееся всем хоровое пение, которое кочует из одной постановки в другую, и в этой оно тоже есть). Но самое главное — как пародию на «нового советского человека», главный цивилизационный проект большевиков.

В телевизионной версии Владимира Бортко, ставшей абсолютной, оглушительной сенсацией тогда, в 1988 году, именно это восприятие булгаковской вещи как злой сатиры на советскую действительность, да и на сами советские идеи, включая марксизм-ленинизм, было доведено до последнего предела, до какой-то невероятной мощи.

Успеху способствовал целый ряд обстоятельств: во-первых, талант самого Бортко, в его ранней версии, не политизированной, не дидактической. То есть точная, сухая, лаконичная и четкая режиссура. Фантастическая игра Евгения Евстигнеева в роли профессора Преображенского. Другие блестящие актёрские работы.

Но самое главное — контекст времени.

Кем был Преображенский в тогдашней трактовке Бортко? Настоящим рыцарем, героем в безусловно белых одеждах, защищающим не только свой дом — но и последний островок надежды в тонущей России: островок культуры, островок духа, островок «нормальных» человеческих отношений. В одиночку он сражается с монстром зловещих перемен, с драконом большевизма, с «разрухой в головах» (сражается в одиночку, но во главе маленькой армии — со своим оруженосцем доктором Борменталем и двумя женщинами — Зиной и Дарьей Петровной, тоже своеобразным воплощением интеллигентного, «добропорядочного» уклада патриархальной России).

Что касается первого «Собачьего сердца» в ТЮЗе — это тоже классика перестроечного театра: некоторые зрители, по их собственному признанию, смотрели спектакль по десять-двенадцать раз, в основном «в минуту жизни трудную», он шел на сцене в Мамоновском переулке много-много лет.

Я посмотрел его как раз в момент какого-то юбилея спектакля — в памяти осталось «обугленное золото» оперной «Аиды», пышная и торжественная музыка Верди, звучащая как похоронный марш погибшей русской культуре, замечательный изящный зрительный рисунок (режиссёрский — Генриетты Яновской и художнический — Сергея Бархина).

Профессор Преображенский и в кино, и в спектакле был одним и тем же человеком, просто в спектакле 1987 года он оказывался в ещё более отчаянном, безнадежном, трагическом состоянии. «Объединенные силы» Шарикова и Швондера бодро топали по сцене к новым горизонтам, оставляя его патриархальную обитель на обочине жизни.

Казалось раньше, что эта трактовка — единственно возможная. Что ничего тут ни поправить, ни изменить просто не в человеческих силах.

И что профессор Преображенский как некий донкихот *всегда* будет сражаться за идеалы старой русской культуры и русской жизни с «ветряными мельницами» большевизма, очень хорошо вооруженными.

...Актёры, играющие новое «Собачье сердце» в МТЮЗе, выполняя задачу режиссёра, довольно отчетливо отстраняются от текста в первой части спектакля, как бы его «изучают», рассматривают, недоверчиво пробуют на язык, явно намекая, что это отнюдь не тот, не «классический» вариант. Что сейчас будет всё по-другому.

Самый яркий пример — та самая «разруха в головах». Профессор Преображенский (Игорь Гордин) неуверенно произносит знаменитую булгаковскую формулу и тут же сам себя комментирует: «Кажется, это Булгаков сказал. Или написал...»

Знаменитое «Яблочко» (здесь оно исполняется в его самом что ни на есть кроваво-революционном варианте — «Эх, яблочко / И не спелое! / А буржуйское дело / Прогорелое!»), которое Шариков в старом фильме лихо исполнял на балалайке, здесь звучит на бас-гитаре, в мрачных, так сказать, хард-роковых тонах. Причем тут же Преображенский с Шариковым обсуждают, что «у Булгакова же написано, что песня исполняется на балалайке».

Мы вместе с актёрами как будто всё время спотыкаемся о классический булгаковский текст, порой это превращается в чистый балаган, но поскольку даже самому неискушенному зрителю понятно, что вскоре балаган превратится в трагедию, — зал находится в постоянных перепадах от взрывов смеха к напряженному ожиданию.

Оно накапливается, как гроза в пасмурном небе, и наконец возникает тот самый страшный электрический разряд. Разряд смысла.

...Отвечая на свой собственный вопрос, каким образом небольшая повесть «Собачье сердце» стала классической вещью русской литературы и заново перечитывается каждым новым культурным поколением: так вот, тем-то подобные тексты и отличаются от других, что содержание остается прежним, а *смыслы* меняются. И дело вовсе не в «трактовке» или «режиссёрской интерпретации» — дело в самом воздухе времени. Нашего времени.

В прошлой, перестроечной, эпохе мы прощали профессору Преображенскому его ошибку — по той простой причине, что он ученый, настоящий интеллект, он имеет право на эксперимент. В нашей эпохе такого права у него уже нет. У любого института современной цивилизации, будь то государство, наука, технический прогресс, должны быть естественные ограничители в виде «натуральной», естественной, простой человеческой морали.

Если в прошлой своей версии вся сатира булгаковской прозы была нацелена на советского гомункулуса, то в нынешней — она метит именно в его творцов. В тех, кто её создал, новую реальность. И это отнюдь не карикатурный Швондер (Антон Коршунов).

Это — почти вся русская интеллигенция.

В минуту горького разочарования в результатах эксперимента Преображенский устало садится на диван и обращается к ученику Борменталю (Илья Шляга), объясняя ему свою драму: я-то думал о будущем человечества, о *евгенике*.

Для современного зрителя само это загадочное слово — почти пустой звук. Для зрителя или читателя 20-х и 30-х годов XX века — один из очень внятных маркеров глобального мировоззрения того времени. Исправить человеческое общество, исправить человеческую природу, исправить историю, исправить человека, сделать его счастливее и здоровее — вот цель. Время постоянного, тотального эксперимента во всех областях — в образовании, в искусстве, в быту и в семье, в государстве и науке. Кто же этим занимался? Ну, практически все... Все мировые ученые, мировые мыслители, мировые общественные деятели, педагоги и художники, — потому что эксперимент и «исправление натуры», исправление истории стали новой мировой религией, и русский большевизм был лишь одной из её ипостасей. (В ряду других революционных экспериментов были, конечно, и медико-биологические — довольно близкие по смыслу к тому, что описан в «Собаьем сердце».)

Поэтому за первым слоем булгаковской сатиры для чуткого, внимательного читателя тут же вставал и другой — глобальный и философский. А за вторым и третий — ведь основные социалистические формулы и догматы были рождены отнюдь не на собраниях провинциальной партиячейки, а в кругу самых что ни на есть интеллигентных, просвещенных и прогрессивных людей.

Так стоит ли менять человека? Стоит ли менять общество? Стоит ли вообще трогать человеческую природу и сложившиеся вокруг неё устои?..

Булгаков, который ещё не был отлитым в бронзе русским классиком, а воспринимался современниками как яркий газетный сатирик, бытописатель, драматург-комедиограф, ещё в 1925 году вдруг попал на эту тёмную и загадочную территорию важнейших споров его современности.

И вот прошло ровно сто лет. Теперь в «отрицательных» у нас отнюдь не второстепенный Швондер, а сам профессор Преображенский со своими присными.

С него и главный спрос.

За что? Ну вот за это чрезмерное научное любопытство, видимо. Но не только. За эгоизм и чванливость. За глубокое равнодушие к страданиям подопытных существ. И за неглубокую, скажем так, душевную организацию. Даже за буржуазность — его отношения с Зиной (Алла Онофер), Дарьей Петровной (Екатерина Александрушкина) и дворником Фёдором (Илья Созыкин) уже совсем не выглядят столь благостными, как раньше.

Ну и главное — собаку жалко!

Нельзя, конечно, сказать, что профессор в исполнении Игоря Гордина так уж одномерен. Основной мотив тут простой: даже самый могучий ум, самый могучий характер не выдерживает в столкновении с тёмными временами, с временами, когда всё поставлено с ног на голову, когда всё взорвано и катастрофически разрушено, — и начинает распадаться сам.

Показано это блестяще. Но вопросы-то куда не деваются.

В фильме Бортко тоже была собака, как-то неуверенно мелькнувшая в первых кадрах. В спектакле Фёдорова настоящая собака — невероятно обаятельный белый пушистый терьер — настолько застревает в зрительской памяти, что ты всё время помнишь: речь-то идет именно о ней.

Шариков (Андрей Максимов) в спектакле — существо прежде всего органичное и, как ни странно, богатое на проявления: от ужасных до наивных и даже поэтических. Он человек. Личность. С трудом выкарабкивающаяся из животных инстинктов — но и в этом интересная.

Я помню изумительного Владимира Толоконникова в фильме Бортко — он был жалкий, маленький, какой-то надорванно-больной и жестокий. Его не было жалко. Максимов — актёр незаурядных физических данных, исключительной органики и естественности, он жалким не может быть по определению, и все «собачьи» инстинкты в его исполнении выглядят именно как жизнь собаки, изначально прекрасной, той самой, белой и пушистой, что в начале.

Поэтому, когда Шарикова убивают, — это именно страшное убийство. И когда он в последний момент говорит — «а где папа?», это выглядит именно как страшная трагедия. В любом случае убивают человека, уничтожают «новую», не получившуюся личность, то есть личность — как неудачную пробу, неудачный эскиз. И от этого ещё более грустно.

Ну да, в общем, точно так же с этими «новыми людьми» поступало и большевистское государство — отправляя их в мясорубку истории.

...И наконец — признание, которого не избежать.

Да, это очень хороший спектакль.

Но мне жаль того Преображенского (который в отличие от нынешнего мог выпить рюмку за обедом, но напиться в хлам ну точно никак не мог), того Борменталья (который пил коньяк, а не водку, он мог придушить Шарикова, но уж точно не мог иступленно бить ногами существо, которое всё равно же собака), мне жалко Швондера в каком-то феерическом исполнении Романа Карцева, ну и так далее. Мне жаль той глупенькой машинистки Васнецовой, которую Шариков подло гнобил, использовал и преследовал. Её тут вообще нет.

Да, многое пришлось подвинуть и изменить, но что делать — и мы другие, и читаем мы иначе. Здорово, что «Собачье сердце» может меняться, оставаясь великим текстом.

Но дело не только в них, в персонажах. Дело в том, что перестроечное «Собачье сердце» — это не просто фильм, или спектакль, или текст. Это важная часть нашего мировоззрения, это те волшебные скрижали, те волшебные символы, в которые мы искренне верили. Эта вера была разлита в воздухе и материализовалась в книгах, картинах, фильмах, спектаклях, в формулах, которые нельзя забыть.

Верните «нормальность», вместе с частной собственностью, вместе со свободой слова и информации, вместе с правом человека зарабатывать сколько он сможет и тратить столько, сколько он захочет, — и страна изменится. Верните Преображенского! Уберите эту советскую «разруху в головах».

Так мы считали. И отказаться от этой веры уже невозможно. Вместе с ней мы прожили все эти драматичные 40 лет.

Пройдя через многое.

...Но надо жить дальше. Новые песни, как говорится, придумала жизнь. Спектакль именно о них.

Summary

The Dignity of the Obligatory Title

Last year DN celebrated its eighty-fifth anniversary. We have addressed our authors from Russia, from the neighboring and far-off countries with the proposal to discuss the place and role of the magazine in today's culture and in their personal creative lives and to think of the perspective of its development trend. We have sent out 100 letters and received 84 answers.

It's long since "DN" is more than a literary monthly, it is that very "isle of bonhomie in the ocean of enmity" as the author from Kazakhstan Nickolay Verevchkin has put it. Since 1939 we are not merely publishing texts, we are defending the possibility and the right of various voices of the live multilingual expanse to sound in their shared Russian.

In the epoch of "uncontrolled online literature" the magazine — without any loud statements, relying only on its professional choice and editorial school — "is linking the shores" of the cultural space of the Russian world.

On the magazine's pages there are meeting the authors' trust and the readers' interest. We share the confidence that "all the stones are casted away long ago, it's time to gather them" — to gather talents, "people of good will" as they used to say, without dividing them into friends and strangers, metropolitan and provincial, "patriots" and "liberals". We are sure: while the hearts of those who write and those who read are beating in unison the magazine will live, grow and do its main job — to give the literatures of different peoples common roof and common sky.

Poetry

In the civic lyrics of Ivan Volosyuk there are many warm lines about Ekaterinburg and his home in native Donbas, about the lullaby of mother seeing his son to the war, about the poet's fellow-countrymen. The poems of Stanislav Minakov filled with humility and love actually are the prayers of the parents for their fallen son.

Under the heading "Other Optics" the reader will find the first part of the poem by the Buryat poet Amarsany Ulzituev "To Buy a Ticket to the India of Spirit".

Trifonov 100 +

Under the heading "The Golden Pages of DN" we present chapters from the novel of Yourij Trifonov "Disappearance" and meditations of Leonid Bahnov over the writer's body of work.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**

<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>

Подписной индекс в каталоге **Почты России — ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте

<http://дружбанародов.com>

Журнал продаётся в магазине **«Фаланстер»**

Москва, ул. Тверская, 17

(вход с Малого Гнездиковского переулка)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

8/2025

Читайте:

Сухбат АФЛАТУНИ (Ташкент)

«Дружба народов» — это один из важнейших механизмов культурной интеграции на постсоветском пространстве. Это журнал делал в 90-е, когда на глазах распадались прежние литературные связи, в 2000–2010-е, когда прежние контакты стали восстанавливаться и даже начали возникать новые российско-белорусские, российско-грузинские, российско-казахстанские и прочие совместные проекты. Это журнал продолжает делать сегодня, несмотря на новое обострение локальных национализмов на постсоветском пространстве и попытки культурной изоляции России.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ (Москва)

Сегодня, когда мир тонет в море «идентичностей», журнал напоминает: культура — не сувенирный ковёр с узорами для туристов. Это язык, на котором народ говорит с самим собой, — и, если дать ему быть услышанным, окажется, что все мы говорим об одном. Главная заслуга журнала в том, что он показывает: мы уже связаны единой на протяжении сотен лет историей, вместе пережитой болью, общими надеждами.

Роман СЕНЧИН (Санкт-Петербург)

«Дружба народов» сохранила то, ради чего была когда-то создана, — помогает не порваться тем нитям, что связывают культуры народов. Народов и России, и ближнего, и дальнего зарубежья. А в последние годы это особенно важно. Причём делает это ненавязчиво, не давя на читателя. Знаю, что на «Дружбу народов» пошла атака, возможен рейдерский захват. Но что хотят захватить? Нечего у журнала захватывать, кроме символа, этих двух слов названия. Захватят и умертвят, как умертвили до этого не одно полезное дело. Надеюсь, с «Дружкой народов» у них не получится.

Мария АНУФРИЕВА (Санкт-Петербург)

«Никакой дружбы народов не существовало», — такие заявления встречаются всё чаще. И в противовес им существует журнал, который тонкой, но надёжной нитью удерживает общее межнациональное культурное полотно русского мира, которое, конечно же, гораздо шире границ, обозначенных на географической карте.

